

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

2025 Том 21 № 2

Издаётся с 1992 года
Выходит 4 раза в год
DOI: 10.52180/1999-9836
ISSN: 1999-9836 (Print)
ISSN: 2713-3397 (Online)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук (Институт экономики РАН)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ПИ № ФС77-78712 от 20 июля 2020 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, РУКОВОДИТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА И РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бобков Вячеслав Николаевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гулюгина Алефтина Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА – ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Чашина Татьяна Викторовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ

Маликов Иван Федорович – старший лаборант сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

Мачхелян Гарри Григорьевич – кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь

Одинцова Елена Валерьевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

Черных Екатерина Алексеевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

СЕКРЕТАРЬ

Шерстобитова Юлия Александровна – старший лаборант сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бурак Пётр Иосифович – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, вице-президент РАН, директор Института региональных экономических исследований, Россия

Волгин Николай Алексеевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, советник генерального директора ВНИИ труда Минтруда России, главный редактор журнала «Социально-трудовые исследования», Россия

Головнин Михаил Юрьевич – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института экономики РАН, Россия

Гонтмахер Евгений Шлёмович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой общественно-социальных институтов и социальной работы Российского государственного социального университета, Россия

Григорьева Наталия Сергеевна – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии управления факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Гринберг Руслан Семёнович – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института экономики РАН, Россия

Долгушкин Николай Кузьмич – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, вице-президент РАН, Россия

Ивченков Сергей Григорьевич – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующий кафедрой социологии молодежи Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

Куклин Александр Анатольевич – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Ленчук Елена Борисовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН, Россия

Музычук Валентина Юрьевна – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора Института экономики РАН по научной работе, Россия

Половинко Владимир Семенович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной эко-

номики и управления человеческими ресурсами Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Россия
Тощенко Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник группы исследований социокультурной динамики, почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, заведующий кафедрой теории и истории социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Риччери Марко – Dr Political Science, Professor, генеральный секретарь Института политических, экономических и социальных исследований, Италия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдеев Юрий Алексеевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Россия

Александрова Ольга Аркадьевна – доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римащевской ФНИСЦ РАН, профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Архангельский Владимир Николаевич – кандидат экономических наук, заведующий сектором теоретических проблем воспроизводства и политики населения Центра по изучению проблем народонаселения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Багирова Анна Петровна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, заместитель директора по науке и инновациям Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Барков Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Золотов Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и методологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия

Иванова Алла Ефимовна – доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом здоровья и самосохранительного поведения Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия

Каменева Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, доцент, профессор Департамента социологии Финан-

сового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия

Леденева Виктория Юрьевна – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия

Леонидова Галина Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующая Лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала Вологодского научного центра РАН, Россия

Локтюхина Наталья Викторовна – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра финансов социальной сферы ФГБУ НИФИ Минфина России; профессор кафедры экономики труда и управления персоналом экономического факультета Академии труда и социальных отношений, Россия

Мотрич Екатерина Леонидовна – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Россия

Попкова Людмила Ивановна – доктор географических наук, доцент, профессор Курского государственного университета, Россия

Симонова Марина Викторовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры архитектурно-строительной графики и изобразительного искусства Самарского государственного технического университета; профессор кафедры экономики и менеджмента филиала Самарского государственного технического университета в г. Новокуйбышевске, Россия

Соболева Ирина Викторовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром развития человеческого потенциала Института экономики РАН, Россия

Сотникова Светлана Ивановна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Новосибирского государственного университета экономики и управления, Россия

Чубарова Татьяна Владимировна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Савова Ралица – PhD Candidate, Университет Печ; официальный представитель в Центральной и Восточной Европе европейского культурного маршрута «Пути лонгобардов по Европе»; член редакционного комитета журнала «Storia e Futuro – Rivista di Storia e Storiografia» Болонского университета, Венгрия, Италия

Хепп Рольф Дитер – Dr. Philosoph., Dr. habil., профессор Института социологии Свободного Берлинского университета, Германия

Херрманн Петер – Dr. Sociol., Dr. habil., научный сотрудник Центра по правам человека юридического факультета Центрального Южного университета, КНР

Хусаинов Булат Доскалиевич – доктор экономических наук, академик Казахстанской Национальной Академии естественных наук, доцент, советник по науке Института экономических исследований, Казахстан

Чоба Юдит – Prof. Dr. habil., профессор социологии факультета социологии и социальной политики Дебреценского университета, Венгрия

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

«ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ. ИДЕИ И СМЫСЛ ТРУДА. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР»

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	179
СТАТЬЯ НОМЕРА	184
<i>Одинцова Е.В.</i>	
Прекаризованность условий проживания населения: подходы к измерению и количественные оценки.....	184
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	197
<i>Безвербный В.А.</i>	
Диспропорции демографического развития России на региональном уровне: современные тенденции.....	197
<i>Чернышев К.А.</i>	
Демографическое развитие регионов России: движение к достижению национальных целей.....	212
<i>Землянова Е.В., Безвербная Н.А., Журавлева Е.К.</i>	
Экономическое положение многодетных семей Москвы и Московской области: социологическое исследование.....	223
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	233
<i>Алтухов В.В., Кудрявцев А.Д.</i>	
Использование открытых данных онлайн-вакансий в сравнении с данными официальной статистики для мониторинга и прогнозирования динамики рынка труда.....	233
<i>Неклюдова Н.П.</i>	
Структура качеств населения региона: классификация свойств.....	245
<i>Бурак П.И., Зворыкина Т.И.</i>	
Обеспечение качества жизни населения в городских агломерациях: потенциал использования инструментов стратегического планирования и стандартизации.....	259
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	274
<i>Тощенко Ж.Т.</i>	
Трансформация идей и смысла труда: от культа труда к культу потребления (опыт историко-социологического анализа). Часть 1.....	274
<i>Бурханова Ф.Б., Баймурзина Г.Р.</i>	
Негативные трудовые практики как причина дисбаланса «работа – личная, семейная жизнь» у наемных работников.....	287
<i>Немировский В.Г.</i>	
Общественный договор в современной России: реальность или иллюзия? Размышления социолога о монографии Ж.Т. Тощенко «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации».....	302
<i>Кучмаева О.В., Давлетишина Л.А.</i>	
Детерминанты обращаемости детей на номер детского телефона доверия.....	310
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	326
<i>Авдеев Ю.А., Тумусов Ф.С.</i>	
Какой быть демографической политике России. По итогам дискуссии на Круглом столе «Пути решения демографических проблем Дальнего Востока».....	326
<i>Лебедева Т.В., Акрамова А.Р., Шебанова А.К.</i>	
Профессия – демограф. Итоги проведения VII Международной зимней демографической школы в МГУ имени М.В. Ломоносова.....	330
<i>Дубровина О.А., Жидяева Т.П.</i>	
Обзор по итогам XIX Международной научной конференции «Сорокинские чтения».....	339

При перепечатке ссылка на журнал
«Уровень жизни населения регионов России» обязательна.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию.
Выходит ежеквартально. Подписной индекс 71187.

Подписано в печать 05.06.2025.
Формат 60×84/8, тираж 700 экз. Заказ № 887.

Адрес редакции:
Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект, 32.
Телефон +7 499 125 8445
E-mail: vcugjournal@mail.ru

Сайт журнала: <https://vcug-journal.ru/>
Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в ООО «Издательство «Шелест»
Юридический адрес: 426060, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164
Тел. +7 904 317 7693
Электронный адрес: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

Журнал доступен на следующих платформах:
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
Readera: <https://readera.org/vcugjournal>
ЭБС «Знаниум»: <https://znaniyum.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>
CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Living Standards of the Population in the Regions of Russia

2025 Vol. 21 No. 2

Issued since 1992

On a quarterly basis

DOI: 10.52180/1999-9836

ISSN: 1999-9836 (print)

ISSN: 2713-3397 (online)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

FOUNDER

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
(IE RAS)

Registration massmedia license No 015476, December 2, 1996.
Reregistered PI No. FS77-78712, July 20, 2020.

EDITOR-IN-CHIEF, HEAD OF THE EDITORIAL COUNCIL AND EDITORIAL BOARD

Bobkov, Vyacheslav Nikolayevitch – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL STAFF

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Gulyugina, Alefina Aleksandrovna – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF – EXECUTIVE SECRETARY

Chashchina, Tat'yana Viktorovna – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

MEMBERS OF THE EDITORIAL STAFF

Chernykh, Ekaterina Alekseyevna – PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Machkhelyan, Garry Grigor'evitch – PhD in Economics, Associate Professor, Independent Researcher

Malikov Ivan Fedorovich – Senior Laboratory Assistant of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Odintsova, Yelena Valer'yevna – PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

SECRETARY

Sherstobitova, Yuliya Aleksandrovna – Senior Laboratory Assistant of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL COUNCIL

Burak, Pyotr Iosifovitch – RANS Academician, Doctor of Economics, Professor, Vice-President of RANS, Director of the Institute for Regional Economic Research, Russia

Dolgushkin, Nikolai Kuz'mitch – RAS Academician, Doctor of Economics, Professor, Vice-President of the Russian Academy of Sciences, Russia

Golovnin, Mikhail Yur'yevitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Economics, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Gontmakher, Evgeny Shlyomovitch – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Social and Social Institutions and Social Work at the Russian State Social University, Russia

Grigor'eva, Nataliya Sergeevna – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Sociology Management Department at the School of Public Administration at the Lomonosov Moscow State University, Russia

Grinberg, Ruslan Semyonovitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Ivchenkov, Sergey Grigor'evitch – Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Chair of Youth Sociology of the Saratov State University, Russia

Kuklin, Alexandr Anatol'yevitch – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker at the Ural Federal University, Russia

Lenchuk, Yelena Borisovna – Doctor of Economics, Chief Research Worker, Head of the Research School «Economic Policy» at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Muzychuk, Valentina Yur'yevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Polovinko, Vladimir Semenovich – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Regional Economics and Human Resource Management, Dostoevsky Omsk State University, Russia

Toshchenko, Zhan Terent'yevitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Worker of the Sociocultural Dynamics Research Group, Honorary Doctor of the Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Head of the Chair of Theory History and

Sociology at the Sociology Faculty of the Russian State University for the Humanities, Russia

Volgin, Nikolai Alekseyevitch – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Adviser to Director General of the All-Russia Research Institute of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation; Editor-in-Chief of the Journal «Social and Labour Research», Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Ricceri, Marco – Dr. of Political Sciences, Professor, Secretary General of the Roman Institute for Political, Economic and Social Studies (EURISPES), Italy

EDITORIAL BOARD

Alexandrova, Ol'ga Arkad'yevna – Doctor of Economics, Deputy Director for Research at the Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N.M. Rimashevskaya – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Sociology Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Antonova, Natal'ya Leonidovna – Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Chair of Sociology and Technologies of Public Administration, School of Public Administration and Entrepreneurship of the Institute of Economics and Management at the Ural Federal University, Russia

Arkhangel'skiy, Vladimir Nikolayevitch – PhD in Economics, Head of the Department of Theoretical Problems of Reproduction and Population Policy at the Centre Studying Problems of Population at the Lomonosov Moscow State University, Russia

Avdeev, Yuriy Alekseyevitch – PhD in Economics, Leading Research Worker at the Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Bagirova, Anna Petrovna – Doctor of Economics, PhD in Sociology, Professor, Professor at the Department of Sociology and Technology of Public Administration, Deputy Director for Science and Innovation at the School of Public Administration and Entrepreneurship of the Institute of Economics and Management at the Ural Federal University, Russia

Barkov Sergey Aleksandrovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology of the Lomonosov Moscow State University, Russia

Chubarova, Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Economics, Leading Research Worker, Head of the of the Centre of the Economic Theory at the Social Department at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Ivanova, Alla Yefimovna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Health and Self-Preservation Behaviour at the Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Kameneva, Tat'yana Nikolayevna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Sociology Department of the

Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Ledeneva, Viktoriya Yur'evna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Chief Research Worker at the Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Leonidova, Galina Valentinovna – PhD in Economics, Associate Professor, Leading Research Worker, Head of the Laboratory of Researching Problems of Development of Labour Potential at the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia

Loktyukhina, Natal'ya Viktorovna – Doctor of Economics, Professor, Leading Research Worker at the Centre of the Social Sphere Finances; Research Financial Institute of the Ministry of Finance, Professor at the Chair of Labour Economics and Personnel Management, Faculty of Economics, Academy of Labor and Social Relations, Russia

Motrich, Yekaterina Leonidovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Economic Research Institute of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Russia.

Popkova, Lyudmila Ivanovna – Doctor of Geographical Sciences, Associate Professor, Professor of the Kursk State University, Russia

Simonova, Marina Viktorovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Architectural and Construction Graphics and Fine Arts at the Samara State Technical University; Professor of the Department of Economics and Management at the Branch of Samara State Technical University in Novokuibyshevsk, Russia

Sotnikova, Svetlana Ivanovna – Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of Labor Economics and Personnel Management at the Novosibirsk State University of Economy and Management, Russia

Zolotov, Aleksandr Vladimirovitch – Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economic Theory and Methodology at the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

Csoba, Judith – Prof. Dr. habil., Professor of Sociology of the Department of Sociology and Social Policy of the University of Debrecen, Hungary

Hepp, Rolf Dieter – Dr. Philosoph., Dr. habil., Professor at the Institute of Sociology of the Berlin Free University, Germany

Herrmann, Peter – Dr. Sociol., Dr. habil., Research Worker at the Human Rights Centre Law School at the Law Faculty of the Central South University, PRC

Khusainov, Bulat Doskaliyevitch – Doctor of Economics, Associate Professor, Academician of the Kazakhstan Academy of Natural Sciences, Adviser on Sciences at the Economic Research Institute, Kazakhstan

Savova, Ralitsa – PhD Candidate, Pécs University; Official Representative for Central and Eastern Europe of the European Cultural Route "Longobard Ways across Europe"; Member of the Editorial Committee of the Journal "Storia e Futuro – Rivista di Storia e Storiografia" University of Bologna, Hungary, Italy

CONTENTS THE ISSUE THEME:

«DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIA. IDEAS AND MEANING OF LABOUR. SOCIAL CONTRACT»

CHIEF EDITOR'S COLUMN.....	179
ARTICLE OF THE ISSUE.....	184
<i>Odintsova E.V.</i> Precariousness of Living Conditions of the Population: Measurement Approaches and Quantitative Estimates.....	184
DEMOGRAPHIC RESEARCH.....	197
<i>Bezverbnyi V.A.</i> Disproportions of Demographic Development of Russia at the Regional Level: Current Trends.....	197
<i>Chernyshev K.A.</i> Demographic Development of Russia's Regions: Progress towards Achieving National Goals.....	212
<i>Zemlyanova E.V., Bezverbnyaya N.A., Zhuravleva E.K.</i> Economic Situation of Large Families in Moscow and Moscow Region: a Sociological Study.....	223
ECONOMIC RESEARCH.....	233
<i>Altukhov V.V., Kudryavtsev A.D.</i> Using Open Data Online Vacancies in Comparison with Official Statistics to Monitor and Forecast Labor Market Dynamics.....	233
<i>Neklyudova N.P.</i> Structure of Regional Population Qualities: a Classification of Attributes.....	245
<i>Burak P.I., Zvorykina T.I.</i> Ensuring the Quality of Life of the Population in Urban Agglomerations: the Potential of Using Strategic Planning and Standardization Tools.....	259
SOCIOLOGICAL RESEARCH.....	274
<i>Toshchenko Z.T.</i> Transformation of Ideas and Meaning of Labor: from the Cult of Labor to the Cult of Consumption (an Experience of Historical and Sociological Analysis). Part I.....	274
<i>Burkhanova F.B., Baimurzina G.R.</i> Negative Labor Practices as a Cause of the «Work – Life» Imbalance among Employees.....	287
<i>Nemirovskiy V.G.</i> Social Contract in Modern Russia: Reality or Illusion? Sociologist's Reflections on J.T. Toshchenko's Monograph «The Fates of the Social Contract in Russia: Evolution of Ideas and Lessons of Implementation».....	302
<i>Kuchmaeva O.V., Davletshina L.D.</i> Determinants of Children's access to the Children's Helpline Number.....	310
SCIENTIFIC LIFE.....	326
<i>Avdeev Yu.A., Tumusov F.S.</i> What should be Russia's Demographic Policy? Based on the Results of the Roundtable Discussion «Ways to Solve the Demographic Problems of the Far East».....	326
<i>Lebedeva T.V., Akramova A.R., Shebanova A.K.</i> Profession – Demographer. Results of the VII International Winter Demographic School at Lomonosov Moscow State University.....	330
<i>Dubrovina O.A., Zhidyaeva T.P.</i> Review of the Results of the XIX International Scientific Conference «Sorokin Readings».....	339

While quoting the reference to the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia» is required.
The opinion of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the authors of publications.
Issued quarterly. All materials received by the Editorial Board are subject to reviewing.
Subscription index 71187.

Signed for publication 05.06.2025.
Format 60x84/8. Circulation 700 copies. Order № 887.

Editorial Office Address:
32 Nakhimovskiy Prospekt, Moskva 117218, Russian Federation.
Telephone: +7 499 125 8445
E-mail: vcugjournal@mail.ru

Internet: <https://vcug-journal.ru/>
The original layout was prepared and printed by LLC Shelest Publishing Company
164 Engel'sa Ulitsa, Izhevsk 426060, Russian Federation.
Telephone: +7 904 317 7693
E-mail: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

The journal is available on the following platforms:
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
Reader: <https://readera.org/vcugjournal>
EBS "Znaniy": <https://znaniy.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>
CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Chief Editor's Column

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Тема второго номера журнала 2025 года: «ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ. ИДЕИ И СМЫСЛ ТРУДА. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР».

В представленном читателю выпуске журнала содержатся теоретические, методологические и практические работы, посвящённые демографическим, экономическим и социологическим аспектам развития современной России и её регионов, новости научной жизни.

Во втором выпуске за 2025 год статья номера – «**Прекаризованность условий проживания населения: подходы к измерению и количественные оценки**» **Е.В. Одинцовой**, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника Института экономики РАН. Статья посвящена проблематике условий проживания населения, которые в рамках проведённого исследования рассматривались с целью выявления их прекаризованности (ненадёжности).

Информационную основу исследования составили микроданные Комплексного наблюдения условий жизни населения, проведённого Росстатом в 2022 г. Для выявления прекаризованности условий проживания населения автором предложены измерения, в том числе качество жилищных условий, качество и доступность жилищно-коммунальных услуг, надёжность жилья и другие. В статье получены оценки прекаризованности условий проживания населения по отдельным её признакам, а также с учётом их концентрации. Показаны удельные веса населения с отсутствием признаков прекаризованности условий проживания, с наличием одного, двух, трёх и более таких признаков. Кроме того, в статье получены количественные оценки распределения населения в зависимости от сочетания и концентрации признаков, связанных с проживанием в жилище и в населённом пункте (районе). Установлены удельные веса населения с наличием одного или двух признаков, связанных с проживанием в населённом пункте (районе), а также с наличием прекаризованности условий проживания. Наряду с этим определены удельные веса населения, у которого условия проживания прекаризованы из-за концентрированного (три и более) проявления признаков, связанных с проживанием в жилище и/или в населённом пункте (районе), а также у которого менее концентрированное (один-два) проявление признаков прекаризованности условий проживания.

В рубрике «**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуются статьи, посвящённые Всероссийской научно-практической конференции «Новые национальные проекты в контексте демографического развития России», проводимой 9–11 июня 2025 года, в Республике Крым, в г. Ялте на базе Гуманитарно-педагогической академии – филиала Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.

В статье «**Диспропорции демографического развития России на региональном уровне: современные тенденции**» **В.А. Безвербного**, канд. экон. наук, заведующего отделом геоурбанистики и пространственной демографии, ведущего научного сотрудника Института демографических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, исследуется пространственная поляризация демографического развития регионов России в период с 1994 по 2024 гг. В работе выявляются ключевые тенденции, определяющие различия в демографическом развитии на региональном уровне. Основное внимание уделяется динамике численности населения, миграционным процессам, показателям рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни. В статье обосновывается значительная пространственная дифференциация демографических процессов. Определяются особенности динамики численности населения и ее компонентов в крупных агломерациях, таких как Москва и Санкт-Петербург, в сравнении с регионами Дальнего Востока, Сибири и Севера. Также устанавливаются регионы, которые в 2024 г. соответствовали расширенному типу воспроизводства населения, выявляются регионы с крайне низким уровнем рождаемости. Наряду с этим

даётся характеристика региональной дифференциации по ожидаемой продолжительности жизни. На основе анализа коэффициентов естественного и миграционного прироста в работе выделяются четыре группы регионов. В заключение предлагаются рекомендации, направленные на снижение пространственных диспропорций и обеспечение устойчивого демографического роста.

Статья **«Демографическое развитие регионов России: движение к достижению национальных целей»** *К.А. Чернышева*, канд. геогр. наук, ведущего научного сотрудника Института демографических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, направлена на совершенствование научных подходов к оценке регионального демографического развития. В работе представлены критерии демографического развития с последующим выявлением благополучных и проблемных субъектов РФ. К оцениванию демографического развития привлечены показатели эффективности деятельности высших должностных лиц и исполнительных органов власти субъектов РФ. Автором даны предложения по дополнению этих показателей в целях отражения ключевых процессов, влияющих на изменение численности населения. В методологии исследования учтены и задействованы целевые показатели, запланированные в официальных документах Правительства РФ, а также их динамика за 2018–2023 гг. Выявлены регионы, в которых демографические показатели находятся ниже пороговых значений по всем предложенным критериям. Также определена группа проблемных регионов с устойчивой депопуляцией, сочетанием естественной убыли и миграционного оттока, негативной динамикой показателей рождаемости и снижением ожидаемой продолжительности жизни. Наряду с этим установлены относительно благополучные регионы.

Статья **«Экономическое положение многодетных семей Москвы и Московской области: социологическое исследование»** *Е.В. Земляновой*, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника Института демографических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, *Н.А. Безвербной*, канд. социол. наук, независимого исследователя, *Е.К. Журавлевой*, эксперта Национальной родительской ассоциации, младшего научного сотрудника Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римащевской – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, посвящена экономическому положению многодетных семей, их репродуктивным планам и факторам, влияющим на принятие решения о рождении детей. В работе проанализированы результаты социологического исследования, проведенного в 2024 г. среди многодетных семей Москвы и Московской области. Авторами выявлено отношение многодетных семей к желаемому числу детей, показаны реальные планы большинства таких семей. В статье определены основные факторы, препятствующие рождению большего числа детей (материальные трудности, высокая кредитная нагрузка, жилищные проблемы и другие). Также дана оценка влиянию дополнительных мер государственной поддержки семей с детьми на их решение о рождении ребенка, эффективности текущих мер поддержки многодетных семей.

В рубрике **«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»** публикуются статьи, посвященные использованию открытых данных онлайн-вакансий в сравнении с данными официальной статистики для мониторинга и прогнозирования динамики рынка труда, структуре качеств населения региона, обеспечению качества жизни в городских агломерациях на основе применения инструментов стратегического планирования и стандартизации.

В статье **«Использование открытых данных онлайн-вакансий в сравнении с данными официальной статистики для мониторинга и прогнозирования динамики рынка труда»**, авторами которой являются *В.В. Алтухов*, младший научный сотрудник лаборатории социальных и экономических исследований «Технологии развития человеческого капитала и построения институциональных и компетентностных моделей развития человека» при кафедре экономики труда и персонала экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, директор по разработке и исследованиям, «Профилум», *А.Д. Кудрявцев*, младший научный сотрудник лаборатории социальных и экономических исследований «Технологии развития человеческого капитала и построения институциональных и компетентностных моделей развития человека» при кафедре экономики труда и персонала экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, аналитик данных, «Профилум», проводится сопоставление данных онлайн-вакансий и официальной статистики для разработки подходов к мониторингу и прогнозированию динамики рынка труда. Основными источниками данных стали сведения hh.ru (открытые данные вакансий) и Росстата. В работе использовалась авторская методология агрегации данных вакансий в группы профессиональных сфер и профессий с опорой на официальные классификаторы, а также методы вычисления и оценки уровня заработных плат. Авторами оценивается достоверность полученных и агрегированных данных портала поиска работы онлайн hh.ru в соотношении с официальной поквартальной и помесечной ста-

тистикой относительно динамики количества открытых вакансий и заработной платы. В статье также рассматриваются методы прогнозирования динамики рынка труда с использованием методов машинного обучения с опорой на открытые большие данные.

В статье **«Структура качеств населения региона: классификация свойств»** *Н.П. Неклюдовой*, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника Института экономики Уральского отделения РАН, представлена разработка классификации свойств населения региона, которая может быть использована для управления демографическим развитием, с применением структурирования качественных характеристик населения для того, чтобы перейти от абстрактных показателей к конкретным мерам, учитывающим разнообразие потребностей различных групп. Информационные источники – национальный корпус русского языка, научные публикации из электронной библиотеки eLIBRARY.RU и поисковой системы Google Scholar. В статье представлен анализ научных подходов к определению качества населения, выделены ключевые компоненты (здоровье, образование и другие). На первом этапе дан лингвистический корпусный анализ и контент-анализ научных текстов для выявления прилагательных, сочетающихся с термином «состав населения» и связанных с демографическими процессами. На втором этапе методом интент-анализа выделены ключевые фасеты и сформирована классификация элементов-свойств населения на основе структурно-функционального подхода. Результаты исследования представлены в виде классификации, включающей физиологические, гендерные, социально-экономические, этнические, культурные и миграционные характеристики населения. В статье показана практическая значимость полученных результатов.

В статье **«Обеспечение качества жизни населения в городских агломерациях: потенциал использования инструментов стратегического планирования и стандартизации»** *П.И. Бурака*, д-ра экон. наук, профессора, директора Института региональных экономических исследований, Президента Российской академии естественных наук, *Т.И. Зворыкиной*, д-ра экон. наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Руководителя Центра научных исследований и технического регулирования в сфере услуг Института региональных экономических исследований, рассмотрены методологические и практические аспекты нормативного регулирования качества жизни населения в городских агломерациях России, представляющих особый вид территориального формирования, сочетающего в себе функции крупных городов и прилегающих к ним сельских территорий. Цель исследования – поиск путей для обеспечения качества жизни населения в городских агломерациях на основе потенциала использования инструментов стратегического планирования и стандартизации. В работе дан анализ специфики городских агломерационных объединений и предложен набор мер, направленных на стимулирование поступательного экономического развития и роста качества жизни населения. Среди обозначенных мер по повышению качества жизни населения рассматриваются методический подход к разработке программ стратегического развития, модель устойчивого развития городской агломерации и другие меры. На основе теоретических положений по стандартизации, обобщения данных информационных источников и опыта применения международных стандартов по устойчивому развитию и качеству жизни авторами предложен макет инновационного национального стандарта ГОСТ Р «Устойчивое развитие территорий и качество жизни. Городские агломерации. Основные положения и общие требования».

В рубрике **«СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»** публикуются статьи, посвящённые трансформации идей и смысла труда; негативным трудовым практикам как причинам дисбаланса «работа – личная, семейная жизнь» у наёмных работников; общественному договору в современной России; детерминантам обращаемости детей на номер детского телефона доверия.

Статья **«Трансформация идей и смысла труда: от культа труда к культу потребления (опыт историко-социологического анализа). Часть I»**, автором которой является *Ж.Т. Тощенко*, член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. В первой части статьи раскрывается исторический аспект появления понятий «работа», «труд» для понимания их смысла на различных этапах развития обществ. Основное внимание уделяется трансформации состояния и общественного признания роли труда в СССР/России в XX веке. В статье показывается, как формировалось принципиально новое отношение к труду людей, непосредственно вовлечённых в процесс его осуществления в период создания и формирования нового социалистического общества, во время функционирования мобилизационной экономики, в период Великой Отечественной войны. Определяется роль государства в изменении отношения к труду, что нашло отражение в его экономической и социальной политике. В статье рассматриваются пути решения стратегически важной задачи – становление и формирование культа труда, который постепенно сложился в Советском Союзе. Описывается и объясняется процесс его формирования, обогащения и превращения в действенную силу по строительству

и преобразованию нового типа общественного устройства – социалистического общества. Рассматриваются как позитивные, так и проблемные ситуации в отношении к труду различных социально-классовых групп, а также пути решения возникающих противоречий. Особое внимание уделяется анализу новых форм организации труда в соответствии с потребностями каждого этапа в развитии советского общества, раскрываются формы и методы побуждения работников к производительному труду, поиски творческих способностей и их реализации, а также способы преодоления противоречий, возникающих в процессе достижения цели создания индустриальной державы, которая была создана к 1941 г., когда началась Великая Отечественная война. Во второй части статьи будет проанализировано отношение к труду в Советском Союзе во второй половине XX века и в условиях новой России в XXI веке.

В статье **«Негативные трудовые практики как причина дисбаланса «работа – личная, семейная жизнь» у наёмных работников»** *Ф.Б. Бурхановой*, д-ра социол. наук, профессора, главного научного сотрудника лаборатории региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России Института социологии – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, главного специалиста научной лаборатории социальных и демографических исследований Уфимского университета науки и технологий, *Г.Р. Баймурзиной*, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника, руководителя лаборатории региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России Института социологии – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, главного специалиста научной лаборатории социальных и демографических исследований Уфимского университета науки и технологий, исследуется динамика распространённости негативных трудовых практик работников и работодателей, устанавливается устойчивость их влияния на восприятие работниками жизни как несбалансированной. Эмпирической основой послужили данные опросов 2020 г. и 2024 г., проведённых в Башкортостане, объект исследования – наёмные работники в возрасте от 18 лет. В статье оцениваются масштабы и устойчивость применяемых работниками на рабочем месте негативных практик (задерживаются на работе, выходят на неё в свои выходные дни и т.д.). Рассматриваются факторы, влияющие на качество занятости и распространение негативных практик работодателей (задержки заработной платы, неполная её выплата и др.), выявляются предприятия, не предоставляющие социальные гарантии и меры социальной помощи. В работе анализируется влияние взаимосвязи политики работодателей и трудового поведения работников на достижение работниками гармонии «работа – личная, семейная жизнь», определяются условия, по которым работники намного чаще сообщали, что им не удаётся совмещать работу и личную жизнь.

Статья **«Общественный договор в современной России: реальность или иллюзия? Размышления социолога о монографии Ж.Т. Тощенко «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации»** *В.Г. Немировского*, д-ра социол. наук, профессора, ведущего научного сотрудника отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН, посвящена анализу концепции общественного договора и вытекающих из неё выводов, изложенной в монографии российского социолога Ж.Т. Тощенко. В настоящей статье показана актуальность темы монографии, её разработанность в отечественной социологической литературе. Также определена значимость и практическая роль концепции общественного договора. В статье рассмотрена суть предложенной в монографии концепции общественного договора, раскрыты перспективы развития, вытекающих из этой концепции методологических подходов и их применения к анализу современного российского общества. Также показаны особенности формирования общественного договора с позиций современной России как «общества травмы». Особое внимание уделено влиянию нравственного состояния населения страны на процесс формирования общественного договора, последствий ряда негативных процессов в духовной жизни общества. Определено значение таких крупных социальных групп как прекариат и пенсионеры в формировании идеологии общественного договора, а также показана роль в этом процессе этнических диаспор. В статье обоснована сложность и противоречивость процессов формирования эффективного общественного договора в современных реалиях нашей страны.

В статье **«Детерминанты обращаемости детей на номер детского телефона доверия»** *О.В. Кучмаевой*, д-ра экон. наук, профессора, главного научного сотрудника отдела семьи и семейно-демографической политики Института демографических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, *Л.А. Давлетишиной*, канд. экон. наук, доцента, доцента кафедры статистики Государственного университета управления, оценивается региональная дифференциация доступности услуг детского телефона доверия и определяется детерминант обращаемости детей в службу Детского телефона доверия (ДТД), функционирующего под эгидой Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Информационной базой послужили данные отчётности служб ДТД, официальной статистической отчётности, выборочных обследований Росстата

за 2019–2023 гг. В статье определяется влияние социальных кризисов на динамику обращаемости за психологической поддержкой на ДТД. Устанавливается, какое место среди клиентов ДТД занимают дети, их основные причины обращаемости. Также даётся статистический анализ региональной дифференциации характеристик деятельности ДТД. Рассматриваются изменения за 2020–2022 гг. в дифференциации регионов по уровню бедности и доступности Интернет-услуг во взаимосвязи с использованием услуг ДТД. Кроме того, исследуется дифференциация регионов по частоте обращений на ДТД, связанных с жестоким обращением, выявляется динамика неквалифицируемых звонков. В статье определяются основные детерминанты, влияющие на уровень обращаемости за помощью на ДТД.

В рубрике **«НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ»** опубликованы три статьи, посвящённые итогам дискуссии на Круглом столе «Пути решения демографических проблем Дальнего Востока», VII Международной зимней демографической школы в МГУ имени М.В. Ломоносова, XIX Международной научной конференции «Сорокинские чтения».

Статья **«Какой быть демографической политике России. По итогам дискуссии на Круглом столе «Пути решения демографических проблем Дальнего Востока» Ю.А. Авдеева**, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения РАН, **Ф.С. Тумусова**, д-ра экон. наук, профессора, первого заместителя Председателя Комитета Государственной Думы по охране здоровья, посвящена итогам дискуссии на Круглом столе «Пути решения демографических проблем Дальнего Востока», проведённом во Владивостоке 6 мая 2025 года по инициативе фракции «Справедливая Россия – за правду!» в Государственной Думе Российской Федерации. В работе Круглого стола по приглашению руководителя фракции Госдумы «Справедливая Россия – за правду» С.М. Миронова приняли участие представители Государственной Думы РФ, Министерства РФ по развитию Дальнего Востока, Министерства труда и социальной защиты РФ, Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики, Министерства здравоохранения РФ, представители органов государственной власти практически всех субъектов РФ от Чукотки до Бурятии и Забайкалья, а также представители науки и вузов: Института экономики РАН, Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения РАН, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Дальневосточного федерального университета. По итогам Круглого стола предлагается вынести на обсуждение проект «Дальневосточный федеральный округ – территория опережающего демографического развития».

Статья **«Профессия – демограф. Итоги проведения VII Международной зимней демографической школы в МГУ имени М.В. Ломоносова» Т.В. Лебедевой**, канд. геогр. наук, доцента, научного сотрудника кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, **А.Р. Акрамовой**, преподавателя кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, **А.К. Шебановой**, лаборанта кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, посвящена VII Международной зимней демографической школе, которая была организована и проведена кафедрой демографии МГУ имени М.В. Ломоносова для преподавателей, научных сотрудников и студентов, аспирантов с 30 января по 01 февраля 2025 г. В статье представлены участники мероприятия, дан обзор их выступлений перед слушателями, содержательных лекций. Также отмечены дискуссии по актуальным демографическим вопросам, проведение мастер-класса по демографическому прогнозированию. В заключении подведены общие итоги проведения VII Международной зимней демографической школы.

Статья **«Обзор по итогам XIX Международной научной конференции «Сорокинские чтения» О.А. Дубровиной**, канд. экон. наук, доцента, заведующей кафедрой высшей математики и информационных технологий Алатырского филиала Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, **Т.П. Жидяевой**, старшего преподавателя кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Алатырского филиала Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, посвящена XIX Международной научной конференции «Сорокинские чтения», прошедшей 17 февраля 2025 г. в стенах социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Тема конференции – «Современная российская молодёжь: её социальная ответственность и потенциал в развитии страны (к 270-летию Московского университета)». В статье представлены участники конференции, дан обзор докладов. Отмечены предложения, которые были сформулированы по итогам данной конференции её участниками.

Главный редактор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор В.Н. Бобков

СТАТЬЯ НОМЕРА

Оригинальная статья

УДК 365, 330.59

JEL I31, R21

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_1_184_196

EDN EFGOQY

Прекаризованность условий проживания населения: подходы к измерению и количественные оценки

Елена Валерьевна Одинцова

Институт экономики РАН, Москва, Россия

(odin_ev@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>)

Аннотация

Работа посвящена проблематике условий проживания населения, которые в рамках проведённого исследования рассматривались с целью выявления их прекаризованности. Информационную основу исследования составили микроданные Комплексного наблюдения условий жизни населения, проведённого Росстатом в 2022 г. Для выявления прекаризованности условий проживания населения предложены следующие измерения: качество жилищных условий; качество и доступность жилищно-коммунальных услуг; надёжность жилья; качество условий проживания в месте проживания (в жилище) и в населённом пункте (в районе) проживания. Получены оценки прекаризованности условий проживания населения по отдельным её признакам, а также с учётом их концентрации. Показано, что признаки, свидетельствующие о прекаризованности условий проживания, отсутствуют у 10,9% населения, один признак имеется у 26,0% населения, два признака – у 22,0% населения, три и более признака – у 41,1% населения. Получены количественные оценки распределения населения в зависимости от сочетания и концентрации признаков, связанных с проживанием в жилище и в населённом пункте (районе). Установлено, что 9,3% населения характеризуется наличием одного или двух признаков, связанных с проживанием в населённом пункте (районе). 21,2% населения отличает прекаризованность условий проживания, которая является следствием одного из проявлений, связанных с проживанием в жилище, 9,9% – двух таких проявлений. У порядка четверти населения условия проживания прекаризованы из-за концентрированного (три и более) проявления признаков, связанных с проживанием в жилище и/или в населённом пункте (районе). Ещё около четверти населения имеет менее концентрированное (один – два) проявление признаков прекаризованности условий проживания.

Ключевые слова: условия проживания, качество условий проживания, прекаризованность условий проживания, жилище, качество жилищных условий, надёжность жилья, качество услуг, доступность услуг, население

Для цитирования: Одинцова Е.В. Прекаризованность условий проживания населения: подходы к измерению и количественные оценки // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 184–196. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_1_184_196 EDN EFGOQY

RAR (Research Article Report)

JEL I31, R21

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_1_184_196

Precariousness of Living Conditions of the Population: Measurement Approaches and Quantitative Estimates

Elena V. Odintsova

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(odin_ev@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>)

Abstract

The work is devoted to the problems of the living conditions of the population, which were considered in the framework of the study in order to identify their precariousness. The information basis of the study was made up of microdata from a Comprehensive monitoring of the living conditions of the population conducted by Rosstat in 2022. To identify the precariousness of the living conditions of the population, the following measurements are proposed: the quality of housing conditions; the quality and accessibility of housing and communal services; the reliability of housing; the quality of living conditions in the place of residence (in the dwelling) and in the locality. Estimates of the precariousness of the living conditions of the population according to its individual characteristics, as well as taking into account their concentration, have been obtained. It is shown that 10.9% of the population have no signs indicating precariousness of living conditions, 26.0% of the population have one sign, 22.0% of the population have two signs, and 41.1% of the population have three or more signs. Quantitative estimates of the population distribution have been obtained depending on the combination and concentration of characteristics associated with living in a dwelling and in a locality. It was found that 9.3% of the population is characterized by the presence of one or two signs associated with living in a locality. 21.2% of the population is distinguished by precariousness of living conditions, which is a consequence of one of the manifestations associated with living in a dwelling, 9.9% – two such manifestations. In about a quarter of the population, living conditions are precarious due to the concentrated (three or more) manifestations of signs associated with living in a dwelling and/or in a locality. Another quarter of the population has a less concentrated (one or two) manifestation of signs of precarious living conditions.

Keywords: living conditions, quality of living conditions, precariousness of living conditions, housing, quality of housing conditions, reliability of housing, quality of services, accessibility of services, population

For citation: Odintsova E.V. Precariousness of Living Conditions of the Population: Measurement Approaches and Quantitative Estimates *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):184-196. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_1_184_196 (In Russ.)

Введение

Условия проживания определяют формирование и развитие человеческого потенциала. Повышение их качества является важной частью национальной повестки и входит в программно-целевой инструментарий государственной политики, закреплённый в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года¹, национальных проектах, отраслевых государственных программах и др. нормативно-правовых документах.²

Условия проживания населения являются комплексной категорией и в исследованиях могут рассматриваться в различных ракурсах. В зарубежной и российской практике можно найти различные методические решения для оценивания условий проживания населения. Так, условия проживания населения являются одной из важных составляющих Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.³ В рамках национального набора показателей достижения Целей в области устойчивого развития для России выделяются показатели, позволяющие отслеживать динамику обеспеченности качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения, централизованным водопроводом, проживания в аварийном жилищном фонде, стеснённости при проживании и др. показатели.⁴

Многогранность условий проживания определяет одно из направлений построения инструментария для их оценивания, основанное на разработке индексов. Зарубежная и российская практика предлагает их различные вариации. Например, Индекс лучшей жизни ОЭСР (OECD Better Life Index) базируется на показателях по направлениям, характеризующим материальные условия и качество жизни, – жилищные условия, окружающая среда, безопасность и др. В частности, направление «жилищные условия» включает показатели расходов на жильё, его оборудованности основными удобствами, соотношения

количества комнат и проживающих в жилье, а направление «Окружающая среда» включает показатели удовлетворённости качеством воды и загрязнения воздуха⁵. Все эти аспекты позволяют составить картину условий проживания населения той или иной страны.

Индекс качества жизни в городах России, разработанный ВЭБ.РФ на основе международного опыта (цели устойчивого развития, индексы лучшей жизни и регионального благополучия ОЭСР), включает девять блоков показателей. Среди них – показатели, позволяющие высветить различные аспекты условий проживания городского населения: жилищные условия (наличие качественного, благоустроенного и доступного жилья), благоустройство (удобная и привлекательная городская среда), природно-экологические условия (благоприятные для жизни качества антропогенной и природной среды), безопасность (общественная безопасность).⁶ Для России помимо Индекса качества жизни в городах России (ВЭБ.РФ) отслеживается также Индекс качества городской среды (Минстрой России), Рейтинг качества жизни регионов в рамках Национальной социальной инициативы и др.⁷

В исследованиях условий проживания населения одно из ключевых направлений связано с их «базовой» составляющей – жильем и его качеством. Прорабатываются различные аспекты, связанные с проживанием в жилье (просторность/стеснённость, благоустроенность, доступность и пр.), которые в итоге определяют оценки качества жилья, жилищных условий, жилищной обеспеченности [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; и др.]. Предложен инструментарий для оценивания качества жилищных условий (стандарты, индексы, показатели депривации и пр.) [1; 4; 6]. Исследуются особенности и проблемы в сфере жилищной обеспеченности и качества жилищных условий в ракурсе места проживания (городская/сельская местность) [2; 3; 7; и др.], статуса собственности (арендаторы, владельцы жилья) [4; и др.]. Рассматриваются взаимосвязи качества жилищных условий и качества жизни населения [5; и др.].

Качество условий проживания, связанных с жильем, также исследуется через призму вы-

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 г. №4146-р.

² См., например: Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNi2FhcR0A.pdf> (дата обращения: 07.03.2025).

³ Цели в области устойчивого развития // ООН: [сайт]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 07.03.2025).

⁴ Национальный набор показателей ЦУР // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/sdg/national_ (дата обращения: 07.03.2025).

⁵ OECD Better Life Index // OECD: [сайт]. URL: (дата обращения: 06.03.2025).

⁶ Методология. Индекс качества жизни в городах России // ВЭБ.РФ: [сайт]. URL: <http://xn--80awgg7cs.xn--80afd3bal.xn--p1ai/methodology> (дата обращения: 06.03.2025).

⁷ Индексы городов как инструменты оценки городского развития. Аналитический отчет. М.: Фонд «Институт экономики города», 2024. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.urbaneconomics.ru/sites/default/files/indeksy_gorodov_2024.pdf (дата обращения: 17.03.2025); Рейтинг качества жизни // Агентство стратегических инициатив: [сайт]. URL: https://asi.ru/government_officials/quality-of-life-ranking/ (дата обращения: 17.03.2025).

явления его прекаризованности [8; 9; 10; 11; 12]. Проблема прекаризации наиболее широко известна в контексте исследований качества занятости [13; 14; и др.]. Однако, проникая за рамки сферы занятости, она характеризует и другие стороны жизни [15; 16; и др.]. В исследованиях выявлены негативные последствия неустойчивой (прекаризованной) занятости для обеспечения качества жилищных условий [8]. Прекаризованность в сфере жилищных условий на данном этапе наиболее проработанной является в зарубежном исследовательском поле. Исследуются проблемы плотности проживания и перенаселенности ненадёжного жилища [9], стратегии преодоления имеющихся проблем, связанных с прекаризованностью жилищных условий и их влияние на другие аспекты жизни [12]. Нарботаны различные инструментальные решения для измерения прекаризованности жилищных условий. Она может рассматриваться как неопределённость, возникающая из-за небезопасного, недоступного и некачественного жилья [17]. Отмечается многомерность данного явления, компонентами для измерения которого могут быть: доступность, надёжность жилья, качество и удобства в жилье, а также доступ к основным услугам [10]. Также в процедуру измерения могут вовлекаться такие аспекты, как гарантии владения жильём, удовлетворённость жильём, качество соседства и сплочённость сообщества [11], т.е. рассмотрение проблемы прекаризованности выходит за границы жилища. В российской литературе, прежде всего, обобщается методологический и эмпирический опыт исследования жилищной прекаризованности [18; 19; и др.].

Данная работа развивает исследования, которые выполняются с участием автора по проблеме качества жилищной обеспеченности населения (см., например [1; 20]). В ней рассмотрение условий проживания населения не ограничивается локализацией на уровне жилища, а их качество выявляется в парадигме прекаризованность – непрекаризованность. Данный ракурс позволяет рассмотреть проблему условий проживания населения, в том числе жилищных условий, через призму рисков неустойчивости, ненадёжности.

Объект исследования – население Российской Федерации. **Предмет** – условия проживания, рассматриваемые в контексте жилище → населённый пункт (район) проживания, и их прекаризованность. **Цель исследования** состояла в проведении измерения прекаризованности условий проживания населения России. **Гипотеза исследования** заключалась в следующем.

Прекаризованность условий проживания является многомерным явлением. Дополнение параметров жилища признаками, характеризующими населённый пункт (район) проживания, позволит повысить комплексность и объективность оценки качества условий проживания населения.

Теоретические и методологические положения

Прекаризованность условий проживания рассматривается в данном исследовании как состояние неопределённости, неустойчивости, связанное с (реальным/предполагаемым) наступлением неблагоприятных событий, вызванных низким качеством жилья, его ненадёжностью, недоступностью основных услуг и объектов социальной инфраструктуры, небезопасностью условий проживания в населённом пункте (районе). Прекаризованность условий проживания шире, нежели жилищная прекаризованность [10; и др.], поскольку рассматривает ситуацию не только с жильём, но и с населённым пунктом (районом) проживания.

Прекаризованность условий проживания населения рассматривается нами в измерениях, связанных с проживанием в жилище и в населённом пункте (районе). При оценивании условий проживания в жилище рассматривается: (1) качество жилищных условий; (2) качество и доступность жилищно-коммунальных услуг; (3) надёжность жилья; (4) наличие проблем при проживании в жилище. При оценивании условий проживания в населённом пункте (районе) учитывается наличие проблем, связанных с (5) доступностью социально значимых услуг; (6) доступностью социально значимых объектов инфраструктуры, (7) качеством среды проживания и (8) безопасностью. Данные измерения позволяют оценить ряд значимых параметров условий для жизни, для развития и реализации человеческого потенциала.

Качество жилищных условий (1) идентифицируется на основе ранее обоснованных с участием автора социальных стандартов жилищной обеспеченности [1; 20]. Они позволяют оценить жилище в аспекте таких его параметров, как размер площади и просторность жилища, его благоустроенность и санитарно-гигиенические условия проживания, а также безопасность условий проживания [20]. Прекаризованность условий проживания в рамках данного измерения выявляется в случае характеристики жилищных условий как наиболее плохих и плохих. Они определяются при несоответствии фактических параметров жилища требованиям минимального и низкого стандартов (таблица 1).

Таблица 1

Социальные стандарты жилищной обеспеченности и качество жилищных условий

Table 1

Social Standards of Housing Security and Quality of Housing Conditions

Социальные стандарты жилищной обеспеченности и их параметры	Требования социальных стандартов с учётом места проживания		Качество жилищных условий на основе соответствия требованиям стандартов
	Городские населённые пункты	Сельские населённые пункты	
Минимальный стандарт жилищной обеспеченности			
Размер площади жилища	Жилая площадь не менее 6 м²/чел.	Жилая площадь не менее 6 м²/чел.	Наиболее плохие или плохие жилищные условия (жилище не соответствует / соответствует требованиям стандарта)
Благоустроенность жилища и санитарно-гигиенические условия проживания	Наличие централизованного электро-, водоснабжения, центрального отопления, централизованной канализации	Наличие централизованного электроснабжения, канализации, централизованного водоснабжения (или из индивидуальной артезианской скважины), центрального отопления (или от индивидуальных установок, котлов)	
Низкий стандарт жилищной обеспеченности			
Размер площади жилища	Общая площадь не менее 16 м²/чел.	Общая площадь не менее 16 м²/чел.	Плохие или ниже социально приемлемого уровня жилищные условия (жилище не соответствует / соответствует требованиям стандарта)
Благоустроенность жилища и санитарно-гигиенические условия проживания	Не ниже требований минимального стандарта, а также: наличие центрального горячего водоснабжения, напольной плиты (газовой/электрической), наличие в жилище в индивидуальном доступе ⁸ кухни, душа/ванны и туалета	Не ниже требований минимального стандарта, а также: наличие центрального горячего водоснабжения (или от местных (индивидуальных) водонагревателей), напольной плиты (газовой/электрической), наличие в жилище в индивидуальном доступе кухни, душа/ванны и туалета	
Безопасность условий проживания	Проживание не в аварийном жилом многоквартирном доме. Отсутствие для жилья (индивидуальный дом) опасности возникновения наводнений, паводков, подтоплений, пожароопасной ситуации	Проживание не в аварийном жилом многоквартирном доме. Отсутствие для жилья (индивидуальный дом) опасности возникновения наводнений, паводков, подтоплений, пожароопасной ситуации	
Социально приемлемый стандарт жилищной обеспеченности			
Размер площади жилища	Общая площадь не менее 23 м²/чел.	Общая площадь не менее 23 м²/чел.	Ниже социально приемлемого уровня или социально приемлемые жилищные условия (жилище не соответствует / соответствует требованиям стандарта)
Благоустроенность жилища и санитарно-гигиенические условия проживания, безопасность условий проживания	Не ниже требований низкого стандарта, а также наличие доступа в Интернет	Не ниже требований низкого стандарта, а также наличие доступа в Интернет	
Просторность жилища	Количество жилых комнат (К) в жилище соответствует числу проживающих (n): К = n	Количество жилых комнат (К) в жилище соответствует числу проживающих (n): К = n	
Высокий стандарт жилищной обеспеченности			
Размер площади жилища	Общая площадь не менее 40 м²/чел.	Общая площадь не менее 40 м²/чел.	Социально приемлемые или хорошие жилищные условия (жилище не соответствует / соответствует требованиям стандарта)
Благоустроенность жилища и санитарно-гигиенические условия проживания, безопасность условий проживания	Не ниже требований социально приемлемого стандарта	Не ниже требований социально приемлемого стандарта	

⁸ Находятся не в местах общего пользования/ в отдельном строении/ в дворовой постройке

Окончание Таблицы 1

Социальные стандарты жилищной обеспеченности и их параметры	Требования социальных стандартов с учётом места проживания		Качество жилищных условий на основе соответствия требованиям стандартов
	Городские населённые пункты	Сельские населённые пункты	
Просторность жилища	Количество жилых комнат (К) в жилище превышает число проживающих (n): $K > n$	Количество жилых комнат (К) в жилище превышает число проживающих (n): $K > n$	

Источник: составлено автором на основе [20; 24].

При анализе качества и доступности жилищно-коммунальных услуг (2) прекаризованность условий проживания определяется в случае наличия проблем с обеспечением в жилище данных услуг и/или наличия задолженностей при оплате за коммунальные услуги. Данное измерение позволяет высветить одну из ключевых проблем в сфере качества условий проживания россиян [3; 21; 22; 23; и др.], дополнить оценки уровня благоустроенности жилища (наличие в жилище необходимых видов благоустройств), учитываемого в рамках анализа качества жилищных условий.

Надёжность жилья является одним из показателей прекаризованности жилищных условий [10; 11; и др.]. При рассмотрении надёжности жилья (3) прекаризованность условий проживания в рамках данной работы определяется наличием рисков утраты или смены жилья, что может быть обусловлено проживанием в жилье, которое (а) не принадлежит домохозяйству (арендное жильё) или (б) принадлежит домохозяйству, но за него выплачивается ипотека, и/или наличием задолженностей при оплате за аренду или ипотечные платежи по основному жилью.

При выявлении проблем в жилище (4) учитывается наличие таких из них, как недостаток тепла, недостаток солнечного света, сырость (промерзание) стен, полов, наличие насекомых (грызунов), шум, загрязнение воздуха, пыль, сажа с улицы (транспорт, предприятия, магазины), шум от соседей, плохая освещённость подходов к дому или в подъезде, нарушение общественного порядка вблизи дома или в подъезде. Проблемы с жилищем (в той или иной трактовке и наборе) учитываются при оценивании его качества с позиции выявления деприваций [6; и др.]. В данной работе для определения прекаризованности принимается во внимание концентрация указанных проблем, влияющих на качество условий проживания (три и более проблемы из приведённого перечня).

Наличие тех или иных проблем в населённом пункте (районе) также влияет на качество условий проживания [23; и др.]. При выявлении прекаризованности в данном измерении нами учитывается наличие проблем, связанных с:

- доступностью социально значимых услуг (5) (недоступность государственных и муниципальных услуг в сфере медицинского обслуживания, дошкольного и школьного образования, и/или оформления документов по запросам населения);
- доступностью социально значимых объектов инфраструктуры (6) (большая отдалённость торговых точек, аптек, учреждений культуры, мест проведения отдыха и досуга и/или объектов для занятий физкультурой и спортом);
- качеством среды проживания (7) (плохая организация работы жилищно-коммунальных служб, общественного транспорта, общая неблагоустроенность, недостаточность озеленения, состояние дорог, безопасность дорожного движения и/или загрязнённость окружающей среды);
- безопасностью (8) (высокий уровень преступности (нарушение общественного порядка), вандализм (умышленные разрушения в общественных местах и жилых домах), распространение наркотиков и/или распространение алкоголизма).

Использованные данные и методы работы с ними

Эмпирические данные для проведения исследования получены на основе микроданных Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата (далее – КОУЖ). Для проведения оценок были использованы данные, собранные Росстатом в мае – июне 2022 г. (наиболее актуальные на момент проведения исследования) выборочным методом во всех субъектах России с охватом 60 тыс. домохозяйств.⁹

Измерения для оценивания условий проживания населения на наличие их прекаризованности, их содержательное наполнение определялись с учётом имеющихся данных КОУЖ. Для оценивания качества жилищных условий в сравнении с социальными стандартами (таблица 1) использовались данные из массива по домохозяйствам, характеризующие жилое помещение (вопросник для домохозяйства, раздел 2).

⁹ Комплексное наблюдение условий жизни населения // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 14.02.2024).

При оценивании качества и доступности жилищно-коммунальных услуг использовались данные из массива по домохозяйствам. В части выявления проблем с обеспечением в жилище данных услуг были востребованы данные, отражающие наличие проблем с обеспечением холодной водой (перебои в подаче, протечки и пр.), подачей горячей воды (перебои в подаче, слабая температура и пр.), подачей (перебои) и использованием электроэнергии (плохое состояние электропроводки, перепады напряжения и пр.), неисправностью канализационной системы (засоры и пр.), плохим качеством воды (вопросник для домохозяйства, раздел 2). Для выявления наличия задолженностей при оплате за коммунальные услуги использовались соответствующие данные, характеризующие финансовое положение домохозяйства (вопросник для домохозяйства, раздел 4).

При оценивании надёжности жилья учитывались данные из массива по домохозяйствам, конкретизирующие условия проживания домохозяйства в жилье (наличие собственности на данное жильё, «незакрытой» ипотеки на данное жильё) (вопросник для домохозяйства, раздел 2), а также наличие у домохозяйства задолженностей при оплате за аренду или ипотечные платежи (вопросник для домохозяйства, раздел 4).

Для выявления проблем при проживании в жилище и в населённом пункте (районе) ис-

пользовались данные, конкретизирующие такие проблемы, из массива по домохозяйствам (проблемы в жилище; вопросник для домохозяйства, раздел 2) и по индивидам (проблемы в населённом пункте (в районе); индивидуальный вопросник для лиц в возрасте 15 лет и более, раздел 2).

Оценивание проводилось на индивидуальном уровне, для чего необходимые данные из массива по домохозяйствам были добавлены в массив по индивидам. Обработка данных проводилась в IBM SPSS и MS Excel.

Результаты исследования

Как следует из данных, полученных на основе КОУЖ–2022 г., 62,9% населения проживают в жилье низкого качества, которое не удовлетворяет требованиям минимального и низкого стандартов жилищной обеспеченности (таблица 2). 35,3% населения проживают в жилище, характеристики которого определяют их жилищные условия как наиболее плохие, ещё у 27,6% – плохие жилищные условия. Прекаризованность условий проживания этих групп населения вызвана несоответствием их жилища базовым требованиям к размеру площади, благоустроенности жилища, санитарно-гигиеническим условиям и безопасности условий проживания.

Таблица 2

Оценки прекаризованности условий проживания населения, 2022 г.

Table 2

Estimates of Precariousness of Living Conditions of the Population, 2022

	Доля населения, %
Качество условий проживания в жилище	
(1) Наиболее плохие или плохие жилищные условия, всего	62,9
В том числе:	
Наиболее плохие жилищные условия	35,3
Плохие жилищные условия	27,6
(2) Наличие проблем с обеспечением в жилище жилищно-коммунальных услуг и/или задолженностей при оплате за данные услуги	27,8
(3) Наличие рисков утраты или смены жилья	14,9
(4) Наличие трёх и более проблем из перечня при проживании в жилище	5,6
Качество условий проживания в населённом пункте (в районе)	
Наличие проблем, связанных с:	
(5) доступностью социально значимых услуг	20,4
(6) доступностью социально значимых объектов инфраструктуры	29,7
(7) качеством среды проживания	48,6
(8) безопасностью	23,1

Источник: оценка автора на основе данных КОУЖ.

У более четверти населения прекаризованность условий проживания вызвана качеством и доступностью жилищно-коммунальных услуг.

Это проявляется в наличии в жилище каких-либо проблем, связанных с обеспечением/подачей холодной/горячей воды, подачей и использова-

нием электроэнергии, неисправностью канализационной системы, плохим качеством воды. Также могут иметь место задолженности при оплате за коммунальные услуги.

Ненадёжность жилья выявлена у 14,9% населения, имеющего риски утраты или смены жилья. Это может быть вызвано тем, что они проживают в арендном жилье или в жилье, за которое продолжает выплачиваться ипотека, а также наличием задолженностей при оплате за аренду или ипотечные платежи по основному жилью.

У части населения (5,6%) имеются проблемы (не менее трёх) в жилище, связанные с недостатком тепла, солнечного света, сыростью (промерзанием) стен, полов, или пр. Более распространёнными (от более 20% до более 40%) являются проблемы в населённом пункте (районе). Так, для 20,4% населения не доступны социально значимые услуги (в сфере медицинского обслуживания, дошкольного и школьного образования, и/

или оформления документов по запросам населения). У 23,1% в населённом пункте (в районе) имеются проблемы с безопасностью. Для 29,7% населения выявлены проблемы с доступностью социально значимых объектов инфраструктуры (торговые точки, аптеки, учреждения культуры и пр.), вызванные их большой отдалённостью. Почти у половины населения (48,6%) имеются проблемы с качеством среды проживания, что может проявляться в плохой организации работы жилищно-коммунальных служб, может быть вызвано состоянием дорог, безопасностью дорожного движения и/или другими проблемами.

Комплексное оценивание проявлений прекаризованности условий проживания населения по признакам (1) – (8), приведённым в таблице 2, показало, что только у 10,9% населения отсутствуют какие-либо из рассматриваемых признаков (рисунок 1). У 26,0% имеется один признак, у 22,0% – два признака, у остальных 41,1% – три признака и более.

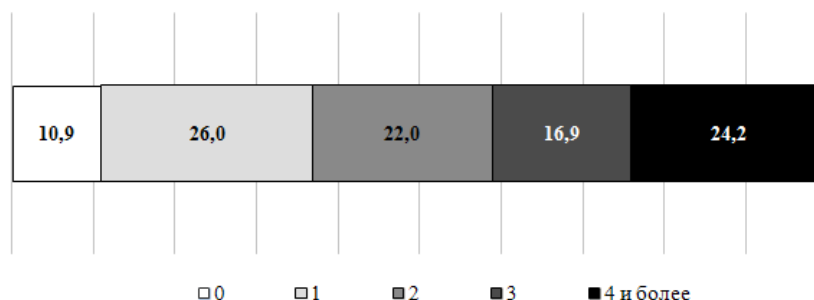

Рисунок 1. Распределение населения по количеству признаков, свидетельствующих о прекаризованности условий проживания, 2022 г., %

Figure 1. Distribution of the Population by the Number of Signs Indicating Precariousness of Living Conditions, 2022, %

Источник: оценка автора на основе данных КОУЖ.

Более детальное рассмотрение прекаризованности условий проживания (таблица 3) показало, что 24,4% населения имеет концентрированное (три и более) проявление признаков, связанных с проживанием в жилище и/или в населённом пункте (районе). У 9,3% населения имеются один или два признака, связанных с проживанием в населённом пункте (районе). У 21,2% населения пре-

каризованность вызвана только одним из проявлений, связанных с проживанием в жилище, ещё у 9,9% – двумя такими проявлениями. У остальных 24,3% населения отдельные (один – два) проявления прекаризованности, связанные с проживанием в жилище, сопровождаются отдельными (один – два) признаками, связанными с проживанием в населённом пункте (районе).

Таблица 3

Распределение населения по количеству признаков, свидетельствующих о прекаризованности условий проживания, 2022 г., %

Table 3

Distribution of the Population by the Number of Signs Indicating the Precariousness of Living Conditions, 2022, %

Количество признаков, связанных с проживанием в жилище ¹	Количество признаков, связанных с проживанием в населённом пункте (районе) ²			
	нет	1	2	3 и более
нет	10,9	4,7	4,6	3,6

Окончание Таблицы 3

Количество признаков, связанных с проживанием в жилище ¹	Количество признаков, связанных с проживанием в населённом пункте (районе) ²			
	нет	1	2	3 и более
1	21,2	7,5	8,9	9,2
2	9,9	3,3	4,6	6,3
3 и более	2,1	0,6	1,0	1,6

¹Признаки (1) – (4), приведённые в таблице 2.

²Признаки (5) – (8), приведённые в таблице 2.

Источник: оценка автора на основе данных КОУЖ.

Обсуждение

Проведённое исследование позволило получить количественные оценки прекаризованности условий проживания россиян на микроданных Росстата (КОУЖ). Данные свидетельствуют, что у 10,9% россиян условия проживания не являются прекаризованными, тогда как 16,9% сталкивались с тремя из рассматриваемых проявлений условий проживания такого качества, а ещё у 24,2% они являются более концентрированными (четыре и более признака из восьми рассматриваемых).

Сопоставить полученные оценки прекаризованности условий проживания с аналогичными российскими исследованиями является затруднительным, так как на данном этапе методология изучения проблематики прекаризации наиболее проработана применительно к сфере занятости [13–16; и др.]. Вместе с тем, полученные в работе оценки позволяют дополнить аргументацию необходимости повышения качества жилищной обеспеченности россиян, повышения благоустроенности жилищ, населённых пунктов и пр. [3; 23; и др.].

Сравнение с зарубежными исследованиями, в которых проблематика прекаризации также активно разрабатывается в направлении различных аспектов условий жизни населения, возможно, имея в виду ограничения в сопоставимости результатов, определяемые различиями в используемой методологии. Так, исследование жилищной прекаризованности в странах Европы [10] учитывало различные параметры для измерения данного явления: доступность (являются ли расходы на жильё финансовым бременем); надёжность (как минимум, одна вынужденная смена жилища за последние пять лет по жилищным причинам – например, отказ арендодателя продлить аренду); качество и удобства (стеснённости жилища, протечки/сырость, ванна/душ, туалет в помещении, которые используются только домохозяйством, и пр.); доступ к основным услугам (медицинским, банковским, почтовым и др.). Авторами было выявлено, что наиболее высокая (более 60%) доля населения

с отсутствием прекаризованности в Норвегии, Швеции и Нидерландах. Наиболее низкая (около 20%) – в Хорватии, Польше, Кипре [10].

В среднем в европейских странах наиболее распространённые (около 40%) проявления прекаризованности связаны с доступностью расходов на жильё. При этом если рассматривать ситуацию в конкретных странах, то она варьирует. Например, в Болгарии наиболее выражены проблемы с доступностью расходов на жильё, а также с качеством жилья. В Швеции при низкой распространённости проявлений прекаризованности чаще встречаются проблемы с надёжностью жилища. Ситуация также имеет особенности для владельцев и арендаторов жилища. В среднем, у владельцев чаще встречаются проблемы с доступностью услуг, у арендаторов – с качеством и надёжностью жилища. При этом среди и тех и других наиболее распространена (более 30%) проблема доступности расходов на жильё [10]. Для России данная проблема не является такой распространённой. Дополнительные оценки на данных КОУЖ-2022 показали, что менее 5% населения имели задолженность при оплате за жилищно-коммунальные услуги, за аренду или ипотечные платежи по основному жилью.

Наибольший «вклад» в масштабы проблемы прекаризованности условий проживания в нашей стране вносит низкое качество жилищных условий. Оно оценивается по методологии, учитывающей более детализированный анализ параметров жилища, чем использовалась в [10] для оценивания ситуации в европейских странах. Низкое качество жилищных условий, определяемое в рамках авторской методологии, проявляется в недоступности для широких слоёв населения жилища, которое удовлетворяло бы требованиям минимального или низкого стандартов (по размеру площади, благоустроенности жилища и санитарно-гигиеническим условиям проживания, безопасности условий проживания; таблица 1). Как показывают мониторинговые «замеры» по данной проблеме, она носит «хронический» ха-

ракти [24]. При этом в городской местности снижается качество жилищных условий, прежде всего, стесненность условий проживания, в сельской – низкий уровень благоустроенности жилищ [20].

Полученные в рамках проведенного исследования результаты подтверждают, что для объективной, всесторонней оценки условий проживания населения имеют значение не только характеристики жилища [20; 24]. Как следует из полученных оценок, от порядка 20% до порядка 50% населения имеют те или иные признаки прекаризованности, не связанные непосредственно с жилищем, но характеризующие населенный пункт (район) проживания. При этом около 13% населения имеют разную концентрацию данных признаков (один и более) при отсутствии проявлений прекаризованности, которые связаны с проживанием в жилище.

Качество жилища не ограничивается только размерами его площади и благоустроенности, санитарно-гигиеническими условиями проживания, безопасностью условий проживания [20]. Если руководствоваться только данными параметрами, которые входят в требования социальных стандартов (таблица 1), то прекаризованность условий проживания можно выявить у 63% населения. Однако могут иметь место и другие проблемы с жилищем, которые не «покрываются» требованиями (таблица 2) стандартов. Проведенное дополнительное оценивание (таблица 4) показало, что нередкой ситуацией

является наличие проблем с обеспечением в жилище жилищно-коммунальных услуг и/или задолженностей при оплате за данные услуги. Она встречается у 33,6% имеющих наиболее плохие жилищные условия, при хороших жилищных условиях – в 1,5 раза реже (у 22,6%). Полученные данные говорят о том, что наличие тех или иных благоустройств в жилище не является достаточным для обеспечения качества жилищных условий, если имеются проблемы с обеспечением в жилище жилищно-коммунальных услуг (например, перебои в подаче воды, неисправность канализационной системы). Также могут иметь место задолженности при оплате за жилищно-коммунальные услуги, обусловленные финансовым положением домохозяйств и недостатком денежных средств для внесения соответствующих платежей. Как показывают результаты предыдущих исследований, часть населения с социально приемлемыми и хорошими жилищными условиями имеют неустойчивое экономическое положение по доходам [24; и др.]. Кроме того, согласно полученным оценкам, у 13–15% проживающих в социально приемлемых или хороших жилищных условиях имеются риски утраты или смены жилья (таблица 4). Это может свидетельствовать о том, что жильё, которое отвечает требованиям двух высоких стандартов (таблица 1), является арендным или находится в ипотеке, или же имеются задолженности по внесению соответствующих платежей.

Таблица 4

Распределение населения с разным качеством жилищных условий по наличию признаков прекаризованности, связанных с проживанием в жилище, 2022 г., %

Table 4

Distribution of the Population with Different Quality of Housing Conditions According to the Presence of Signs of Precariousness Associated with Living in Housing, 2022, %

	Качество жилищных условий				
	Наиболее плохие	Плохие	Ниже социально приемлемого уровня	Социально приемлемые	Хорошие
Наличие проблем с обеспечением в жилище жилищно-коммунальных услуг и/или задолженностей при оплате за данные услуги	33,6	27,9	23,0	20,3	22,6
Наличие рисков утраты или смены жилья	9,8	20,4	16,2	14,9	13,1
Наличие трёх и более проблем из перечня при проживании в жилище	4,2	8,3	5,6	4,1	5,2

Источник: оценка автора на основе данных КОУЖ.

Более широкий взгляд на качество жилищных условий позволяет повысить объективность оценивания условий проживания населения. Согласно данным исследования, если учесть все признаки, связанные с проживанием в жилище, то пре-

каризованность выявляется уже у 76,1% населения (при 63% только на основе стандартов). В том числе у трети населения имеются только признаки, связанные с жилищем, но нет тех, которые характеризуют населенный пункт (район) проживания.

Полученные данные исследования фиксируют ситуацию по 2022 г. с прекаризованностью условий проживания, «результатируя» динамику по отдельным компонентам, учитываемым при её измерении. Качество жилищных условий, как показывают мониторинговые замеры, у массовых слоёв населения сохраняется на уровне ниже требования минимального или низкого стандартов [24]. Сопоставление данных КОУЖ 2022 г. и 2018 г. по отдельным параметрам, рассматриваемым при выявлении прекаризованности, показывает следующую динамику ситуации. В части качества и доступности жилищно-коммунальных услуг: снизилась доля населения, у которого имелаась задолженность по платежам за жилищно-коммунальные услуги, различные проблемы с обеспечением в жилище жилищно-коммунальных услуг. В части надёжности жилья: незначительно снизилась доля населения, проживающего в арендном жилье, незначительно увеличилась доля населения, проживающего в жилище, за которое выплачивается ипотека; незначительно увеличилась доля населения, которое не один раз сталкивалось с задолженностью при оплате аренды или ипотечного кредита. В части качества условий проживания в жилище: снизилась доля населения, имеющего те или иные проблемы в жилище. В части качества условий проживания в населённом пункте (районе): незначительно увеличилась доля населения, у которого имеются проблемы, связанные с доступностью социально значимых услуг, социально значимых объектов инфраструктуры, с качеством среды проживания и безопасностью.¹⁰

Результаты проведённого исследования дополняют результаты исследований, посвящённых прекаризованной занятости [13; 16; и др.], позволяя расширить ракурс изучения проблематики прекаризации. По данным одного из исследований, около 42% (2022 г.) работников организаций имели концентрированное проявление индикаторов прекаризованной (неустойчивой) занятости, свидетельствующей о её низком качестве [24]. Среди индикаторов такой занятости – уровень заработной платы, не обеспечивающий устойчивости материального положения домохозяйств работников [24]. Эта группа работников может быть из домохозяйств, проживающие в которых составляют ту часть населения, которое характеризуется прекаризованностью условий проживания. Неустойчивость занятости, недостаточный уровень доходов от занятости могут

быть препятствием для улучшения жилищных условий домохозяйств, причиной задолженностей для арендных, ипотечных платежей, платежей за коммунальные услуги. Соответствующие взаимосвязи – прекаризации в сфере занятости и жилищных условий и негативное влияние первого явления на второе – были выявлены в одном из зарубежных исследований [8; 19]. Результаты проведённого исследования актуализируют важность внимания к проблеме прекаризации занятости, которая сказывается на других сторонах жизни работников и их домохозяйств [25; 26; и др.].

Заключение

В работе апробирован инструментарий для количественного оценивания прекаризованности условий проживания населения. Гипотеза исследования подтвердилась. Инструментарий исследования опирается на микроданные КОУЖ Росстата, вследствие этого возможности для всестороннего исследования проблематики прекаризации условий проживания населения ограничены содержащимися в массиве КОУЖ данными. Количественные оценки фиксируют ситуацию по состоянию на 2022 г. (май – июнь). Не учитывают риски ухудшения условий проживания, связанные с вынужденной сменой жилья или населённого пункта (района), повреждением или утратой жилища и др. обстоятельствами, которые могут иметь место на территориях, затронутых специальной военной операцией.

Данные ограничения не снижают научную и практическую значимость проведённого исследования, расширяющего методологическую и эмпирическую базу многомерного изучения условий проживания населения в парадигме прекаризованность–непрекаризованность. Дальнейшие исследования целесообразны в направлении выявления территориальной (регионы, городская/сельская местность), социально-демографической (группы населения, типы домохозяйств и пр.) и социально-экономической (уровень различных показателей благосостояния) специфики распространённости данного явления.

Полученные результаты могут быть востребованы при реализации мероприятий государственной политики в сфере улучшения жилищной обеспеченности населения, пространственного развития, повышения уровня и качества жизни населения, в том числе в рамках национального проекта «Инфраструктура для жизни»¹¹, повышая их адресность с учётом выявленных проблем, связанных с проживанием в жилище и населённом пункте (районе), и их комбинации и концентрации.

¹¹ Национальный проект «Инфраструктура для жизни» // Минстрой России: [сайт]. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-infrastruktura-dlya-zhizni/> (дата обращения: 21.04.2025).

¹⁰ Оценка на основе данных Росстата: Комплексное наблюдение условий жизни населения – 2022 // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 23.04.2025); Комплексное наблюдение условий жизни населения – 2018 // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2018/index.html (дата обращения: 23.04.2025).

Список литературы

1. Бобков В.Н., Колмаков И.Б., Одинцова Е.В. Социальная структура российского общества по уровню жилищной обеспеченности: критериальная и количественная идентификация, ориентиры для государственной политики // Уровень жизни населения регионов России. 2018. Том 14. № 2. С. 8–23. <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2018-10011> EDN XWEPSP
2. Ноздрина Н.Н., Шнейдерман И.М. Качество жизни и жилищные условия населения в крупнейших агломерациях и городах-миллионниках России // Народонаселение. 2022. Том 25. № 1. С. 4–17. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.1> EDN ZVCXTI
3. Шнейдерман И.М., Пилипенко И.В. Модернизация системы водоснабжения и водоотведения в сельской местности как фактор повышения качества жизни населения России // Народонаселение. 2023. Том 26. № 1. С. 147–159. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.12> EDN SZILDL
4. Chambon D., Gerszten J. A Statistical Framework for Analyzing Housing Quality: a Case Study of New York City // Computational Statistics. 2023. Vol. 38. No. 4. P. 1669–1685. <https://doi.org/10.1007/s00180-023-01394-w>
5. Hajdu T., Kertesi G., Szabó B. Poor Housing Quality and the Health of Newborns and Young Children // Scientific Reports. 2024. Vol. 14. Article No. 12890. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-63789-z>
6. Hick R., Pomati M., Stephens M. Severe Housing Deprivation in the European Union: a Joint Analysis of Measurement and Theory // Social Indicators Research. 2022. Vol. 164. Issue 1. P. 1271–1295. <https://doi.org/10.1007/s11205-022-02987-6>
7. Shen X., Luo S., Zhang M. House Quality Index Construction and Rent Prediction in New York City with Interactive Visualization and Product Design // Computational Statistics. 2023. Vol. 38. No. 4. P. 1629–1641. <https://doi.org/10.1007/s00180-023-01391-z>
8. Bobek A., Pembroke S., Wickham J. Living in precarious housing: non-standard employment and housing careers of young professionals in Ireland // Housing Studies. 2021. Vol. 36(9). P. 1364–1387 <https://doi.org/10.1080/02673037.2020.1769037>
9. Chen H.Y., McFarlane C. Density and precarious housing: overcrowding, sensorial urbanism, and intervention in Hong Kong // Housing Studies. 2023. Vol. 40. Issue 1. P. 27–45. <https://doi.org/10.1080/02673037.2023.2280033>
10. Constructing a housing precariousness measure for Europe / A. Clair, A. Reeves, M. McKee, D. Stuckler // Journal of European Social Policy. 2019. No. 29(1). P. 13–28. <https://doi.org/10.1177/0958928718768334>
11. Housing Precarity in Six European and North American Cities: Threatened by the Loss of a Safe, Stable, and Affordable Home / G. Debrunner, K. Hofer, M. Wicki, F. Kauer, D. Kaufmann // Journal of the American Planning Association. 2024. Vol. 90. Issue 4. P. 610–626. <https://doi.org/10.1080/01944363.2023.2291148>
12. Waldron R. Responding to housing precarity: the coping strategies of generation rent // Housing Studies. 2022. Vol. 39. Issue 1. P. 124–145. <https://doi.org/10.1080/02673037.2021.2022606>
13. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения / гл. науч. ред. В.Н. Бобков. 2-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2019. 342 с. EDN CJJWUM
14. Comparing Precarious Employment Across Countries: Measurement Invariance of the Employment Precariousness Scale for Europe (EPRES-E) / E. Padrosa, M. Bolibar, M. Julià, J. Benach // Social Indicators Research. 2021. Vol. 154. P. 893–915. <https://doi.org/10.1007/s11205-020-02539-w>
15. От прекарной занятости к прекаризации жизни. Коллективная монография / под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. 364 с. ISBN 978-5-7777-0886-1 <https://doi.org/10.55604/9785777708861> EDN VOKUSY
16. Popov A. V. Implications of precarization in the context of generational groups: Direct and indirect effects // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2022. Vol. 15. Issue 6. P. 167–181. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.10> EDN OFOIKT
17. Waldron R. Generation Rent and housing precarity in ‘post crisis’ Ireland // Housing Studies. 2021. Vol. 38. Issue 2. P. 181–205. <https://doi.org/10.1080/02673037.2021.1879998>
18. Литвинцев Д.Б. Жилищная прекарность в развитых странах: обзор исследований и оценка их значимости для России // Социальные новации и социальные науки. 2024. № 3. С. 55–65. <https://doi.org/10.31249/snsn/2024.03.04> EDN PRJNPX
19. Литвинцев Д.Б. Жилищная прекарность: факторы, дискурсы и зарубежный опыт // Журнал исследований социальной политики. 2024. Том 22. № 3. С. 553–566. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-553-566> EDN OTNXVW
20. Долгушкин Н.К., Одинцова Е.В. Особенности имущественной обеспеченности семей с детьми в городе и на селе // АПК: Экономика, управление. 2023. № 9. С. 107–116. <https://doi.org/10.33305/239-107> EDN GKDVOM
21. Пилипенко И.В., Шнейдерман И.М. Региональные приоритеты в модернизации инженерной инфраструктуры в сельской местности для повышения качества жизни населения (часть первая) // Народонаселение. 2024. Том 27. № 1. С. 20–32. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-20-32> EDN MMZEPF
22. Пилипенко И.В., Шнейдерман И.М. Региональные приоритеты в модернизации инженерной инфраструктуры в сельской местности для повышения качества жизни населения (часть вторая) // Народонаселение. 2024. Том 27. № 2. С. 26–40. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-26-40> EDN EOQSCH
23. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Бобков Н.В. Актуальность разработки национальной Программы повышения доходов, снижения бедности и неравенства // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Том 16. № 2. С. 9–24. <https://doi.org/10.19181/lsprr/2020.16.2.1> EDN YWADQE
24. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2023 год: [ежегодник] / отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. Вып. 2(203). М.: ИЭ РАН, 2024. 182 с. EDN KGTONL
25. Campos Ugaz D. Time precarity at work: nonstandard forms of employment and everyday life // Social Indicators Research. 2022. Vol. 164. P. 969–991. <https://doi.org/10.1007/s11205-022-02954-1>
26. Precarious work on the rise / M. Perri, P. O’Campo, P. Gill, V. Gunn, R. W Ma, P. Buhariwala, E. Rasoulia, W. Lewchuk, S. Baron, T. Bodin, C. Muntaner // BMC Public Health. 2024. Vol. 24. Article number 2074. <https://doi.org/10.1186/s12889-024-19363-3>

Информация об авторе:

Елена Валерьевна Одинцова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук
(SPIN-код: 1866-4793) (РИНЦ AuthorID: 999153) (ResearcherID: U-7061-2019)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025; одобрена после рецензирования 27.04.2025; принята к публикации 05.06.2025.

References

1. Bobkov V.N., Kolmakov I.B., Odintsova Y.V. Social Structure of Russian Society in Terms of Housing Security: Criterion and Quantitative Identification, the Guidelines for State Policy. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2018;14(2):8-23. <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2018-10011> (in Russ.)
2. Nozdrina N.N., Schneiderman I.M. Quality of Life and Housing Conditions of the Population in the Largest Agglomerations and Million-plus Cities of Russia. *Narodonaselenie=Population*. 2022;25(1):4-17. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.1> (in Russ.)
3. Schneiderman I.M., Pilipenko I.V. Upgrading Water Supply and Wastewater Collection Systems in Rural Areas as a Way to Improve Quality of Life of the Population of Russia. *Narodonaselenie=Population*. 2023;26(1):147-159. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.12> (in Russ.).
4. Chambon D., Gerszten J. A Statistical Framework for Analyzing Housing Quality: a Case Study of New York City. *Computational Statistics*. 2023;38(4):1669–1685. <https://doi.org/10.1007/s00180-023-01394-w>
5. Hajdu T., Kertesi G., Szabó B. Poor Housing Quality and the Health of Newborns and Young Children. *Scientific Reports*. 2024;(14):12890. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-63789-z>
6. Hick R., Pomati M., Stephens M. Severe Housing Deprivation in the European Union: a Joint Analysis of Measurement and Theory. *Social Indicators Research*. 2022;164(1):1271–1295. <https://doi.org/10.1007/s11205-022-02987-6>
7. Shen X., Luo S., Zhang M. House Quality Index Construction and Rent Prediction in New York City with Interactive Visualization and Product Design. *Computational Statistics*. 2023;38(4):1629–1641. <https://doi.org/10.1007/s00180-023-01391-z>
8. Bobek A., Pembroke S., Wickham J. Living in precarious housing: non-standard employment and housing careers of young professionals in Ireland. *Housing Studies*. 2021;36(9):1364-1387. <https://doi.org/10.1080/02673037.2020.1769037>
9. Chen H.Y., McFarlane C. Density and precarious housing: overcrowding, sensorial urbanism, and intervention in Hong Kong. *Housing Studies*. 2023;40(1):27–45. <https://doi.org/10.1080/02673037.2023.2280033>
10. Clair A., Reeves A., McKee M., et al. Constructing a Housing Precariousness Measure for Europe. *Journal of European Social Policy*. 2019;29(1):13–28. <https://doi.org/10.1177/0958928718768334>
11. Debrunner G., Hofer K., Wicki M., et al. Housing Precarity in Six European and North American Cities: Threatened by the Loss of a Safe, Stable, and Affordable Home. *Journal of the American Planning Association*. 2024;90(4):610–626. <https://doi.org/10.1080/01944363.2023.2291148>
12. Waldron R. Responding to Housing Precarity: the Coping Strategies of Generation Rent. *Housing Studies*. 2022;39(1):124–145. <https://doi.org/10.1080/02673037.2021.2022606>
13. Bobkov V.N. (chief sci. ed.) Neustojchivaja Zanjatost' v Rossijskoj Federacii: Teorija i Metodologija Vyjavlenija, Ocenivanie i Vektor Sokrashhenija. 2nd ed., stereotyp. Moscow: KNORUS; 2019. 342 p. (In Russ.)
14. Padrosa E., Bolibar M., Julià M., et al. Comparing Precarious Employment Across Countries: Measurement Invariance of the Employment Precariousness Scale for Europe (EPRES-E). *Social Indicators Research*. 2021;(154):893–915. <https://doi.org/10.1007/s11205-020-02539-w>
15. Toshhenko Zh.T. Ot Prekarnej Zanjatosti k Prekarizacii Zhizni. Kollektivnaja Monografija. Moscow: Publishing House "Ves' Mir"; 2022. 364 p. ISBN 978-5-7777-0886-1 <https://doi.org/10.55604/9785777708861> (In Russ.)
16. Popov A.V. Implications of Precarization in the Context of Generational Groups: Direct and Indirect Effects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(6):167–181. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.10>
17. Waldron R. Generation Rent and Housing Precarity in «Post Crisis» Ireland. *Housing Studies*. 2021; 38(2):181–205. <https://doi.org/10.1080/02673037.2021.1879998>
18. Litvintsev D.B. Housing precarity in developed countries: a review of research and an assessment of their significance for Russia. *Social'nye novacii i social'nye nauki=Social Novelties and Social Sciences*. 2024;(3):55-65. <https://doi.org/10.31249/snsn/2024.03.04> (In Russ.)
19. Litvintsev D.B. Housing Precarity: Factors, Discourses and Foreign Measurement Experiences. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki=The Journal of Social Policy Studies*. 2024;22(3):553-566. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-553-566> (In Russ.)
20. Dolgushkin N.K., Odintsova E.V. Features of Property Security of Families with Children in Urban and Rural Areas. *APK: ehkonomika, upravlenie=AIC: Economics, Management*. 2023;(9):107-116. <https://doi.org/10.33305/239-107> (In Russ.)
21. Pilipenko I.V., Schneiderman I.M. Regional priorities in the Utilities' Infrastructure Upgrading in Rural Areas for Improving Quality of Life of the Population (Part One). *Narodonaselenie=Population*. 2024;27(1):20-32. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-20-32> (in Russ.)
22. Pilipenko I.V., Schneiderman I.M. Regional priorities in the Utilities' Infrastructure Upgrading in Rural Areas for Improving Quality of Life of the Population. *Narodonaselenie=Population*. 2024;27(2):26-40. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-26-40> (in Russ.)

23. Bobkov V.N., Odintsova Y.V., Bobkov N.V. Relevance of Developing a National Programme to Increase Income, Reduce Poverty and Inequality. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2020;16(2):9-24. <https://doi.org/10.19181/lsprr/2020.16.2.1> (in Russ.).
24. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.). Monitoring Dokhodov i Urovnya Zhizni Naseleniya Rossii – 2023 god. Yearbook. Issue 2(203). Moscow: Institute of Economics of the RAS; 2024. 182 p. (In Russ.)
25. Campos Ugaz D. Time Precarity at Work: Nonstandard Forms of Employment and Everyday life. *Social Indicators Research*. 2022;(164):969–991. <https://doi.org/10.1007/s11205-022-02954-1>
26. Perri M., O'Campo P., Gill P., et al. Precarious Work on the Rise. *BMC Public Health*. 2024;(24):2074. <https://doi.org/10.1186/s12889-024-19363-3>

Information about the author:

Elena V. Odintsova – PhD in Economics, Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 1866-4793) (PIHЦ AuthorID: 999153) (ResearcherID: U-7061-2019)
The author declares that there is no conflict of interest.

The article was submitted 10.03.2025; approved after reviewing 27.04.2025; accepted for publication 05.06.2025.

Оригинальная статья

УДК 314.8

JEL J11

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_2_197_211

EDN EGMDAU

Диспропорции демографического развития России на региональном уровне: современные тенденции

Вадим Александрович Безвербный

Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

(vadim_ispr@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3148-7072>)

Аннотация

Статья посвящена исследованию пространственной поляризации демографического развития регионов России в период 1994–2024 годов. На основе анализа статистических данных, включая результаты Всероссийских переписей населения и данных текущего учета Росстата, выявлены ключевые тенденции, определяющие региональные различия в демографическом развитии России. Основное внимание уделено исследованию динамики численности населения, миграционным процессам, показателям рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни. Результаты исследования свидетельствуют о значительной пространственной дифференциации демографических процессов. Крупные агломерации, такие как Москва и Санкт-Петербург, демонстрируют устойчивый рост населения за счёт миграционного притока, в то время как регионы Дальнего Востока, Сибири и Севера сталкиваются с устойчивой депопуляцией, вызванной миграционным оттоком и естественной убылью населения. Анализ суммарного коэффициента рождаемости (СКР) показал, что только два региона (Чеченская Республика и Республика Тыва) соответствовали расширенному типу воспроизводства населения в 2024 году, тогда как большинство регионов центральной и западной частей страны характеризуются крайне низким уровнем рождаемости. Особое внимание уделено ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), которая также демонстрирует значительную региональную дифференциацию. Наименьшие значения ОПЖ зафиксированы в северных и восточных регионах. Наибольшие значения ОПЖ наблюдаются в северокавказских регионах и городах федерального значения. На основе анализа коэффициентов естественного и миграционного прироста выделены четыре группы регионов. В завершении сформулированы рекомендации для демографической политики, направленные на снижение пространственных диспропорций и обеспечение устойчивого демографического роста.

Ключевые слова: демографическое развитие, пространственная поляризация, региональная дифференциация, миграционные процессы, естественное движение населения, рождаемость и смертность, ожидаемая продолжительность жизни, депопуляция, демографическая политика

Для цитирования: Безвербный В.А. Диспропорции демографического развития России на региональном уровне: современные тенденции // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 197–211. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_2_197_211 EDN EGMDAU

RAR (Research Article Report)

JEL J11

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_2_197_211

Disproportions of Demographic Development of Russia at the Regional Level: Current Trends

Vadim A. Bezverbnyi

Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(vadim_ispr@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3148-7072>)

Abstract

The article is devoted to the study of spatial polarisation of demographic development of Russian regions in the period from 1994 to 2024. Based on the analysis of statistical data, including the results of All-Russian population censuses and current records of Rosstat, the key trends determining the differences in the demographic situation at the regional level are identified. The main attention is paid to population dynamics, migration processes, fertility and life expectancy indicators. The results of the study indicate a significant spatial differentiation of demographic processes. Large agglomerations, such as Moscow and St. Petersburg, demonstrate steady population growth due to migration inflow, while the regions of the Far East, Siberia and the North face steady depopulation caused by migration outflow and natural population decline. The analysis of the total fertility rate (TFR) showed that only two regions (the Chechen Republic and the Republic of Tyva) corresponded to the expanded type of population reproduction in 2024, while most regions of the central and western parts of the country are characterised by extremely low birth rates. Special attention is paid to life expectancy, which also demonstrates significant regional differentiation. The lowest values are recorded in the northern and eastern regions. The highest values are observed in the southern regions and large cities. Based on the analysis of natural and migration growth rates, four groups of regions were identified. In conclusion, the authors propose recommendations for demographic policy aimed at reducing spatial disproportions and ensuring sustainable demographic growth.

Keywords: demographic development, spatial polarization, regional differentiation, migration processes, natural population movement, fertility and mortality, life expectancy, depopulation, demographic policy

For citation: Bezverbyni V.A. Disproportions of Demographic Development of Russia at the Regional Level: Current Trends. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossi*=*Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):197–211. doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_2_197_211. (In Russ.)

Введение

Демографическое развитие регионов России на протяжении последних десятилетий характеризуется значительной пространственной дифференциацией, которая проявляется в неравномерности процессов естественного и механического движения населения. Пространственная поляризация демографических процессов в России проявляется в усилении различий между регионами с точки зрения динамики численности населения, половозрастной структуры и миграционной подвижности. С одной стороны, наблюдается концентрация населения в крупных агломерациях, таких как Москва, Санкт-Петербург и их пригороды, где отмечаются относительно высокие темпы роста численности населения и миграционный прирост. С другой стороны, многие регионы, особенно на Дальнем Востоке, в Сибири и на Севере, сталкиваются с устойчивой депопуляцией, вызванной как миграционным оттоком, так и естественной убылью населения. Эти процессы усугубляются старением населения и снижением рождаемости, особенно в сельских и депрессивных районах страны. В свою очередь, пространственное развитие России представляет собой одну из ключевых стратегических задач государственной политики, особенно в контексте современных демографических вызовов. Масштабы территории страны в сочетании с неравномерностью распределения населения и экономической активности создают уникальный комплекс проблем, требующих системного научного анализа и практических решений.

Анализ современной ситуации позволяет выделить несколько фундаментальных аспектов влияния демографических процессов на пространственное развитие страны. Во-первых, наблюдается усиление демографической поляризации регионов, характеризующееся концентрацией населения в крупных агломерациях при одновременной депопуляции периферийных территорий. Во-вторых, происходит существенная трансформация исторически сложившейся системы расселения, проявляющаяся в сокращении числа сельских населенных пунктов и малых городов, что создаёт риски для пространственной связности территории государства и эффективного использования природно-ресурсного потенциала.

Демографические процессы оказывают непосредственное влияние на формирование трудового потенциала регионов и их экономическое разви-

тие. Наблюдаемые тенденции старения населения и дифференциации трудового потенциала территорий обуславливают необходимость разработки адаптивных механизмов региональной политики. Таким образом, демографический фактор выступает одним из ключевых детерминантов пространственного развития России, что требует его обязательного учета при формировании стратегических направлений государственной региональной политики и разработке конкретных управленческих решений.

В работе рассматриваются такие аспекты, как динамика численности населения, миграционные процессы, возрастная структура и естественное движение населения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки адресных мер демографической политики, учитывающих специфику регионов. Понимание пространственной поляризации демографических процессов позволит не только выявить проблемные территории, но и предложить эффективные решения для снижения дисбалансов в развитии регионов.

Цель данной статьи – исследовать пространственную поляризацию демографического развития регионов России в период с 1994 по 2024 гг. и выявить ключевые тенденции, определяющие различия в демографической ситуации.

Методологическую основу исследования составляет интеграция демографического и пространственного подходов, что позволяет выявить ключевые закономерности территориального развития России в контексте демографических изменений.

Гипотеза исследования – демографическое развитие регионов России характеризуется значительной пространственной поляризацией и усиливающимися диспропорциями, которые проявляются в неравномерности процессов естественного и механического движения населения.

Объектом исследования является демографическое развитие регионов Российской Федерации как целостная система пространственно-обусловленных отношений и процессов. **Предмет исследования** – закономерности и особенности пространственной поляризации демографического развития регионов России на современном этапе, проявляющиеся в:

- территориальной дифференциации демографических показателей;
- процессах концентрации и рассредоточения населения;

- различиях в характере естественного и механического движения населения между регионами;
- формировании демографических центров и периферии.

За последние годы многие из указанных аспектов были рассмотрены в работах российских учёных. Отдельного упоминания заслуживает коллективная монография учёных Института демографических исследований ФНИСЦ РАН – Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад–2020. В исследовании рассматриваются репродуктивное, брачное, самосохранительное и миграционное поведение населения, а также влияние социально-демографической политики на демографические установки в регионах России. Результаты показывают, что в регионах наблюдаются значительные различия в демографических показателях, что требует учёта локальных особенностей при разработке семейно-демографической политики [1].

Статья Н.А. Екимовой и А.Е. Гаганова посвящена анализу демографических трендов в регионах России, включая снижение рождаемости, старение населения и урбанизацию, а также поиску решений для преодоления демографического кризиса. Предложена национальная модель демографической политики, основанная на принципе согласованности, включающая экономические, институциональные и культурные меры. Результаты исследования подчеркивают необходимость комплексного подхода для стимулирования рождаемости и улучшения демографической ситуации [2].

В статье В.И. Кондратьевой и О.М. Тарасовой-Сивцевой анализируется влияние демографических факторов на трудовые ресурсы северных регионов России с ресурсной экономикой. Результаты показывают, что занятость по гендерному принципу и уровень образования работников оказывают значительное влияние на численность трудоспособного населения. Корреляционно-регрессионный анализ выявил сильные связи между демографическими показателями и параметрами рынка труда. Авторы подчеркивают необходимость дальнейшего развития государственной политики для обеспечения устойчивого демографического и экономического роста в этих регионах [3].

Работа А.А. Ткаченко посвящена анализу экономических и демографических проблем регионов России, с акцентом на неравномерность развития и влияние федеральных дотаций. Автор вводит понятие «хронически отстающий регион» и показывает, что текущая политика финансового федерализма недостаточно эффективна для выравнивания уровня развития. Особое внимание

уделено проблеме мужской сверхсмертности, которая, по мнению автора, может быть сокращена за счёт улучшения здравоохранения и социальной политики, что позволит компенсировать до 85% естественной убыли населения [4].

Большой интерес представляет коллективная статья «ГИС-мониторинг современного демографического развития регионов и больших городов юга Европейской части России». Работа посвящена геоинформационному мониторингу демографических и миграционных процессов на Юге Европейской части России с 2010 по 2019 год, включая анализ больших городов с населением свыше 100 тысяч человек. Авторы выявили, что регионы с высоким уровнем социально-экономического развития (например, Краснодарский край) привлекают мигрантов, в то время как национальные республики с низким уровнем развития (например, Дагестан, Чечня) сталкиваются с миграционным оттоком, несмотря на высокий естественный прирост населения [5].

Значительное число научных исследований российских учёных сфокусировано на проблемах демографического развития отдельных регионов России. Например, статья А.С. Щукиной посвящена географическому анализу современных демографических процессов в России, с акцентом на межрегиональные и внутрирегиональные различия на примере Тверской области. Исследование выявило значительные территориальные различия в динамике численности населения, естественном и миграционном движении, особенно в сельских районах Тверской области. Результаты показывают, что демографическая ситуация ухудшается по мере удаления от центральных районов, что требует учёта демографического фактора в стратегическом и территориальном планировании [6].

Публикация Е.В. Кабашовой посвящена исследованию взаимосвязи уровня жизни населения и демографического развития на примере Республики Башкортостан. Автор анализирует влияние экономических факторов, таких как материальное благосостояние, занятость и жилищные условия на репродуктивное поведение и рождаемость. Результаты показывают, что стабильная работа, достойная заработная плата и уверенность в будущем являются ключевыми факторами, стимулирующими рождаемость. В статье также подчеркивается необходимость разработки эффективной социальной политики для улучшения демографической ситуации в регионе [7].

Работа О.С. Абрамовой посвящена анализу демографических тенденций в Самарской области, включая снижение численности населения, старение, низкую рождаемость и высокую смер-

тность. Авторы выявили, что регион находится в состоянии демографического кризиса, с ухудшением показателей воспроизводства населения и увеличением демографической нагрузки. Результаты подчеркивают необходимость комплексного подхода для улучшения демографических показателей в регионе [8].

Традиционно значительная часть работ российских демографов уделяется проблеме демографических процессов регионов Дальнего Востока. Исследование Е.А. Мотрич «Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд» посвящена анализу демографических и миграционных процессов на российском Дальнем Востоке в период с 1991 по 2016 год. Автор выявляет устойчивую негативную тенденцию сокращения численности населения региона, обусловленную как естественной убылью, так и миграционным оттоком в более развитые федеральные округа [9].

В статье Ю.А. Авдеева и В.Л. Ушаковой проведён анализ демографической политики на Дальнем Востоке России, которая по мнению авторов не привела к ожидаемым результатам, несмотря на усилия по стимулированию рождаемости и снижению миграционного оттока. Авторы выявляют, что основной причиной неудач является деформация демографической структуры населения, вызванная массовым оттоком в 1990-е годы, что привело к сокращению численности фертильного и детского населения. В статье подчёркивается необходимость перехода от политики «сбережения» населения к его «приумножению» [10].

Диспропорции в демографическом развитии российских и европейских регионов активно изучаются зарубежными учёными. Ещё в 1999 году в статье *Out-migration and depopulation of the Russian North during the 1990s* американского учёного Тимоти Хеленяк подробно рассмотрены демографические процессы в северных регионах России после распада СССР. Автор отмечает, что территории Русского Севера столкнулись с беспрецедентным оттоком населения и демографическим кризисом, а также выделяет причины массового оттока населения и последствия миграционных процессов для демографической структуры северных регионов [11].

В исследовании Томаса Фрейка и Стюарта Гител-Бастена, проведённого в рамках стран Европы, были выявлены значительные региональные различия в показателях рождаемости внутри стран. Фрейка и Гител-Бастен выявили существенные различия между регионами стран Европы как по уровню суммарного коэффициента рождаемости (СКР), так и по темпам его изменения [12].

Значительные региональные различия наблюдаются и в показателях смертности и ожидаемой продолжительности жизни. В 2014 году в работе *Regional mortality disparities in Germany: Long-term dynamics and possible determinants* коллективом немецких учёных было проведено масштабное исследование региональных различий в продолжительности жизни в Германии с 1970-х годов и выявлены существенные диспропорции, достигающие в некоторых случаях 6–8 лет между регионами [13].

Проведённый анализ научной литературы свидетельствует о том, что преобладающая часть исследований сфокусирована на изучении локальных демографических процессов в территориально-административных субъектах Российской Федерации. При этом наблюдается определённый дефицит комплексных научных работ, рассматривающих демографическую динамику через призму пространственной детерминированности и межрегиональных взаимосвязей.

Теоретические и методологические аспекты

В современной демографической науке приобретает все большее значение пространственный анализ в качестве методологического инструмента анализа демографических процессов. Данный подход позволяет не только выявлять территориальные закономерности демографического развития, но и формировать комплексное представление о пространственной организации демографических процессов на различных территориальных уровнях. Актуальность применения пространственного анализа в демографических исследованиях обусловлена несколькими ключевыми факторами: во-первых, усиливающейся территориальной дифференциацией демографических процессов, требующей детального изучения пространственных закономерностей; во-вторых, развитием геоинформационных технологий, открывающих новые возможности для пространственного моделирования; в-третьих, необходимостью выработки научно обоснованных рекомендаций для региональной демографической политики.

Особую ценность пространственный анализ представляет в рамках системного подхода к изучению демографических процессов. Он позволяет идентифицировать территориальные паттерны демографического поведения, выявлять пространственные кластеры со схожими характеристиками и выявлять пространственную асимметрию демографических процессов.

Высокую актуальность пространственный анализ демографических процессов приобретает

для России с её обширной территорией и значительной региональной дифференциацией. Применение данного метода позволяет не только выявлять существующие территориальные различия, но и разрабатывать эффективные механизмы управления демографическим развитием на различных территориальных уровнях.

Данные и методы исследования

Методологической основой исследования является интеграция демографического и пространственного подходов, позволяющая выявить ключевые закономерности территориального развития страны в контексте демографических изменений. В статье используются данные текущего статистического учета Росстата за 2023–2024 гг., а также результаты переписей населения 2021 и 2010 гг.

Эмпирическую базу составляют статистические данные о динамике численности населения регионов России за 1994–2024 гг., а также наиболее свежие данные ЕМИСС по значениям суммарного коэффициента рождаемости в 2024 году и ожидаемой продолжительности жизни при рождении в 2023 г. Для оценки распределения регионов России по значениям общего коэффициента естественного роста/убыли населения были использованы средние значения за период 2019–2023 гг.

В исследовании проведена оценка демографических изменений в двух пространственных измерениях:

- федеральный (уровень федеральных округов);
- региональный (регион/субъект Российской Федерации)

Применены методы статистического и пространственного анализа, включая методы картографирования демографических данных, что позволило выявить ключевые закономерности демографической динамики на региональном уровне.

Результаты

Оценка динамики численности населения на федеральном уровне в границах 2017 года обусловлена включением в границы Дальневосточного федерального округа территорий Забайкальского края и Республики Бурятия, что усложняет анализ временных рядов с 1994 года. Проведённый анализ свидетельствует о существенной региональной дифференциации динамики численности населения субъектов Российской Федерации. За исследуемый период в пяти из семи (Северо-Кавказский федеральный округ не был включён в связи с его образованием в 2010 г.) рассмотренных федеральных округов зафиксирована убыль населения, суммарный объём которой составил более 9,2 млн человек. В абсолютных значениях в период с 1994 по 2024 гг. наиболее значительное сокращение численности населения наблюдалось в Приволжском (-3 млн 487 тыс. человек), Сибирском (-2 млн 485 тыс.) и Дальневосточном федеральных округах (-1 млн 804 тыс. человек). Однако при оценке динамики в процентном отношении перечень субъектов с наибольшим сокращением приобретает зеркальный вид: Дальневосточный федеральный округ (-23,39%), Сибирский (-11,83%), Приволжский (-10,89) (таблица 1).

Таблица 1

Динамика численности населения федеральных округов России в период с 1994 по 2024 гг. в границах 2017 года

Table 1

Population Dynamics of the Federal Districts of Russia in the Period from 1994 to 2024 in the 2017 Boundaries

Федеральный округ	Численность населения в 1994 (тыс. чел)	Численность населения в 2024 (тыс. чел)	Динамика в 1994–2024 гг. (тыс. чел)	Динамика в 1994–2024 гг. в %
Дальневосточный федеральный округ	7 714	5 910	-1 804	-23,39
Сибирский федеральный округ	21 008	18 523	-2 485	-11,83
Приволжский федеральный округ	32 028	28 541	-3 487	-10,89
Северо-Западный федеральный округ	14 988	13 840	-1 148	-7,66
Уральский федеральный округ	12 625	12 262	-363	-2,87
Центральный федеральный округ	38 088	40 199	2 111	5,54
Южный федеральный округ	21 905	24 404	2 499	11,41

Источник: рассчитано автором на основе данных Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)¹.

¹ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС), данные за 1994–2024 гг. // ЕМИСС: государственная статистика: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 14.01.2025).

В противоположность общему тренду убыли населения в большинстве федеральных округов, в Южном и Центральном федеральных округах зафиксирован устойчивый рост численности населения. В Южном федеральном округе прирост составил 11,41% (с 21 905 тыс. человек в 1994 году до 24 404 тыс. человек в 2024 году), а в Центральном федеральном округе – 5,54% (с 38 088 тыс. человек до 40 199 тыс. человек). Данная тенденция свидетельствует о формировании выраженного центростремительного западного вектора внутренних миграций, при котором население перемещается из восточных и северных регионов страны в более экономически развитые и социально привлекательные регионы европейской части России. Существенный вклад в увеличение численности населения Южного федерального округа оказало принятие в состав Российской Федерации Республики Крым в 2014 году и его последующее вхождение в состав Южного федерального округа в 2016 году.

Анализ динамики численности населения по 83 субъектам Российской Федерации (за исключением новых территорий, Республики Крым и города Севастополь, в связи с отсутствием сопоставимых данных за предшествующий период) в период с 1994 по 2024 годы также демонстрирует высокую неоднородность. Наиболее значительный рост численности населения отмечается в республиках Северного Кавказа. Так, в Республике Ингушетия население увеличилось на 171,76% (с 194 тыс. человек в 1994 году до 527 тыс. человек в 2024 году), в Республике Дагестан численность населения выросла на 58,91%, в Чеченской Республике – на 18,8%. Данный факт объясняется сохранением достаточно высокой рождаемости и относительно молодой

возрастной структурой населения в этих регионах. Также довольно высокие темпы роста характерны для г. Москва (45%), Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (37,6%), Московской области (29,6%), Ленинградской области (21,5%), Краснодарского края (18,1%), Тюменской области (15,8%) и г. Санкт-Петербурга (14,6%). Данные регионы привлекают значительные миграционные потоки, что обуславливает положительный вектор их демографического развития.

Однако доминирующей тенденцией в демографической динамике России на региональном уровне является депопуляция, так как только 23 субъекта федерации продемонстрировали положительную динамику. В рассматриваемый период в 57 регионах страны фиксируется достаточно высокая отрицательная динамика численности населения, составившая в среднем с 1994 по 2024 гг. – минус 19,5%. Наиболее существенное сокращение зафиксировано в регионах Дальневосточного федерального округа: Магаданской области (-55,5%), Чукотском автономном округе (-56,7%), Камчатском крае (-38,9%), Сахалинской области (-33,6%), Еврейской автономной области (-32,6%). Также высокая отрицательная динамика наблюдается и в регионах Европейского Севера и Центральной России: Мурманской области (-40,4%), Республике Коми (-39,5%), Архангельской области (-34,2%), Республике Карелия (-32,7%), Псковской области (-30,1%), Костромской области (-28,9%), Ивановской области (-28,6%) и т.д. При этом высокоинтенсивное сокращение населения (более 30%) характерно и для других географических районов страны, например для Курганской области (рисунок 1).

Рисунок 1. Карта динамики численности населения регионов России за период 1994–2024 гг. в %
Figure 1. Map of Population Dynamics in Russia's Regions for the Period 1994–2024, in %

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС)².

² Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС), данные за 1994–2024 гг. // ЕМИСС: государственная статистика: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 14.01.2025).

Рассматривая региональные особенности демографической динамики и опираясь на методологические установки предыдущих работ автора следует выделить несколько «полюсов» роста и сокращения численности населения [14]:

1) **полюс быстрого роста численности населения (более 1% в год)**: Республика Ингушетия, Республика Дагестан, г. Москва, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Московская область;

2) **полюс ускоренного роста населения (более 0,5% в год)**: Ленинградская область, Чеченская Республика, Краснодарский край, Тюменская область, г. Санкт-Петербург;

3) **полюс устойчивого роста населения (более 0,3% в год)**: Калининградская область, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Тыва, Республика Адыгея, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ставропольский край, Карачаево-Черкесская Республика;

4) **полюс медленного роста населения (более 0,1% в год)**: Республика Татарстан, Республика Алтай, Белгородская область, Республика Северная Осетия – Алания, Новосибирская область;

5) **полюс медленного сокращения численности населения (более 0,1% в год)**: Томская область, Самарская область, Астраханская область, Республика Саха (Якутия), Ростовская область, Республика Бурятия;

6) **полюс устойчивого сокращения населения (более 0,3% в год)**: Челябинская область, Республика Хакасия, Воронежская область, Волгоградская область, Ненецкий автономный округ, Свердловская область, Липецкая область, Красноярский край, Удмуртская Республика, Республика Марий Эл, Саратовская область, Чувашская Республика;

7) **полюс ускоренного сокращения численности населения (более 0,5% в год)**: Омская область, Республика Калмыкия, Пермский край, Оренбургская область, Вологодская область, Кемеровская область, Нижегородская область, Ярославская область, Рязанская область, Тульская область, Иркутская область, Хабаровский

край, Владимирская область, Ульяновская область, Республика Мордовия, Курская область, Пензенская область, Приморский край, Алтайский край, Брянская область, Новгородская область, Орловская область, Смоленская область, Тверская область, Амурская область, Тамбовская область, Забайкальский край;

8) **полюс быстрого сокращения численности населения (более 1% в год)**: Ивановская область, Костромская область, Псковская область, Кировская область, Курганская область, Еврейская автономная область, Республика Карелия, Сахалинская область, Архангельская область, Камчатская область, Республика Коми, Мурманская область, Магаданская область, Чукотский автономный округ.

Анализ региональной динамики численности населения России за 1994–2024 гг. выявляет значительную дифференциацию между субъектами. Наблюдаются как регионы с высокими темпами роста, так и территории, характеризующиеся устойчивым сокращением численности населения. Данные тенденции способствуют усилению пространственных диспропорций в системе расселения и создают риски для сбалансированного развития территорий страны. Причины данных количественных демографических изменений обусловлены комплексом социально-экономических, демографических и миграционных факторов, требующих дальнейшего углубленного изучения.

Рассматривая первопричины указанных тенденций, целесообразно обратиться к анализу ключевых демографических показателей, характеризующих результативность естественного и механического движения населения. Опираясь на классификацию ООН по уровню суммарного коэффициента рождаемости (СКР) на 2024 г., регионы России можно условно классифицировать на четыре группы: регионы со средним уровнем рождаемости (СКР = 2,1–2,9), регионы с низким уровнем рождаемости (СКР = 1,5–2,1), регионы с очень низким уровнем рождаемости (СКР = 1,3–1,5), регионы с крайне низким уровнем рождаемости (СКР < 1,3) (таблица 2).

Таблица 2

Классификация регионов России по уровню суммарного коэффициента рождаемости в 2024 году

Table 2

Classification of Russian Regions by the Level of Total Fertility Rate in 2024

Значение СКР	Регионы Российской Федерации
регионы со средним уровнем рождаемости (СКР = 2,1–2,9)	Чеченская Республика, Республика Тыва
регионы с низким уровнем рождаемости (СКР = 1,5–2,1)	Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Алтай, Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Тюменская область, Сахалинская область, Чукотский автономный округ, Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Астраханская область, Иркутская область, Республика Северная Осетия-Алания, Камчатский край, Кабардино-Балкарская Республика, Забайкальский край, Курганская область, Свердловская область, Республика Бурятия, Республика Карелия, Краснодарский край, Республика Саха (Якутия), Пермский край

Значение СКР	Регионы Российской Федерации
регионы с очень низким уровнем рождаемости (СКР = 1,3–1,5)	Республика Коми, Республика Крым, Костромская область, Новосибирская область, Оренбургская область, Республика Хакасия, Челябинская область, г. Москва, Хабаровский край, Омская область, Республика Татарстан (Татарстан), Архангельская область, Амурская область, Красноярский край, Приморский край, Еврейская автономная область, Кировская область, Мурманская область, Республика Башкортостан, Чувашская Республика – Чувашия, Республика Адыгея (Адыгея), Республика Марий Эл, Калужская область, Карачаево-Черкесская Республика, Московская область, Удмуртская Республика, Вологодская область, Ивановская область, Самарская область, Ростовская область
регионы с крайне низким уровнем рождаемости (СКР <1,3)	Республика Калмыкия, Ярославская область, Нижегородская область, Псковская область, Ульяновская область, г. Санкт-Петербург, Ставропольский край, Алтайский край, Курская область, Тверская область, Магаданская область, Новгородская область, Воронежская область, Калининградская область, Томская область, Орловская область, Тамбовская область, Кемеровская область – Кузбасс, Пензенская область, Липецкая область, Владимирская область, Тульская область, Брянская область, Волгоградская область, Рязанская область, Белгородская область, Саратовская область, Смоленская область, Республика Мордовия, г. Севастополь, Ленинградская область

Источник: построено автором на основе данных Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)³.

Следует заметить, что к категории регионов, соответствующих расширенному типу воспроизводства населения (СКР > 2,14), в 2024 году относились только два региона: Чеченская Республика (СКР – 2,75) и Республика Тыва (СКР – 2,24). Эти субъекты характеризуются традиционно высокой рождаемостью, что связано с культурными и религиозными особенностями, относительно низким уровнем урбанизации, а также с сохранением многодетности как социальной нормы. Оба региона расположены на южных границах России. При этом нужно отметить, что в период с 2015 г. в данных субъектах России уровень СКР значительно снизился.

В категорию регионов с низким уровнем рождаемости (СКР = 1,5–2,1) входят 22 региона, включая Ямало-Ненецкий автономный округ, Республику Алтай, Республику Ингушетию, Республику Дагестан, Тюменскую область, Сахалинскую область, Чукотский автономный округ, Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Астраханскую область, Иркутскую область, Республику Северная Осетия-Алания, Камчатский край, Кабардино-Балкарскую Республику, Забайкальский край, Курганскую область, Свердловскую область, Республику Бурятия, Республику Карелия, Краснодарский край, Республику Саха (Якутия) и Пермский край. Географически эти регионы расположены в различных частях страны: от северных и дальневосточных территорий до южных и центральных областей. Однако общим для них является относительно низкий уровень урбанизации и сохранение

традиционных семейных ценностей, что способствует поддержанию рождаемости на уровне выше среднего по стране. В то же время в некоторых из этих регионов, таких как Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, высокий уровень рождаемости может быть связан с притоком молодого населения, занятого в нефтегазовой отрасли.

Категория регионов с очень низким уровнем рождаемости (СКР = 1,3–1,5) включает 30 субъектов России, среди которых Республика Коми, Республика Крым, Костромская область, Новосибирская область, Оренбургская область, Республика Хакасия, Челябинская область, г. Москва, Хабаровский край, Омская область, Республика Татарстан (Татарстан), Архангельская область, Амурская область, Красноярский край, Приморский край, Еврейская автономная область, Кировская область, Мурманская область, Республика Башкортостан, Чувашская Республика, Республика Адыгея, Республика Марий Эл, Калужская область, Карачаево-Черкесская Республика, Московская область, Удмуртская Республика, Вологодская область, Ивановская область, Самарская область и Ростовская область. Большинство этих регионов расположены в европейской части России, а также в Сибири и на Дальнем Востоке.

Категория регионов с крайне низким уровнем рождаемости (СКР < 1,3) является наибольшей, к ней относятся 32 субъекта, включая Республику Калмыкию, Ярославскую область, Нижегородскую область, Псковскую область, Ульяновскую область, г. Санкт-Петербург, Ставропольский край, Алтайский край, Курскую область, Тверскую область, Магаданскую область, Новгородскую область, Воронежскую область, Калининградскую

³ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС), данные за 2024 г. // ЕМИСС: государственная статистика: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 17.01.2025).

область, Томскую область, Орловскую область, Тамбовскую область, Кемеровскую область – Кузбасс, Пензенскую область, Липецкую область, Владимирскую область, Тульскую область, Брянскую область, Волгоградскую область, Рязанскую область, Белгородскую область, Саратовскую область, Смоленскую область, Республику Мордовию, г. Севастополь и Ленинградскую область. Данные регионы характеризуются крайне низким уровнем рождаемости, что связано с глубокими демографическими кризисами, включая старение населения, высокую смертность и отток молодёжи в более экономически развитые регионы. Географически они расположены преимущественно в центральной и западной частях России, где, как было показано выше, наблюдается наиболее выраженная депопуляция.

Оценивая уровень суммарного коэффициента рождаемости в регионах России на 2024 год, обращает на себя внимание высокий уровень дифференциации рождаемости. Южные регионы, особенно республики Северного Кавказа, сохраняют относительно высокий уровень рождаемости, в то время как центральные и западные регионы сталкиваются с более глубоким демографическим кризисом.

Одним из ключевых демографических показателей, который отражает среднее количество лет, которое может прожить человек при условии, что уровни смертности в каждом возрасте останутся

неизменными на протяжении всей его жизни, является ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ). Этот показатель тесно связан с уровнем смертности, так как он рассчитывается на основе данных о смертности по возрастным группам.

По данным Росстата за 2023 год в регионах Российской Федерации наблюдается значительная поляризация этого показателя, что отражает влияние различных факторов, включая уровень медицинского обслуживания, экологические условия, образ жизни и экономическое благополучие регионов. Среди регионов с наименьшей ожидаемой продолжительностью жизни выделяются преимущественно северные и восточные территории (Чукотский автономный округ, Республика Тыва, Забайкальский край, Амурская область, Еврейская автономная область и др.), что по всей видимости связано с более суровыми климатическими условиями и недостаточным развитием инфраструктуры здравоохранения. Для этих регионов характерны низкие значения ОПЖ, особенно среди мужчин, что связано с высоким уровнем смертности от внешних причин (несчастные случаи, алкоголизм, суициды), а также с недостаточным доступом к качественным медицинским услугам. Женщины в этих регионах живут значительно дольше, что отражает общероссийскую тенденцию гендерного разрыва в продолжительности жизни (таблица 3).

Таблица 3

20 субъектов РФ с наименьшими и наибольшими значениями ожидаемой продолжительности жизни при рождении в 2023 г.

Table 3

20 Subjects of the Russian Federation with the Lowest and Highest Values of Life Expectancy at Birth in 2023

Субъект РФ	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2023 г.		
	оба пола	мужчины	женщины
10 субъектов с наименьшими значениями:			
Чукотский автономный округ	66,56	58,67	76,39
Республика Тыва	66,59	59,92	73,34
Забайкальский край	67,17	60,68	74,33
Амурская область	68,25	62,3	74,74
Еврейская автономная область	68,3	62,36	74,38
Магаданская область	69,3	63,57	75,33
Республика Алтай	69,39	62,27	77,06
Республика Бурятия	69,54	62,88	76,52
Республика Карелия	69,75	63,09	76,53
Курганская область	69,79	63,12	76,86
10 субъектов с наибольшими значениями:			
г. Севастополь	76,11	72,21	80,02
Республика Северная Осетия-Алания	76,16	70,94	81,08
Карачаево-Черкесская Республика	76,25	71,53	80,97
Чеченская Республика	76,26	73,87	78,61

Субъект РФ	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2023 г.		
	оба пола	мужчины	женщины
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	76,32	71,6	80,87
г. Санкт-Петербург	76,55	72,21	80,3
Кабардино-Балкарская Республика	77,14	72,81	81,32
Республика Ингушетия	79,2	77,81	80,83
г. Москва	79,38	75,85	82,76
Республика Дагестан	79,87	77,31	82,55

Источник: составлено автором на основе данных Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)⁴.

Регионы с наибольшей ожидаемой продолжительностью жизни в большей степени расположены преимущественно на юге России и в крупных городах. Особенно выделяются республики Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария). В крупных же городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, высокий уровень ОПЖ обусловлен доступом к качественным медицинским услугам и высоким уровнем доходов населения. Во всех регионах наблюдается значительный гендерный разрыв в продолжительности жизни. Наибольший разрыв отмечается в регионах с низкой ОПЖ (например, в Чукотском автономном округе – 17,72 года), что связано с высокой смертностью мужчин от внешних причин. В регионах с высокой ОПЖ разрыв меньше (например, в Республике Ингушетия – 3,02 года).

Ожидаемая продолжительность жизни в субъектах Российской Федерации в 2023 году демонстрирует значительную региональную дифференциацию, обусловленную климатическими, социально-экономическими и культурными факторами. Разница между самыми благополучными и самыми отстающими регионами составляет 13,31 лет для обоих полов: 19,14 лет для мужчин и 9,21 лет для женщин. Во всех регионах наблюдается значительный гендерный разрыв в продолжительности жизни – женщины живут существенно дольше мужчин.

Для отражения тенденций естественного прироста\убыли населения в регионах России был рассмотрен коэффициент естественного прироста населения, отражающий разницу между рождаемостью и смертностью на 1 тыс. человек населения. Для анализа использовались данные по коэффициенту естественного прироста\убыли населения в регионах России за период 2019–2023 гг. Усреднённые значения были рассчитаны для каждого региона,

что позволило выделить общие тенденции и географические закономерности (рисунок 2).

Самый высокий естественный прирост наблюдается в Чеченской Республике (14,98), Республике Ингушетия (12,56) и Республике Тыва (9,8). Также положительный прирост отмечается в Республике Дагестан (8,56), Ямало-Ненецком автономном округе (7,52) и Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (4,62). Наиболее же значительная убыль населения наблюдается в регионах Центральной России: Псковской области (-109,8), Смоленской области (-104,4), Тверской области (-104), Ивановской области (-102,4), Тульской области (-102,8) и Владимирской области (-102,6). Эти регионы, расположенные в Центральной России, сталкиваются с аналогичными проблемами старения населения и экономического спада.

Результаты анализа показывают, что естественный рост населения в России крайне неоднороден. Из рассмотренных 85 регионов – 71 характеризовался естественной убылью населения, при этом более половины из них в период с 2019 по 2023 гг. демонстрировали её очень высокие значения. Регионы же с положительным естественным приростом, как правило, расположены на Северном Кавказе и в автономных округах с развитой ресурсной экономикой. В то же время, большинство регионов Центральной России и некоторых частей Сибири сталкиваются с серьёзными демографическими вызовами, связанными с естественной убылью населения.

Также были проанализированы усреднённые значения коэффициента миграционного прироста за период 2019–2023 гг. по регионам России на 10 тыс. человек. Наиболее высокие значения коэффициента миграционного прироста наблюдаются в ряде высокоурбанизированных регионов Российской Федерации. Лидером среди них является город федерального значения Севастополь, где коэффициент достигает 274,44. Ленинградская (193,12) и Московская (135,28) области также

⁴ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС), данные за 2023 г. // ЕМИСС: государственная статистика: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 18.01.2025).

демонстрируют значительные показатели миграционного прироста. Привлекательность этих регионов по всей видимости связана с их близостью к крупнейшим агломерациям – Санкт-Петербургу и Москве, – а также с развитой инфраструктурой и высоким уровнем экономической активности. Республика Адыгея (133,36) и

Калининградская область (103,34) также входят в число регионов-лидеров с положительным миграционным приростом. Эти территории привлекают мигрантов благодаря благоприятным климатическим условиям, экономическим возможностям и особым статусом Калининградской области как эксклава.

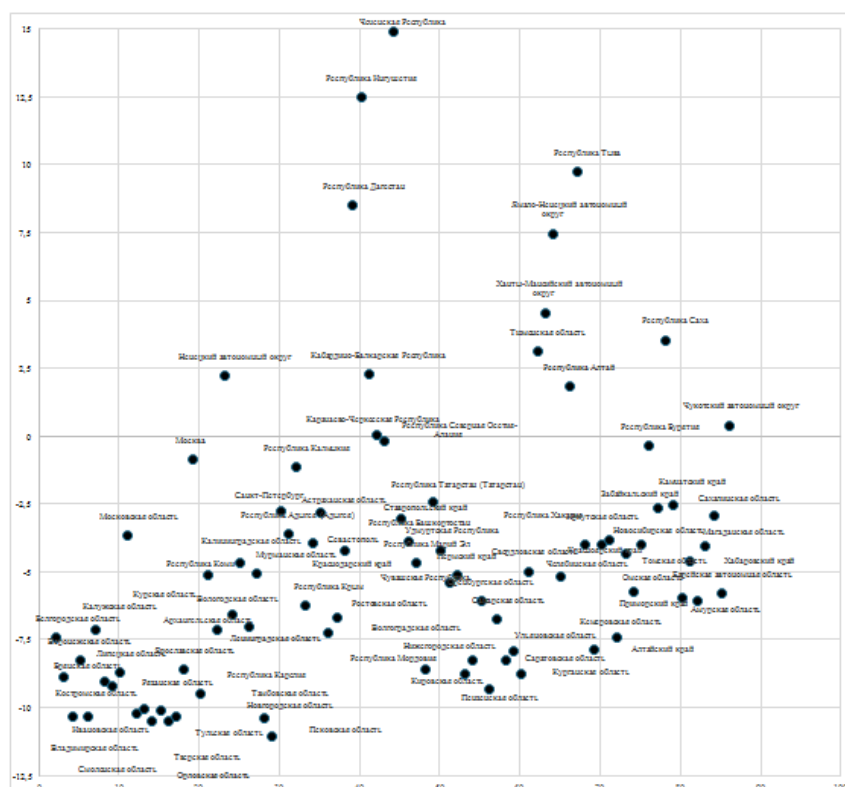

Рисунок 2. Диаграмма распределения регионов России по усреднённым значениям общего коэффициента естественного роста\убыли населения за период 2019–2023 гг. на 1000 человек
Figure 2. Diagram of the Distribution of Russian Regions by the Average Value of the Total Natural Growth Coefficient of the Population for the Period 2019–2023 Per 1,000 People

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС).⁵

Краснодарский край (65,9), а также крупнейшие города России – Москва (57,4) и Санкт-Петербург (45,42) – сохраняют статус важных центров притяжения для внутренней миграции.

Напротив, более половины регионов России демонстрируют значительные потери населения за счёт миграции. Наиболее выраженные отрицательные показатели наблюдаются в северных и восточных регионах страны: Республике Коми (-105,52), Мурманской области (-89,8), Еврейской автономной области (-86,46), Забайкальском крае (-74,76), Архангельской области (-71,3), Камчатском крае (-49,64). Магаданская область (-55,32) и

Ямало-Ненецкий автономный округ (-54,52), несмотря на наличие значительной ресурсной базы, также теряют население.

В соответствии с предыдущими исследованиями коллектива основными причинами миграционного оттока с северных территорий страны являются высокая стоимость жизни и недостаточная развитость социальной инфраструктуры. Кроме того, общей чертой регионов с отрицательным миграционным приростом является их периферийное положение, сложные климатические условия и невысокие темпы экономического развития.

Анализ миграционных процессов в России позволяет выделить несколько географических закономерностей. Центральная Россия демонс-

⁵ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС), данные за 2019–2023 гг. // ЕМИСС: государственная статистика: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 18.01.2025).

трирует неоднородную картину: пригороды Москвы и Санкт-Петербурга (Ленинградская и Московская области) имеют высокий миграционный прирост, тогда как более удалённые регионы, такие как Ивановская, Тверская и Смоленская области, теряют население. Юг России (Краснодарский край, Республика Адыгея, Ростовская область) остается привлекательным для мигрантов благодаря благоприятному климату, развитию сельского хозяйства и туризма. Северные и восточные регионы (Республика Коми, Мурманская область, Забайкальский край) продолжают терять население. Национальные республики демонстрируют разнонаправленные тенденции. Например, Республика Ингушетия и Республика Татарстан имеют положительный миграционный прирост, тогда как Республика Калмыкия и Республика Тыва – отрицательный.

Таким образом, миграционные процессы в России отражают глубокие социально-экономические и географические различия между регионами. Положительный миграционный прирост характерен для регионов с высокой экономической активностью, развитой инфраструктурой и благоприятными условиями жизни. В то же время периферийные регионы с суровыми климатическими условиями и низким уровнем экономического развития продолжают терять население.

Представленные данные позволяют классифицировать регионы России по двум ключевым компонентам демографической динамики: естественному приросту (убыли) и миграционному приросту (убыли). На основе этих компонентов выделены четыре группы регионов, каждая из которых характеризуется уникальными демографическими тенденциями (таблица 3).

Таблица 3

Классификация регионов России в зависимости от сочетания компонент естественного и миграционного прироста (убыли) населения по усреднённым значениям 2019–2023 гг.

Table 3

Classification of Russian Regions Depending on the Combination of Components of Natural and Migratory Population Growth (Loss) by Average Values 2019–2023

Сочетания компонент демографического развития	Соответствующие регионы
Естественный прирост + Миграционный прирост	Кабардино-Балкарская Республика, Ненецкий автономный округ, Республика Саха (Якутия), Республика Ингушетия, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
Естественный прирост + Миграционная убыль	Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Тыва, Чеченская Республика, Республика Алтай, Республика Дагестан, Чукотский автономный округ, Карачаево-Черкесская Республика
Естественная убыль + Миграционный прирост	Челябинская область, Республика Марий Эл, Волгоградская область, Липецкая область, Свердловская область, Белгородская область, Республика Башкортостан, Курская область, Новгородская область, Красноярский край, Самарская область, Рязанская область, Воронежская область, Ростовская область, Тульская область, Ставропольский край, Новосибирская область, Республика Татарстан (Татарстан), Республика Крым, г. Санкт-Петербург, г. Москва, Краснодарский край, Калужская область, Калининградская область, Республика Адыгея (Адыгея), Московская область, Ленинградская область, г. Севастополь
Естественная убыль + Миграционная убыль	Республика Коми, Мурманская область, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Архангельская область, Астраханская область, Курганская область, Омская область, Магаданская область, Республика Северная Осетия-Алания, Сахалинская область, Кировская область, Республика Чувашия, Алтайский край, Костромская область, Республика Карелия, Амурская область, Смоленская область, Приморский край, Оренбургская область, Республика Калмыкия, Ивановская область, Чувашская Республика – Чувашия, Иркутская область, Пермский край, Удмуртская Республика, Орловская область, Пензенская область, Тамбовская область, Томская область, Кемеровская область – Кузбасс, Ульяновская область, Вологодская область, Хабаровский край, Республика Бурятия, Псковская область, Республика Мордовия, Ярославская область, Брянская область, Саратовская область, Тверская область, Республика Хакасия, Владимирская область, Нижегородская область

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС).⁶

⁶ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС), данные за 2019–2023 гг. // ЕМИСС: государственная статистика: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 18.01.2025).

7 регионов первой группы (Естественный прирост + Миграционный прирост) демонстрируют положительные значения как естественного прироста (превышение рождаемости над смертностью), так и миграционного прироста (приток населения из других регионов или стран). Регионы этой группы характеризуются высокой рождаемостью и привлекательностью для мигрантов. Это может быть связано с экономической активностью (например, нефтегазовый сектор в Тюменской области и Ханты-Мансийском автономном округе) или этнокультурными особенностями (высокая рождаемость в республиках Северного Кавказа). Это наиболее благополучная группа с точки зрения демографической динамики.

Регионы второй группы (Естественный прирост + Миграционная убыль) имеют положительный естественный прирост, но при этом теряют население из-за миграционной убыли. Это свидетельствует о том, что, несмотря на высокую рождаемость, регионы не могут удержать население, которое мигрирует в более экономически развитые и привлекательные регионы. К данной группе относятся 8 регионов страны.

29 регионов третьей группы (Естественная убыль + Миграционный прирост) сталкиваются с естественной убылью населения (смертность превышает рождаемость), но при этом привлекают мигрантов. Это может быть связано с экономической привлекательностью или наличием рабочих мест, которые компенсируют естественную убыль.

Четвёртая группа является наиболее обширной и включает уже 39 субъектов федерации. Регионы этой группы сталкиваются с двойной проблемой: естественной и миграционной убылью. Это наиболее сложная группа с точки зрения демографической динамики, так как регионы теряют население как из-за низкой рождаемости и высокой смертности, так и из-за оттока населения, что характерно для многих регионов Центральной России, Сибири и Дальнего Востока.

Классификация регионов России по сочетанию компонентов естественного и миграционного прироста (убыли) позволяет выделить ключевые демографические тенденции и вызовы, с которыми сталкиваются различные территории страны. Регионы первой группы (естественный прирост + миграционный прирост) представляют собой наиболее благополучные с точки зрения демографической динамики территории, где наблюдается устойчивый рост населения. В то же время регионы четвёртой группы (естественная убыль + миграционная убыль) находятся в наиболее сложной ситуации, требующей срочных мер по улучшению социально-экономических условий и привлечению населения.

Заключение

Проведённое исследование демографического развития регионов России в период с 1994 по 2024 гг. подтвердило выдвинутую ранее гипотезу о значительных пространственных диспропорциях в демографическом развитии регионов России, обусловленные как естественными, так и миграционными процессами. В стране наблюдается усиление различий между регионами по динамике численности населения, возрастной структуре и миграционной подвижности. Крупные агломерации, такие как Москва, Санкт-Петербург и их пригороды, демонстрируют устойчивый рост населения за счёт миграционного притока, в то время как многие регионы Дальнего Востока, Сибири и Севера сталкиваются с устойчивой депопуляцией, вызванной миграционным оттоком и естественной убылью населения. Ключевой тенденцией в демографической динамике России на региональном уровне является депопуляция, так как только 23 субъекта федерации продемонстрировали положительную динамику. В рассмотренный период в 57 регионах страны фиксировалась достаточно высокая отрицательная динамика численности населения, составившая в среднем с 1994 по 2024 гг. – минус 19,5%.

Анализ суммарного коэффициента рождаемости (СКР) показал, что только два региона (Чеченская Республика и Республика Тыва) соответствуют расширенному типу воспроизводства населения ($СКР > 2,14$). Большинство регионов, особенно в центральной и западной частях страны, характеризуются крайне низким уровнем рождаемости ($СКР < 1,3$), что свидетельствует о глубоком демографическом кризисе.

Наблюдается и значительная региональная дифференциация по показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Наименьшие значения зафиксированы в северных и восточных регионах (Чукотский автономный округ, Республика Тыва, Забайкальский край), где суровые климатические условия и недостаточное развитие инфраструктуры здравоохранения способствуют высокой смертности, особенно среди мужчин. Напротив, наибольшие значения ОПЖ наблюдаются в южных регионах (Республика Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария) и крупных городах (Москва, Санкт-Петербург), где доступ к качественным медицинским услугам и высокий уровень доходов населения способствуют увеличению продолжительности жизни.

Выявленные демографические тренды имеют долгосрочный характер и формируют комплекс вызовов для пространственного развития России. Концентрация населения в европейской

части страны при одновременном обезлюдении восточных территорий создаёт риски как экономического, так и геополитического характера.

Ситуация вызывает обоснованные опасения в контексте демографического развития Дальневосточного федерального округа, где масштабная депопуляция может негативно сказаться на перспективах освоения территории и реализации проектов развития стратегически важного региона. Значительное сокращение численности населения в регионах Дальнего Востока обусловлено комплексом факторов, включающих неблагоприятные климатические условия, высокий уровень цен, низкий уровень развития социальной инфраструктуры, отток трудоспособного населения в другие регионы страны. Данная тенденция требует особого внимания со стороны государства и разработки комплексных мер по повышению привлекательности восточных и северных территорий страны для постоянного проживания [15].

Для стабилизации демографической ситуации в России требуется разработка дифференцированных подходов к управлению демографическими процессами, учитывающими социаль-

но-экономическую специфику регионов. Особое внимание следует уделить поддержке молодых семей, развитию социальной инфраструктуры и стимулированию экономического роста в депрессивных регионах. Важным направлением является также совершенствование внутренней миграционной политики, направленной на привлечение и закрепление населения в периферийных регионах.

В заключение следует отметить, что успешное пространственное развитие России невозможно без учёта демографических процессов и их долгосрочных последствий. Требуется разработка научно обоснованных подходов к управлению пространственным развитием, учитывающим как демографические тренды, так и специфику отдельных территорий. Решение задач пространственного развития в контексте демографических вызовов требует комплексного подхода, объединяющих усилия федеральных и региональных властей, бизнеса и научного сообщества. Только такой подход позволит обеспечить устойчивое развитие территории России в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад–2020 / Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Архангельский В.Н. [и др.]; отв. ред. Т.К. Ростовской, А.А. Шабуновой; ФНИСЦ РАН. М.: Перспектива, 2021. 138 с. ISBN 978-5-89697-369-0 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-369-0>
2. Екимова Н.А., Гаганов А.Е. Демографические тренды регионов России: в поисках источников роста // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 3(64). С. 60–65. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2023.64.707> EDN DPADM
3. Кондратьева В.И., Тарасова-Сивцева О.М. Воздействие демографических факторов на трудовые ресурсы северных регионов ресурсного типа // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. Том 26. № 2(80). С. 146–159. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.2.2023.80.010> EDN GWDCSW
4. Ткаченко А.А. Актуальные проблемы развития регионов России: экономика и демография // Экономика. Налоги. Право. 2024. Том 17. № 3. С. 115–124. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2024-17-3-115-124> EDN LAZTXW
5. Черкасов А.А., Сопнев Н.В., Панин А.Н. ГИС-мониторинг современного демографического развития регионов и больших городов Юга Европейской части России // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2021. Том 27. № 4. С. 347–360. <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2021-4-27-347-360> EDN BAWMGA
6. Щукина А.С. Географический анализ современных демографических процессов // Вестник ТвГУ. Сер. география и геоэкология. 2015. № 2. С. 44–56. EDN VIYVRD
7. Кабашиова Е.В. Уровень жизни населения и демографическое развитие региона // Вестник евразийской науки. 2021. Том 13. № 6. <https://doi.org/10.15862/12ECVN621> EDN JUPWEE
8. Абрамова О.С. Исследование демографических тенденций в региональном аспекте // Экономическая наука современной России. 2023. № 4(103). С. 39–51. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-4\(103\)-39-51](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-4(103)-39-51) EDN ZGONCK
9. Мотрич Е.Л. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 133–153. <https://doi.org/10.14530/se.2017.3.133-153> EDN ZFAPOF
10. Авдеев А.Ю., Ушакова В.Л. Демографические вызовы, или почему демографическая политика Дальнего Востока не ведет к желаемому результату // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 9–24. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_9_24 EDN EBFBEQ
11. Heleniak T. Out-migration and depopulation of the Russian North during the 1990s // Post-Soviet geography and economics. 1999. Vol. 40. Issue 3. P. 155–205. <https://doi.org/10.1080/10889388.1999.10641111>
12. Frejka T., Gietel-Basten S. Fertility and Family Policies in Central and Eastern Europe after 1990 // Comparative Population Studies. 2016. Vol. 41. No. 1. P. 3–56. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2016-03>
13. Kibele E.U., Klüsener S., Scholz R.D. Regional Mortality Disparities in Germany: Long-Term Dynamics and Possible Determinants // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 2015. Vol. 73. No. 1. P. 79–109. <https://doi.org/10.1007/s11577-015-0329-2>

14. Маркварт Э., Безвербный В.А., Ситковский А.М. Пространственное сжатие территорий Российской Федерации: понятие, критерии, система показателей // Города будущего: пространственное развитие, соучаствующее управление и творческие индустрии. М.: Изд. дом "Дело" РАНХиГС, 2021. С. 63–93. EDN UENSFM
15. Фомин М.В., Безвербный В.А., Селезнев И.А. Пространственное развитие Приморского края и Сахалинской области: мнение жителей // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 133–152. <https://doi.org/10.31857/S013128120011588-7> EDN FDTNMP

Информация об авторе:

Вадим Александрович Безвербный – кандидат экономических наук, заведующий отделом геоурбанистики и пространственной демографии, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (SPIN-код: 5758-6360) (РИНЦ AuthorID: 539479) (ResearcherID: O-1050-2016) (Scopus Author ID: 57210845020)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Статья поступила в редакцию 14.02.2025; одобрена после рецензирования 29.04.2025; принята к публикации 05.06.2025.

References

1. Rostovskaya T.K., Shabunova A.A. (res. eds.), Arkhangelsky V.N., et al. Demograficheskoe Samochuvstvie Regionov Rossii. National Demographic Report, 2021. FCTAS RAS. Moscow: Publishing and trading house Perspektiva; 2021. 138 с. ISBN 978-5-89697-369-0 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021> (in Russ.)
2. Ekimova N.A., Gaganov A.E. Demographic Trends in Russian Regions: in Search of Growth Sources. *Biznes. Obrazovanie. Pravo=Business. Education. Law*. 2023;(3(64)):60–65. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2023.64.707>
3. Kondratyeva V.I., Tarasova-Sivtseva O.M. The Effect of Demographic Factors on the Workforce in Northern Resource-Based Regions. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriadka=The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2023;26(2(80)):146–159. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.2.2023.80.010> (In Russ.)
4. Tkachenko A.A. Actual problems of development of Russian regions: economics and demographics. *Ekonomika. Nalogi. Pravo=Economics, Taxes and Law*. 2024;17(3):115–124. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2024-17-3-115-124> (In Russ.)
5. Cherkasov A.A., Sopnev N.V., Panin A.N. GIS-Monitoring of Modern Transformation of the Demographic Structure of Regions and Large Cities of the South of the European part of Russia. *InterGIS=Maps and GIS in Population and Public Health Research* 2021;27(4):347–360. <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2021-4-27-347-360> (In Russ.)
6. Shchukina A.S. Geographical Analysis of Modern Demographic Processes. *Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serya geografiya i geokologiya=Herald of Tver State University. Series: Geography and Geoecology*. 2015;(2):44–56. (In Russ.)
7. Kabashova E.V. Standard of Living of the Population and Demographic Development of the Region. *Vestnik evraziyskoy nauki=The Eurasian Scientific Journal*. 2021;13(6). <https://doi.org/10.15862/12ECVN621> (In Russ.)
8. Abramova O.S. Research in Demographic Trends – the Regional Aspect. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii=Economics of Contemporary Russia*. 2023;(4(103)):39–51. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-3\(102\)-39-51](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-3(102)-39-51) (In Russ.)
9. Motrich E.L. Far East in Russian Demography: Trends during Reform. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*. 2017;(3):133–153. <https://doi.org/10.14530/se.2017.3.133-153> (In Russ.)
10. Avdeev A.Yu., Ushakova V.L. Demographic Challenges or Why the Demographic Policy of the Far East does not Lead to the Desired Result. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(1):9–24. <https://doi.org/10.52180/1999-9836> (In Russ.)
11. Heleniak T. Out-migration and Depopulation of the Russian North during the 1990s. *Post-Soviet Geography and Economics*. 1999;40(3):155–205. <https://doi.org/10.1080/10889388.1999.10641111>
12. Frejka T., Gietel-Basten S. Fertility and Family Policies in Central and Eastern Europe after 1990. *Comparative Population Studies*. 2016;41(1):3–56. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2016-03>
13. Kibele E.U., Klüsener S., Scholz R.D. Regional Mortality Disparities in Germany: Long-Term Dynamics and Possible Determinants. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2015;73(1):79–109. <https://doi.org/10.1007/s11577-015-0329-2>
14. Marquart E., Bezverbny V.A., Sitkovsky A.M. Prostranstvennoe szhatie territoriy Rossiyskoy Federatsii: ponyatie, kriterii, sistema pokazateley. In: Goroda Budushchego: Prostranstvennoe Razvitie, Souchastvuyushchee Upravlenie i Tvorcheskije Industrii. Moscow: Delo Publishing House RANEPa; 2021. P. 63–93. (In Russ.)
15. Fomin M.V., Bezverbny V.A., Seleznev I.A. Spatial Development of Primorsky Territory and the Sakhalin Region: Opinion of Residents. *Problemy Dal'nego Vostoka=Far Eastern Affairs*. 2020;(4):133–152. <https://doi.org/10.31857/S013128120011588-7> (In Russ.)

Information about the author:

Vadim A. Bezverbnyi – PhD in Economics, Head of the Department of Geo-Urban Studies and Spatial Demography, Leading Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 5758-6360) (RSCI AuthorID: 539479) (ResearcherID: O-1050-2016) (Scopus Author ID: 57210845020)
The author declares that there is no conflict of interest.

The article was submitted 14.02.2025; approved after reviewing 29.04.2025; accepted for publication 05.06.2025.

Оригинальная статья

УДК 314.87, 332.142

JEL J10, R23

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_3_212_222

EDN DWABLU

Демографическое развитие регионов России: движение к достижению национальных целей

Константин Анатольевич Чернышев

Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

(kochern81@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0003-3543-4776>)

Аннотация

Статья посвящена изучению демографического развития субъектов РФ. Целью работы является совершенствование научных подходов к оценке регионального демографического развития, а задачи исследования включают определение критериев демографического развития с последующим выявлением благополучных и проблемных субъектов РФ. Теоретико-методологической основой явились научные подходы к изучению демографического благополучия регионов России. Демографическое развитие измеряется с помощью показателей, включённых в оценку эффективности деятельности высших должностных лиц и исполнительных органов власти субъектов РФ. Их перечень предлагается дополнить за счёт включения миграционных индикаторов, чтобы отразить ключевые процессы, влияющие на изменение численности населения: рождаемость, смертность, миграцию. В качестве пороговых значений, отделяющих проблемные регионы, используются целевые показатели, запланированные в официальных документах Правительства РФ, а также их динамика за 2018–2023 гг. Выявлено, что все регионы соответствуют каким-либо критериям проблемного демографического развития. Демографические показатели десяти субъектов РФ находятся ниже пороговых значений по всем предложенным критериям – это Амурская, Кировская, Костромская, Липецкая, Мурманская, Омская, Оренбургская, Пензенская области, Приморский край и Республика Коми. Для группы проблемных регионов характерна устойчивая депопуляция, сочетание естественной убыли и миграционного оттока, негативная динамика показателей рождаемости и снижение ожидаемой продолжительности жизни. К относительно благополучным можно отнести: Москву и Адыгею, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Делается вывод, что в условиях депопуляции необходима разработка научно обоснованных подходов к оценке демографического развития и типологизации регионов для проведения эффективной демографической политики.

Ключевые слова: демографическое развитие, регионы России, демографическое благополучие, депопуляция, рождаемость, продолжительность жизни, миграция

Для цитирования: Чернышев К.А. Демографическое развитие регионов России: движение к достижению национальных целей // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 212–222. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_3_212_222 EDN DWABLU

RAR (Research Article Report)

JEL J10, R23

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_3_212_222

Demographic Development of Russia's Regions: Progress towards Achieving National Goals

Konstantin A. Chernyshev

Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(kochern81@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0003-3543-4776>)

Abstract

The article is devoted to the study of the demographic development of the constituent entities of the Russian Federation. The aim of the study is to improve scientific approaches to assessing regional demographic development, and the objectives of the study include determining the criteria for demographic development with the subsequent identification of prosperous and problematic regions of the Russian Federation. The theoretical and methodological basis of the study were scientific approaches to assessing the demographic well-being of the regions of Russia. Demographic development is measured using indicators included in the assessment of the effectiveness of the activities of senior officials and executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation. Their list is proposed to be supplemented by the inclusion of migration indicators in order to reflect the key processes affecting population change: birth rate, mortality, migration. The threshold values that separate problematic regions are used target indicators planned in official documents of the Government of the Russian Federation, as well as their dynamics for 2018–2023. It was revealed that all regions meet some criteria of problematic demographic development. The demographic indicators of ten regions of the Russian Federation are below the threshold values for all proposed criteria – these are Amur, Kirov, Kostroma, Lipetsk, Murmansk, Omsk, Orenburg, Penza regions, Primorsky Krai and the Komi Republic. The group of problematic regions is characterized by stable depopulation, a combination of natural decline and migration outflow, negative dynamics of birth rates and a decrease in life expectancy. Relatively prosperous regions include Moscow and Adygea, Khanty-Mansiysk and Yamalo-Nenets Autonomous Okrugs. It is concluded that in the context of depopulation, it is necessary to develop scientifically based approaches to assessing demographic development and typology of regions for the implementation of effective demographic policy.

Keywords: demographic development, regions of Russia, demographic well-being, depopulation, fertility, life expectancy, migration

For citation: Chernyshev K.A. Demographic Development of Russia's Regions: Progress towards Achieving National Goals. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):212–222. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_3_212_222 (In Russ.)

Введение

Демографическое развитие крупнейшей по территории страны мира неравномерно, поскольку субъекты РФ заметно отличаются по социально-экономическим параметрам, природно-климатическим условиям, культурным особенностям населения и другим характеристикам. Важнейшей целью развития России является сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи¹. Стоящие перед российским обществом вызовы имеют региональное измерение, что определяет необходимость использования типологических подходов для проведения результативной региональной демографической политики. Объектом исследования статьи является демографическое развитие субъектов РФ. В свою очередь, цель исследования связана совершенствованием научных подходов к оценке регионального демографического развития. Предмет: различия демографической ситуации в субъектах РФ. Гипотеза исследования: соответствие всех регионов страны критериям проблемного демографического развития.

В социально-экономических науках накоплен опыт проведения исследований, в которых предлагаются критерии оценки, анализируются ход и результаты регионального демографического развития. С.В. Рязанцев и Т.Р. Мирязов предлагали оценивать его через категорию «демографическое благополучие», которая на уровне региона трактуется как сбалансированное соотношение количественных и качественных показателей демографического развития на протяжении минимум пяти лет [1]. Л.Л. Рыбаковский предлагал оценивать демографическое неблагополучие через показатель, полученный перемножением двух индексов, которые характеризуют естественное и миграционное движение населения [2]. Данный подход получил продолжение в работах исследователей, изучавших отдельные макрорегионы или типологические группы субъектов РФ [3; 4]. А.В. Короленко, развивая идеи о построении интегральных индексов для оценки региональной демографической ситуации, относит предложенные Л.Л. Рыбаковским индексы к характеризующим количественные изменения демографической сферы, а качественные изменения предлагается отражать с помощью субиндексов изменения

возрастной и половой, этнической структуры, брачности, здоровья, имеющих разные весовые коэффициенты [5]. М.А. Ласточкина предлагала рассчитывать индекс демографического благополучия регионов на основе степени приближения реальных показателей субъектов РФ к средним значениям 10 лучших регионов РФ [6]. В.А. Рубцов, Н.К. Габдрахманов, М.В. Рожко использовали индекс демографической ситуации, рассчитываемый на основе значений коэффициента демографической нагрузки, общих коэффициентов рождаемости и смертности, коэффициента младенческой смертности и ожидаемой продолжительности жизни при рождении [7]. Достоинством большинства работ является стремление учесть не только основные процессы естественного движения, но и миграцию. Однако расчёт интегральных индексов, как с применением весовых коэффициентов или без него, на наш взгляд, проблематичен, поскольку допускает компенсацию одних компонентов другими. Нередко в регионе низкая рождаемость сочетается с относительно высокой продолжительностью жизни, а миграционный прирост регистрируется в регионах с ухудшением показателей естественного движения [8; 9]. Относить регион к демографически благополучным следует в случае соответствия целевому уровню по всем ключевым параметрам. В свою очередь проблемным или неблагополучным может считаться субъект РФ, если все значимые показатели демографического развития ниже целевых значений.

Теоретические и методологические положения

Продвижение регионов по достижению национальных целей развития определяется на основе Указа Президента Российской Федерации от 28.11.2024 №1014², включающем линейку демографических индикаторов: численность населения, ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ), суммарный коэффициент рождаемости (СКР).

В нашей работе предлагается расширить перечень показателей для оценки демографической ситуации в субъектах РФ. В качестве пороговых значений показателей, отделяющих благополучные регионы от проблемных, предлагаем использовать

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

² Указ Президента РФ №1014 от 28.11.2024 г. «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации».

зовать целевые значения, обозначенные в официальных документах, касающихся демографического развития РФ. Показатели оценки развития субъектов РФ должны охватывать основные процессы, влияющие на изменение численности населения: рождаемость, смертность, миграцию.

Рождаемость является важнейшим демографическим процессом, и очевидным представляется отнесение к числу проблемных регионов таких, где число родившихся на 1000 жителей превышает число умерших. Однако, использование общих коэффициентов рождаемости (и смертности) для выявления межрегиональных различий малополезно, ибо в воспроизводстве участвует не всё население, а величина общих коэффициентов подвержена влиянию демографических структур. Тем не менее «Единый план по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года», утверждённый в 2021 году, определял целевой уровень рождаемости через общий коэффициент, указывая стремление достичь 9,3% к 2030 г. и 9,6% в 2023 году³ (фактически в 2023 г. показатель составил 8,7%). Это было связано с тем, что в действовавшем на тот период Указе Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474⁴ в качестве индикатора выполнения национальной цели «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей» конкретный показатель рождаемости не приводился. Соответственно, отсутствовал он и в перечне показателей оценки деятельности региональных властей⁵.

В начале нового президентского срока Указом Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 были скорректированы национальные цели развития России, первая из которых – «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи» помимо прочего предполагает повышение уровня рождаемости, который предлагается оценивать через СКР. Он показывает среднее число детей, которые будут рождены у одной женщины за весь репродуктивный период жизни при условии сохранения неизменными возрастных показателей рождаемости. Поскольку такое условие невыполнимо, то на деле СКР является интегральной характеристи-

кой текущего уровня рождаемости в стране или регионе. Преимуществом СКР является то, что он практически не зависит от возрастной структуры населения, а его величина позволяет судить обеспечивает ли уровень рождаемости воспроизводство населения. Число детей на одну женщину, достигающее 2,1–2,2 свидетельствует о наличии простого типа воспроизводства населения, так как в течение репродуктивного периода жизни каждая женщина в среднем «воспроизводит» не менее двух детей. Этот демографический показатель применялся в качестве целевого показателя оценки рождаемости и в ранее принятых документах, охватывающих демографическую сферу: «Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года»⁶, национальном проекте «Демография» на 2019–2024 гг.⁷. В соответствии с национальной целью, установленной в Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309⁸, СКР нашёл отражение в плановых документах, имеющих привязку к нынешнему президентскому сроку В.В. Путина: «Едином плане по достижению национальных целей развития РФ до 2030 года и на перспективу до 2036 года»⁹, в Указе Президента РФ от 28.11.2024 г. № 1014 и, очевидно, сохранится в национальном проекте «Семья» на 2025–2030 гг., который станет расширенным продолжением нацпроекта «Демография» на 2019–2024 гг.

Показатель ОПЖ является наиболее адекватной обобщающей характеристикой современного уровня смертности во всех возрастах и используется для определения целевых демографических показателей в «Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года», других ключевых документах целеполагания и планирования развития страны на текущем¹⁰ и предыдущем¹¹

⁶ Указ Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».

⁷ Паспорт национального проекта «Демография» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 16 от 24.12.2018 г.).

⁸ Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

⁹ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года (утв. Правительством РФ 09.01.2025 г.).

¹⁰ Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»; Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года (утв. Правительством РФ 09.01.2025 г.); Указ Президента РФ от 28.11.2024 г. № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации».

¹¹ Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период

³ Распоряжение Правительства РФ от 01.10.2021 г. № 2765-р (с изм. от 24.12.2021) «Об утверждении Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года».

⁴ Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

президентских сроках. Показатель ОПЖ означает число лет, которое в среднем предстояло бы прожить одному человеку из поколения родившихся в данном году при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения уровень смертности в каждом возрасте останется таким, как в год, для которого вычислен показатель. Отметим, что при проведении анализа и определении типов регионов необходимо учитывать сохраняющийся разрыв в ОПЖ мужчин и женщин в разной степени проявляющийся в субъектах РФ [10; 11].

В нашей работе для характеристики естественного движения населения используются показатели, оценивающие не только уровень, но и изменение числа детей на одну женщину и ОПЖ по сравнению с 2018 г., то есть хронологические рамки охватывают период после начала реализации национального проекта «Демография».

Важным компонентом изменения численности населения является миграция. Для оценки демографического развития субъектов РФ использовались данные по межрегиональной миграции. Сведения о миграционном обмене с зарубежными странами были исключены из рассмотрения ввиду недостатков текущего учёта международной миграции, вызванных включением в него с 2011 г. сведений о временных мигрантах, а также искажениями, вызванными действием Указа Президента РФ от 15.06.2021¹² № 364, согласно которому сроки действия регистрации по месту пребывания были приостановлены, а текущий учёт до конца 2021 г. не учитывал автоматические выбытия по окончании срока регистрации по месту пребывания. Соответственно, в 2022 г., когда регистрация выбытий была осуществлена, объём международных перемещений формально увеличился. Кроме того, увеличение численности населения регионов России – показателя, заявленного в Указе Президента РФ от 28.11.2024 № 1014, за счёт притока мигрантов из-за рубежа – негативно воспринимается в российском обществе.

Для характеристики межрегиональной миграции мы предлагаем использовать коэффициент результативности миграционных связей (КРМС) –

до 2030 года»; Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года» (утв. распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 г. № 2765-р) (с изм. от 24.12.2021); Указ Президента РФ от 04.02.2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

¹² Указ Президента РФ от 15.06.2021 № 364 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в период преодоления последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)».

отношение числа выбывших к числу прибывших в регион. Если значение коэффициента ниже 1,0, то в регионе регистрируется миграционная убыль, а если выше 1,0, то миграционный прирост. Л.Л. Рыбаковский рассчитывал такое соотношение при изучении демографического неблагополучия регионов, называя коэффициентом миграционного состояния [2]. КРМС рассчитаны за 2022–2023 гг., то есть за полные годы после проведения в октябре 2021 года последней переписи населения.

Сравнение данных о миграции за разные годы малополезно, поскольку правила учёта миграции менялись. Результаты межрегиональной миграции за длительный период времени оценивались на основе КРМС для пожизненной межрегиональной миграции [12]. Формула расчёта (1) на основе данных переписи аналогична расчётам по данным текущего учёта миграции.

$$KRMS = \frac{O}{B} (1), \text{ где}$$

O – численность родившихся в других регионах РФ, но проживавших в данном субъекте РФ, а B – численность проживающих в других регионах России уроженцев субъекта РФ.

Использованные данные и методы работы с ними

Информационной базой для анализа рождаемости и продолжительности жизни послужили данные из Единой межведомственной информационно-статистической системы, где показатели СКР и ОПЖ представлены по всем регионам РФ с 1990 г. (за исключением Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого, Ненецкого автономных округов). Расчёт показателя КРМС проведён по данным зарегистрированных межрегиональных перемещений в 2022–2023 гг. Данные о пожизненной межрегиональной миграции населения субъектов РФ получены из итогов ВПН 2020–2021. Из числа принявших участие в ВПН 2020–2021 у 13,9 млн уроженцев России отличались регионы рождения и проживания.

Результаты исследования и их обсуждение

Динамика показателей рождаемости в регионах России за последние годы и десятилетия претерпевала большие изменения [13]. Социально-экономические трансформации, происходившие в стране, оказали существенное влияние на образ и условия жизни значительной части семей, определив снижение СКР в 1990-е гг. [14] Негативную динамику в 1990-е гг. усилили тайминговые сдвиги в календаре рождений, связанные с повышением рождаемости в предыдущее десятилетие

[15]. К 1999 г. уровень рождаемости в подавляющем большинстве регионов достиг минимального значения (СКР в Санкт-Петербурге – 0,86), а в среднем по стране составив 1,16. Последовавшее повышение рождаемости привело к достижению наивысшего за постсоветский период уровня рождаемости в 2015 году – 1,76. В большинстве регионов максимальное значение СКР также пришлось 2014–2016 гг. (в Тыве в 2014 г. – 3,34)¹³.

Идентифицировать проблемные регионы по границе числа детей на одну женщину в 2,1–2,2 разумно. Однако в целом для России последним годом, когда показатель достигал данных значений был 1988. Имеет место тенденция постепенного снижения целевых значений СКР в ключевых официальных документах демографического развития России. В принятой в 2007 году «Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года» было запланировано увеличение СКР в 1,5 раза по сравнению с 2006 годом, то есть до 1,95. В паспорте национального проекта «Демография» с периодом реализации 2019–2024 гг., утверждённом в конце 2018 года в качестве целевого показателя СКР, к концу реализации указывается зна-

чение 1,7. В Указе Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 поставлена цель повышения СКР до 1,6 к 2030 году и 1,8 к 2036 году, как следствие, данные значения заявлены и в «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в РФ до 2036 года»¹⁴. Сформулированные в Указе Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 целевые показатели конкретизируются в утверждённом Правительством РФ «Едином плане по достижению национальных целей развития РФ до 2030 года и на перспективу до 2036 года», где к 2030 г. планируется значение показателя СКР в 1,593. Однако уровень рождаемости в большинстве регионов России пока далёк от планируемых и желаемых значений. В качестве границы, отделяющей в 2023 г. демографически проблемные регионы, будет использоваться наименьшее из заявленных в официальных документах целевых значений СКР – 1,593 (таблица 1). Отметим, что и такое значение числа детей на одну женщину представляется завышенным, ибо текущий прогноз Росстата предполагает значения 1,473 и 1,599 к 2023 и 2036 гг. соответственно¹⁵.

Таблица 1

Количество субъектов РФ, соответствовавших пороговым значениям демографически проблемных и благополучных

Table 1

Number of Regions of the Russian Federation That Met the Threshold Values for Demographically Problematic and Prosperous

Демографический процесс и показатели	Пороговые значения	Количество субъектов РФ, соответствующих критерию	
		благополучные	проблемные
Рождаемость			
Число детей на одну женщину в 2023 г.	1,593	17	68
Изменение числа детей на одну женщину за период 2018–2023 г.	рост, снижение	5	80
Смертность			
ОПЖ в 2023 г.	73,2 года	26	59
Разрыв в ОПЖ мужчин и женщин в 2023 г.	10,7 лет	22	63
Изменение ОПЖ за период 2018–2023 г.	рост, снижение	61	24
Межрегиональная миграция			
КРМС по данным текущего учёта за 2022–2023 гг.	1,0	25	60
КРМС пожизненной миграции по итогам ВПН 2020–2021	1,0	24	61

Источник: ЕМИСС¹⁶; Итоги ВПН-2020. Том 6 Миграция населения.¹⁷

¹³ Суммарный коэффициент рождаемости // Росстат: [сайт]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 12.12.2024).

¹⁴ Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 15.03.2025 г. № 615-п).

¹⁵ Предположительная численность населения Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781#> (дата обращения: 24.03.2025).

¹⁶ Суммарный коэффициент рождаемости // Росстат: [сайт]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 12.12.2024).

¹⁷ Население по месту рождения и месту проживания на территории РФ по субъектам РФ // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom6_Migraciya_naseleniya (дата обращения: 12.12.2024).

В 2023 г. число детей на одну женщину превышало значение 2,1 только в Чеченской республике и Тыве. Эти республики и ещё 14 субъектов РФ рассматриваются нами как демографически благополучные по рождаемости. К числу проблемных по данному показателю можно отнести большинство субъектов РФ, в том числе все регионы Центрального и Приволжского феде-

ральных округов. В Ленинградской области и Севастополе число детей на одну женщину было ниже 1,0. Негативная динамика рождаемости в 2018–2023 гг. отмечалась в подавляющем большинстве субъектов РФ за исключением Ямало-Ненецкого автономного округа, Москвы, Чеченской республики, Камчатского края, Адыгеи (рисунок 1).

Рисунок 1. Суммарный коэффициент рождаемости в субъектах РФ в 2023 г.
Figure 1. Total Fertility Rate in the Regions of the Russian Federation in 2023

Источник: ЕМИСС.¹⁸

Глобальной тенденцией является снижение уровня смертности и увеличение продолжительности жизни [16]. Это затрудняет определение порогового значения, достижение которого позволило бы охарактеризовать регион как благополучный или проблемный в демографическом отношении. В Концепции демографической политики на период до 2025 года, принятой ещё в 2007 году, в качестве целевого ориентира указывалось увеличение ОПЖ до 75 лет к 2025 году. В соответствии с более поздними Указами Президента РФ от 21.06.2020 г. № 474¹⁹ и от 07.05.2024 г. № 309²⁰ «Стратегией действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в РФ до 2036 года»²¹ в качестве це-

левого показателя установлено увеличение ОПЖ до 78 лет к 2030 году и до 81 года к 2036 году. Для достижения указанных целей Правительством РФ утверждался «Единый план по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года»²², где в качестве показателя на 2023 г. запланировано достижение ОПЖ 73,2 года, который можно рассматривать в качестве порогового значения в разграничения демографически благополучных и проблемных регионов.

В 2023 году значение показателя ОПЖ в России составило 73,4 года, что выше обозначенного в «Едином плане по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года» целевого показателя. В 10 регионах РФ ОПЖ свыше 76 лет: города федерального значения, республики Северного Кавказа и Ханты-Мансийский автономный округ. Менее 70

кой Федерации до 2036 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 15.03.2025 г. № 615-р)

²² Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 г. № 2765-р) (с изм. от 24.12.2021 г.).

¹⁸ Суммарный коэффициент рождаемости // Росстат: [сайт]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 12.12.2024).

¹⁹ Указ Президента РФ от 21.06.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

²⁰ Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

²¹ Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российс-

лет данный показатель в 2023 г. был в 11 регионах, большинство них находится в азиатской части России (рисунок 2). С 2018 года ОПЖ в стране увеличилась на полгода, а с 1991 года – на 4,5 года²³. Различия

в продолжительности жизни между полами составляет 10,7 лет (в 2018 г. – 9,9 лет; в 1991 году – 10,8 лет), что делает необходимым проанализировать по отдельности изменения в ОПЖ женщин и мужчин [17].

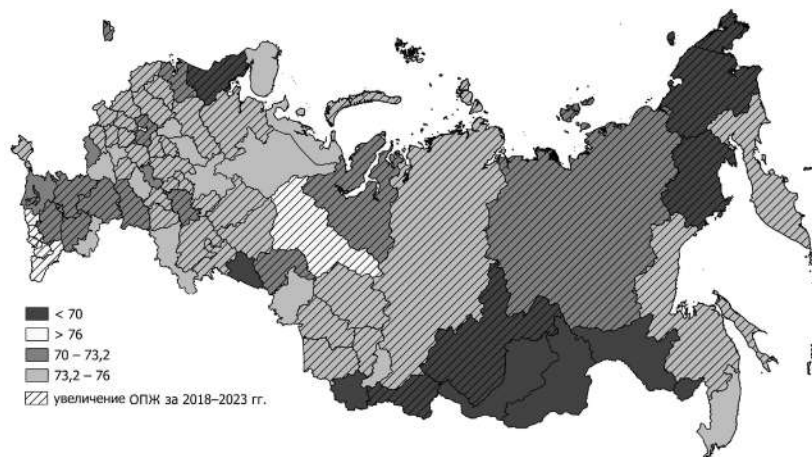

Рисунок 2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в субъектах РФ в 2023 г., лет
Figure 2. Life Expectancy at Birth in the Regions of the Russian Federation in 2023, years

Источник: ЕМИСС.²⁴

Для большинства субъектов РФ, как и для страны в целом, самые низкие значения ОПЖ после 1991 г. зафиксированы в 1994 г., а в ряде регионов в начале 2000-х гг. Так в Сахалинской области ОПЖ женщин в 2002 и 2003 г. составляла 60,2 лет. В течение постсоветского периода самые высокие значения данного показателя в подавляющем большинстве субъектов РФ отмечены в 2023 г. В 11 субъектах РФ – городах федерального значения (в Москве – 82,8 лет), Татарстане, автономных округах Тюменской области, ряде республик Северного Кавказа – продолжительность жизни превысила 80 лет. В 4 регионах ОПЖ женщин не достигает 75 лет – это Тыва (73,3 года), Забайкальский край, Еврейская автономная область, Амурская область. Во всех субъектах РФ ОПЖ женщин превышает 73,2 года и возросла за постсоветский период. За годы реализации национального проекта «Демография» ОПЖ женщин сократилась в одном субъекте РФ – республике Ингушетия.

Самые низкие за постсоветский период значения ОПЖ жизни мужчин почти в половине регионов пришлось на 1994–1995 гг. (в Сахалинской области в 1995 г. – 49,9 лет), но велико число субъектов РФ, где этот показатель достиг минимума в начале 2000–2005 гг. Максимальное же за годы после распада СССР значение ОПЖ мужчин в России было отмечено в 2019 г. – 68,3 года. Этот год был лучшим по данному параметру и

для большинства субъектов РФ, в первую очередь Центрального, Северо-Западного, Приволжского федеральных округов. За годы реализации национального проекта «Демография» показатель ОПЖ мужчин сократился в 53 регионах, а увеличился в 32 субъектах РФ, в том числе во всех регионах Северного Кавказа. Немало регионов, где наибольшее значение ОПЖ мужчин зафиксировано в 2023 г. – республики Северного Кавказа, города федерального значения и ряд других субъектов РФ. В 26 субъектах РФ ОПЖ мужчин не достигает 65 лет, а в Тыве и Чукотском автономном округе – 60 лет. Почти во всех регионах России продолжительность жизни мужчин ниже 73,2 лет, заявленных к 2023 году в Едином плане по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года. Исключение составляют Москва, а также Ингушетия, Дагестан, Чеченская республика, известные своим долгожительством и неоднозначным качеством регистрации смертности. В этих четырех субъектах РФ ОПЖ мужчин менее всего отстаёт от женской. Напротив, в Чукотском автономном округе ОПЖ женщин в 2023 г. была на 17,7 лет больше, чем у мужчин; в республике Алтай и Ненецком автономном округе этот разрыв составлял более 14 лет (рисунок 3). Исходя из стремления к снижению различий в уровне смертности в качестве проблемных в демографическом отношении регионов, можно рассматривать субъекты РФ, где различие в продолжительности мужского и женского населения превышает среднероссийское значение в 10,7 лет.

²³ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 12.12.2024).

²⁴ Там же.

Рисунок 3. Разрыв в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин по субъектам РФ в 2023 г., лет

Figure 3. Gender Gap in Life Expectancy by Regions of the Russian Federation in 2023, years

Источник: ЕМИСС.²⁵

Миграционные процессы вносят большой вклад в изменение численности населения регионов России. Пороговым значением отнесения региона к числу проблемных по данному показателю была регистрация межрегиональной миграционной убыли текущим учётом суммарно за

2022–2023 гг. или КРМС ниже 1. Значение данного коэффициента было максимальным в Северной Осетии (1,80), Забайкальском крае, Чеченской республике, а минимальным в Севастополе (0,57), Калининградской и Ленинградской областях (рисунок 4).

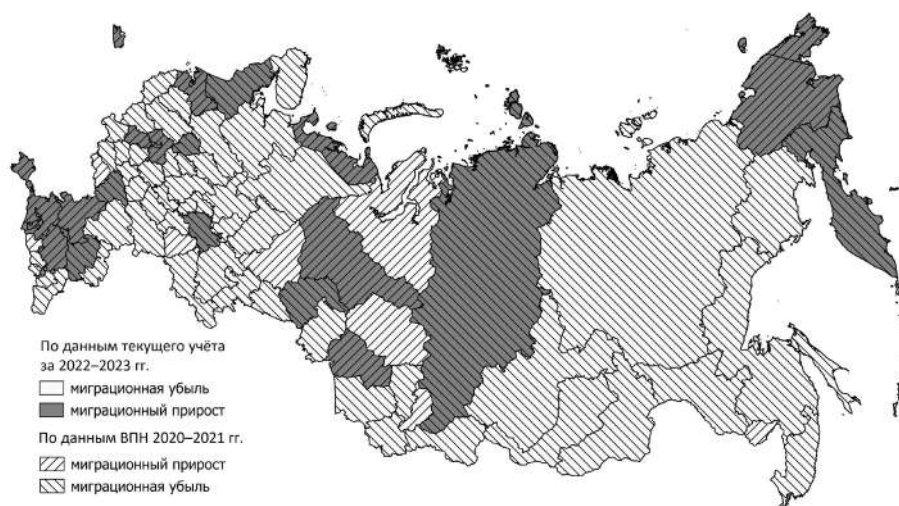

Рисунок 4. Баланс межрегиональной миграции в субъектах РФ по данным текущего учёта в 2022–2023 гг. и итогам ВПН 2020–2021

Figure 4. Balance of Interregional Migration in Regions of the Russian Federation According to Current Registration in 2022–2023 and the All-Russian Population Census 2020–2021

Источник: Росстат²⁶; Итоги ВПН-2020. Том 6 Миграция населения.²⁷

²⁵ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 12.12.2024).

²⁶ Численность и миграция населения РФ в 2023 году // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 12.12.2024).

²⁷ Население по месту рождения и месту проживания на территории РФ по субъектам РФ // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom6_Migraciya_naseleniya (дата обращения: 12.12.2024).

Наиболее заметное превышение переехавших в регион из других частей страны над выехавшими из него уроженцами (КРМС для пожизненной миграции выше 2,0) выявлено в субъектах РФ в течение длительного времени привлекавших переселенцев из других частей России: Ханты-Мансийском-Югре, Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах, городах федерального значения, Московской и Ленинградской областях, Адыгее. Наименее результативным обмен населением (КРМС менее 0,5) был для Дагестана, Тывы, Чеченской республики, Забайкальского края, Мордовии и ещё 18 субъектов РФ, относящихся к Центральной России, Дальнему Востоку, Северному Кавказу. В качестве критерия отнесения региона к числу проблемных выбрано значение КРМС межрегиональной миграции менее 1,0 (миграционная убыль); а к числу благополучных – больше 1,0 (миграционный прирост). Недостатком данного показателя является слабый учёт изменений территориального устройства страны: расширение территории Москвы, а также, вероятно, неверное указание места рождения частью жителей субъектов РФ, ранее входивших в состав других регионов. Последнее обстоятельство опре-

делило указание в ходе переписи частью населения Хакасии и Еврейской автономной области, в качестве места рождения, соответственно, Красноярский и Хабаровский края.

Заключение

Разработка научно обоснованных подходов к оценке демографического развития и типологизации регионов необходима для проведения эффективной демографической политики. Оценка демографического развития субъектов РФ должна включать показатели, которые охватывают все процессы, влияющие на изменение численности населения, в том числе миграцию. Признавая остроту и затяжной характер демографического кризиса в России [18; 19], отметим, что проведённое исследование подтвердило гипотезу о соответствии всех субъектов РФ каким-либо критериям проблемного демографического развития. К относительно благополучным можно отнести регионы, соответствующие только одному критерию наличия демографических проблем: Москва и Адыгея (низкий СКР), Ханты-Мансийский автономный округ (негативная динамика СКР), Ямало-Ненецкого автономного округа (миграционная убыль).

Таблица 2

Показатели демографически проблемных регионов России

Table 2

Indicators of Demographically Problematic Regions of Russia

	Рождаемость		Смертность			Межрегиональная миграция	
	число детей на одну женщину в 2023 г.	изменение числа детей на одну женщину за 2018–2023 гг.	ОПЖ в 2023 г., лет	изменение ОПЖ за 2018–2023 гг.	различие ОПЖ женщин и мужчин в 2023 г., лет	КРМС за 2022–2023 гг., текущий учёт	КРМС за 2022–2023 гг., пожизненная миграция
Амурская область	1,49	0,909	68,25	0,991	12,44	0,75	0,52
Кировская область	1,47	0,865	71,99	0,999	13,12	0,92	0,35
Костромская область	1,55	0,891	71,05	0,995	12,58	0,84	0,46
Липецкая область	1,23	0,854	72,44	0,997	12,20	0,82	0,81
Мурманская область	1,45	0,924	70,44	0,991	11,75	0,89	0,97
Омская область	1,50	0,909	71,83	0,999	12,43	0,63	0,61
Оренбургская область	1,50	0,867	71,12	0,998	12,11	0,65	0,45
Пензенская область	1,20	0,882	72,63	0,995	11,89	0,81	0,46
Приморский край	1,44	0,929	70,06	0,995	12,01	0,83	0,80
Республика Коми	1,56	0,934	70,43	0,997	12,11	0,72	0,52

Источник ЕМИСС; Итоги ВПН-2020.

Демографические показатели 10 субъектов РФ находятся ниже пороговых значений по всем предложенным критериям (таблица 2). Для груп-

пы проблемных регионов характерна устойчивая депопуляция, сочетание естественной убыли и миграционного оттока, негативная динами-

ка показателей рождаемости и снижение ОПЖ. Ещё 35 регионов не отнесены к демографически проблемным из-за несоответствия какому-либо одному негативному критерию. Большая часть таких субъектов РФ имеют положительную динамику рождаемости или смертности, в ряде регионов число детей на одну женщину выше порогового уровня (Астраханская, Курганская области, Забайкальский край, Бурятия), зарегистрирована относительно высокая продолжительность жизни

(Мордовия) или её различия между полами не превышают среднероссийские (Воронежская и Ярославская области), выявлен положительный миграционный баланс по данным переписи населения (Еврейская автономная область, Хакасия). Преодоление депопуляции и улучшение демографической ситуации является одной из наиболее важных задач современной России. Особое внимание со стороны федерального центра требуется к демографически неблагополучным регионам.

Список литературы

1. Рязанцев С.В., Мирязов Т.Р. Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 5–19. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1> EDN HNFEXKJ
2. Рыбаковский Л.Л. Сравнительная оценка демографического неблагополучия регионов России // Социологические исследования. 2008. № 10(294). С. 81–87. EDN JSHTYR
3. Дмитриева Ю.Н. Анализ социально-демографического потенциала в территориальном разрезе (на примере регионов Сибири) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Науки о Земле». 2024. Том 49. С. 40–54. <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2024.49.40> EDN DYMCSB
4. Кондратьева В.И., Тарасова-Сивцева О.М. Методология расчёта демографического благополучия северных регионов ресурсного типа // Народонаселение. 2023. Том 26. № 4. С. 26–38. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.3> EDN ABGKCH
5. Короленко А.В. Методика построения интегральных индексов как инструмент демографического районирования регионов России // Вопросы территориального развития. 2017. № 4(39). С. 7–18. EDN ZHAQWJ
6. Ласточкина М.А. Измерение демографического благополучия регионов // Регион: Экономика и Социология. 2018. № 2(98). С. 133–148. <https://doi.org/10.15372/REG20180206> EDN XQHJKN
7. Рубцов В.А., Габдрахманов Н.К., Рожко М.В. Индекс демографической ситуации регионов Приволжского федерального округа // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2014. № 1. С. 150–154. EDN SAUJGL
8. Естественное движение населения в российских регионах: факторы, динамика, перспективы / В.А. Безвербный, Н.Ю. Микрюков, Т.Р. Мирязов, Е.А. Лукашенко // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3. № 4. С. 37–58. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.3> EDN RLXMVR
9. Региональная дифференциация демографической динамики России и роль здравоохранения / Г.В. Ниорадзе, А.В. Топилин, О.Д. Воробьева, А.Е. Иванова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. Том 31. № S2. С. 1275–1281. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1275-1281> EDN VSJADQ
10. Родионова Л.А., Копнова Е.Д. Гендерные и региональные различия в ожидаемой продолжительности жизни в России // Вопросы статистики. 2020. № 27(1). С. 106–120. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-1-106-120> EDN JSPKMQ
11. Brock G. Regional Life Expectancy in Russia 1996-2019 - A Preston Curve and Convergence Clubs // The Journal of Social Sciences Research. 2025. Vol. 11. No. 1. P. 15–22. <https://doi.org/10.32861/jssr.111.15.22>
12. Bell M., Bernard A., Charles-Edwards E., et al. Comparative Measures of Internal Migration. In: Internal Migration in the the Countries of Asia. Switzerland: Springer Cham, 2020. P. 31–50. ISBN 978-3-030-44009-1 https://doi.org/10.1007/978-3-030-44010-7_3
13. Рыбаковский Л.Л., Фадеева Т.А. Рождаемость населения регионов России в конце XX – начале XXI вв.: тенденции, особенности и последствия // Народонаселение. 2024. Том 27. № 2. С. 111–124. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-111-124> EDN PEYBVC
14. Effectiveness of demographic policy measures in addressing population decline in contemporary Russia / V.V. Moiseev, J.S. Kolesnikova, E.V. Yagudina, A.M. Kuznetsova, M.A. Molchanova // Journal of Infrastructure, Policy and Development. 2024. Vol. 8. Issue 9. P. 1–13. <https://doi.org/10.24294/jipd.v8i9.6004>
15. Семья и демографические процессы в современной России / Т.К. Ростовская, В.Н. Архангельский, А.Е. Иванова [и др.]. М.: Экон-Информ, 2021. 257 с. ISBN 978-5-907427-21-1 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021> EDN IWUIJX
16. Van Raalte A.A. What have we learned about mortality patterns over the past 25 years? // Population Studies. 2021. Vol. 75. No. sup 1. P. 105–132. <https://doi.org/10.1080/00324728.2021.1967430>
17. Feraldi A., Zarulli V. Patterns in age and cause of death contribution to the sex gap in life expectancy: a comparison among ten countries // Genus. 2022. Vol. 78. P. 23. <https://doi.org/10.1186/s41118-022-00171-9>
18. Рыбаковский О.Л. Депопуляция в регионах Европейской России в 1992–2024 гг. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Том 4. № 4. С. 139–151. <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.8> EDN KRVKOR
19. Локосов В.В. Демографическое развитие России: динамика и социально-экономические риски // Вестник Российской академии наук. 2020. Том 90. № 3. С. 251–258. <https://doi.org/10.31857/S086958732003010X> EDN BOPSEX

Информация об авторе:

Константин Анатольевич Чернышев – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (SPIN-код: 4782-5602) (РИНЦ Author ID: 623010)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025; одобрена после рецензирования 29.03.2025; принята к публикации 05.06.2025.

References

1. Ryazantsev S.V., Miryazov T.R. Demographic Well-Being: Theoretical Approaches to Definition and Assessment Methodology. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya=DEMIS. Demographic Research*. 2021;1(4):5-19. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1> (In Russ.)
2. Rybakovsky L.L. An Interregional Comparison of Social Troubles in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2008;(10(294)):81-7 (In Russ.)
3. Dmitrieva Yu.N. Analysis of Socio-Demographic Potential in the Context of Territories (on the Example of Siberian Regions). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Nauki o Zemle»=Bulletin of Irkutsk State University. Series «Earth Sciences»*. 2024;49:40-54. <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2024.49.40> (In Russ.)
4. Kondratieva V.I., Tarasova-Sivtseva O.M. Methodology for Assessing Demographic Well-Being of the Northern Regions of the Resource Type. *Narodonaselenie=Population*. 2023;26(4):26-38. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.3> (In Russ.)
5. Korolenko A.V. A Technique of Constructing Integrated Indices as a Tool of Demographic Zoning in Russian Regions. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*. 2017;(4(39)):7-18 (In Russ.)
6. Lastochkina M.A. Measuring Demographic Well-Being of Regions. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya=Regional Research of Russia*. 2018;(2(98)):133-48. <https://doi.org/10.15372/REG20180206> (In Russ.)
7. Rubtsov V.A., Gabdrakhmanov N.K., Rozhko M.V. Index of Demographic Situation of the Volga Federal District. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Biologiya. Nauki o Zemle=Bulletin of Udmurt University. Series Biology. Earth Sciences*. 2014;(1):150-4 (In Russ.)
8. Bezverbnyy V.A., Mikryukov N.Yu., Miryazov T.R., et al. Natural population Change in Russian Regions: Factors, Dynamics, Prospects. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya=DEMIS. Demographic Research*. 2023;3(4):37-58. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.3> (In Russ.)
9. Nioradze G.V., Topilin A.V., Vorobieva O.D., Ivanova A.E. Regional Differentiation of Demographic Dynamics in Russia and the Role of Healthcare. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny=Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2023;31(S2):1275-81. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1275-1281> (In Russ.)
10. Rodionova L.A., Kopnova E.D. Gender and Regional Differences in Life Expectancy in Russia. *Voprosy statistiki=Bulletin of Statistics*. 2020;27(1):106-20. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-1-106-120> (In Russ.)
11. Brock G. Regional Life Expectancy in Russia 1996–2019 – a Preston Curve and Convergence Clubs. *The Journal of Social Sciences Research*. 2025;11(1):15-22. <https://doi.org/10.32861/jssr.111.15.22>
12. Bell M., Bernard A., Charles-Edwards E., et al. Comparative Measures of Internal Migration. In: Bell M., Bernard A., Charles-Edwards E., et al. *Internal Migration in the Countries of Asia, Switzerland: Springer Cham*, 2020. P. 31–50. ISBN 978-3-030-44009-1 https://doi.org/10.1007/978-3-030-44010-7_3
13. Rybakovskiy L.L., Fadeeva T.A. A Fertility of the Population of Russian Regions in the Late 20th and Early 21st Centuries: Trends, Features and Consequences. *Narodonaselenie=Population*. 2024;27(2):111-124. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-111-124> (In Russ.)
14. Moiseev V.V., Kolesnikova J.S., Yagudina E.V., et al. Effectiveness of Demographic Policy Measures in Addressing Population Decline in Contemporary Russia. *Journal of Infrastructure, Policy and Development*. 2024;8(9):1-13. <https://doi.org/10.24294/jipd.v8i9.6004>
15. Rostovskaya T.K., Arkhangelskiy V.N., et al. Sem'ya i Demograficheskie Protsessy v Sovremennoi Rossii. Moscow: Ekon-Inform; 2021. 257 p. ISBN 978-5-907427-21-1 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021> (In Russ.)
16. Van Raalte A.A. What Have we Learned about Mortality Patterns over the Past 25 Years? *Population Studies*. 2021;75(sup1):105-32. <https://doi.org/10.1080/00324728.2021.1967430>
17. Feraldi A., Zarulli V. Patterns in Age and Cause of Death Contribution to the Sex Gap in Life Expectancy: a Comparison among Ten Countries. *Genus*. 2022;78:23. <https://doi.org/10.1186/s41118-022-00171-9>
18. Rybakovsky O.L. Depopulation in European Russian Regions in 1992–2024. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya=DEMIS. Demographic Research*. 2024;4(4):139-51. <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.8> (In Russ.)
19. Lokosov V.V. Population Change in Russia: Dynamics and Socioeconomic Risks. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk=Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2020;90(2):165-171. <https://doi.org/10.1134/S1019331620020033> (In Russ.)

Information about the author:

Konstantin A. Chernyshev – PhD in Geography, Leading Researcher, the Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (SPIN-code: 4782-5602) (RSCI Author ID: 623010)
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 14.02.2025; approved after reviewing 29.03.2025; accepted for publication 05.06.2025.

Оригинальная статья

УДК 314.6

JEL J11

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_4_223_232

EDN FYYPGW

Экономическое положение многодетных семей Москвы и Московской области: социологическое исследование

Елена Валерьевна Землянова¹, Наталья Александровна Безвербная², Елена Константиновна Журавлева³

¹Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

(zem_ena@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-6231-1611>)

²Независимый исследователь, Москва, Россия

(bezvad@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-6617-8723>)

³Национальная родительская ассоциация; Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римащевской – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия (777.74@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5525-0459>)

Аннотация

В статье представлены результаты социологического исследования, проведённого в 2024 году среди многодетных семей Москвы и Московской области. Целью исследования является изучение экономического положения многодетных семей, их репродуктивных планов и факторов, влияющих на принятие решения о рождении детей. На момент написания статьи выборка социологического опроса составила 253 респондента. Материалом исследования послужили 253 анкеты, заполненные многодетными родителями, имеющими в составе семьи на момент опроса хотя бы одного несовершеннолетнего ребёнка до 18 лет. Ответы респондентов были статистически обработаны для проведения анализа. Также был проведён контент-анализ отечественных и зарубежных публикаций по теме исследования. Из более 50 публикаций было отобрано 15 наиболее соответствующих тематике проведённого исследования. Анализ данных показал, что большинство респондентов имеют троих детей, а желаемое число детей в семье при наличии необходимых условий – пятеро. Однако реальные планы большинства семей ограничиваются тремя детьми. Основными препятствиями к рождению большего числа детей являются экономические факторы, такие как материальные трудности, высокая кредитная нагрузка, жилищные проблемы и неуверенность в завтрашнем дне. Исследование также показало, что дополнительные меры государственной поддержки семей с детьми мало повлияли на решение респондентов о рождении младшего ребёнка. Более половины респондентов не планируют иметь ещё детей, а рождение младшего ребёнка не способствовало повышению уровня жизни семьи, решению жилищных проблем или получению значительной материальной помощи от государства. Результаты исследования подчёркивают необходимость разработки и реализации эффективных мер государственной поддержки многодетных семей, направленных на улучшение их экономического положения и создание благоприятных условий для реализации репродуктивных планов (адресные социальные выплаты, льготы в области жилья и образования). Авторам представляется важным преодолеть в обществе и СМИ стереотипы, связанные с материальным благополучием многодетных семей в России.

Ключевые слова: многодетные семьи, экономическое положение, детность, репродуктивные планы, меры государственной поддержки, социологическое исследование, Москва и Московская область

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 24–28–01314).

Для цитирования: Землянова Е.В., Безвербная Н.А., Журавлева Е.К. Экономическое положение многодетных семей Москвы и Московской области: социологическое исследование // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 223–232. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_4_223_232 EDN FYYPGW

RAR (Research Article Report)

JEL J11

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_4_223_232

Economic Situation of Large Families in Moscow and Moscow Region: a Sociological Study

Elena V. Zemlyanova¹, Natalia A. Bezverbnaya², Elena K. Zhuravleva³

¹Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(zem_ena@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-6231-1611>)

²Independent Researcher

(bezvad@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-6617-8723>)

³National Parents Association, Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N.M. Rimashevskaya – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (777.74@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5525-0459>)

Abstract

The article presents the results of a sociological study conducted in 2024 among large families in Moscow and Moscow region. The sample amounted to 253 respondents. The purpose of the study is to examine the economic situation of large families, their reproductive plans and factors influencing the decision to have children. The research material consisted of 253 questionnaires filled out by parents with many children who had at least one minor child under the age of 18 in their family at the time of the survey. The respondents' responses statistically processed for analysis. A content analysis of national and foreign publications on the research topic also conducted. Out of more than 50 publications, 15 of the most relevant to the subject of the study selected. The data analysis showed that the majority of respondents have three children, and the desired number of children in the family, given the necessary conditions, is five. However, the real plans of most fami-

lies are limited to three children. The main obstacles to having more children are economic factors such as material difficulties, high credit burden, housing problems and uncertainty about the future. The survey also showed that additional measures of state support for families with children had little impact on respondents' decision to have a younger child. More than half of the respondents do not plan to have more children, and the birth of a younger child did not contribute to improving the family's standard of living, solving housing problems or receiving significant material assistance from the state. The results of the study emphasize the need to develop and implement effective measures of state support for large families aimed at improving their economic situation and creating favorable conditions for the implementation of reproductive plans (such as targeted social payments, housing and education benefits). Also authors believe that it's important to overcome stereotypes in society and the media related to the material well-being of large families in Russia.).

Keywords: large families, economic situation, average number of children, reproductive plans, measures of state support, sociological research, Moscow and the Moscow region

Acknowledgements: The research was funded by the Russian Science Foundation (project No. №24–28–01314).

For citation: Zemlyanova E.V., Bezverbnaya N.A., Zhuravleva E.K. Economic Situation of Large Families in Moscow and Moscow Region: a Sociological Study. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):223–232. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_4_223_232 (In Russ.)

Введение

Многодетные семьи играют важную роль в воспроизводстве населения и формировании человеческого капитала. Однако они зачастую сталкиваются с повышенными экономическими рисками и социальной уязвимостью. Одной из главных проблем, с которой сталкиваются многодетные семьи, является повышенный риск бедности. Далее, дети из многодетных семей могут сталкиваться и с барьерами в доступе к качественному образованию и медицинским услугам.

При этом, многодетность часто ассоциируется с традиционными гендерными ролями, при которых женщины несут основную ответственность за воспитание детей и ведение домашнего хозяйства. Это может ограничивать возможности матерей для получения образования, трудоустройства и карьерного роста. Рождение детей может сопровождаться либо с выпадением женщины из профессиональной деятельности, либо значительным её сокращением, т.к. трудовая деятельность для многих домохозяйств является основным источником средств к существованию [1; 2].

Отдельное внимание в научном дискурсе, посвящённом оценке результативности семейной политики, уделяется дискуссии вокруг прямых денежных выплат семьям с детьми. В статьях Е.А. Капогузова и Р.И. Чупина и А.А. Разумова, О.В. Селивановой отмечается необходимость выявления наиболее эффективных и адресных мер поддержки малоимущих семей. Для формирования подобных мер следует учитывать анализ влияния отдельных факторов на бедность малоимущих семей, а также региональную специфику [3; 4; 5].

Таким образом, целью исследования является изучение экономического положения многодетных семей, их репродуктивных планов и факторов, влияющих на принятие решения о рождении детей. Объектом исследования явились многодетные семьи Москвы и Московской области. Предметом исследования явились репродуктивные

установки многодетных родителей и факторы их определяющие.

Авторами была сформулирована гипотеза исследования о том, что государственные меры социально-экономической поддержки российских семей должны оказывать определяющее воздействие на принятие решения о рождении третьего и последующего ребёнка согласно ответам респондентов.

Теоретические и методологические положения

Одной из главных проблем, с которой сталкиваются многодетные семьи, является повышенный риск бедности. Международные исследования показывают, что с увеличением количества детей в семье возрастает вероятность оказаться за чертой бедности¹. Это связано с высокими расходами на содержание и воспитание детей, а также с ограниченными возможностями родителей для полноценного участия в рынке труда [6]. Кроме того, многодетные семьи часто сталкиваются с трудностями в обеспечении комфортным и просторным жильём. Недостаток пространства, высокая стоимость аренды или покупки жилья, а также ограниченный доступ к социальному жилью создают дополнительную нагрузку на бюджет семьи². Переполненность жилья может негативно сказываться на здоровье, образовании и общем благополучии детей [7].

Брэд Уилкоккс и Джозеф Прайс в масштабном исследовании «Взаимосвязь размера семьи и дохода» на данных развитых стран выявили устойчивую отрицательную корреляцию между количеством детей в семье и душевым доходом [8].

¹ Poverty by household type // OECD Family Database: [сайт]. URL: <https://www.oecd.org/els/family/database.htm> (дата обращения: 17.02.2025).

² Inadequate housing in Europe: Costs and consequences // Eurofound: [сайт]. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/2016/inadequate-housing-europe-costs-and-consequences> (дата обращения: 17.02.2025).

Они показали, что многодетные семьи в среднем беднее, чем малодетные. Мелисса Кирни и Филип Левин в статье «Экономика больших семей» на репрезентативных данных по США установили, что каждый дополнительный ребёнок в среднем снижает располагаемый доход семьи на 13% [9]. Многодетные семьи чаще испытывают финансовые трудности и сталкиваются с материальной депривацией. Появление третьего ребёнка повышает вероятность попадания семьи в категорию бедных на 15–20%. Сходные результаты были получены в европейских исследованиях. Так, Ханс-Петер Колер и соавторы из данных стран ОЭСР показали, что разрыв в доходах между многодетными и малодетными семьями составляет от 5–7% в скандинавских государствах до 25–30% в США [10]. Многодетные семьи имеют более высокие риски бедности и социальной эксклюзии.

Кроме того, многодетные семьи чаще возглавляются родителями с более низким уровнем образования и квалификации, что ограничивает их возможности на рынке труда. Матери в многодетных семьях нередко вынуждены существенно сокращать свою занятость или полностью уходить с рынка труда, что негативно влияет на доходы семьи. Сара Маклэнахан и Кристин Перчески в обзорной статье выделяют несколько ключевых факторов экономической уязвимости многодетных семей [11]:

- Снижение трудовой активности матерей в связи с рождением детей;
- Повышенная иждивенческая нагрузка и расходы на содержание детей;
- Необходимость большего жилого пространства и соответствующие затраты;
- Транспортные расходы на перевозку детей.
- Затраты на образование, здравоохранение, досуг.

Зарубежные исследования также подтверждают повышенные риски бедности для многодетных семей. В исследовании по странам Европейского союза Джонатан Брэдшоу и его коллеги показали, что дети из многодетных семей имеют в 1,4–4,2 раза выше шансы оказаться в бедности [12]. Высокая детская бедность среди многодетных характерна и для США [8; 13]. В.Н. Архангельский в своей монографии «Факторы рождаемости» отмечает, что многодетность тесно связана с низким уровнем жизни, особенно в развивающихся странах [14]. Так, по данным исследователей, в странах Африки многодетные семьи в 2–3 раза чаще относятся к беднейшим 20% населения [15].

Исследования в России показывают, что многодетные семьи находятся в уязвимом экономическом положении. По данным Федеральной

службы государственной статистики, в 2019 году доля многодетных среди малоимущих домохозяйств составила 24,3%³. Овчарова Л.Н. и др. выявили, что бедность многодетных в 2,5 раза выше средней по стране [16]. Садыков Р.М., Большакова Н.Л. отмечают сформировавшуюся закономерность: с рождением каждого следующего ребёнка семья становится малообеспеченной [17]. Глубинные интервью многодетных семей в исследовании Т.К. Ростовской и др. показали, что многие российские многодетные семьи сталкиваются с дефицитом материальных средств и необходимой инфраструктуры сопровождения детей [18].

Недоступность детей к качественному уровню образования и медицинским услугам – одна из центральной проблемы для многодетных семей. Финансовые ограничения, географическая удалённость и недостаток информации могут препятствовать получению необходимой поддержки. Это может привести к снижению образовательных результатов и ухудшению здоровья детей в долгосрочной перспективе. Помимо этого, характерны случаи социальной изоляции и стигматизации со стороны общества. Стереотипы о «неблагополучии» таких семей, а также недостаток поддержки со стороны местного сообщества могут усугублять существующие проблемы, что может негативно сказываться на психологическом благополучии родителей и детей.

Гендерное неравенство в распределении обязанностей может усиливать экономическую уязвимость многодетных семей. Однако ряд исследований показывает, что при должной социальной поддержке многодетность не обязательно ведёт к бедности. Оливье Тевеньон и др. выявили, что в странах Северной Европы с развитой семейной политикой разрыв в бедности между многодетными и другими семьями минимален [19].

«Лонгитюдное исследование поколений», проведённое в Университете Южной Калифорнии, выявило ряд долгосрочных эффектов многодетности. Дети, выросшие в семьях с тремя и более детьми, в среднем получают более низкий уровень образования, имеют меньшие шансы на высокооплачиваемую и престижную работу, а также чаще сами создают многодетные семьи, воспроизводя модель родительской семьи [20].

Доклад Всемирного банка «Экономика семьи и бедность в глобальном измерении» показывает, что экономическое положение многодетных семей сильно различается в развитых и развивающихся странах. В развитых государствах многодетные семьи пользуются относительно щедрой поддер-

³ Социально-экономические индикаторы бедности // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 17.02.2025).

жкой, имеют лучший доступ к образованию и здравоохранению, развитую инфраструктуру. В развивающихся странах многодетные семьи часто лишены поддержки, подвержены высокому риску бедности и депривации, сталкиваются с проблемами доступа к базовым услугам и ресурсам⁴.

Исследование ЮНИСЕФ «Положение детей в мире: фокус на многодетные семьи» показывает, что уровень экономического благополучия семей с тремя и более детьми в значительной степени зависит от эффективности мер государственной поддержки⁵. Наиболее действенными инструментами являются:

- Прямые денежные выплаты на детей;
- Налоговые льготы и вычеты для многодетных семей;
- Субсидирование жилищных расходов;
- Бесплатное или льготное образование и медицинское обслуживание;
- Содействие занятости родителей, особенно матерей.

Страны с развитой и щедрой системой поддержки семей с детьми (Франция, Швеция, Дания, Норвегия) демонстрируют более высокий уровень экономического благополучия многодетных семей и меньший разрыв с малодетными семьями. Напротив, в странах с ограниченной поддержкой (США, Великобритания) многодетные семьи подвержены повышенному риску бедности.

Проведённый обзор научной литературы показывает, что многодетные семьи в среднем характеризуются более низким уровнем экономического благосостояния и подвержены повышенным рискам бедности и депривации. Ключевыми факторами экономической уязвимости выступают высокая иждивенческая нагрузка, снижение трудовой активности матерей, повышенные расходы на детей.

Использованные данные и методы работы с ними

В течение 2024 года исследовательским коллективом был проведён социологический опрос многодетных семей, постоянно проживающих в Москве и Московской области. На момент написания статьи в исследовании приняли участие 253 респондента, из которых 89,3% матери и 10,7% отцы многодетных семей, имеющими в составе семьи на момент опроса хотя бы одного несовершеннолетнего ребёнка до 18 лет. Ответы респондентов были статистически обработаны для проведения анализа. 77,9% респондентов являются жителями Московской области. В связи с небольшим объёмом выборки декомпозиция респондентов по полу не проводилась. Средний возраст респондентов составил 41,4 года. Так как общее число многодетных семей в Московском регионе по данным муниципальных органов власти на 2024 год составляло 327 тыс., была практически достигнута доверительная вероятность – 90% при погрешности в 5%. Также был проведён контент-анализ отечественных и зарубежных публикаций по теме исследования. Из более 50 публикаций было отобрано 15 наиболее соответствующих тематике проведённого исследования.

Результаты

По результатам анализа 253 заполненных анкет были получены следующие результаты.

Большинство респондентов социологического опроса (59,8%) имеют троих детей, почти четверть респондентов (24,9%) четверых, 10,0% пятерых, 3,2% шестерых, 1,6% семерых детей, и только одна семья (0,4%) имеет девятерых детей. Среди респондентов не оказалось ни одного, у кого было бы восемь детей (рисунок 1).

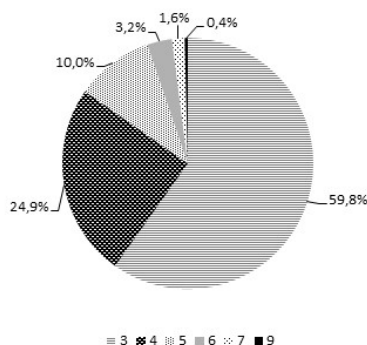

Рисунок 1. Распределение респондентов по числу имеющихся детей в их семьях, доли %
Figure 1. Distribution of Respondents by the Number of Children in Their Families, Shares %

Источник данных: социологический опрос.

⁴ World Bank. Poverty and Shared Prosperity 2020: Reversals of Fortune [сайт]. Washington, DC: World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/poverty-and-shared-prosperity-2020> (дата обращения: 17.02.2025)

⁵ UNICEF. The State of the World's Children 2021: On My Mind – Promoting, protecting and caring for children's mental health. UNICEF, New York [сайт]. URL: <https://www.unicef.org/eca/reports/state-worlds-children-2021> (дата обращения: 17.02.2025)

Анализ желаемого и ожидаемого числа детей в семье показал, что респонденты реально оценивают свои возможности при планировании размера своей семьи. Так, на вопрос «Сколько детей, включая имеющихся, Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые для этого условия?» 29,5% респондентов выбрали вариант 5 детей, т.е. фактически это буквально соответствует слову СЕМЬЯ, то есть СЕМЬ Я – родители

и пятеро детей. Однако лишь 8,2% респондентов действительно собираются иметь такую семью. Реальные планы большинства семей склоняются к трёхдетной семье. Так, только 17,1% респондентов, уже имеющих в семье троих детей, на этом хотели бы завершить свои репродуктивные планы. При этом 42,8% респондентов, несмотря на желание иметь больше детей, собираются иметь только троих (таблица 1).

Таблица 1

Сравнение желаемого и ожидаемого числа детей в ответах респондентов

Table 1

Comparison of Desired and Expected Number of Children in Respondents' Answers

	Сколько детей хотели бы иметь	%	Сколько детей собираетесь иметь	%
3 детей	43	17,1	104	42,8
4 детей	48	19,1	46	18,9
5 детей	74	29,5	20	8,2
6 детей	12	4,8	9	3,7
7 детей	17	6,8	7	2,9
8 детей	6	2,4	2	0,8
9 детей	0	0,0	0	0,0
10 и более детей	14	5,6	1	0,4
Затрудняюсь ответить	37	14,7	54	22,2

Источник данных: социологический опрос.

Основными препятствиями к реализации намерения иметь большее число детей респонденты назвали в первую очередь экономические факторы:

- материальные трудности (89,3% из числа ответивших на этот вопрос);
- высокая кредитная нагрузка (72,9% из числа ответивших на этот вопрос);
- жилищные трудности (80,3% из числа ответивших на этот вопрос);
- неуверенность в завтрашнем дне (74,4% из числа ответивших на этот вопрос).

Дополнительные меры государственной поддержки семей с детьми мало повлияли на

решение респондентов при рождении младшего ребёнка. Так, только 5,6% указали, что такие меры способствовали появлению в их семье младшего ребёнка.

Анализ ответов респондентов в отношении их намерений иметь ещё одного ребёнка показал, что более половины (59,8%) не собираются иметь ещё детей, четверть (24,9%) сомневаются. Были беременны на момент опроса 2,0% респонденток, 3,6% собираются родить ещё одного ребёнка в ближайшее время, а 9,6% собираются иметь ещё детей, но пока откладывают это (рисунок 2).

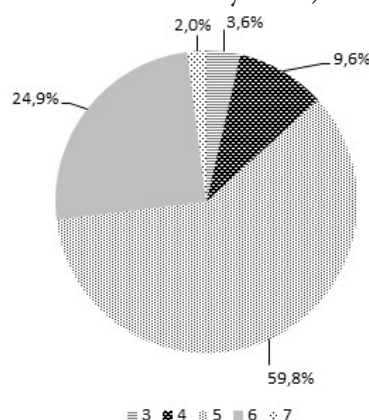

Рисунок 2. Распределение респондентов по их намерениям в отношении рождения ещё одного ребёнка, доли в %

Figure 2. Distribution of Respondents by their Intentions Regarding the Birth of Another Child, Shares in %

Источник данных: социологический опрос.

По мнению респондентов, рождение младшего ребёнка:

- не способствовало повышению уровня жизни семьи (так ответили 81,7% респондентов);
- не способствовало решению жилищных проблем (так ответили 83,7% респондентов);
- не способствовало получению значительной материальной помощи от государства (так ответили 79,6% респондентов).

65,0% семей не собираются иметь ещё детей, если не будет принято новых мер государственной поддержки семей с детьми. В среднем 14,4% респондентов в ближайшие 3 года вероятно родят ещё одного ребёнка даже если не будет новых дополнительных мер помощи семьям. И только 4,5% респондентов на 100% уверены в появлении ещё одного ребёнка в этот период

даже при отсутствии новых мер поддержки семей.

48,4% семей не собираются иметь ещё детей даже при условии реализации новых мер государственной поддержки семей с детьми. При этом в среднем 26,6% респондентов в ближайшие 3 года вероятно родят ещё одного ребёнка, если будут приняты какие-нибудь меры помощи семьям в дополнение к ныне действующим. И только 10,8% респондентов на 100% уверены в появлении ещё одного ребёнка в этот период.

Респондентам было предложено оценить по 5-балльной шкале как меры, реализуемые в настоящее время, которые повлияли или могут повлиять на их личное решение иметь большее число детей, чем они собираются в настоящее время (таблица 2).

Таблица 2

Оценка роли мер государственной политики, реализуемых в настоящее время и направленных на повышение рождаемости, в принятии решения иметь больше детей, чем собирались респонденты (по 5-балльной шкале)

Table 2

Assessment of the Role of State Policy Measures Currently Being Implemented and Aimed at Increasing the Birth Rate in the Decision to Have More Children than Respondents Intended (on a 5-Point Scale)

	Перечень мер	Средняя оценка, баллов	% минимальных оценок
1	Пособие по беременности и родам	2,4	48,9
2	Единовременное пособие при рождении ребёнка	2,5	46,6
3	Ежемесячное пособие по уходу за ребёнком (до 1,5 лет)	2,7	42,5
4	Материнский (семейный капитал)	2,5	48,9
5	Ежегодная выплата на летний оздоровительный отдых ребёнка	2,3	58,7
6	Предоставление льготных ипотечных кредитов по ставке 6% годовых при рождении первого ребёнка или последующих детей	2,6	50,7
7	Компенсация части затрат родителей на оплату посещения детских дошкольных учреждений	2,7	44,2
8	Снижение размера подоходного налога родителей на каждого ребёнка	2,5	46,7
9	Родовой сертификат	2,4	54,6
10	Предоставление неоплачиваемого отпуска по уходу за ребёнком от 1,5 до 3 лет	2,0	63,6
11	Предоставление регионального материнского (семейного) капитала	2,4	51,0
12	Бесплатное предоставление земельного участка для индивидуального жилищного строительства	2,6	47,4
13	Ежемесячная денежная выплата на третьего ребёнка в размере прожиточного минимума ребёнка до достижения им возраста 3-х лет	2,5	52,7
14	Снижение размера имущественного налога семьям с тремя детьми и более	2,9	41,0
15	Предоставление полного или частичного погашения обязательств по ипотечному кредиту	2,9	39,5

Источник данных: социологический опрос.

Данные опроса, представленные в таблице 2, демонстрируют достаточно невысокие оценки респондентами роли реализуемых в стране мер пронаталистской политики. Наивысшие баллы (2,9 по 5-балльной шкале) респонденты отдали снижению размера имущественного налога мно-

годетным семьям и полному или частичному погашению ипотечных кредитов. По 2,7 балла получили ежемесячное пособие по уходу за ребёнком (до 1,5 лет) и компенсация части затрат родителей на оплату посещения детских дошкольных учреждений.

В то же время, предложенные авторами «потенциальные» меры, которые могли бы помочь семьям принять решение о рождении ещё одного ребёнка, получили более высокие оценки респондентов (Таблица 3). Следует, однако, отметить, что некоторые предложенные меры получили одинаковое количество как высоких, так и низких оценок. Среди них можно назвать:

формирование в обществе с помощью средств массовой информации (рекламы – социальной, коммерческой) образа семьи с несколькими детьми как нормы для современного общества; ежемесячная денежная выплата на первого, второго и третьего ребёнка в размере прожиточного минимума ребёнка до достижения им возраста 3-х лет.

Таблица 3

Оценка потенциальных мер, которые могли бы помочь семьям принять решение о рождении ещё одного ребёнка (по 5-балльной шкале)

Table 3

Assessment of Potential Measures that Could Help Families Decide to Have Another Child (on a 5-Point Scale)

		Средний балл	Минимальные оценки в %	Максимальные оценки в %
1	Предоставление дополнительного к федеральному регионального «материнского (семейного) капитала»	3,2	40,9	38,9
2	Предоставление земельных участков под строительство жилого дома или дачи семьям при рождении третьего (или последующего) ребёнка	2,8	39,4	33,9
3	Ежемесячная денежная выплата на первого, второго и третьего ребёнка в размере прожиточного минимума ребёнка до достижения им возраста 3-х лет	3,0	39,5	39,5
4	Частичное погашение кредита на приобретение жилья при рождении первого и второго ребёнка, полное погашение при рождении третьего ребёнка	3,4	30,3	49,5
5	Обеспечение возможности устройства ребёнка в те ясли или детский сад, которые вас больше всего устраивают, и в то время, когда вы этого захотите	2,8	40,9	33,2
6	Увеличение оплачиваемого (в размере 40% заработной платы) отпуска по уходу за ребёнком на 6 месяцев, если отпуск берет отец ребёнка	2,8	42,3	30,8
7	Предоставление оплачиваемого недельного отпуска отцу при рождении ребёнка	2,8	39,8	33,5
8	Повышение компенсации затрат родителей на оплату посещения детских дошкольных учреждений до 60% – на второго и 100% – на третьего и последующих детей	3,2	32,7	43,4
9	Погашение расходов на дополнительное образование детей (хотя бы частично)	3,4	25,9	46,8
10	Меры, направленные на улучшение репродуктивного здоровья женщин (повышение квалификации врачей-гинекологов и акушеров, обеспечение необходимым оборудованием женских консультаций и родильных домов и так далее)	3,2	31,4	41,0
11	Обеспечение возможности для женщин бесплатно пройти профессиональную переподготовку, повысить квалификацию во время и после выхода из отпуска по уходу за ребёнком в удобное для них время	3,1	31,7	36,1
12	Формирование в обществе с помощью средств массовой информации (рекламы – социальной, коммерческой) образа семьи с несколькими детьми как нормы для современного общества	3,0	35,6	35,6
13	Обеспечение реальной возможности для вас (вашей жены) иметь гибкий график работы, неполный рабочий день (неделю), посменную или дистанционную работу (на дому)	3,3	31,0	42,9
14	Дополнительные ежемесячные выплаты и пособия на детей в возрасте от 3 до 17 лет в семьях с низким доходом	3,1	36,5	39,4
15	Погашение расходов на оплату группы продленного дня в школе (хотя бы частично)	2,9	40,7	35,3

Источник данных: социологический опрос.

Наибольшую поддержку респондентов получили частичное погашение кредита на приобретение жилья при рождении первого и второго ребёнка, полное погашение при рождении третьего ребёнка (3,4 балла, 49,5% оценок 5 баллов против 30,3% оценок 1 балл); погашение расходов на дополнительное образование детей (хотя бы частично) (3,4 балла, 46,8% оценок 5 баллов против 25,9% оценок 1 балл); обеспечение реальной возможности родителям иметь гибкий график работы, неполный рабочий день (неделю), посменную или дистанционную работу (на дому) (3,3 балла, 42,9% оценок 5 баллов против 31,0% оценок 1 балл); меры, направленные на улучшение репродуктивного здоровья женщин (повышение квалификации врачей-гинекологов и акушеров, обеспечение необходимым оборудованием женских консультаций и родильных домов и так далее) (3,2 балла, 41,0% оценок 5 баллов против 31,4% оценок 1 балл).

По мнению респондентов социальный престиж семей с тремя и более детьми сейчас в нашей стране весьма невелик. Так респонденты считают, что ниже всего социальный престиж многодетных семей оценивается обществом (окружающими людьми) – всего 2,2 балла; чуть выше (2,4 балла) в государстве и государственных органах, и в 2,6 балла в средствах массовой информации.

По мнению респондентов, важнее оказывать семьям с несколькими детьми более существенную прямую материальную помощь со стороны государства, а не создавать им наиболее благоприятные условия для самообеспечения (60,3% против 39,7%).

Заключение

1. Респонденты невысоко оценивают эффективность текущих мер пронаталистской политики в России. Наиболее позитивно воспринимаются снижение имущественного налога, погашение ипотеки, пособия по уходу за ребёнком и компенсация оплаты детсадов. Но даже эти меры получили оценки ниже среднего уровня по 5-балльной шкале.

2. Предложенные потенциальные меры поддержки многодетных получили более высокие

оценки. Особенно популярны идеи погашения жилищных кредитов и расходов на дополнительное образование детей, обеспечения гибкой занятости родителей, улучшения репродуктивного здоровья женщин. В то же время мнения разделились – многие как поддерживают, так и не поддерживают эти меры.

3. По мнению респондентов, социальный престиж многодетных семей в нашем обществе пока невысок. Хуже всего его оценивают окружающие люди, чуть лучше – государство и СМИ. Это указывает на недостаточно позитивный имидж многодетности.

4. Большинство опрошенных (60%) считают, что государство должно оказывать многодетным семьям более существенную прямую материальную помощь, а не просто создавать условия для самообеспечения. Видимо, собственных возможностей у семей пока недостаточно.

5. Средняя оценка уровня жизни многодетных семей Москвы и области составила 53,9 из 100 баллов. Это говорит о том, что, по мнению респондентов, многодетные живут лишь чуть лучше среднего уровня.

В целом результаты показывают, что текущие меры поддержки многодетных в России пока недостаточны и не всегда эффективны. Для улучшения демографической ситуации необходимо внедрять новые меры, направленные на повышение материального благополучия семей, обеспечение возможностей занятости и образования, улучшение репродуктивного здоровья. Важно также формировать позитивный образ многодетной семьи в обществе и СМИ. Для решения этих проблем необходимы комплексные меры государственной политики, направленные на поддержку многодетных семей. Это может включать адресные социальные выплаты, льготы в области жилья и образования, а также программы по преодолению гендерного неравенства и социальной изоляции. Важно также повышать осведомленность общества о проблемах многодетных семей и формировать инклюзивную среду, способствующую их благополучию. Таким образом, сформулированная авторами гипотеза подтвердилась лишь частично.

Список литературы

- Суринов А.Е., Луппов А.Б. Неравенство по доходам в России. Измерение на основе эквивалентного дохода // Экономический журнал ВШЭ. 2020. Том 24. № 4. С. 539–571. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-4-539-571> EDN OPYXRN
- Суринов А.Е., Кузин С.С. Благополучие и наличие детей в молодых семьях: оценка взаимосвязи // Экономическая политика. 2023. Том 18. № 6. С. 34–61. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-6-34-61> EDN JUNENH

3. Капогузов Е.А., Чупин Р.И. Семейная политика в России: эффективность с позиций доказательного подхода // *Terra Economicus*. 2021. Том 19. № 3. С. 20–36. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-3-20-36> EDN KBDSRE
4. Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С. Оценка результативности семейной политики в направлении увеличения доходов россиян и снижения уровня бедности // *Вопросы управления*. 2021. № 4(71). С. 108–122. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-4-108-122> EDN USCEKU
5. Разумов А.А., Селиванова О.В. Влияние детских пособий и компенсационных выплат на снижение уровня бедности в регионах РФ // *Социально-трудовые исследования*. 2023. № 1(50). С. 83–93. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-50-1-83-93> EDN LAOWF
6. Child poverty in large families / J. Bradshaw, N. Finch, E. Mayhew, V.-M. Ritakallio, C. Skinner. UK: Joseph Rowntree Foundation, 2006. 49 p. ISBN 1-86134-877-0
7. Solari C.D., Mare R.D. Housing crowding effects on children's wellbeing // *Social science research*. 2012. Vol. 41. Issue 2. P. 464–476. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2011.09.012>
8. Wilcox W.B., Lerman R.I., Price J. Strong Families, Prosperous States: Do Healthy Families Affect the Wealth of States? USA: American Enterprise Institute, 2015. 52 p.
9. Kearney M.S., Levine P.B. The economics of non-marital childbearing and the «marriage premium for children» // *Annual Review of Economics*. 2017. Vol. 9. P. 327–352. <https://dx.doi.org/10.1146/annurev-economics-063016-103749>
10. Kohler H.P., Skytté A., Christensen K. The Demography of Low Fertility and the Family // *Annual Review of Sociology*. 2019. Vol. 45. P. 271–288.
11. McLanahan S., Percheski C. Family structure and reproduction of inequalities // *Annual Review of Sociology*. 2008. Vol. 34. P. 257–276. <https://dx.doi.org/10.1146/annurev.soc.34.040507.134549>
12. Bradshaw J., Chzhen Y., Main G. Poverty and Social Exclusion in Europe. UK: Edward Elgar Publishing, 2017. 320 p. ISBN 978-1-84376-340-6
13. Smeeding T.M., Thévenot C. Addressing Child Poverty: How Does the United States Compare with Other Nations? // *Academic Pediatrics*. 2016. Vol. 16. Issue 3. P. 67–75. <https://dx.doi.org/10.1016/j.acap.2016.01.011>
14. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006. 399 с. ISBN 5-7218-0743-1
15. Finlay J.E., Mejía-Guevara I., Akachi Y. Inequality in total fertility rates and the proximate determinants of fertility in 21 sub-Saharan African countries // *PLoS ONE*. 2018. Vol. 13. No. 9. Art. e0203344. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0203344>
16. Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в России // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2016. №3(31). С. 170–186. <https://dx.doi.org/10.31737/2221-2264-2016-31-3-8> EDN WRKYBZ
17. Садыков Р.М., Большакова Н.Л. Ключевые социальные детерминанты российской многодетной семьи // *Вестник университета*. 2024. № 11. С. 216–223. <https://dx.doi.org/10.26425/1816-4277-2024-11-216-223> EDN IMNOJZ
18. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Васильева Е.Н. Многодетная семья в современном российском обществе: демографический аспект // *Вопросы управления*. 2024. Том 18. № 3. С. 9–23. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-3-9-23> EDN JZPLJE
19. Child poverty in the OECD: Trends, determinants and policies to tackle it / O. Thevenon, T. Manfredi, Ya. Govind, I. Klauzner. OECD Social, Employment and Migration Working Papers. Paris: OECD Publishing, 2018 Oct. 18. 80 p. <http://dx.doi.org/10.1787/c69de229-en>
20. Bengtson V.L., Settersten R. A. Longitudinal Study of Generations: Tracking Family Dynamics Over Time. UK: Routledge, 2002.

Информация об авторах:

Елена Валерьевна Землянова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (SPIN-код: 3444–9754) (РИНЦ Author ID: 167570) (ResearcherID: AAA-4170-2021)

Наталья Александровна Безвербная – кандидат социологических наук, независимый исследователь (SPIN-код: 6590–8965) (РИНЦ Author ID: 926075) (ResearcherID: AAT-5201-2020)

Елена Константиновна Журавлева – эксперт Национальной родительской ассоциации; младший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (SPIN-код: 5567-2429) (РИНЦ Author ID: 880103)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Наталья Александровна Безвербная.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025; одобрена после рецензирования 08.05.2025; принята к публикации 05.06.2025.

References

1. Surinov A.E., Luppov A.B. Income Inequality in Russia. Measurement Based on Equivalent Income. *Ehkonomiceskii zhurnal VSHEH=HSE Economic Journal*. 2020;24(4):539–571. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-4-539-571> (In Russ.)
2. Surinov A.Ye., Kuzin S.S. Having Children and the Well-Being of Young Families: How are They Related? *Ehkonomiceskaya politika=Economic Policy*. 2023;18(6):34–61. (In Russ.) <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-6-34-61> (In Russ.)
3. Kapoguzov E.A., Chupin R.I. Effectiveness of Family Policy in Russia: Evidence-Based Approach. *Terra Economicus*. 2021;19(3):20–36. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-3-20-36> (In Russ.)

4. Kapoguzov E.A., Chupin R.I., Kharlamova M.S. Assessment of Family Policy Achievements in Income Increase and Poverty Decrease in Russia. *Voprosy upravleniya=Management Issues*. 2021;(4(71)):108–122. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-4-108-122> (In Russ.)
5. Razumov A.A., Selivanova O.V. The Impact of Child Benefits and Compensation Payments on Poverty Reduction in the Regions of Russia. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2023;50(1):83–93. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-50-1-83-93>. (In Russ.)
6. Bradshaw J., Finch N., Mayhew E, et al. Child Poverty in Large Families. UK: Joseph Rowntree Foundation; 2006. 49 p. ISBN 1-86134-877-0
7. Solari C.D., Mare R.D. Housing Crowding Effects on Children's Wellbeing. *Social Science Research*. 2012;41(2):464–476. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2011.09.012>
8. Wilcox W.B., Lerman R.I., Price J. Strong Families, Prosperous States: Do Healthy Families Affect the Wealth of States? USA: American Enterprise Institute; 2015. 52 p.
9. Kearney M.S., Levine P.B. The Economics of Non-Marital Childbearing and the «Marriage Premium for Children». *Annual Review of Economics*. 2017;9:327–352. <https://dx.doi.org/10.1146/annurev-economics-063016-103749>
10. Kohler H.P., Skytthe A., Christensen K. The Demography of Low Fertility and the Family. *Annual Review of Sociology*. 2019;(45):271–288.
11. McLanahan S., Percheski C. Family Structure and Reproduction of Inequalities. *Annual Review of Sociology*. 2008;34:257–276. <https://dx.doi.org/10.1146/annurev.soc.34.040507.134549>
12. Bradshaw J., Chzhen Y., Main G. Poverty and Social Exclusion in Europe. UK: Edward Elgar Publishing; 2017. 320 p. ISBN 978-1-84376-340-6
13. Smeeding T.M., Thévenot C. Addressing Child Poverty: How Does the United States Compare with Other Nations? *Academic Pediatrics*. 2016;16(3):67–75. <https://dx.doi.org/10.1016/j.acap.2016.01.011>
14. Arhangel'skij, V.N. Faktory Rozhdaemosti. Moscow: TEIS; 2006. 399 p. (In Russ.)
15. Finlay J.E., Mejía-Guevara I., Akachi Y. Inequality in Total Fertility Rates and the Proximate Determinants of Fertility in 21 sub-Saharan African Countries. *PLoS ONE*. 2018;13(9):e0203344. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0203344>
16. Ovcharova L.N., Popova D.O., Rudberg A.M. Decomposition of Income Inequality in Contemporary Russia. *Zhurnal Novoi ehkonomicheskoi assotsiatsii=Journal of the New Economic Association*. 2016;(3(31)):170–186. <https://dx.doi.org/10.31737/2221-2264-2016-31-3-8> (In Russ.)
17. Sadykov R.M., Bolshakova N.L. Key Social Determinants of the Russian Large Family. *Vestnik Universiteta*. 2024;(11):216–223. <https://dx.doi.org/10.26425/1816-4277-2024-11-216-223> (In Russ.)
18. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva, O.V., Vasileva, E.N. Large Family in the Modern Russian Society: Demographic Aspect. *Voprosy upravleniya=Management Issues*. 2024;18(3):9–23. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-3-9-23> (In Russ.)
19. Thevenon O., Manfredi T., Govind Ya. Child Poverty in the OECD: Trends, Determinants and Policies to Tackle it. OECD Social, Employment and Migration Working Papers. Paris: OECD Publishing; 2018 Oct. 18. 80 p. <http://dx.doi.org/10.1787/c69de229-en>
20. Bengtson V.L., Settersten R. A. Longitudinal Study of Generations: Tracking Family Dynamics Over Time. UK: Routledge; 2002.

Information about the authors:

Elena V. Zemlyanova – PhD in Economics, Leading Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 3444–9754) (RSCI Author ID: 167570) (ResearcherID: AAA-4170-2021)

Natalia A. Bezverbnaya – PhD in Sociology, Independent Researcher (SPIN-code: 6590–8965) (RSCI Author ID: 926075) (ResearcherID: AAT-5201-2020)

Elena K. Zhuravleva – Expert, National Parents Association; Junior Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N.M. Rimashevskaya – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 5567-2429) (RSCI Author ID: 880103)

Authors' declared contribution: all authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

The authors declare no conflicts of interest.

The author responsible for the correspondence is Natalia A. Bezverbnaya.

The article was submitted 14.02.2025; approved after reviewing 08.05.2025; accepted for publication 05.06.2025.

Оригинальная статья

УДК 331.522

JEL J22, J23

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_5_233_244

EDN GLNHGV

Использование открытых данных онлайн-вакансий в сравнении с данными официальной статистики для мониторинга и прогнозирования динамики рынка труда

Виталий Владиславович Алтухов¹, Алексей Дмитриевич Кудрявцев²

^{1,2} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

^{1,2} Профилум, Москва, Россия

¹ (vitaly@profilum.ru), (<https://orcid.org/0009-0000-9307-4276>)

² (kudryavtsev@profilum.ru)

Аннотация

Цифровизация трудовых процессов и рост популярности онлайн-платформ открывают новые возможности для мониторинга и прогнозирования динамики рынка труда. Однако остаются нерешёнными вопросы, связанные с репрезентативностью данных онлайн-вакансий, их оперативностью и полнотой. Научный интерес исследования заключается в развитии подходов к интеграции данных онлайн-источников с официальной статистикой, что позволит повысить точность прогнозирования и оперативность оценки состояния рынка труда. При традиционном анализе ситуации на рынке труда вакансии используются для измерения напряжённости на рынке труда и могут сигнализировать о наличии дисбалансов на рынке труда, когда спрос и предложение не соответствуют друг другу (по качественным характеристикам, географически и т. д.). Целью статьи является сопоставление данных онлайн-вакансий и официальной статистики для разработки подходов к мониторингу и прогнозированию динамики рынка труда. В статье приводится пример реализации мониторинга рынка труда на основании больших данных и сопоставление данных онлайн-вакансий с источниками официальной статистики. Основными источниками данных для сопоставления стали данные Росстата и hh.ru (открытые данные вакансий). При сопоставлении использовалась авторская методология агрегации данных вакансий в группы профессиональных сфер и профессий с опорой на официальные классификаторы, а также методы вычисления и оценки уровня заработных плат. В результате исследования было выявлено, что полученные и агрегированные данные портала поиска работы онлайн hh.ru достоверно соотносятся с официальной поквартальной и помесечной статистикой относительно динамики количества открытых вакансий и заработной платы. В завершении обсуждаются методы прогнозирования динамики рынка труда с использованием методов машинного обучения с опорой на открытые большие данные. Возможность сопоставления динамики показателей онлайн-порталов с официальной статистикой предприятий, по мнению авторов, могла бы дополнить методологию мониторинга рынка труда и повысить достоверность прогнозов.

Ключевые слова: региональный рынок труда, онлайн-вакансии, динамика вакансий, заработная плата, оценка спроса на рынке труда, отрасли экономики, большие данные

Для цитирования: Алтухов В.В., Кудрявцев А.Д. Использование открытых данных онлайн-вакансий в сравнении с данными официальной статистики для мониторинга и прогнозирования динамики рынка труда // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 233–244. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_5_233_244 EDN GLNHGV

RAR (Research Article Report)

JEL J22, J23

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_5_233_244

Using Open Data Online Vacancies in Comparison with Official Statistics to Monitor and Forecast Labor Market Dynamics

Vitalii V. Altukhov¹, Aleksei D. Kudryavtsev²

^{1,2} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

^{1,2} Profilum, Moscow, Russia

¹ (vitaly@profilum.ru), (<https://orcid.org/0009-0000-9307-4276>)

² (kudryavtsev@profilum.ru)

Abstract

Digitalization of labor processes and the growing popularity of online platforms open up new opportunities for monitoring and forecasting labor market dynamics. However, the issues related to the representativeness of online vacancies data, their timeliness and completeness remain unresolved. The scientific interest of the study lies in the development of approaches to the integration of data from online sources with official statistics, which will improve the accuracy of forecasting and promptness of labor market assessment. In traditional labor market analysis, vacancies are used to measure labor market tensions and can signal the presence of imbalances in the labor market, when supply and demand do not match each other (in terms of qualitative characteristics, geographically, etc.). The purpose of the article is to compare the data of online vacancies and official statistics to develop approaches to monitoring and forecasting labor market dynamics. The article gives an example of implementation of labor market monitoring based on big data and comparison of online vacancies data with the sources of official statistics. The main sources of data for comparison were Rosstat and hh.ru (open vacancy data). The author's methodology of aggregation of vacancy data into groups of professional spheres and professions based on official classifiers, as well as methods of calcula-

tion and estimation of salary levels were used in the comparison. As a result of the study, it was revealed that the obtained and aggregated data of the online job search portal hh.ru reliably correlates with the official quarterly and monthly statistics on the dynamics of the number of open vacancies and salaries. Finally, we discuss methods of forecasting labor market dynamics using machine learning methods based on open big data. According to the authors, the possibility of correlating the dynamics of the indicators of online portals with official statistics of enterprises could complement the methodology of labor market monitoring and increase the reliability of forecasts.

Keywords: regional labor market, online vacancies, vacancy dynamics, wage, estimation of demand in the labor market, economic sectors, big data

For citation: Altukhov V.V., Kudryavtsev A.D. Using Open Data Online Vacancies in Comparison with Official Statistics to Monitor and Forecast Labor Market Dynamics. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):233–244. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_5_233_244 (In Russ.)

Введение

Цифровизация трудовых процессов и рост популярности онлайн-платформ открывают новые возможности для мониторинга и прогнозирования динамики рынка труда. Однако остаются нерешёнными вопросы, связанные с репрезентативностью данных онлайн-вакансий, их оперативностью и полнотой. Научный интерес исследования заключается в развитии подходов к интеграции данных онлайн-источников с официальной статистикой, что позволит повысить точность прогнозирования и оперативность оценки состояния рынка труда.

Цель исследования – сопоставление данных онлайн-вакансий и официальной статистики для разработки подходов к мониторингу и прогнозированию динамики рынка труда.

Задачи исследования:

1. Анализ существующих методологий мониторинга.
2. Разработка алгоритмов обработки данных, включающих в себя классификацию вакансий по профессиональным отраслям и обработку заработных плат.
3. Сравнение данных hh.ru с официальной статистикой Росстата.
4. Оценка результатов, выработка подходов к мониторингу и прогнозированию показателей рынка труда на основе открытых данных.

Объект исследования – показатели структуры и динамики рынка труда (вакансии и заработные платы).

Предмет исследования – данные по показателям (вакансиям и заработным платам из официальных и открытых источников), а также методы и инструменты мониторинга и прогнозирования структуры и динамики рынка труда.

Исследование вакансий представляет собой полезный срез информации и является перспективным источником данных. При традиционном анализе ситуации на рынке труда вакансии используются для измерения напряжённости на рынке труда, то есть для анализа соотношения неудовлетворённого спроса на труд и свободной рабочей

силы (по данным Росстата). Таким образом, данные по вакансиям могут сигнализировать о наличии дисбалансов на рынке труда, когда спрос и предложение не соответствуют друг другу (по качественным характеристикам, географически и т. д.).

Также, согласно исследованиям [1], к 2025 году человечество начнет генерировать 175 зеттабайт данных. Такой большой объём данных мотивирует исследователей активно развивать методы анализа, основанные на анализе больших данных, не ограничиваясь только их частью или статистикой [2].

Гипотезой исследования является применимость данных онлайн-вакансий для мониторинга рынка труда. Различные данные Росстата собираются и подсчитываются ежемесячно или поквартально, однако с учётом развития онлайн-сервисов поиска работы становится актуальным принимать во внимание и их, а также рассматривать возможность соотнесения динамики показателей онлайн-порталов с официальной статистикой предприятий. Такой подход мог бы дополнить методологию мониторинга рынка труда и, возможно, помочь делать достоверные прогнозы на будущее.

Изучая научное поле вопроса достоверности данных порталов по поиску работы онлайн, стоит обратить внимание на ряд исследований, посвящённых сравнению данных официальной статистики (опросов работодателей) с массивом больших данных онлайн-вакансий. На выборке сразу нескольких стран Европейского союза [3; 4] проведены сравнительные исследования распределения вакансий онлайн-платформ и вакансий в отраслевом распределении (согласно европейскому статистическому отраслевому классификатору *NACE*), а также в разрезе профессиональных групп (согласно международной классификации профессий *ISCO-08*) на базе опросов официальной статистики в различных секторах. Авторы отмечают разрывы в данных, исходя из локации (географии стран) и отраслей, – количество вакансий на онлайн-платформах может быть примерно сравнимым с данными официальных опросов, но существуют и случаи несоответствия, когда вакансий может быть больше или значительно меньше в

тех или иных видах деятельности, например, как в случае с государственным управлением, где традиционно меньше онлайн-вакансий. Однако в то же время исследователи отмечают преимущество анализа онлайн-вакансий в силу более оперативного получения информации и возможности охватить различные тренды рынка труда. Исследования, проведённые на выборке данных по отдельным странам – например, по Нидерландам [5], Италии [6] или Австралии [7], – указывают на статистическую значимость сходства между полученными данными онлайн-вакансий и официальной статистикой и являются, согласно выводам, надёжными предикторами трендов на рынке труда.

Теоретические и методологические положения

Исследования репрезентативности данных онлайн-вакансий имеют определенные огра-

ничения, прежде всего в силу того, что не все представители рынка труда имеют равные шансы попасть в выборку в силу разных причин. Вакансии, открытые публично, не представляют весь неудовлетворённый спрос на рабочую силу (рисунок 1). Вакансии, опубликованные в открытом доступе, могут преследовать несколько целей: сделать поиск более эффективным, если другие инструменты этого не позволяют, либо увеличить охват потенциальных кандидатов, повысив таким образом конкуренцию; в некоторых случаях государственные компании обязаны публиковать вакансии на определённых платформах. Некоторые вакансии никогда не становятся публичными, а заполняются иными способами (через внутренние каналы поиска компании, рекрутинговые агентства, неформальные связи и т. д.).

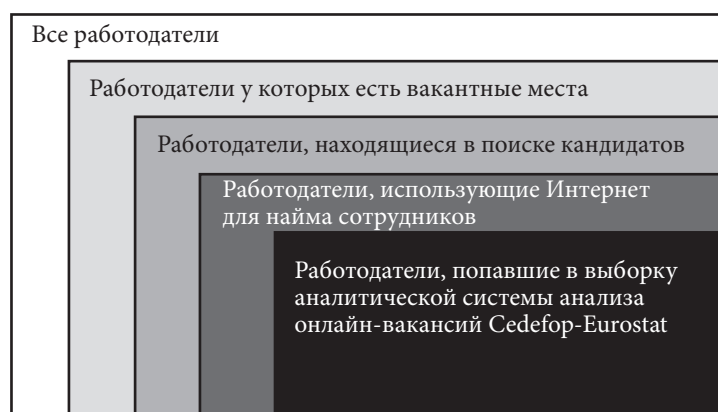

Рисунок 1. Схема механизма отбора онлайн-вакансий из общего количества вакансий на рынке труда в информационно-аналитической системе Cedefop

Figure 1. Scheme of the Mechanism for Selecting Online Vacancies from the Total Number of Vacancies on the Labor Market in the Cedefop Information-Analytical System

Источник: [3].

Онлайн-вакансии являются источником множества данных и содержат: название компании, описание требований, необходимых навыков и образования, заработной платы. В то же время существуют некоторые ограничения или искажения при сборе и интерпретации данных [8].

Согласно ранее изученным данным на европейском рынке труда [9], вакансии, опубликованные на порталах поиска работы онлайн, составляют порядка 80–85% от всех опубликованных вакансий. Больше всего данный способ подходит при поиске менеджеров среднего звена, специалистов разного уровня, технического и административного персонала. Однако могут отсутствовать вакансии для работников низкоквалифицированного труда или, наоборот, для специалистов

высшего звена, которые чаще всего нанимаются через рекрутинговые агентства или нетворкинг.

В исследовании на основе эмпирических данных опроса 1799 российских компаний [10], проведённого в 2015 г., было выявлено, что наиболее популярным способом найма новых сотрудников является поиск через интернет и через социальные сети (знакомых, коллег, родственников). Было выявлено, что порядка 76% компаний из представительной выборки российских предприятий (на момент проведения исследования) используют интернет для поиска сотрудников, и чаще всего в финансовой сфере и трейдинге, реже – в строительстве, промышленности, добыче. Стремительный переход компаний к использованию различных интернет-сервисов и платформ подчёркивает **актуальность** данного исследования.

Есть подтверждения, что на сайтах вакансий недопредставлены низкоквалифицированные и низкооплачиваемые профессии в такой профессиональной группе, как, например, специалисты в сельском хозяйстве, лесной промышленности и др., и излишне представлены профессии, требующие высокой квалификации [11].

Вакансии также могут быть смещены в сторону поиска высококвалифицированных кадров, а также в сторону предложений от компаний, уже успешно зарекомендовавших себя на рынке, или быстрорастущих компаний [12]. Исследования по рынку труда США [13] также говорят о смещённости данных в сторону вакансий, требующих высшего образования (диплом бакалавра), а также о других искажениях при сравнении онлайн-данных и данных официальной статистики. Вакансии в отрасли зависят также от скорости оборота в ней: чем выше оборот, тем больше увеличивается доля представленности – например, в торговле, ресторанном или гостиничном бизнесе оборот выше.

Среди других ограничений – данные открытые вакансий могут зависеть от региональной специфики, популярных ресурсов и платформ, а также от стратегий найма. Например, от возможности открывать вакансию сразу для нескольких кандидатов или для массового найма или, открывая вакансию, задаваться целью мониторинга потенциальных кандидатов, без планов нанимать работников.

На рынок труда может влиять и особенность эволюции институтов труда. Так, стоит упомянуть уже устоявшееся понятие «российская модель рынка труда»: когда в кризисные моменты экономики адаптация происходит в том числе за счёт снижения оплаты труда и сокращения рабочего времени работников [14].

Данные онлайн-вакансий активно применяются в аналитике [15; 16], однако, российский контекст остаётся недостаточно изученным. Основные пробелы включают отсутствие детальных сопоставлений данных порталов онлайн-вакансий с региональной статистикой Росстата. Кроме того, необходимо изучить преимущества и ограничения использования онлайн-источников для мониторинга трудового рынка.

Таким образом, принимая во внимание различные аспекты сопоставления «больших данных» онлайн-вакансий и источников официальной статистики, мы ставим перед собой проблему и задачу выполнить сравнительный анализ этих статистик на российском рынке труда.

Данные и методы работы с ними

На данный момент технологии сбора и обработки данных онлайн-вакансий, то есть «больших

данных», уже достаточно изучены и опробованы. На зарубежном рынке примечателен проект Cedefop, который посвящён сразу 27 странам, входящим в Европейский союз (ЕС), а также Великобритании: распределение вакансий и навыков в отраслевом (по видам экономической деятельности) и профессиональном разрезах¹. Схожий сервис, собирающий данные по вакансиям практически в режиме онлайн, – Lightcast (*бывш. Burning Glass Technologies*)² – уже зарекомендовал себя как надёжный аналитический сервис, использующийся как инструмент для проведения различных совместных исследований рынков труда США и ЕС. Также примечателен российский сервис, созданный «ВНИИ труда» Минтруда России – аналитическая система мониторинга вакансий и резюме³. В целом базовая схема работы заключается в сборе сырых данных, их обработке, преобразовании в структурированную базу данных и визуализацию полученных результатов (например, Cedefop⁴).

Целью нашей работы является соотнесение данных онлайн-вакансий на российском рынке труда с данными официальной статистики Росстата. Важность этой работы определяет дальнейшие шаги для проведения более фундаментальных исследовательских работ: если картина онлайн-вакансий схожа с официальной статистикой, это может в дальнейшем стать валидным инструментом при мониторинге и прогнозировании ситуации на рынке труда.

В своей работе мы будем опираться на несколько **источников**. Из официальной статистики Росстата будут использоваться следующие **показатели**:

1. Заявленная работодателями потребность в работниках в течение отчётного периода (количество свободных вакансий, заявленных работодателями в органы службы занятости населения в течение отчётного периода, по данным служб занятости, доступно по РФ в целом, ежемесячно)⁵.

¹ Cedefop: Skills-OVATE: Online Vacancy Analysis Tool for Europe // Cedefop: [сайт]. URL: <https://www.cedefop.europa.eu/en/tools/skills-online-vacancies> (дата обращения: 04.11.2024).

² Lightcast Data: Basic Overview // Lightcast: [сайт]. URL: https://kb.lightcast.io/en/articles/6957498-lightcast-data-basic-overview#h_31fa7af939 (дата обращения: 04.11.2024).

³ ВНИИ труда представил аналитическую систему мониторинга вакансий и резюме // ВНИИ труда: [сайт]. URL: <https://vcot.info/news/vnii-truda-predstavil-analiticeskuu-sistemu-monitoringa-vakansij-i-rezume> (дата обращения: 04.11.2024).

⁴ Cedefop. Online job vacancies and skills analysis: a Cedefop pan-European approach. Luxembourg: Publications Office, 2019 // Cedefop: [сайт]. URL: <http://data.europa.eu/doi/10.2801/097022> (дата обращения: 04.11.2024).

⁵ Росстат. Заявленная работодателями потребность в работниках в течение отчетного периода // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43141> (дата обращения: 04.11.2024).

2. Численность требуемых работников списочного состава на вакантные рабочие места на конец отчетного квартала (численность работников списочного состава, которых предполагается принять на вакантные рабочие места, по состоянию на последнее число отчетного квартала, по данным отчетности сектора крупных и средних предприятий, доступна по регионам и отраслям)⁶.

3. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по субъектам Российской Федерации⁷.

Эти показатели будут сопоставлены с собранными и проанализированными «Профилум» открытыми данными платформы по найму сотрудников hh.ru, крупнейшей платформы поиска работы и найма сотрудников в России⁸, которая предоставляет открытый и публичный HTTP API. Период для анализа данных – с января по декабрь 2023 года.

Можно выделить следующие этапы сбора вакансий и выявления показателей заработной платы:

1. Обработка названий вакансий и их общего количества. Было собрано более 16 млн. вакансий по всем регионам страны. В текстах каждой вакансии проводился процесс удаления служебных частей речи и выделения лемм (начальных словарных форм слов). Затем вакансии были сгруппированы по названиям, тем самым был получен первоначальный список профессий. Также был экспертно сформирован список из двух тысяч профессий, основанный на анализе вакансий (наиболее часто встречаемые) и общероссийском

классификаторе специальностей. Далее специалистами по рынку труда и профориентации были сопоставлены первоначальный и экспертный список профессий. Таким образом были классифицированы вакансии для дальнейшего анализа.

2. Обработка заработных плат. Анализ данных по средней заработной плате указывает на проблему некорректно низких или высоких значений (выбросов) и недостаточной заполненности данных: доля пропусков, где отсутствует хотя бы один из пределов (минимум или максимум), составляет порядка 45%. Для решения первой проблемы для каждой профессии/вакансии рассчитывается 90%-й интервал, а выбросы заменяются крайними значениями (выбросы в меньшую сторону – 5% перцентилем, в большую – 95% перцентилем). Затем для заполнения пропусков модель обучается линейной регрессии и предсказывает отсутствующие значения. Таким образом были получены значения средней заработной платы всех доступных значений в вакансиях, а также средние заработные платы, когда значения были досчитаны в случае, когда работодатель их не указывал.

Для корректного отраслевого соотнесения статистических показателей (т. е. согласно ОКВЭД) и отраслевых категорий⁹ портала hh.ru была осуществлена перекодировка значений портала в соответствии с разделами ОКВЭД¹⁰.

Стоит также принять во внимание методологические ограничения при сравнении показателей Росстата и портала поиска работы hh.ru, которые могут вносить коррективы (таблица 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика определения вакансии в Росстате и hh.ru

Table 1

Comparative Characterization of Vacancy Definition in Rosstat and hh.ru

Росстат	hh.ru
Данные «запаса» – сколько вакансий актуально на определенную дату	Данные «потока» – сколько вакансий открыто за определенный период
Данные по крупным и средним предприятиям	Все предприятия, включая малые
Вакансии для работников списочного состава	Включает вакансии в т. ч. по ГПХ
Одна вакансия – одно рабочее место	За одной вакансией может стоять несколько рабочих мест

Источник: разработано авторами.

⁶ Росстат. Численность требуемых работников списочного состава на вакантные рабочие места на конец отчетного квартала с 2017 г. // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57768> (дата обращения: 04.11.2024).

⁷ Росстат. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по субъектам Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 04.11.2024).

⁸ HeadHunter API // HeadHunter: [сайт]. URL: <https://api.hh.ru/openapi/redoc#section/Obshaya-informaciya> (дата обращения: 04.11.2024).

⁹ Отраслевую принадлежность работодатель заполняет самостоятельно, исходя из специфики продукции или сервисов.

¹⁰ Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 N 14-ст) (ред. от 16.08.2024) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/ (дата обращения: 04.11.2024).

Результаты и обсуждение

Показатели динамики вакансий

Полученные и обработанные данные портала поиска работы hh.ru были сопоставлены с поквартальной и ежемесячной динамикой количества вакансий Росстата. В целом данные Росстата менее волатильны, особенно при сравнении кварталов в абсолютных и процентных значениях (например, в III квартале 2023 года, рисунок 2–3), однако при этом

число вакансий, размещённых за квартал, одного порядка с числом доступных вакансий от Росстата с точки зрения восходящего/нисходящего трендов.

Проведённый корреляционный анализ поквартального распределения количества вакансий по регионам указывает на высокую положительную связь ($r = 0,98$, $p < .001$; Приложение, рисунок А), что указывает на пропорциональные изменения во времени двух источников вакансий.

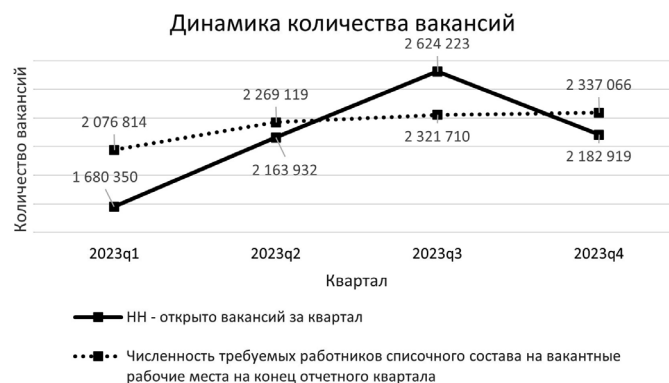

Рисунок 2. Сравнение поквартальной динамики количества вакансий портала hh.ru и Росстата (обследование предприятий), шт.

Figure 2. Comparison of Quarterly Dynamics of the Number of Vacancies on hh.ru Portal and Rosstat (Survey of Enterprises), pcs.

Источник: разработано авторами.

Помесячная динамика более наглядна. Мы можем наблюдать схожие тренды от месяца к месяцу. Пик спроса вакансий на портале hh.ru приходится на август 2023 года, данные Росстата

сопоставимы – пик приходится на май – август. Возможно, это является следствием сезонности. В целом начиная с августа данные уже более синхронны.

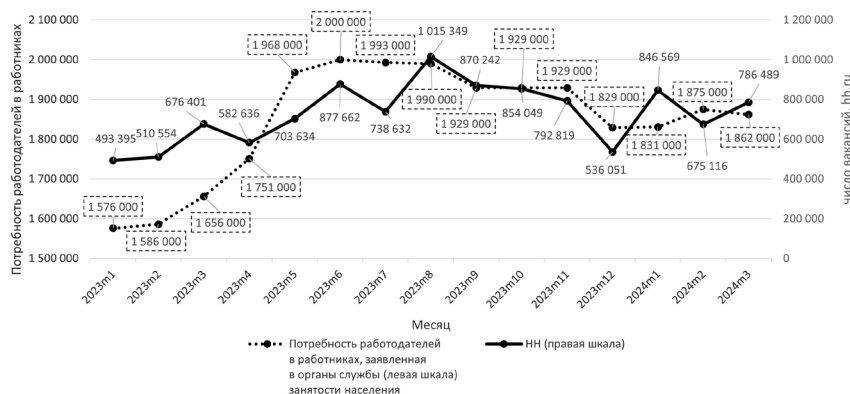

Рисунок 3. Сравнение динамики количества вакансий портала hh.ru («поток») и службы занятости населения («запас») по всем субъектам Российской Федерации, шт.

Figure 3. Comparison of Dynamics of the Number of Vacancies on the hh.ru Portal (“Flow”) and the Employment Service (“Stock”) for All Constituent Entities of the Russian Federation, pcs.

Источник: разработано авторами.

Сравнение отраслевой структуры вакансий

При сравнении отраслевой структуры вакансий портала hh.ru и Росстата (численность требуемых работников списочного состава на вакант-

ные рабочие места на конец отчетного квартала) можно отметить некоторые различия в отраслевой структуре вакансий: онлайн-вакансии хуже отражают (недопредставлены) деятельность в сельском

хозяйстве, государственные сервисы (здравоохранение, образование, государственное управление, культура). Сверхпредставлены рыночные услуги: административные услуги, профессиональная деятельность, финансы, информация и связь, гости-

ницы и общественное питание, и особенно торговля (рисунок 4). При этом сопоставимы данные в транспорте и логистике, строительстве, обрабатывающей промышленности, добыче полезных ископаемых, административной деятельности.

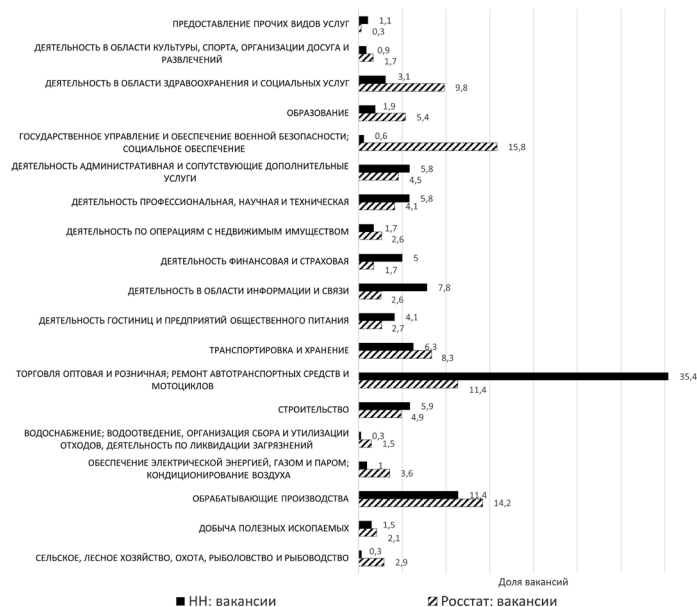

Рисунок 4. Сравнение отраслевой структуры вакансий (по общероссийскому классификатору видов экономической деятельности): доля вакансий hh.ru / Росстата от всех онлайн-вакансий и заявленных вакансий по Росстату соответственно, в среднем за 2023 г., %

Figure 4. Comparison of Sectoral Structure of Vacancies (by All-Russian Classifier of Types of Economic Activities): Share of hh.ru / Rosstat Vacancies from All Online Vacancies and Announced Vacancies According to Rosstat, Respectively, on Average for 2023, %

Источник: разработано авторами.

Сравнение источников данных о заработных платах

При сравнении источников заработной платы в целом по регионам страны стоит уточнить, что зара-

ботная плата от Росстата – это плата за стандартную продолжительность рабочего времени, фактически выплаченная, в то время как у hh.ru – предлагаемая работодателем, то есть некоторое усреднение (рисунок 5).

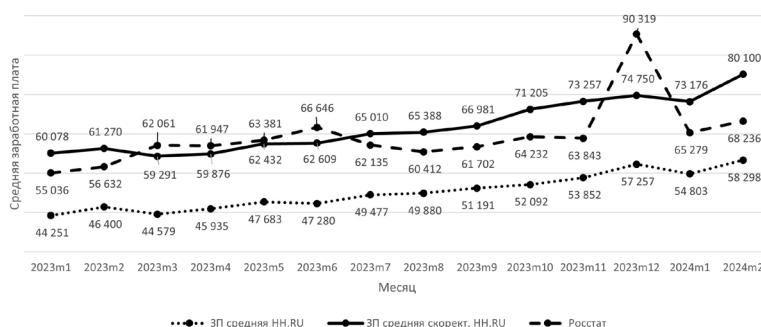

Рисунок 5. Сравнение источников данных о заработных платах: средняя и средняя скорректированная заработная плата портала hh.ru и среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по всем субъектам Российской Федерации, руб., 2023 г.

Figure 5. Comparison of Sources of Data on Salaries: Average and Average Adjusted Salary of the hh.ru Portal and Average Monthly Nominal Accrued Salary of Employees in the Full Range of Organizations by All Constituent Entities of the Russian Federation, Rubles, 2023

Источник: разработано авторами.

Скорректированная средняя заработная плата по данным портала hh.ru, то есть с учётом смоделированных значений заработной платы в вакансиях (с помощью линейной регрессии), где эта информация была пропущена, в целом достаточно близки к значениям Росстата. А корреляционный анализ квартальных и помесечных заработных плат Росстата с данными, агрегированными с hh.ru, показывает также высокую положительную связь между данными ($r = 0,85$, $p < .001$ и $r = 0,82$, $p < .001$ соответственно; Приложение, рисунок Б-В).

С июля заработная плата, предлагаемая работодателями на hh.ru, выше фактически выплаченной Росстатом, за исключением декабря 2023 года – месяца премий, что может свидетельствовать о признаках нарастающего дефицита рабочей силы.

Отраслевое сравнение источников данных о заработных платах

Значения заработных плат по отраслям в целом близки, но внимание привлекает существенная недооценка зарплат в высокооплачиваемых отраслях в онлайн-вакансиях: финансовая деятельность, деятельность в области информации и связи – вероятно, это связано с тем, что часть предложений по заработной плате обсуждается на финальных стадиях найма, а также большим оборотом организаций. Видны и области, где предложение выше, чем в данных Росстата, – операции с недвижимым имуществом, транспорт и логистика, строительство. Также отмечают отрасли с наиболее близкими значениями – торговля и добыча сырья (рисунок 6).

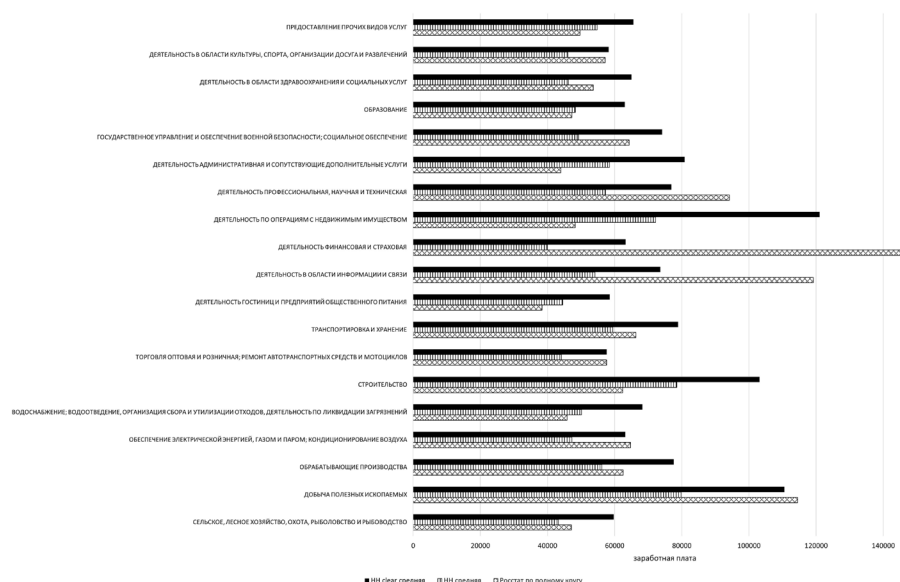

Рисунок 6. Сравнение источников данных о заработных платах по видам экономической деятельности: средняя и средняя скорректированная заработная плата портала hh.ru и среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по всем субъектам Российской Федерации, руб., 2023 г.

Figure 6. Comparison of Sources of Data on Wages by Type of Economic Activity: Average and Average Adjusted Wages of the hh.ru Portal and Average Monthly Nominal Accrued Wages of Employees for a Full Range of Organizations for All Constituent Entities of the Russian Federation, Rubles, 2023

Источник: разработано авторами.

Заключение

1. Полученные данные подтверждают, что онлайн-вакансии могут служить полезным дополнением к официальной статистике для мониторинга рынка труда. В будущем рекомендуется провести дополнительные исследования для учёта сезонных факторов и расширить использование методов машинного обучения, чтобы включить другие источники данных и платформы.

2. Полученное отраслевое распределение данных hh.ru позволило получить осмысленное со-

поставление с данными официальной статистики о вакантных рабочих местах и номинальной начисленной заработной платой.

3. При сопоставлении вакансий в отраслевом разрезе можно отметить лишь некоторые виды экономической деятельности, когда данные онлайн-вакансий соотносятся с данными Росстата (например, транспорт и логистика, строительство, обрабатывающая промышленность, добыча полезных ископаемых, административная деятельность), в других случаях мы можем отметить несовпадение.

4. При сопоставлении отраслевых показателей заработных плат также отмечаются зоны совпадения скорректированной заработной платы и номинальной начисленной зарплаты по Росстату: это деятельность в сфере торговли, добычи полезных ископаемых и др. В случаях, когда показатели онлайн-вакансий незначительно превышают данные Росстата, вероятно, можно предположить зоны дефицита рабочей силы, например в обрабатывающей промышленности, строительстве, транспортировке.

5. В отраслевом разрезе также существуют некоторые аномалии, которые требуют дополнительного исследования: высокая доля вакансий в сфере торговли (с резким скачком в мае 2024 года); заниженные заработные платы в высокодоходных отраслях (финансовая деятельность, информация и связь).

6. В дальнейшем необходимо провести анализ данных на более длительном временном отрезке, чтобы охватить как можно больше трендов, например явление сезонности за 2023–2024 гг.

Работа по анализу данных рынка труда с точки зрения публикуемых вакансий на порталах поиска работы в формате онлайн представляет огромный интерес, это можно отметить по возрастающему количеству проводимых исследований, а также возросшему числу таких платформ в России. Достоверность и валидность результатов сопоставления официальных статистик и данных онлайн-вакансий зависит от многих факторов и государственных политик стран: цифровизации сервисов, открытости экономики, используемых инструментов сбора и обработки данных.

Основным ограничивающим фактором, влияющим на восприятие полноты данных онлайн-вакансий, является их строгость (представлено ранее в таблице 1) – на одну вакансию может приходиться несколько открытых позиций, в то же время мы не можем достоверно знать, когда именно открываются и закрываются вакансии.

В результате в исследовательском плане не вполне ясно, какую именно часть рынка труда представляют онлайн-вакансии: более оперативно отражают рынок труда или дополняют данные официальной статистики.

Между тем динамика данных, полученная после обработки почти 16 млн онлайн-вакансий, и её сопоставление с данными Росстата говорят о схожести трендов, на это также указывает положительная корреляция при сравнении как количества вакансий, так и заработной платы. Одним из полезных результатов является перекодировка экономических отраслей и ниш портала hh.ru в систему классификатора ОКВЭД, что позволит в дальнейшем использовать данный «словарь» для последующих сопоставлений.

В качестве дальнейших исследовательских шагов становится актуальным вопрос о прогнозировании потребности в кадрах на рынке труда на основании данных онлайн-вакансий и резюме при помощи статистических методов или машинного обучения. Для решения этой задачи применимы модели с авторегрессией и интегрированным скользящим средним (ARIMA). Прогнозная модель ARIMA для стационарного временного ряда представляет собой уравнение регрессионного типа, в котором предикторы состоят из лагов зависимой переменной и/или лагов ошибок прогноза [17].

Также перспективным методологическим инструментом для прогнозирования в данном вопросе может стать использование алгоритма градиентного бустинга XGBoost, где в качестве признаков используются данные спроса и предложения на рынке труда, а также исторические данные о нехватке рабочей силы [18]. Применённый алгоритм показывает высокую эффективность (F1 до 86%) и прогностическую ценность. Данный подход, в отличие от источников официальной статистики, позволит намного быстрее выполнять прогноз, опираясь на данные в открытом доступе.

Список литературы

1. Макшанов А.В., Журавлев А.Е., Тындыкарь Л.Н. Большие данные. Big Data: учебник для вузов. 2022. 188 с. ISBN 978-5-8114-9690-7
2. Микрюков А.А., Гранатов М.Г., Абдрахманова З.А. Методы анализа больших данных в экономике // Общество, экономика, управление. 2023. Том 8. № 4. С. 70–74. <https://doi.org/10.47475/2618-9852-2023-8-4-70-74> EDN IXWNXY
3. Napierala J., Kvetan V., Branka J. Assessing the representativeness of online job advertisements. Cedefop working paper. No. 17. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2022. 26 p. <http://data.europa.eu/doi/10.2801/807500>
4. Vermeulen W., Gutierrez Amaros F. How Well do Online Job Postings Match National Sources in European Countries?: Benchmarking Lightcast data against statistical and labour agency sources across regions, sectors and occupation. OECD Local Economic and Employment Development (LEED) Papers. No. 2024/02. Paris: OECD Publishing, 2024. <https://doi.org/10.1787/e1026d81-en>

5. De Pedraza P., Visintin S., Tijdens K., Kismihók G. Survey vs scraped data // *IZA Journal of Labor Economics*. 2019. Vol. 8. No. 1. P. 1-23. <https://doi.org/10.2478/izajole-2019-0004>
6. Lovaglio P.G., Mezzanzanica M., Colombo E. Comparing time series characteristics of official and web job vacancy data // *Quality and Quantity*. 2020. Vol. 54. No. 1. P. 85-98. <https://doi.org/10.1007/s11135-019-00940-3>
7. Evans D., Mason C., Chen H., Andrew R. An algorithm for predicting job vacancies using online job postings in Australia // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. Vol. 10. No. 102. P. 1-9. <https://doi.org/10.1057/s41599-023-01562-9>
8. Kureková L.M., Beblavý M., Thum-Thysen A. Using online vacancies and web surveys to analyse the labour market // *IZA Journal of Labor Economics*. 2015. Vol. 4. No. 18. P. 1-20. <https://doi.org/10.1186/s40172-015-0034-4>
9. Romanko O., O'Mahony M. The use of online job sites for measuring skills and labour market trends: a review. ESCoE Technical Report. No. 2022-19. London, 2022. 48 p. ISSN 2515-4664
10. Roshchin S., Solntsev S., Vasilyev D. Recruiting and Job Search Technologies in the Age of Internet // *Foresight and STI Governance*. 2017. Vol. 11. No. 4. P. 33-43. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2017.4.33.43>
11. Cammeraat E., Squicciarini M. Burning Glass Technologies' data use in policy-relevant analysis. OECD Science, Technology and Industry Working Papers. No. 2021/05. Paris: OECD Publishing, 2021. 69 p. <https://doi.org/10.1787/cd75c3e7-en>
12. Davis S., Faberman R., Haltiwanger J. The establishment-level behavior of vacancies and hiring // *Quarterly Journal of Economics*. 2013. Vol. 128. No. 2. P. 581-622. <https://doi.org/10.1093/qje/qjt002>
13. Carnevale A.P., Jayasundera T., Repnikov D. Understanding online job ads data: Technical Report. Georgetown: Center on Education and the Workforce, 2014. 28 p. <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.13283.57124>
14. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов // *Вопросы экономики*. 2023. № 8. С. 5-37. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37> EDN USUZBY
15. Горина Т., Натсак О. Анализ спроса и предложения на современном рынке труда Республики Тыва // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2022. № 1. С. 204-235. <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2022-1-21-204-235> EDN CPSPPI
16. Терников А.А. Профессиональные стандарты и спрос на рынке труда в сфере высшего менеджмента в России // *Вестник СПбГУ. Менеджмент*. 2022. Том 21. № 1. С. 131-148. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2022.106> EDN JEXYZX
17. Aletdinova A., Bakaev M. Intelligent Data Analysis and Predictive Models for Regional Labor Markets // *Digital Transformation and Global Society: 6th International Conference Proceedings*, 23-25 June 2021, St. Petersburg, Russia. Springer, 2022. P. 351-363. https://doi.org/10.1007/978-3-030-37858-5_29
18. Predicting Skill Shortages in Labor Markets: A Machine Learning / N. Dawson, M.A. Rizioiu, B. Johnston, M.A. Williams // *IEEE International Conference on Big Data Conference Proceedings*, 10-13 December 2020, Atlanta, USA. Atlanta, 2020. P. 3052-3061. <https://doi.org/10.1109/BigData50022.2020.9377773>

Информация об авторах:

Виталий Владиславович Алтухов – младший научный сотрудник, лаборатория социальных и экономических исследований «Технологии развития человеческого капитала и построения институциональных и компетентностных моделей развития человека» при кафедре экономики труда и персонала, экономический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, директор по разработке и исследованиям, «Профилум»

Алексей Дмитриевич Кудрявцев – младший научный сотрудник, лаборатория социальных и экономических исследований «Технологии развития человеческого капитала и построения институциональных и компетентностных моделей развития человека» при кафедре экономики труда и персонала, экономический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, аналитик данных, «Профилум».

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Виталий Владиславович Алтухов.

Статья поступила в редакцию 25.02.2025; одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 05.06.2025.

References

1. Makshanov AV, Zhuravlev AE, Tyndykar' LN. Bol'shie dannye. Big Data. Textbook for Universities. St. Petersburg; 2022. 188 p. ISBN 978-5-8114-9690-7 (In Russ.).
2. Mikryukov AA, Granatov MG, Abdrakhmanova ZA. Big Data Analysis Methods. *Obshchestvo, ekonomika, upravlenie=Society, economy, management*. 2023;8(4):70-74. <https://doi.org/10.47475/2618-9852-2023-8-4-70-74> (In Russ.)
3. Napierala J., Kvetan V., Branka J. Assessing the Representativeness of Online Job Advertisements. Cedefop working paper. No. 17. Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2022. 26 p. <http://data.europa.eu/doi/10.2801/807500>
4. Vermeulen W., Gutierrez Amaro F. How Well do Online Job Postings Match National Sources in European Countries?: Benchmarking Lightcast Data against Statistical and Labour Agency Sources across Regions, Sectors and Occupation. OECD Local Economic and Employment Development (LEED) Papers. No. 2024/02. Paris: OECD Publishing; 2024. <https://doi.org/10.1787/e1026d81-en>
5. De Pedraza P., Visintin S., Tijdens K., et al. Survey vs Scraped Data: Comparing Time Series Properties of Web and Survey Vacancy Data. *IZA Journal of Labor Economics*. 2019;8(1):1-23. <https://doi.org/10.2478/izajole-2019-0004>
6. Lovaglio P.G., Mezzanzanica M., Colombo E. Comparing Time Series Characteristics of Official and Web Job Vacancy Data. *Quality and Quantity*. 2020;54(1):85-98. <https://doi.org/10.1007/s11135-019-00940-3>
7. Evans D., Mason C., Chen H., et al. An algorithm for Predicting Job Vacancies Using Online Job Postings in Australia. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023;10(102):1-9. <https://doi.org/10.1057/s41599-023-01562-9>
8. Kureková L.M., Beblavý M., Thum-Thysen A. Using Online Vacancies and Web Surveys to Analyse the Labour Market: a Methodological Inquiry. *IZA Journal of Labor Economics*. 2015;4(18):1-20. <https://doi.org/10.1186/s40172-015-0034-4>

9. Romanko O., O'Mahony M. The Use of Online Job Sites for Measuring Skills and Labour Market Trends: a Review. ESCoE Technical Report No. 2022-19. London; 2022. 48 p. ISSN 2515-4664
10. Roshchin S., Solntsev S., Vasilyev D. Recruiting and Job Search Technologies in the Age of Internet. *Foresight and STI Governance*. 2017;11(4):33-43. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2017.4.33.43>.
11. Cammeraat E., Squicciarini M. Burning Glass Technologies' Data Use in Policy-relevant Analysis: an Occupation-level Assessment. OECD Science, Technology and Industry Working Papers. No. 2021/05. Paris: OECD Publishing; 2021. 69 p. <https://doi.org/10.1787/cd75c3e7-en>
12. Davis S., Faberman R., Haltiwanger J. The Establishment-level behavior of Vacancies and Hiring. *Quarterly Journal of Economics*. 2013;128(2):581-622. <https://doi.org/10.1093/qje/qjt002>
13. Carnevale A.P., Jayasundera T., Repnikov D. Understanding Online Job Ads Data: Technical Report. Georgetown: Center on Education and the Workforce; 2014. 28 p. <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.13283.57124>
14. Kapeliushnikov R.I. The Russian Labor Market: a Statistical Portrait on the Crises Background. *Voprosy Ekonomiki*. 2023;(8):5-37. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37> (In Russ.)
15. Gorina T., Natsak. O. Analyzing Supply and Demand in Tuva's Labor Market: Professional and Gender Aspects Revisited. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN=Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022;(1):204-235. <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2022-1-21-204-235> (In Russ.)
16. Ternikov A. A. Professional Standards and Demand in the Labor Market in the Sphere of Higher Management in Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment=Vestnik of Saint Petersburg University. Management*. 2022;21(1):131-148. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2022.106> (In Russ.)
17. Aletdinova A., Bakaev M. Intelligent Data Analysis and Predictive Models for Regional Labor Markets. In: Digital Transformation and Global Society. 6th International Conference Proceedings; June 23-25, 2021; St. Petersburg, Russia. 2022:351-363. https://doi.org/10.1007/978-3-030-37858-5_29
18. Dawson N., Rizoio M. A., Johnston B., et al. Predicting Skill Shortages in Labor Markets: A Machine Learning Approach. IEEE International Conference on Big Data. Conference Proceedings; December 10-13, 2020; Atlanta, USA. 2020:3052-3061. <https://doi.org/10.1109/BigData50022.2020.9377773>

Information about the authors:

Vitalii V. Altukhov – Junior Research Fellow, Laboratory of Social and Economic Research «Technologies for the Development of Human Capital and the Construction of Institutional and Competence-Based Models of Human Development» at the Department of Labor and Personnel Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Director of Development and Research, Profilum

Aleksei D. Kudryavtsev – Junior Research Fellow, Laboratory of Social and Economic Research «Technologies for the Development of Human Capital and the Construction of Institutional and Competence-Based Models of Human Development» at the Department of Labor and Personnel Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Data Scientist, Profilum

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Vitalii V. Altukhov.

The article was submitted 25.02.2025; approved after reviewing 19.03.2025; accepted for publication 05.06.2025.

Приложение Корреляционный анализ

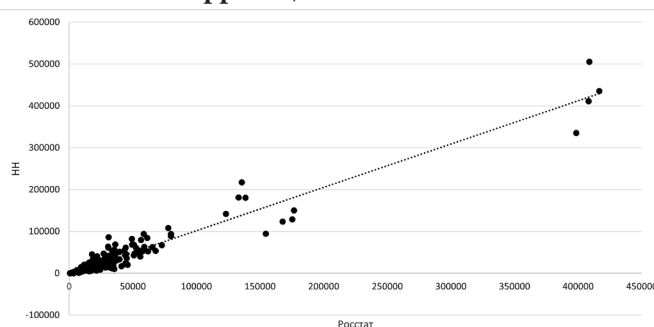

Рисунок А. Корреляционный анализ количества вакансий по всем субъектам Российской Федерации, данные Росстата (численность требуемых работников списочного состава на вакантные рабочие места на конец отчетного квартала) и портала hh.ru, 2023 г.; коэффициент корреляции Пирсона: $r=0,98$, где уровень значимости $p<.001$
Figure A. Correlation Analysis of the Number of Vacancies by All Constituent Entities of the Russian Federation, Data from Rosstat (the Number of Required List Workers for Vacant Jobs at the End of the Reporting Quarter) and hh.ru Portal, 2023; Pearson Correlation Coefficient: $r=0,98$, where the significance level $p<.001$

Источник: разработано авторами.

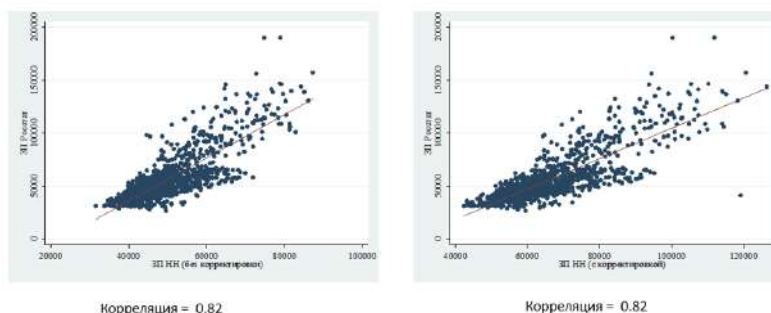

Рисунок Б. Корреляционный анализ среднемесячной заработной платы: данные Росстата (среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по всем субъектам Российской Федерации) и портала hh.ru, 2023 г.
Figure B. Correlation Analysis of Average Monthly Wages: Data from Rosstat (Average Monthly Nominal Accrued Wages of Employees for a Full Range of Organizations by RF Subjects) And hh.ru Portal, 2023.
 Источник: разработано авторами.

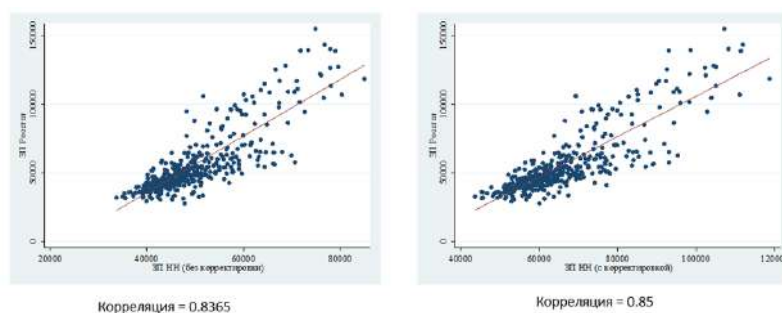

Рисунок В. Корреляционный анализ среднеквартальной заработной платы: данные Росстата (среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по всем субъектам Российской Федерации) и портала hh.ru, 2023 г.
Figure B. Correlation Analysis of Average Quarterly Wages: Data From Rosstat (Average Monthly Nominal Accrued Wages of Employees for a Full Range of Organizations by Constituent Entities of All Russian Federation) and hh.ru Portal, 2023.
 Источник: разработано авторами.

Оригинальная статья

УДК 314

JEL J11, R23

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_6_245_258

EDN HAGVQI

Структура качеств населения региона: классификация свойств

Наталья Павловна Неклюдова

Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия
(neklyudova.np@uiec.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5026-1394>)

Аннотация

Структуризация свойств населения – неотъемлемая часть анализа уровня жизни. Она позволяет перейти от абстрактных показателей к конкретным мерам, учитывающим разнообразие потребностей разных групп. Без этого невозможна ни эффективная социальная политика, ни достижение целей устойчивого развития. Качество населения, как интегральная категория, включает множество характеристик, таких как возрастная структура, уровень образования, профессиональная квалификация, здоровье и культурные особенности, которые определяют экономическую активность и устойчивое развитие региона. Однако до сих пор отсутствует общепринятая классификация свойств населения, что затрудняет планирование и прогнозирование. Цель статьи – разработать классификацию свойств населения региона, которая может быть использована для управления демографическим развитием. Автор ставит задачу структурировать качественные характеристики населения, чтобы перейти от абстрактных показателей к конкретным мерам, учитывающим разнообразие потребностей различных групп. Информационные источники, использованные в статье, включают национальный корпус русского языка, научные публикации из электронной библиотеки eLIBRARY.RU и поисковой системы Google Scholar. В работе проведён анализ научных подходов к определению качества населения, выделены ключевые компоненты, такие как здоровье, образование, культурные ценности и демографическое поведение. Методология исследования включала двухэтапный анализ. На первом этапе проведён лингвистический корпусный анализ и контент-анализ научных текстов для выявления прилагательных, сочетающихся с термином «состав населения» и связанных с демографическими процессами. На втором этапе методом интент-анализа выделены ключевые фасеты и сформирована классификация элементов-свойств населения на основе структурно-функционального подхода. Результаты исследования представлены в виде классификации, включающей физиологические, гендерные, социально-экономические, этнические, культурные и миграционные характеристики населения. Предложенная классификация позволяет более точно анализировать демографическую ситуацию в регионе, прогнозировать экономическую активность и разрабатывать целевые социальные программы. Выводы работы подчёркивают важность учёта многообразия свойств населения для устойчивого развития регионов. Разработанная классификация может быть использована для планирования социально-экономической политики, улучшения качества жизни населения и обеспечения долгосрочного развития территорий.

Ключевые слова: качество населения, состав населения, структура населения, классификация свойств населения, демографическое развитие, демографическая структура, управление демографическим развитием

Для цитирования: Неклюдова Н.П. Структура качеств населения региона: классификация свойств // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 245–258. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_6_245_258 EDN HAGVQI

RAR (Research Article Report)

JEL J11, R23

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_6_245_258

Structure of Regional Population Qualities: a Classification of Attributes

Natalia P. Neklyudova

Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia
(neklyudova.np@uiec.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5026-1394>)

Abstract

Structuring the properties of the population is an integral part of analyzing the standard of living. It allows for a shift from abstract indicators to specific measures that take into account the diverse needs of different groups. Without this, neither effective social policy nor the achievement of sustainable development goals is possible. The quality of the population, as an integral category, encompasses numerous characteristics such as age structure, education level, professional qualifications, health, and cultural traits, which determine economic activity and sustainable development of a region. However, there is still no universally accepted classification of population properties, which complicates planning and forecasting. The aim of the article is to develop a classification of population properties in a region that can be used for managing demographic development. The author sets the task of structuring qualitative characteristics of the population to move from abstract indicators to specific measures that consider the diverse needs of various groups. The information sources used in the article include the Russian National Corpus, scientific publications from the eLIBRARY.RU electronic library, and the Google Scholar search engine. The study analyzes scientific approaches to defining the quality of the population, identifying key components such as health, education, cultural values, and demographic behavior. The research methodology involved a two-stage analysis. In the first stage, a linguistic corpus analysis and content analysis of scientific texts were conducted to identify adjectives collocating with the term "population composition" and associated with demographic processes. In the second stage, key facets were extracted using intent analysis, and a classification of population property elements was developed based on a structural-functional approach. The results of the study are presented as a classification that includes physiological, gender, socio-economic, ethnic, cultural, and migration characteristics of the population. The proposed classification enables a more accurate analysis of the demographic situation in a region, forecasting economic activity, and developing targeted social programs. The conclusions of the work emphasize the importance of considering the diversity of population properties for the sustainable development of regions. The developed classification can be used for planning socio-economic policies, improving the quality of life of the population, and ensuring the long-term development of territories.

Keywords: population quality, population composition, population structure, classification of population attributes, demographic development, demographic structure, management of demographic development

For citation: Neklyudova N.P. Structure of Regional Population Qualities: a Classification of Attributes. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):245–258. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_6_245_258 (In Russ.)

Введение

Качество населения – узловая категория теории народонаселения, отражающая интегральную совокупность его свойств. Несмотря на то, что в виде самостоятельной категории понятие качества населения оформилось достаточно давно, общепринятого определения и полной ясности в трактовке его структуры пока не существует. Между тем, исследование структуры качества населения имеет ключевое значение для устойчивого пространственного развития регионов. Прежде всего, полная картина качественного состава населения позволяет более точно планировать распределение ресурсов региона. Так, например, возрастная структура населения влияет на потребности в образовательных учреждениях, здравоохранении и пенсионной системе. Если регион имеет высокую долю пожилого населения, это требует увеличения финансирования медицинских услуг и социального обеспечения. С другой стороны, молодое население нуждается в развитии системы образования и создания рабочих мест. Вместе с тем, в условиях демографического старения и распространения концепции «образования через всю жизнь» современные образовательные программы не ограничиваются молодёжными когортами. Они включают обучение для взрослых и пожилых граждан, направленное на их адаптацию к динамичному рынку труда, повышение цифровой грамотности и профессиональную переквалификацию.

Такие структурные характеристики населения как уровень образования, профессиональная квалификация и занятость определяют экономическую активность региона. Высококвалифицированные специалисты способствуют развитию высокотехнологичных отраслей и инновационной экономики, тогда как низкоквалифицированная рабочая сила может ограничивать возможности экономического роста. Знание структуры качества населения позволяет более точно прогнозировать экономическую активность региона. Изучение структуры свойств населения помогает разрабатывать эффективные социальные программы и программы по привлечению и интеграции мигрантов и предотвращению возможных конфликтов. Таким образом, изучение структуры качества населения является основой для эффективного управления социально-экономическими

процессами в регионах, что позволяет принимать обоснованные решения, направленные на улучшение качества жизни населения и обеспечение устойчивого пространственного развития территории.

В современной российской и международной научной литературе преобладают исследования, ориентированные на изучение качества жизни населения [1; 2; 3; 4], тогда как работы, непосредственно рассматривающие качество населения как системную характеристику его свойств, представлены в ограниченном количестве и чаще рассматриваются в контексте человеческого потенциала [5]. Среди отечественных исследований именно качества населения следует отметить труды Е.Ю. Рюминой [6; 7; 8], Ю.П. Гуцко [9], А.А. Федотова [10; 11; 12], Н.А. Симаковой [13; 14], Н.С. Маликова и И.Ф. Маликова [15; 16]. В зарубежном академическом дискурсе значимым вкладом является монография «Структуры и модели населения: Разработки в области пространственной демографии» [17], посвящённая методологическим аспектам анализа демографических структур. Особый интерес представляет китайская концепция *Suzhi* (Quality), трактующая качество населения через совокупность поведенческих, образовательных, этических и амбициозных характеристик [18; 19; 20; 21]. Тем не менее, в зарубежных исследованиях также превалирует фрагментарный подход к изучению качества населения, акцентирующий отдельные аспекты – демографическое старение, миграционные процессы, социально-экономическое неравенство – при отсутствии комплексной систематизации его структурных свойств [22; 23; 24; 25; 26].

Население региона как система состоит из элементов-объектов (непосредственно людей, населяющих территорию региона), элементов-действий (демографического поведения) и элементов – свойств (качеств, характеризующих объект). Настоящее исследование посвящено свойственному аспекту качества населения, под которым понимается «совокупность существенных признаков, свойств и особенностей населения (или человека), включая физические, психологические, социальные и индивидуальные характеристики, отличающие население (или конкретного человека) от других живых существ и разные группы населения (разных людей) друг от друга» [10].

Анализ научных работ, посвящённых управлению социально-экономическими и демографическими процессами в регионах, показал, что существует несколько основных подходов к классификации качественных характеристик населения, каждый из которых фокусируется на определённых аспектах демографии и социальной структуры. Одна из самых распространённых и базовых форм классификации населения – это половозрастная структура, за ней следуют этнические (национальные), образовательные, профессиональные и социально-экономические классификации. Эти классификации широко применяются в государственных статистиках, межрегиональных и межстрановых сравнениях. Однако, очевидно, что перечисленные варианты классификации не являются полными. Структура качества населения любого региона гораздо богаче и разнообразнее и для успешного управления демографическим развитием региона необходимо представление о более сложном составе свойств населения, позволяющем получить полную картину демографической и социальной ситуации в регионе. Поскольку такой полной классификации в отечественных и зарубежных исследованиях обнаружено не было, автором принято решение устранить этот пробел.

Таким образом, объектом исследования выступают свойства или качества, характеризующие население региона, предметом исследования – структура качественных характеристик населения региона, включая физиологические, социально-экономические, этнические, культурные и другие.

Целью статьи является разработка классификации свойств населения региона, которая может быть использована для управления демографическим развитием, анализа демографической ситуации и прогнозирования экономической активности. Гипотеза исследования – систематизация и классификация свойств населения региона позволят более точно анализировать демографическую ситуацию, прогнозировать экономическую активность и разрабатывать целевые социальные программы. Это, в свою очередь, будет способствовать повышению уровня жизни населения в регионах России за счёт более эффективного распределения ресурсов, улучшения качества человеческого капитала и устойчивого социально-экономического развития.

Теоретические и методологические положения

Хотя общепринятого определения понятия качества населения с точки зрения свойственного аспекта пока не существует, многие исследователи сходятся во мнении, что оно представляет собой *совокупность характеристик населения* как субъекта и объекта социально-экономических отношений. Кроме того, «качество населения» представляет собой важнейший ресурс и условие устойчивого развития, выступая основой национальной безопасности государства, показателем прогресса человечества, центральной идеей социальной и экономической политики, ключевым стратегическим активом общества и основным фактором системной модернизации российского общества (таблица 1).

Таблица 1

Некоторые подходы к определению дефиниции «качество населения»

Table 1

Some Approaches to the Definition of “Population Quality”

Автор(ы) [источник]	Определение
У. А. Алкычева [27]	комплексное понятие, включающее в себя совокупность характеристик населения как субъекта общественного производства и социальных отношений
А.А. Ткаченко ¹	совокупность свойств населения, характеризующих его воспроизводство во взаимодействии с экономическими, экологическими, социальными, политическими, этнонациональными, конфессиональными, природно-географическими факторами
А. А. Федотов [10]	совокупность существенных признаков, свойств и особенностей населения (или человека), включая физические, психологические, социальные и индивидуальные характеристики, отличающие население (или конкретного человека) от других живых существ и разные группы населения (разных людей) друг от друга
В. М. Медков ²	сложное, комплексное понятие, которое включает в себя систему характеристик населения. Это характеристики образовательного уровня населения, его профессиональной структуры, социальный состав населения, его подвижность, состояние здоровья населения и др. Каждой ступени развития производительных сил и производственных отношений соответствует то или иное качество населения. Изменение качества населения может рассматриваться как развитие народонаселения

¹ Ткаченко А.А. Качество народонаселения // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал: [сайт]. URL: <https://bigenc.ru/c/kachestvo-narodonaseleniia-ee0489/?v=9007092> (дата обращения: 17.02.2025).

² Демографический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985.

Автор(ы) [источник]	Определение
S. Yoon et al. [28]	центральная идея социальной и экономической политики
Н. Н. Логинова М. А. Жулина [29]	интегральная совокупность свойств народонаселения, характеризующих его воспроизводство в системе социальных и природных отношений. Категория, выражающаяся через конкретный набор качественных характеристик населения: здоровье, образование, культуру, которые представляют собой некоторый минимум, допускающий дальнейшее расширение. Это ресурс и гарантия стабильного развития, основа национальной безопасности государства
Д. Г. Данцигер и др. [30]	«ресурс и гарант стабильного развития, основа национальной экономической безопасности государства»

Источник: составлено автором.

Качество населения является многогранной концепцией и интерпретируется различными учёными через призму социальных, экономических, демографических и культурных аспектов. На основе предоставленных в таблице 1 определений можно выделить несколько ключевых принципов в трактовке этого понятия. Во-первых, качество населения является многомерным понятием. Оно, как уже было упомянуто, рассматривается как комплексная категория, включающая социальные, экономические, демографические, культурные, природные и другие аспекты. Во-вторых, оно эмпирически наблюдаемо и измеряемо. В-третьих, оно имеет динамический характер. Изменение качества населения может рассматриваться как развитие народонаселения. Совокупность свойств населения представляет

собой множество элементов, обладающих некоторыми общими свойствами, существенными для их характеристики. Применительно к категории «качество населения» анализ источников позволил сделать вывод о том, что чаще всего методология качественных характеристик основывается на следующих фундаментальных компонентах: здоровье населения (психическое, физическое и социальное);

- образование или квалификация;
- культурно-нравственные ценности населения;
- характеристики, описывающие демографическое поведение (рождаемость, брачность и т.д.).

Каждый из указанных компонентов может быть детализирован в зависимости от целей измерения качества населения (таблица 2).

Таблица 2

Компоненты (агрегированные части) «качества населения»

Table 2

Components (Aggregated Parts) of “Population Quality”

Автор [источник]	Компоненты
Н. А. Симакова, М. А. Пятин [13]	«здоровье населения в целом и каждого человека в отдельности, общий уровень заболеваемости населения, заболеваемость по классам болезней и отдельным возрастным группам, средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень грамотности взрослого населения и образовательный уровень в целом и культурный потенциал»
A. Kipnis [18]; T. Jacka [19]; S. Polyzos & D. Minetos [31]	уровень образования; профессиональные навыки; профессиональная специализация
Е. В. Фролова, О.В. Рогач, П.В. Разов [32]	«демография, здоровье, уровень образования»
Н. М. Римашевская [33]	«здоровье населения (физическое, психическое и социальное); профессионально-образовательные способности; культурно-нравственные ценности и духовность граждан, их социокультурная активность»
Е. В. Рюмина [6]	1) естественный прирост (убыль) населения; 2) средняя ожидаемая продолжительность жизни; 3) доля лиц старше 15 лет с высшим и средним специальным образованием; 4) число посещений музеев и театров на 1 000 чел.; 5) число преступлений на 100 тыс. чел., число больных алкоголизмом и наркоманией на 100 тыс. чел. населения

Автор [источник]	Компоненты
А. А. Мазырко [34]	1) коэффициент естественного прироста; 2) коэффициент демографической нагрузки; 3) коэффициент младенческой смертности; 4) доля работников с высшим образованием в организациях; 5) коэффициент миграционного прироста; 6) соотношение браков и разводов; 7) ожидаемая продолжительность жизни при рождении.
S. Yoon et al. [28]	1) демографические характеристики, 2) экономические характеристики, 3) поведенческие характеристики, 4) состояние здоровья, 5) функциональный статус, 6) организация ухода, 7) психосоциальные факторы, 8) потребности пациентов в услугах
Н.С. Маликов, И.Ф. Маликов [15]	1) материальный состав населения (например, возрастная и половая структура); 2) структура населения как способ связи элементов в системе (например, семейные отношения, взаимодействие поколений); 3) функциональные свойства системы (например, способность населения к воспроизводству, адаптации к изменениям)
Я. А. Лещенко [35]	1) медико-биологический потенциал, 2) социально-психологический потенциал, 3) социально-трудовой потенциал

Источник: составлено автором по [6; 13; 15; 18; 19; 28; 31; 32; 33; 34; 35].

Как видно из таблицы 2, всех исследователей объединяет стремление к комплексной оценке качества населения, но каждый автор выделяет свои приоритеты: от физического здоровья и образования до социально-поведенческих или системных аспектов.

Таким образом, вопрос, касающийся свойственного аспекта качества населения и его структуры, пока остаётся дискуссионным. Критериев качества населения много, однако до настоящего момента не предпринималось попыток перечислить их все и каким-то образом систематизировать.

Использованные данные и методы работы с ними

Основной лингвистической единицей, связанной с категорией «качество», является имя прилагательное [36; 37]. Анализ текстов также подтвердил, что сущность свойств населения региона в большинстве случаев обозначаются именем прилагательным. Поэтому выделение элементов-свойств было произведено путём лингвистического анализа – простым просмотром русскоязычных текстов, описывающих состав населения и вытаскиванием оттуда имён прилагательных. На первом этапе исследования, в рамках структурного подхода к анализу характеристик населения, был проведён поиск прилагательных, сочетающихся с термином «состав населения». Для этого использовались: лингвистический корпусный анализ (на базе Национального корпуса русского языка³) для выявления частотных лексических сочетаний в русскоязычных текстах и контент-анализ научных публикаций (через платформы eLIBRARY.RU и Google Scholar) для систематизации контекстов употребления термина в академических работах.

³ Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 18.11.2024).

Единицей анализа выступили словосочетания с компонентом «состав населения», тематические кластеры в научных текстах. Критерий отбора – семантическая связь с демографическими процессами. Объём данных: 1388 текстовых фрагментов, включая статьи в журналах, книгах и материалах конференций. На втором этапе, опираясь на результаты первого, были определены области научного знания, где термин «состав населения» употребляется чаще всего. Также были выделены ключевые фасы состава населения (методом интент-анализа) и сформирован состав элементов-свойств населения региона. Классификация базируется на принципах структурно-функционального подхода, где свойства населения рассматриваются как взаимосвязанные элементы системы, что позволяет выявлять паттерны влияния состава населения на социально-экономические процессы и формировать иерархию признаков для адресного управления (например, оптимизации миграционной политики через анализ профессиональной структуры). Выделяя тот или иной компонент состава населения, автор руководствовался в первую очередь его разработанностью и широтой использования в научном дискурсе. Предполагается, что разработанная классификация элементов состава населения региона в дальнейшем послужит основой для решения задач управления демографическим развитием региона.

Результаты исследования и их обсуждение

Поиск по ключевым словам на сайте eLIBRARY.RU показал, что чаще всего словосочетание «состав населения» использовалось авторами статей по историческим (35,1%) и экономическим (15,3%) наукам, а также авторами статей по демографии (таблица 3).

Таблица 3

Распределение ключевого слова «состав населения» по научным областям

Table 3

Distribution of the Keyword "Population Composition" by scientific fields

	Тематика	Количество публикаций	Доля в %
1	История. Исторические науки	274	35,1
2	Экономика. Экономические науки	119	15,3
3	Демография	92	11,8
4	Биология	69	8,8
5	Медицина и здравоохранение	53	6,8
6	Социология	32	4,1
7	География	31	4,0
8	Политика. Политические науки	20	2,6
9	Государство и право. Юридические науки	18	2,3
10	Другие	59	9,2
11	Всего	780	100

Источник: составлено автором на основе результатов поиска ключевых слов на сайте eLIBRARY.RU на дату 29.10.2024.

Дальнейший поиск осуществлялся на предмет того, с какими прилагательными чаще всего используется термин «состав населения» в составе ключевого слова (таблица 4.). Для более полной картины характеристик состава населения дополнительно был осуществлён поиск по Национальному корпусу русского языка и по научным стать-

ям в поисковой системе Гугл-академия, который дал более 130 примеров использования прилагательного со словосочетанием «состав населения». Из выборки были исключены такие словосочетания как *общий, количественный, качественный, демографический, пёстрый* как слишком общие и не несущие для нашей цели смысловой нагрузки.

Таблица 4

Ключевые слова со словосочетанием «состав населения» в анализируемых статьях

Table 4

Key Words with the Phrase "Population Composition" in the Analysed Articles

Состав населения \ Тематика	История	Экономика	Демография	Медицина	Биология	География	Социология	Политика	Языкознание	Государство и право	Педагогика	Другие	Всего
этнический	247	24	38	10		20	20	25	17	6	9	31	447
национальный	104	24	23			17	5	3	7	9		10	202
антропологический	41	0		26	67			1	2			10	147
возрастной	9	48	24	22		6						17	126
социальный	70	4		2		1	5		1	2		3	88
половой	11	19	14	14	1		1				1	10	71
конфессиональный	39	4	3			9	3	3				9	70
религиозный	21	12	3		1	6	3	6	1		2	5	60
демографический	8	11	2	5	1		1	3	2	1		2	36
качественный	4	18	4				1			2	1	1	31
профессиональный	14	1	2			1	3	1					22
сословный	18												18
гендерный	9	1	2	1		1							14
количественный	5	5			2							1	13

Окончание Таблицы 4

Состав населения \ Тематика	История	Экономика	Демография	Медицина	Биология	География	Социология	Политика	Языкознание	Государство и право	Педагогика	Другие	Всего
семейный	1	5	4			1							11
расовый	1	1			2	2		1					7
численный	2	3					1			1			7
классовый	4						1						5
образовательный		3									2		5
этнографический	1						1					2	4
брачный	1												1
культурный	1												1
трудовой							1						1
экономический						1							1
Всего	611	183	119	80	74	65	46	43	30	21	15	101	1388

Источник: составлено автором.

Результаты поиска, во-первых, подтвердили предыдущий вывод о том, что чаще всего концептом «состав населения» в своих исследованиях оперируют историки (44%), экономисты (13%) и демографы (9%). Во-вторых, самыми используемыми ключевыми словами, включающими в себя словосочетание «состав населения», являются следующие.

1) «Этнический состав населения» – самое популярное ключевое слово в исследуемом поле в целом (18%) и наиболее используемое в исследованиях на историческую тематику (55%).

2) «Национальный состав населения» – следующее по популярности ключевое слово (15%), также чаще всего используемое историками (51%).

Здесь необходимо сделать отступление по поводу терминов «этнос» и «нация». Несмотря на то, что существует много научных работ на тему различия между двумя этими категориями [38; 39; 40; 41], которые в основном сводятся к тому, что этнос – это естественная, природная, вневременная общность, а нация – социальная, производственно-историческая, в тех статьях, которые анализировались для настоящей статьи, термины «этнический состав населения» и «национальный состав населения» используются как синонимы. Демографическая энциклопедия-словарь также трактует эти понятия как синонимы.⁴ Таким

⁴ Демографическая энциклопедия / под ред. А.А. Ткаченко, А.В. Аношкина, М.Б. Денисенко [и др.]. М.: ООО «Издательство «Энциклопедия», 2013. С. 526 URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/znagi/encyclopedia/demographic-encyclopedia.pdf> (дата обращения: 11.02.2025).

образом на эти два взаимозаменяемых понятия приходится 47% всех ключевых слов, содержащих в себе словосочетание «состав населения».

3) «Антропологический состав населения» – третье по используемости ключевое слово (11%), чаще всего встречающееся в научных публикациях по биологии (46%).

В первую десятку наиболее используемых ключевых слов, содержащих в себе словосочетание «состав населения», также вошли «возрастной состав населения» (встречается в статьях на экономическую (38%), демографическую (19%) и медицинскую (17%) тематики); «социальный состав населения» (чаще всего интересен историкам (88%)); «половой состав населения» (встречается в статьях по экономике (27%), демографии (20%) и медицине (20%)); «демографический» и «качественный» состав населения чаще всего встречаются в экономических статьях (31 % и 58% соответственно). «Конфессиональный состав населения» (5%) и «религиозный состав населения» (4%) также вошли в первую десятку, и здесь ситуация аналогична первым двум наиболее используемым ключевым словам. Во-первых, они также используются как синонимы, а во-вторых, чаще всего встречаются в исследованиях на историческую тематику (56% и 35% соответственно).

Стоит отметить, что очень часто в научных статьях встречаются комплексные / смешанные

типы составов населения, сочетающие разные характеристики. Чаще всего среди таких смешан-

ных типов встречаются прилагательные с корнями этно- и социально – (таблица 5).

Таблица 5

Смешанные виды «составов населения»

Table 5

Mixed Types of “Population Composition”

этно-	социально-	другие
этнодемографический	социально-демографический	возрастно-половой
этноконфессиональный	социально-правовой	гендерно-возрастной
этнокультурный	социально-профессиональный	гендерно-демографический
этнонациональный	социально-этнический	кадрово-квалификационный
этнорелигиозный	социопрофессиональный	национально-конфессиональный
этнорасовый		половозрастной
этносословный		профессионально-квалификационный
этносоциальный		расово-этнический
этносоциотерриториальный		сословно-классовый
этноязыковой		сословно-профессиональный

Источник: составлено автором.

Переходя к классификации, хотелось бы отметить, что в качестве примеров в ряде случаев приведены только некоторые возможные варианты элементов. В зависимости от целей возможна и другая, более детальная разбивка. Столбец с элементами тоже не является окончательным, поскольку может детализироваться дальше. Например население, состоящее в браке, можно разделить на состоящих в фактическом (зарегистрированном) и незарегистрированном браке, и далее

на состоящих в первом браке, состоящих в повторных браках и так далее. Также стоит отметить, что автор вполне допускает, что не все элементы нашли отражение в представленной классификации, однако надеется, что данная классификация не только даст относительно полную картину при исследовании демографии того или иного региона, но и поможет начинающим исследователям быстрее и эффективнее сориентироваться во всём многообразии характеристик его населения.

Таблица 6

Классификация элементов-свойств состава населения

Table 6

Classification of Elements of Population Composition

K ⁵	Тип состава населения	Классификационный признак	Элементы (примеры элементов)
1	половой	пол	мужчины, женщины
	возрастной	возраст	дети, взрослые, пожилые
2	гендерный	гендерная идентичность	бинарн., небинарн., агендерн. население
	брачный	состояние в браке	никогда не состоявшие в браке, состоящие в браке, разведённые
		форма брака	моногамный, полигамный
	семейный	количество детей	бездетные, однопотные и т.д.
		состав семьи	полные, неполные семьи
		структура семьи	нуклеарные, расширенные семьи
		положение супругов и равенство отношений	патриархальные, матриархальные, эгалитарные
3	психо-физиологический	физическое состояние	здоровые; имеющие заболевания (хронические; социально-значимые; профессиональные и т.д.); инвалиды (по возрасту, по способности передвигаться, по происхождению инвалидности, по степени нетрудоспособности)

⁵ Компонента структуры населения

Продолжение Таблицы 6

К	Тип состава населения	Классификационный признак	Элементы (примеры элементов)
	образовательный	уровень образования	без образования, начальное, основное общее и т.д.
	квалификационный	уровень имеющейся квалификации	Неквалифицированные, низко / средне / высококвалифицированные
4	профессиональный / отраслевой	занятость в той или иной отрасли народного хозяйства	занятые в сельском хозяйстве, занятые в медицине, образовании и т.д.
	экономический / трудовой	занятость	Работающие, безработные, временно не работающие
		экономическая активность	эк. активное, эк. неактивное
		характер труда	занятые умственным, физическим, творческим, ручным и т.д. трудом
	социальный	доход	с низким, средним, высоким доходом
		социальный статус	Домохозяйки, студенты, пенсионеры и т.д.
	классовый / сословный / кастовый	страты (место населения в исторически определённой системе общественного производства / по их отношению к средствам производства)	средний / высший / низший класс; дворянство / буржуазия; господствующий / рабочий класс; служилое / военное население; касты / варны
5	национальный / этнический / племенной / этнографический	принадлежность к определённому этносу	русские, якуты, башкиры и т.д.
	религиозный / конфессиональный	религиозная принадлежность	буддисты, мусульмане и т.д.
	языковой	языковая семья и группа, на которых говорит население определённой территории	индоевропейская, алтайская, уральская и т.д.
	культурный	совокупность различных культур и традиций	моно / поли / мультикультурное
6	антропологический / расовый	расовая принадлежность	европеоиды, монголоиды, негроиды, австралоиды
	родовой / видовой	фратрии (подразделение племени)	например, Пор и Мось у хантов и манси
7	поселенческий	тип места проживания	столичное, городское, сельское
	миграционный	место рождения	автохтонное / местное: («добровольные немигранты», покорные немигранты, недобровольные / «вынужденные немигранты» [42], эмигранты, потенциальные эмигранты; пришлое: – по территориальному признаку (внешние, внутренние мигранты) – по продолжительности (временные, постоянные) – по мотивам и целям: добровольные (учебные, трудовые, семейные) и вынужденные (лица, ищущие убежище, беженцы, перемещённые лица, экологические мигранты); – авторские классификации (например В.А. Ионцева, С. Кастлеса), классификация ООН
8	воинский	отношение к воинскому учёту	военнообязанный, невоеннообязанный, призывник
		отношение к воинской обязанности	состоит на воинском учёте; встаёт на воинский учет; не состоит на учёте, но должен состоять; снят с воинского учёта по возрасту; снят с воинского учёта по состоянию здоровья
		отношение к боевым действиям	гражданское / мирное население; комбатанты, некомбатанты, незаконные комбатанты

К	Тип состава населения	Классификационный признак	Элементы (примеры элементов)
9	переписной	состояние на момент переписи населения	постоянное, наличное, приписное (юридическое)
	гражданский	гражданская принадлежности и регистрационный учёт	гражданин /не гражданин государства; зарегистрированный/ незарегистрированный в регионе
	правовой	по правовому положению	свободные, зависимые, полузависимые

Источник: составлено автором.

В нашей классификации мы сгруппировали элементы составов в компоненты по основным аспектам (структурным срезам) народонаселения как субъекта и объекта экономических отношений таким как: 1) физиологические признаки; 2) гендерные и семейные отношения; 3) качество человеческого капитала; 4) социально-экономический статус; 5) этнические и культурные особенности; 6) антропологические особенности; 7) происхождение и миграционные особенности; 8) армейский статус и 9) юридический и правовой статус (первый столбец таблицы 6).

Практически все перечисленные элементы/категории могут пересекаться между собой, создавая разнообразные комбинации характеристик населения региона и формируя его комплек-

сный демографический профиль или портрет региона (рисунок 1). Демографический профиль региона – представление населения региона в качестве совокупности относительно инвариантных устойчивых подсистем (элементов), а также их взаимосвязей между собой. Анализ демографического профиля позволит выявить сильные и слабые стороны демографической ситуации в регионе в аспекте структурных разрезов и разработать стратегии демографического развития. Так, например, исследование состава элементов населения региона с последующим изучением возникающих между ними противоречий представляет собой предмет научного интереса и является актуальным для оценки устойчивого пространственного развития национальной экономики.

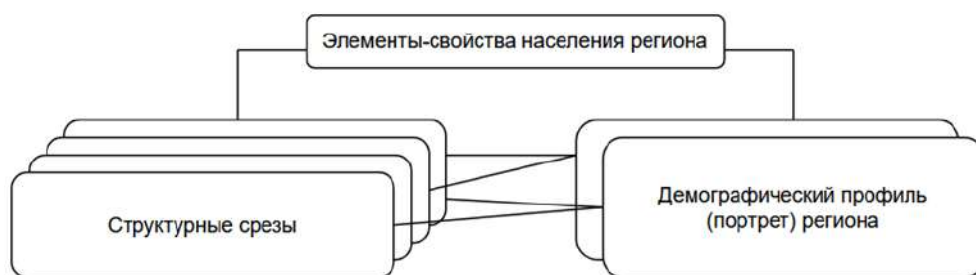

Рисунок 1. Качества (свойства) населения в демографическом профиле региона
Figure 1. Population Qualities in the Demographic Profile of a Region

Источник: составлено автором.

Рассмотрение демографического профиля региона как системы взаимосвязанных элементов, обеспечивающих её устойчивость (гомеостаз), открывает новые методологические горизонты для анализа. В этом контексте особую актуальность приобретает гомеостатическая методология, которая может стать основой для:

- выявления динамических закономерностей взаимодействия элементов (например, корреляции между этническим составом и возрастной структурой);
- моделирования пороговых значений устойчивости системы при изменении внешних или внутренних факторов (миграция, социально-экономические кризисы);

- прогнозирования сценариев адаптации демографического профиля к дисбалансам, возникающим на стыке его подсистем.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило гипотезу о том, что систематизация свойств населения региона позволяет повысить точность анализа демографических тенденций и прогнозирования экономических процессов, что напрямую влияет на повышение уровня жизни населения регионов. Применение классификации продемонстрировало потенциал для оптимизации распределения человеческих ресурсов. Полученные результаты обосновывают необходимость интеграции по-

добных классификаций в стратегии устойчивого развития российских регионов.

Уровень жизни населения и структуризация его свойств тесно взаимосвязаны, поскольку анализ социально-экономических характеристик различных групп позволяет точнее оценивать потребности, разрабатывать адресные меры поддержки и прогнозировать развитие общества. В исследовании элементный состав качеств населения региона представлен группами однородных характеристик, объединенных в группы по следующим основаниям, которые отражают структуру населения: 1) физиологические признаки; 2) гендерные и семейные отношения; 3) качество человеческого капитала; 4) социально-экономический статус; 5) этнические и культурные особенности; 6) антропологические особенности; 7) происхождение и миграционные особенности; 8) армейский статус и 9) юридический и правовой статус.

Население региона может развиваться стихийно. В этом случае движущей силой его эволюции будет стремление к устойчивости системы, что обусловлено объективными социально-экономическими процессами. Однако можно ставить задачу внешнего управленческого воздействия на демографическое развитие региона, что активно пытаются внедрять во многих странах на региональном и национальном уровнях. Для эффективного управления демографической системой региона управляющий субъект должен четко понимать механизмы её функционирования, включая структурные компоненты, элементы и

их взаимосвязи, чтобы разработать адекватные методы воздействия и перевести систему в желаемое состояние.

Предложенная в данной статье классификация элементного состава населения региона позволяет углубить научное познание в следующих направлениях:

– *структура населения региона*: анализ компонентных и межкомпонентных связей (например, взаимодействие между возрастными группами или профессиональными секторами);

– *функционирование населения региона*: изучение механизмов ресурсного обмена, взаимодействий и возможных противоречий между элементами (например, миграционные процессы или распределение трудовых ресурсов);

– *демографическое развитие региона*: исследование условий формирования элементов, принципов целеполагания и направлений развития.

Разработанная классификация способствует развитию научной теории управления населением региона за счёт разработки элементного состава. Элементный состав выделяется на основе свойств, присущих однородным группам населения. Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности идентификации и описания населения региона на основе предложенного элементного состава. Это позволяет региональным властям принимать обоснованные решения на основе актуальных данных о населении, что в конечном итоге способствует устойчивому развитию региона.

Список литературы

1. Socioeconomic Status and Quality of Life: An Assessment of the Mediating Effect of Social Capital / J.A Nutakor, L. Zhou, E. Larnyo, S. Addai-Danso, D. Tripura // *Healthcare*. 2023. Vol. 11. No. 5. С. 749. <https://doi.org/10.3390/healthcare11050749>
2. Разумов А.А. Уровень и качество жизни населения России: новые повороты научных исследований // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 164–169. <https://doi.org/10.31857/S013216250026598-0> EDN WOVUFB
3. Широ А.А. Качество жизни населения как фактор развития российской экономики // Вестник Российской академии наук. 2024. Том 94. № 2. С. 89–96. <https://doi.org/10.31857/S0869587324020016> EDN GIIJNM
4. Ермакова Э.Р. Качество жизни населения в системе национальных интересов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2025. Том 21. № 1. С. 4–17. <https://doi.org/10.24891/ni.21.1.4> EDN XAEJJG
5. Локосов В.В. Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения // Народонаселение. 2023. Том 26. № 4. С. 4–14. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.1> EDN FFZUND
6. Рюмина Е.В. Специфика отдельных показателей качества жизни и качества населения // Управление экономическими системами. 2018. № 10(116). С. 24. EDN VLZKDY
7. Рюмина Е.В. Качественные характеристики населения и состояние экономики: анализ отдельных групп регионов России // Народонаселение. 2020. Том 23. № 3. С. 16–26. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.2> EDN CLLZZL
8. Рюмина Е.В. Анализ характеристик человеческого потенциала и качества жизни в уральских регионах // Народонаселение. 2021. Том 24. № 3. С. 32–41. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.3> EDN HHDRRY
9. Гуцо Ю.П. Демографические характеристики населения России // Народонаселение. 2024. Том 27. № 1. С. 95–108. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-95-108> EDN BNUABY
10. Федотов А.А. Человеческий потенциал и качество населения: подходы к определению // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 3-2(42). С. 79–86. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10266> EDN YYNECC
11. Федотов А.А. Качество жизни и человеческий потенциал в концепциях устойчивого и человеческого развития (часть первая) // Народонаселение. 2021. Том 24. № 2. С. 53–65. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.5> EDN VJCREM

12. Федотов А.А. Качество жизни и человеческий потенциал в концепциях устойчивого и человеческого развития (часть вторая) // Народонаселение. 2021. Том 24. № 3. С. 42–50. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.4> EDN BLCCLF
13. Симакова Н.А., Пятин М.А. Психическое здоровье как аспект здоровья и качества населения (на примере Пензенской области) // Культура и цивилизация. 2022. Том 12. № 5–1. С. 160–169. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.50.10.018> EDN BXNBYW
14. Симакова Н.А., Пятин М.А. Заболеваемость детей как важный показатель культуры здоровья и качества населения // Педагогический журнал. 2024. Том 14. № 6–1. С. 243–250. EDN GCRWNK
15. Маликов Н.С., Маликов И.Ф. Взаимосвязь качества населения и качества его жизни (часть I) // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 294–302. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_12_294_302 EDN UBOTIF
16. Маликов Н.С., Маликов И.Ф. Взаимосвязь качества населения и качества его жизни (часть II) // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 444–451. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_11_444_451 EDN WZOHLN
17. Woods R., Rees P. Population Structures and Models: Developments in Spatial Demography. London: Taylor & Francis, 2023. 460 p. ISBN 9781003430346 (e-book)
18. Kipnis A. Suzhi: a Keyword Approach // The China Quarterly. 2006. No. 186. P. 295–313. <https://doi.org/10.1017/S0305741006000166>
19. Jacka T. Cultivating Citizens: Suzhi (Quality) Discourse in the PRC // Positions. 2009. Vol. 17. No. 3. P. 523–535. <https://doi.org/10.1215/10679847-2009-013>
20. Kong S. Embodied Suzhi: Constituting Middle-Class Subjectivity in Post-Socialist China // Body and Society. 2024. Vol. 30. No. 3. P. 95–120. <https://doi.org/10.1177/1357034X241268217>
21. Lou J. Shifting Narratives of Suzhi (Quality) and Suzhi Education: What Migrant and Rural Children in China Tell Us About the Changing Nature of Chinese Education // Chinese Education and Society. 2024. Vol. 57. No. 1–2. С. 15–29. <https://doi.org/10.1080/10611932.2024.2377006>
22. What are the Effects of Demographic Structures on Housing Consumption?: Evidence from 31 Provinces in China / Y. Zhang, H. Jin, Y. Xiao, Y. Gao // Mathematical Problems in Engineering. 2020. Vol. 2020. С. 6974276. <https://doi.org/10.1155/2020/6974276>
23. Structural Interventions that Affect Racial Inequities and their Impact on Population Health Outcomes: A Systematic Review / E.C. Clark, E. Cranston, T. Polin, S. Ndumbe-Eyoh, D. Macdonald, C. Betker, M. Dobbins // BMC Public Health. 2022. Vol. 22. No. 1. С. 1–29. <https://doi.org/10.1186/s12889-022-14603-w>
24. Krupowicz J., Kuropka I. Convergence of Population Structures of the European Union Member States – The Past and the Future // Sustainability. 2022. Vol. 14. No. 2. <https://doi.org/10.3390/su14021024>
25. US Racial–Ethnic Mortality Gap Adjusted for Population Structure / H. Pifarré I Arolas, E. Acosta, C. Dudel, J. Mhairi Hale, M. Myrskylä // Epidemiology. 2023. Vol. 34. No. 3. С. 402–410. <https://doi.org/10.1097/ede.0000000000001595>
26. Bea S.S. Factors Affecting the Happiness Index of Economically Active Population Characteristics by Region in Korea // The Korean Journal of Health Service Management. 2024. Vol. 18. № 2. С. 41–57. <https://doi.org/10.12811/kshsm.2024.18.2.041>
27. Алклычева У.А. Сущность и структура качества населения // Вопросы структуризации экономики. 2013. № 4. С. 366–369 EDN UJZATL
28. Identifying Optimal Indicators and Purposes of Population Segmentation through Engagement of Key Stakeholders: a Qualitative Study / S. Yoon, H. Goh, Y.H. Kwan, J. Thumboo, L.L. Low // Health Research Policy and Systems. 2020. Том 18. № 1. С. 1–13. <https://doi.org/10.1186/s12961-019-0519-x>
29. Логинова Н.Н., Жулина М.А. Качество населения: опыт социально-демографического исследования // Регионология. 2001. № 4(37). С. 298–308. EDN YJQXHP
30. Качество жизни населения глазами организатора здравоохранения / Д.Г. Данцигер, С.Н. Филимонов, Б.П. Андриевский, К.В. Часовников // Медицина в Кузбассе. 2022. Том 21. № 2. С. 35–38. <https://doi.org/10.24412/2687-0053-2022-2-35-38> EDN SMRSLC
31. Polyzos S., Minetos D. Informal Housing in Greece: a Quantitative Spatial Analysis // Theoretical and Empirical Researches in Urban Management. 2009. Vol. 4. Issue 2(11). С. 7–33.
32. Фролова Е.В., Рогач О.В., Разов П.В. Инициативное бюджетирование как механизм повышения качества жизни населения // Народонаселение. 2023. Том 26. № 2. С. 66–77. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.2.6> EDN WWGUPF
33. Римашевская Н.М. Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. 2001. № 3. С. 34–48 EDN HRTODT
34. Мазырко А.А. Уровень жизни населения как основной фактор устойчивого социально-экономического развития регионов Республики Беларусь // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. 2021. Том 11. № 1. С. 47–55 EDN SQPCBL
35. Лещенко Я.А. Качество населения – важнейший фактор и критерий социального воспроизводства // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы», 15 февраля 2021 года, Иркутск, Россия. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2021. С. 54–59 EDN KUPVWC
36. Саакян А.А. Категория качества в философии и науке о языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 34–43 EDN BQULAM
37. Шарандин А.Л. Категория репрезентации качественного предикатива // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 2. С. 28–36. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2021-2-28-36> EDN QRRISF
38. Тишков В.А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Вестник Российской академии наук. 2021. Том 91. № 3. С. 215–231. <https://doi.org/10.31857/S0869587321030105> EDN OBNIQL
39. Шарипов А.Р., Абрамова З.Ф. Обзор понятий «этнос», «нация», «народ» в научной литературе XX века // Материалы IV Международной научной конференции, посвященной памяти Рината Мухаметовича Юсупова «Этногенез. Ис-

- тория. Культура», 12 ноября 2021 года Уфа, Россия. Уфа: Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, 2021. С. 411–413. <https://doi.org/10.31833/12-11-2021-IV-411-413> EDN EQCBFD
40. Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России. Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2023. 69 с. ISBN 978-5-4211-0299-1 <https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69> EDN EHVYVA
41. Паин Э.А. Нация и этнос: нелинейная эволюция этнологических концепций в России // Мир России. Социология. Этнология. 2024. Том 33. № 1. С. 6–28. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-6-28> EDN QABYET
42. Мищук С.Н. Факторы немиграции как элемент управления миграционными процессами // Society and Security Insights. 2022. Том 5. №. 3. С. 103–117. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2022\)3-07](https://doi.org/10.14258/ssi(2022)3-07) EDN ZFEZPI

Информация об авторе:

Наталья Павловна Неклюдова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН
(SPIN-код: 2555-0827) (РИНЦ Author ID: 623998) (ResearcherID: E-5849-2014)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 05.06.2025.

References

1. Nutakor J.A, Zhou L., Larnyo E., Addai-Danso S., et al. Socioeconomic Status and Quality of Life: an Assessment of the Mediating Effect of Social Capital. *Healthcare*. 2023;11(5):749. <https://doi.org/10.3390/healthcare11050749>
2. Razumov A.A. Living Standards and Quality of Life of Population in Russia: the New Turns of Scientific Research. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2023;(7):164-169. <https://doi.org/10.31857/S013216250026598-0> (In Russ.)
3. Shirov A.A. The Quality of life as a Factor in the Development of the Russian Economy. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk=Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2024;94(2):89-96. <https://doi.org/10.31857/S0869587324020016> (In Russ.)
4. Ermakova E.R. Quality of Life of the Population in the System of National Interests. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'=National Interests: Priorities and Security*. 2025;21(1):4-17. <https://doi.org/10.24891/ni.21.1.4> (In Russ.)
5. Lokosov V.V. Human Potential: Conceptual Approaches and Measurement Methods. *Narodonaselenie=Population*. 2023;26(4):4-14. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.1> (In Russ.)
6. Ryumina E.V. Specifics of Individual Indicators of Quality of Life and Population Quality. *Upravlenie Ekonomicheskimi Sistemami=Economic Systems Management*. 2018;(10(116)):24. (In Russ.)
7. Ryumina E.V. Qualitative Characteristics of Population and the State of the Economy: Analysis of Certain Groups of Russian Regions. *Narodonaselenie=Population*. 2020;23(3):16-26. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.2> (In Russ.)
8. Ryumina E.V. Analysis of Characteristics of the Human Potential and Quality of Life in Ural Regions. *Narodonaselenie=Population*. 2021;24(3):32-41. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.3> (In Russ.)
9. Gushcho Y.P. Demographic Characteristics of the Russian Population. *Narodonaselenie=Population*. 2024;27(1):95-108. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-95-108> (In Russ.)
10. Fedotov A.A. Human Potential and Quality of Population: Approaches to Definition. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk=International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020;(3-2(42)):79-86. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10266> (In Russ.)
11. Fedotov A.A. Quality of Life and Human Potential in the Concepts of Sustainable and Human Development (part 1). *Narodonaselenie=Population*. 2021;24(2):53-65. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.5> (In Russ.)
12. Fedotov A.A. Quality of Life and Human Potential in the Concepts of Sustainable and Human Development (part 2). *Narodonaselenie=Population*. 2021;24(3):42-50. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.4> (In Russ.)
13. Simakova N.A., Pyatin M.A. Mental Health as an Aspect of Health and the Quality of the Population (on the Example of the Penza Region). *Kul'tura i tsivilizatsiya=Culture and Civilization*. 2022;12(5A):160-169. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.50.10.018> (In Russ.)
14. Simakova N.A., Pyatin M.A. Morbidity of Children as an Important Indicator of Health Culture and the Quality of the Population. *Pedagogicheskii zhurnal=Pedagogical Journal*. 2024;14(6A):243-250. (In Russ.)
15. Malikov N.S., Malikov I.F. The Relationship between Population Quality and Quality of Life (Part I). *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(2):294-302. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_12_294_302 (In Russ.)
16. Malikov N.S., Malikov I.F. The Relationship between Population Quality and Quality of Life (Part II). *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):444-451. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_11_444_451 (In Russ.)
17. Woods R, Rees P. Population Structures and Models: Developments in Spatial Demography. London: Taylor & Francis; 2023. 460 p. ISBN 9781003430346
18. Kipnis A. Suzhi: A Keyword Approach. *The China Quarterly*. 2006;(186):295-313. <https://doi.org/10.1017/S0305741006000166>
19. Jacka T. Cultivating Citizens: Suzhi (Quality) Discourse in the PRC. *Positions*. 2009;17(3):523-535. <https://doi.org/10.1215/10679847-2009-013>
20. Kong S. Embodied Suzhi: Constituting Middle-Class Subjectivity in Post-Socialist China. *Body and Society*. 2024;30(3):95-120. <https://doi.org/10.1177/1357034X241268217>
21. Lou J. Shifting Narratives of Suzhi (Quality) and Suzhi Education: What Migrant and Rural Children in China Tell Us About the Changing Nature of Chinese Education. *Chinese Education and Society*. 2024;57(1-2):15-29. <https://doi.org/10.1080/10611932.2024.2377006>

22. Zhang Y., Jin H., Xiao Y., et al. What are the Effects of Demographic Structures on Housing Consumption?: Evidence from 31 Provinces in China. *Mathematical Problems in Engineering*. 2020;2020:6974276. <https://doi.org/10.1155/2020/6974276>
23. Clark E.C., Cranston E., Polin T., et al. Structural Interventions that Affect Racial Inequities and their Impact on Population Health Outcomes: A Systematic Review. *BMC Public Health*. 2022;22(1):1-29. <https://doi.org/10.1186/s12889-022-14603-w>
24. Krupowicz J., Kuropka I. Convergence of Population Structures of the European Union Member States -The Past and the Future. *Sustainability*. 2022;14(2):1024. <https://doi.org/10.3390/su14021024>
25. Pifarré I Arolas H., Acosta E., Dudel C., et al. US Racial-Ethnic Mortality Gap Adjusted for Population Structure. *Epidemiology*. 2023;34(3):402-10. <https://doi.org/10.1097/ede.0000000000001595>
26. Bea S.S. Factors Affecting the Happiness Index of Economically Active Population Characteristics by Region in Korea. *The Korean Journal of Health Service Management*. 2024;18(2):41-57. <https://doi.org/10.12811/kshsm.2024.18.2.041>
27. Alklycheva U.A. The Essence and Structure of Quality of the Population. *Voprosy strukturizatsii ekonomiki*. 2013;(4):366-9. (In Russ.)
28. Yoon S., Goh H., Kwan Y.H., et al. Identifying Optimal Indicators and Purposes of Population Segmentation through Engagement of Key Stakeholders: a Qualitative Study. *Health Research Policy and Systems*. 2020;18(1):1-13. <https://doi.org/10.1186/s12961-019-0519-x>
29. Loginova N.N., Zhulina M.A. Population Quality: Experience of Socio-Demographic Research. *Regionologiya=Russian Journal of Regional Studies*. 2001;(4(37)):298-308. (In Russ.)
30. Dantsiger D.G., Filimonov S.N., Andrievsky B.P., Chasovnikov K.V. Quality of Life of the Population in the Eyes of the Organizer of Health Care. *Meditina v Kuzbasse=Medicine in Kuzbass*. 2022;21(2):35-8. <https://doi.org/10.24412/2687-0053-2022-2-35-38>. (In Russ.)
31. Polyzos S., Minetos D. Informal Housing in Greece: a Quantitative Spatial Analysis. *Theoretical and Empirical Researches in Urban Management*. 2009;4(2(11)):7-33.
32. Frolova E.V., Rogach O.V., Razov P.V. Participatory Budgeting as a Mechanism for Improving the Quality of Life of the Population. *Narodonaselenie=Population*. 2023;26(2):66-77. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.2.6>. (In Russ.)
33. Rimashevskaya N.M. Qualitative Potential of the Russian Population: A Look into the 21st Century. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*. 2001;(3):34-48. (In Russ.)
34. Mazyrko A.A. Living Standards of the Population as the Main Factor of Sustainable Socio-Economic Development of the Regions of the Republic of Belarus. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 5. Ekonomika. Sotsiologiya. Biologiya=Bulletin of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 5. Economics. Sociology. Biology*. 2021;11(1):47-55. (In Russ.)
35. Leshchenko Y.A. The Quality of the Population is the Most Important Factor and Criterion of Social Reproduction. In: The VII International Scientific-Practical Conference «Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects» Conference Proceedings; February 15, 2021, Irkutsk, Russia. Irkutsk: Irkutsk State University. 2021:54-9. (In Russ.)
36. Saakyan A.A. The Category of Quality in Philosophy and the Science of Language. *Evrasijskij gumanitarnyj zhurnal=Eurasian Humanitarian Journal*. 2024;(1):34-43. (In Russ.)
37. Sharandin A.L. Category of Representation of a Qualitative Predicative. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki=Issues of Cognitive Linguistics*. 2021;(2):28-36. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2021-2-28-36> (In Russ.)
38. Tishkov V.A. Where Russian Ethnology Came From and Where It Is Going: A Personal View in a Global Perspective. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk=Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2021;91(3):215-31. <https://doi.org/10.31857/S0869587321030105> (In Russ.)
39. Sharipov A.R., Abramova Z.F. Obzor ponyatii «Ehtnos», «Natsiya», «Narod» v nauchnoi literature XX veka. In: The IV International Scientific Conference Dedicated to the Memory of Rinat Mukhametovich Yusupov «Ethnogenesis. History. Culture» Conference Proceedings; November 12, 2021; Ufa, Russia. Ufa: Ufa Federal Research Center of RAS. 2021:411-3. <https://doi.org/10.31833/12-11-2021-IV-411-413> (In Russ.)
40. Tishkov V.A. Natsiya natsij: o podhodah k ponimaniyu Rossii. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maklay RAS; 2023. 69 p. ISBN 978-5-4211-0299-1 <https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69> (In Russ.)
41. Pain E.A. Nation and Ethnos: the Nonlinear Evolution of Ethnological Concepts in Russia. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya=Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2024;33(1):6-28. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-6-28> (In Russ.)
42. Mishchuk S.N. Factors of Non-Migration as an Element of Migration Processes Management. *Society and Security Insights*. 2022;5(3):103-17. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2022\)3-07](https://doi.org/10.14258/ssi(2022)3-07)

Information about the author:

Natalia P. Neklyudova – PhD in Economics, Senior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 2555-0827) (RSCI Author ID: 623998) (ResearcherID: E-5849-2014)
The author declares no conflicts of interest.

The article was submitted 19.02.2025; approved after reviewing 09.04.2025; accepted for publication 05.06.2025.

Оригинальная статья

УДК 332.1

JEL R11

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_7_259_273

EDN NFPRYR

Обеспечение качества жизни населения в городских агломерациях: потенциал использования инструментов стратегического планирования и стандартизации

Пётр Иосифович Бурак¹, Татьяна Ивановна Зворыкина²

^{1,2} Институт региональных экономических исследований, Москва, Россия

¹ Российская академия естественных наук, Москва, Россия
(petr-burak@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-0709-2449>)

² (sss2800@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-0740-517X>)

Аннотация

В настоящем исследовании рассматриваются методологические и практические аспекты нормативного регулирования качества жизни населения в городских агломерациях России, которые представляют особый вид территориального формирования, сочетающий в себе функции крупных городов и прилегающих к ним сельских территорий. Целью исследования стал поиск путей для обеспечения качества жизни населения в городских агломерациях на основе потенциала использования инструментов стратегического планирования и стандартизации. В задачи исследования входило решение вопросов по формированию чёткого понятийного аппарата; определение стратегии и планов развития нормативного регулирования качества жизни населения агломерации. Авторами на основе анализа специфики городских агломерационных объединений предложен набор мер, направленных на стимулирование поступательного экономического развития и роста в них качества жизни населения. Среди обозначенных мер по повышению качества жизни населения – методический подход к разработке программ стратегического развития, модель устойчивого развития городской агломерации, основанная на принципах менеджмента качества управления территорией, модель нормативного регулирования, комплекс механизмов и инструментов по стандартизации. В рамках данного исследования авторы статьи на основе теоретических положений по стандартизации, обобщения данных информационных источников и опыта применения международных стандартов по устойчивому развитию и качеству жизни предложили макет инновационного национального стандарта ГОСТ Р «Устойчивое развитие территорий и качество жизни. Городские агломерации. Основные положения и общие требования». В макете стандарта определена позиция в части используемой терминологии, дана классификация агломераций, обозначены выполняемые функции и организационная структура участников процесса управления качеством жизни и т.д. Изучение проблемы обеспечения качества жизни в городских агломерациях на основе применения инструментов стратегического планирования и стандартизации вносит вклад в теорию и методологию определения роли и места городских агломераций в структуре управления регионами России.

Ключевые слова: городская агломерация, стратегия, регион, модель, стандартизация, устойчивое развитие, качество жизни, национальный стандарт

Для цитирования: Бурак П.И., Зворыкина Т.И. Обеспечение качества жизни населения в городских агломерациях: потенциал использования инструментов стратегического планирования и стандартизации // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 259–273. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_7_259_273 EDN NFPRYR

RAR (Research Article Report)

JEL R11

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_7_259_273

Ensuring the Quality of Life of the Population in Urban Agglomerations: the Potential of Using Strategic Planning and Standardization Tools

Petr I. Burak¹, Tatiana I. Zvorykina²

^{1,2} Institute for Regional Economic Research, Moscow, Russia

¹ Russian Academy of Natural Sciences, Moscow, Russia
(petr-burak@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-0709-2449>)

² (sss2800@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-0740-517X>)

Abstract

This study examines the methodological and practical aspects of regulatory regulation of the quality of life of the population in urban agglomerations of Russia, which represent a special type of territorial formation that combines the functions of large cities and adjacent rural areas. The aim of the study was to find ways to ensure the quality of life of the population in urban agglomerations based on the potential of using strategic planning and standardization tools. The objectives of the study included solving issues related to the formation of a clear conceptual framework; defining strategies and plans for the development of regulatory regulation of the quality of life of the population of the agglomeration. Based on the analysis of the specifics of urban agglomeration associations, the authors propose a set of measures aimed at stimulating progressive economic development and increasing the quality of life of the population in them. Among the measures outlined to improve the quality of life of the population are a methodological approach to the development of strategic development programs, a model for the sustainable development of an urban agglomeration based on the principles of quality management of territory management, a regulatory regulatory model, and a set of standardization mechanisms and tools. Within the framework of this study, the authors of the article, based on theoretical provisions on standardization, generalization of data from information sources and experience in applying international standards on sustainable development and quality of life, proposed a model of the innovative national standard GOST R "Sus-

tainable development of territories and quality of life. Urban agglomerations. Basic provisions and general requirements". The standard's layout defines the position in terms of terminology used, provides a classification of agglomerations, identifies the functions performed and the organizational structure of participants in the quality-of-life management process, etc. The study of the problem of ensuring the quality of life in urban agglomerations based on the use of strategic planning and standardization tools contributes to the theory and methodology of determining the role and place of urban agglomerations in the management structure of Russian regions.

Keywords: urban agglomeration, strategy, region, model, standardization, sustainable development, quality of life, national standard

For citation: Burak P.I., Zvorykina T.I. Ensuring the Quality of Life of the Population in Urban Agglomerations: the Potential of Using Strategic Planning and Standardization Tools. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):259–273. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_259_273 (In Russ.)

Введение

В современной России всё большее число населения проживает в крупных и крупнейших городах, которые сочетают в себе выполнение не только функций города, но и тесно взаимодействуют с сельскими территориями. Выделяются территории, которые сочетают в себе функции крупных и крупнейших городов. В настоящее время в Российской Федерации уже сформировано 40 крупнейших агломераций, численность населения в которых превышает 73 мл. человек. По различным оценкам, помимо концентрации в агломерациях более половины населения страны, в них же сосредоточено до 90% национального научного и промышленного потенциала, а на долю шести крупнейших из агломераций приходится более трети ВВП России. Располагая высоким потенциалом городские агломерации ощущают нормативный голод, а именно: отсутствуют базовый закон о городских агломерациях, нет методологической проработки их стратегического развития, отсутствует чёткий понятийный аппарат, нет понимания качества жизни в агломерациях, не применяются механизмы и методы национальной системы стандартизации.

Целью исследования стал поиск путей для обеспечения качества жизни населения в городских агломерациях на основе потенциала использования инструментов стратегического планирования и стандартизации.

Объектом исследования стало качество жизни населения в городских агломерациях в современных условиях развития экономики. Предметом исследования явился процесс применения комплекса мер и инструментов стратегического планирования и стандартизации, влияющих на качество жизни населения городской агломерации.

Авторами была предложена гипотеза о том, что городские агломерации – это особый вид территориального образования, сочетающий в себе элементы крупного города и сельских территорий, а качество жизни населения в них можно и нужно повышать, применяя современные методы и инструменты стратегического планирования и стандартизации.

Важнейшим направлением работ является применение методического подхода к подготовке программ стратегического развития, предложение модели устойчивого развития городской агломерации, основанной на принципах менеджмента качества территорий, а также модели нормативного регулирования. Усилия научного сообщества в изучении проблем устойчивого развития¹ [1; 2], стратегических программных документов [3], стандартов национального и международного уровней по устойчивому развитию и параметрам качества жизни [4; 5], методических документов в этой области [6], и формализация результатов исследований в виде отвечающих критериям инновационности пока не нашли активного практического применения.

Использование выше приведённых способов регулирования позволит в условиях современных вызовов времени, связанных с цифровизацией, применением санкций, необходимостью устойчивого развития и др., значительно повысить результативность управления территориями в направлении повышения качества жизни её населения. Решению этих вопросов посвящены приведённые ниже исследования.

Теоретические и методологические положения в области стратегического планирования и стандартизации, направленные на повышение качества жизни населения

Инструменты стратегического планирования, направленные на эффективное решение задач развития территорий и повышение качества жизни населения регионов активно применяются с принятием закона от 28.06.2014 №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Особенно они важны в современных условиях, когда нужен инновационный экономический рынок для достижения технологического суверенитета, диверси-

¹ Крупнейшие города: экономика и организация управления: учебное пособие для студентов ВУЗов / под общ. ред. Президента РАЕН, д.э.н., проф. П.И. Бурака. М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2024. 424 с. ISBN 978-5-907823-52-5

фикации многих отраслей деятельности, обеспечения роста доходов граждан и уровня жизни населения.

Задачи современности требуют углубления уровня плановости в развитии регионов страны, охвата комплексным долгосрочным и среднесрочным планированием всех крупнейших и важнейших экономических объектов. К числу важнейших экономических объектов, безусловно, относятся городские агломерации. Многие учёные представляют понимание городских агломераций с различных точек зрения [7; 8; 9; 10; 11], при этом безусловным остаётся понимание того, что это сочетание крупнейшего или крупного города и его инфраструктуры с функционированием прилегающих к городу территорий, в том числе и сельских. В проекте закона об агломерациях [12] этот термин трактуется следующим образом – это территория городского округа либо городского округа с внутригородским делением, либо города федерального значения, объединенная с территориями иных

муниципальных образований устойчивыми социальными, экономическими и хозяйственными связями.

Авторы предлагают свою трактовку понятия: **городская агломерация – это территориальное образование сочетающее в себе крупные и крупнейшие города с сельскими территориями, связанными между собой устойчивыми социальными, экономическими и хозяйственными связями.**

Проведённый анализ некоторых показателей качества жизни населения в городских агломерациях по данным 2016 года [6] с учётом их возможной экстраполяции на последующий период² позволил предложить картину по состоянию качества жизни населения на основе рассмотрения таких показателей как: обеспеченность жильём на одного человека (кв. м), расходы бюджета на 1 чел (тыс. руб.), доходы населения на 1 чел (тыс. руб.). Данные об обеспеченности жильём на одного человека приведены на рисунке 1.

Рисунок 1. Данные об обеспеченности жильём на одного человека в крупнейших агломерациях
Figure 1. Data on Housing Availability per Person in the Largest Agglomerations

Источник: составлено авторами с учётом [6].

В то же время по расходу бюджета на одного жителя значительно опережают остальных такие крупнейшие агломерации, как Московская и Санкт-Петербургская (рисунок 2)

² Федеральная служба государственной статистики // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189> (дата обращения: 05.01.2025).

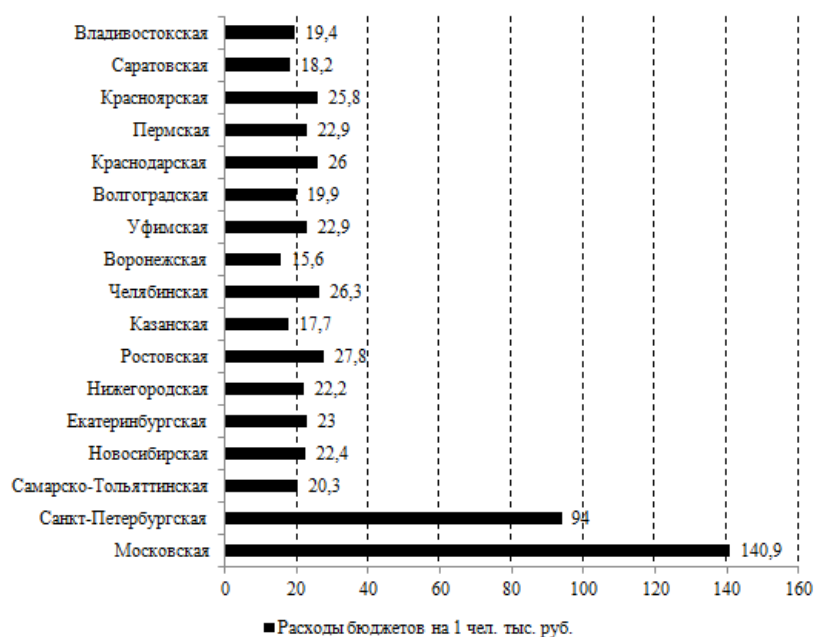

Рисунок 2. Расходы бюджетов на 1 чел. (тыс. руб.) в крупнейших городских агломерациях
Figure 2. Budget Expenditures per Person (Thousand Rubles) in the Largest Urban Agglomerations

Источник: составлено авторами с учётом [6].

Анализ доходов населения городской агломерации, тыс. руб. на одного человека (рисунок 3) показывает, что лидирует Московская, Краснодарская, Владивостокская и Екатеринбургская агломерации. Учёные Н.Н. Ноздрина, И.М. Шнейдерман в своих исследованиях рассматривают связь между этими показателями и делают вывод, о том, что в городах-миллионниках, чем крупнее

агломерация и больше численность его населения, тем выше показатели, характеризующие ввод жилья, тем выше уровень денежных доходов и качества жизни населения агломераций и регионов, куда они входят [8]. В то же время наиболее крупные агломерации имеют высокую концентрацию населения, что всё-таки значительно снижает финансовую доступность покупки жилья на рынке.

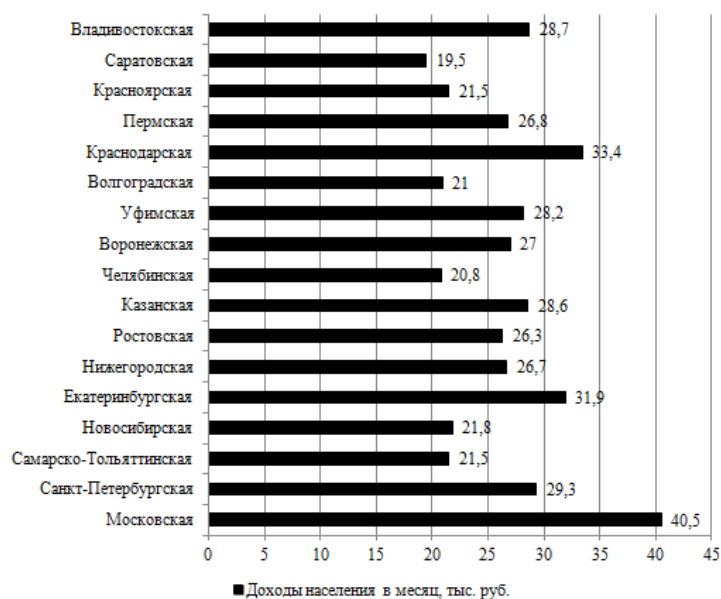

Рисунок 3. Доходы населения городской агломерации в месяц, тыс. руб.
Figure 3. Incomes of the Urban Agglomeration Population per Month, Thousand Rubles.

Источник: составлено авторами с учётом [6].

Городские агломерации, как следует из общепризнанного понимания³ [6; 7; 13; 14; 15], формируют вокруг себя экономические, производственные, социально-бытовые и культурные связи. Наиболее крупными городскими агломерациями (рисунки 1–3) признана Москва и Санкт-Петербург. Из представленных данных видно, что качество жизни по трём показателям распределено в городских агломерациях крайне неравномерно.

Наряду с приведёнными выше показателями, авторы рассмотрели положения ГОСТ Р ИСО 37120-2020 «Устойчивое развитие сообщества. Показатели городских услуг и качества жизни». В национальном стандарте регламентированы такие экономические показатели качества жизни для населения, характерные для городских агломераций, как: уровень безработицы по агломерации; уровень безработицы среди молодёжи; доля городского населения, живущего в нищете; доля лиц, занятых полный рабочий день; количество предприятий на 100000 чел.; количество высших учебных заведений на 100000 человек; доля населения школьного возраста, обучающихся в школе. Однако, установление характера и особенностей изменения этих показателей для различных

городских агломераций требует проведения специального научного исследования.

Методический подход к формированию стратегии развития городских агломераций базируется на понимании особенностей и проблем их развития

Исследования, проведённые в Институте региональных экономических исследований (ИРЭИ), позволили выявить проблемы развития городских агломераций, а также проблемы, препятствующие управлению ими [3; 7]. По мнению авторов, условно, можно выделить четыре основные проблемы, мешающие развитию агломераций – это: отсутствие понятийного аппарата, несформированность критериев определения границ агломерации, отсутствие официально обозначенных управленческих организационных структур и необозначенность их как объектов планирования в системе документов государственного стратегического планирования. Характеристика проблем развития городских агломераций, а также предложение возможных путей их решения, рекомендуемые авторами с учётом [3;7], приведены на рисунке 4.

Проблема 1 Не установлен стандартный понятийный аппарат в области городских агломераций	Суть проблемы Отсутствуют единые утверждённые на национальном уровне определения «городская агломерация», «управление городской агломерацией», «показатель развития городской агломерацией» и др.	Решение: Создание и утверждение на национальном уровне нормативных и правовых документов в области управления городскими агломерациями. Создание закона об агломерациях. Разработка и утверждение на уровне государства национальных стандартов, регламентирующих городские агломерации как самостоятельное направление развития территориального образования
Проблема 2 Не определены границы городских агломераций	Суть проблемы Отсутствуют единые утверждённые на национальном уровне определения «городская агломерация», «управление городской агломерацией», «показатель развития городской агломерацией» и др.	Решение: Формирование нормативных документов, определяющих критерии установления границ городских агломераций и определяющих методы и критерии установления таких границ
Проблема 3 Нет органов управления городскими агломерациями	Суть проблемы Отсутствуют органы управления городскими агломерациями, которые могли бы осуществлять координацию социально-экономических процессов в них, а том числе руководить разработкой и реализацией стратегических планов развития и программ	Решение: Принятие решения о создании органов управления городскими агломерациями, определение структуры таких органов, которые могли бы осуществлять координацию социально-экономических процессов в них, и проводить разработку стратегических планов и программ.
Проблема 4 Нет понимания о городских агломерациях, как объектах планирования, в системе документов государственного стратегического планирования	Суть проблемы Не узаконено место городских агломераций как объектов планирования, не сформирован состав показателей социального и экономического развития, которые целесообразно использовать в процессе планирования и прогнозирования развития городских агломераций	Решение: Разработка комплекса индикаторов и показателей социального и экономического развития городских агломераций, обеспечивающих процесс их планирования и прогнозирования развития

Рисунок 4. Проблемы нормативного регулирования развития городских агломераций и предлагаемые пути их решения

Figure 4. Problems of Regulatory Regulation of Urban Agglomerations and Proposed Solutions.

Источник: составлено авторами.

³ Goal 8. Promote sustained, inclusive and sustainable economic growth, full and productive employment and decent work for all. Sustainable Development. United Nations. Department of Economic and Social Affairs // United Nations: [сайт]. URL: https://sdgs.un.org/goals/goal8#targets_and_indicators (дата обращения: 29.10.2024).

Естественно, что приведённые на рисунке 4 проблемы могут быть решены на основе выполнения комплекса методических, нормотворческих⁴ и других работ, а также применения инструментов национальной стандартизации⁵ [4;16; 17; 18].

Анализ показал, что практика стратегирования в управлении агломерациями пока не наработана [3]. Предусмотренное в отечественной нормативной базе создание около 20 стратегических документов долгосрочного характера в части социальной и экономической политики в агломерациях не реализовано.

Исследования научного коллектива ИРЭИ установили, что концептуальные, стратегические и плановые акты регионов и органов местного самоуправления реализуются в части градостроения, инженерии, транспортных систем [3;7].

Количество органов управления, которые могут быть идентифицированы как регулирующие функционирование и развитие агломераций, а также качество жизни её населения, незначительно. В Республике Башкортостан и городе Санкт-Петербурге на базе структур власти (законодательной и исполнительной) организованы ориентированные на решение вопросов развития агломераций рабочие группы. На уровне местного самоуправления имеются совещательные координационные советы (Новосибирская, Ростовская Самарско-Тольяттинская, Тульская, Саратовская агломерации).

По мнению авторов, необходимо предпринять ряд организационно-методических мер и практических решений по скорейшему включению городских агломераций в систему стратегического территориального планирования и управления экономикой (рисунок 5).

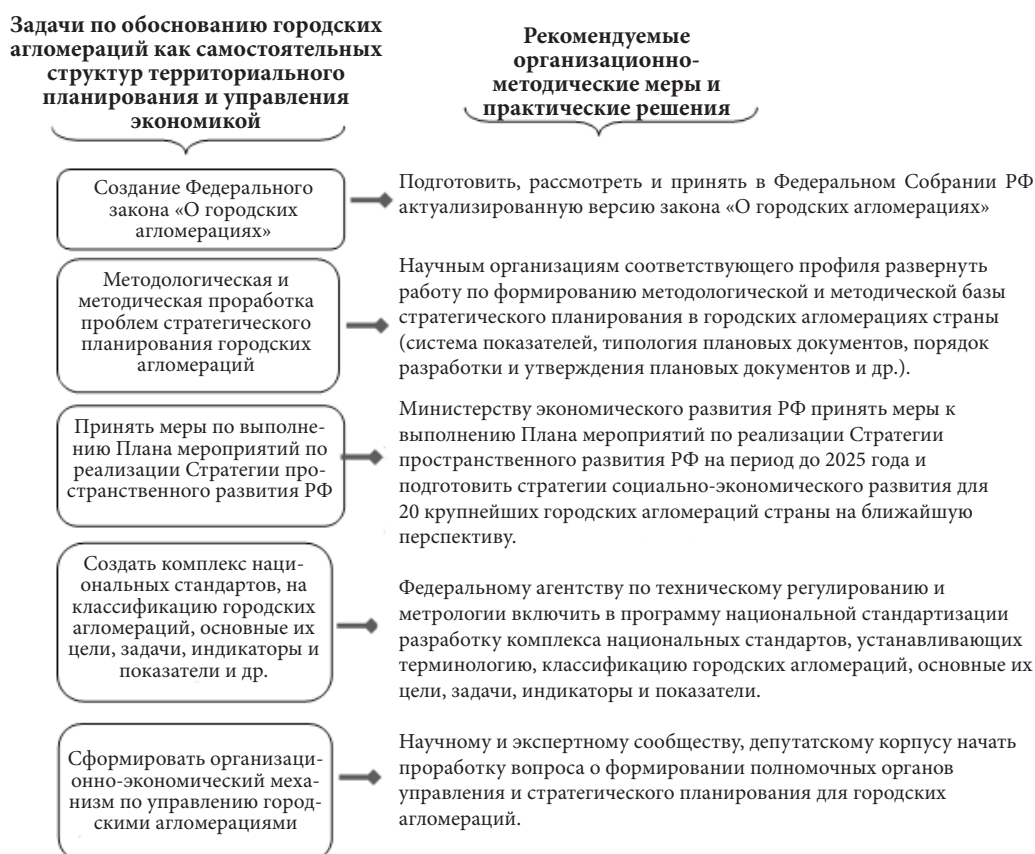

Рисунок 5. Рекомендуемые организационно-методические меры и практические решения по включению городских агломераций в систему стратегического территориального планирования и управления экономикой

Figure 5. Recommended Organizational and Methodological Measures and Practical Solutions for the Inclusion of Urban Agglomerations in the System of Strategic Territorial Planning and Economic Management

Источник: составлено авторами.

⁴ Human Development Index. Human Development Report // UNDP: [сайт]. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 11.12.2024).

⁵ План мероприятий, «дорожная карта» (утв. поручением Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Д. Козака от 15.11.2019 г. № ДК-П7-9914).

Безусловно, городские агломерации России в ближайшей перспективе смогут стать центрами устойчивости в системе пространственного устройства экономики страны. Во всех регионах ведутся поиски новых форм планирования развития в том числе и городских агломераций и совершенствования системы плановых нормативных документов. Например, в Иркутской области в 2018 году были проведены методические и организационные работы по созданию нового документа стратегического планирования регионального уровня – Комплекса стратегических инвестиционных инициатив. Документ, подготовленный с участием учёных РАЕН и ИРЭИ [19] формализует направления реализации Стратегии социально-экономического развития региона, включает конкретные масштабные инвестиционные проекты с глубокой степенью обоснования и технико-экономической проработки [3]. Многие российские специалисты предлагают дополнить существующую систему планирования разработкой пятилетних планов, как на федеральном уровне, так и в региональном масштабе [19]. Результативность такого подхода подтверждена экономическими результатами планирования развития и формирования необходимых организационных структур в Иркутской области. Это доказывается тем, что по итогам работы специальной организационной структуры в период реализации ре-

гионального пятилетнего плана бюджет Иркутской области увеличился в два раза, соответственно и улучшилось качество жизни её населения. Как отмечалось выше, весомый вклад в разработку этого нового типа планового документа внесли специалисты РАЕН и ИРЭИ.

Таким образом, следует сделать вывод, что катализаторами процесса повышения результативности управления городскими агломерациями и повышения качества жизни населения станут стратегии, а также нормативные регуляторы: законы, указы, программы, планы пятилетнего развития и документы национальной стандартизации.

Методы исследования, применяемые для решения поставленной задачи

Для решения задачи по обеспечению качества жизни в городских агломерациях на основе применения инструментов стратегического планирования и стандартизации были использованы общенаучные и конкретно-предметные методы исследования, представленные на рисунке 6.

Были опрошены специалисты в области государственного и муниципального управления по проблемам городских агломераций, а также специалисты – полномочные представители организаций членов технического комитета по стандартизации ТК 115 «Устойчивое развитие» Росстандарта. Всего около 50 человек.

Методы	– критическое осмысление, синтез и развитие существующих на сегодняшний день научных идей, институциональных подходов, практических предложений и рекомендаций отдельных специалистов и научных коллективов по формам и методам управления административно-территориальными образованиями и городскими агломерациями
	– критическое осмысление и анализ деятельности органов власти на всех уровнях управления и на местном уровне
	– анализ фактических данных и информации, характеризующих качество жизни населения в городских агломерациях, а также рассматривался зарубежный опыт
	– контент-анализ публикаций в открытой печати научно-исследовательских работ по данной тематике, нормативно-правовых и методических документов
	– опросы специалистов в области государственного и муниципального управления по проблемам развития городских агломераций
	– опросы специалистов в области стандартизации о возможности применения методов стандартизации для нормативного регулирования деятельности городских агломераций, национальной системы квалификаций, так и национальной стандартизации

Рисунок 6. Методы исследования социально-экономических процессов в агломерациях
Figure 6. Methods of Studying Socio-Economic Processes in Agglomerations

Источник: составлено авторами.

Особое внимание было уделено оценке оригинальности и достоверности полученных и публикуемых материалов по результатам исследований.

При подготовке предложений сформирован ряд стартовых позиций:

Во-первых, в сложившихся условиях важно применение инструментов стратегического пла-

нирования, особое место уделить планированию на определённый срок.

Во-вторых, при отсутствии федерального закона о городских агломерациях важная роль может быть отведена стандартизации.

В-третьих, действующий комплекс стандартов по устойчивому развитию территорий может быть применим для регламентации деятельности городских агломераций, которые тоже становятся объектами стандартизации.

Результаты исследования применения стандартизации при стратегическом планировании в целях повышения качества жизни населения

Наряду с документами стратегического планирования, документами, характеризующими качество жизни [20; 21; 22], а также международным опытом [23; 24], авторы предлагают рассмотреть возможность применения документов национальной стандартизации. Эти документы в отсутствие законодательной базы, а также при её

появлении, могут стать результативным инструментом управления городскими агломерациями в направлении устойчивого развития территорий и повышения качества жизни населения.

В настоящее время работы по стандартизации проводятся в соответствии с ФЗ-162 от 29.06.2015 и Плана мероприятий («дорожной карты»), который регламентирует комплекс мероприятий по продвижению идей стандартизации в России до 2027 года

Создание нормативных документов по стандартизации, предусмотренное дорожной картой, интегрировано в государственные и региональные программы. На рисунке 7 представлена характеристика фактического значения состояния межгосударственных документов, государственных программ, стандартов в машиночитаемом формате, разработок, финансируемых бизнесом, а также сроков разработки и возраста стандартов. Информация получена при мониторинге реализации «дорожной карты» по итогам 2018–2023 года [5].

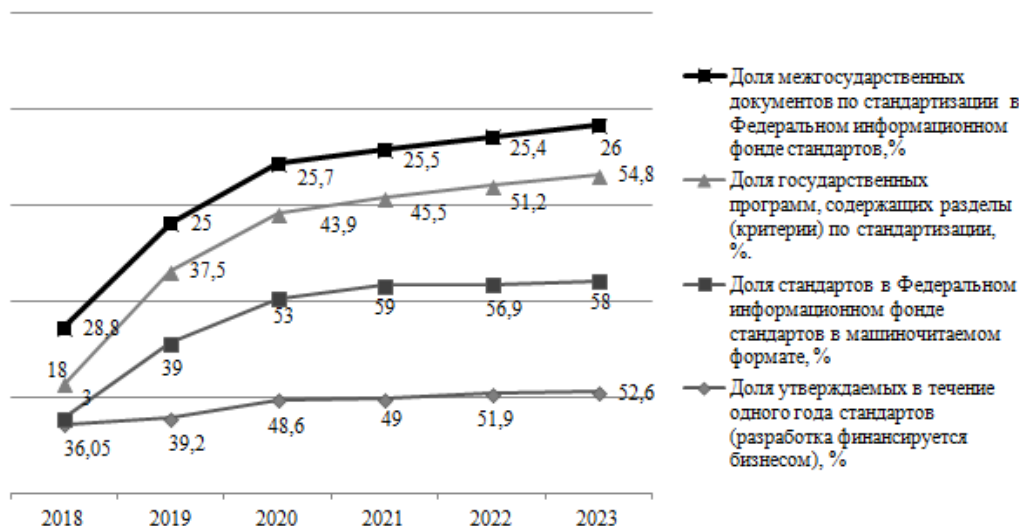

Рисунок 7. Общая характеристика участия стандартизации в государственных программах и документах в области планирования (фактическое значение показателей «дорожной карты» по итогам 2018–2023 года)

Figure 7. General Characteristics of the Participation of Standardization in State Planning Policy Documents (the Actual Value of the Roadmap Indicators for 2018–2023)

Источник: составлено авторами с учётом [5].

По данным ИСО и Минпромторга России вклад эффективно действующей системы стандартизации в экономику стран мира составляет в среднем 0,8%–1% от ВВП. Базовый закон о стандартизации позволяет применять механизмы, методы и инструменты стандартизации для регулирования развития рыночных отношений, управления территориями, обеспечения безо-

пасности, качества различных объектов, в том числе качества жизни населения территории. Под правовым патронатом ФЗ-162 разработан целый ряд перспективных программ стандартизации, направленных на интенсификацию развития экономики. Основные направления и перспективы развития стандартизации отражены на рисунке 8.

Из 41 Государственной программы развития 5 программ отражают влияние стандартизации на реализацию важнейших мероприятий, это программы, связанные с такими направлениями, как:

- информационное общество;
- развитие транспортной системы;
- воспроизводство и использование природных ресурсов;
- развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия;
- развитие энергетики;
- обеспечение общественного порядка и противодействие преступности.

Перспективы развития стандартизации отражены также в 5 Национальных проектах (из 12):

- Цифровая экономика Российской Федерации.
- Жильё и городская среда.
- Безопасные и качественные автомобильные дороги.
- Экология.
- Международная кооперация и экспорт.

Стандартизация решает проблемы стратегического характера. Она привлечена для реализации отраслевых, национальных и межотраслевых стратегий (в 5 из 7):

- Стратегия развития туризма на территории Северо-Кавказского федерального округа до 2035 года;
- Стратегия развития машиностроения для пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2030 ;
- Долгосрочная стратегия развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года;
- Стратегия развития туризма в России до 2035 года.

Рисунок 8. Параметры развития стандартизации
Figure 8. Parameters of Standardization Development

Источник: составлено авторами.

Стандартизация активно развивается на международном уровне в рамках хорошо известных международных организаций по стандартизации, таких как ИСО, МЭК и др. [3;4]. Безусловно, решение проблемы качественного, безопасного и устойчивого развития крупных городов и повышение качества жизни их населения в настоящее время является объектом стандартизации. Сейчас действует ряд национальных стандартов, подготовленных на основе международных на устойчивое развитие территорий и качество жизни населения: ГОСТ Р 56548-2015/ISO/DIS/37101, ГОСТ Р ИСО 37120-2020, ГОСТ Р ИСО 37122-2022, ГОСТ Р ИСО 37123-2022 и др. Стандарты регламентируют характеристики организации деятельности, а также индикаторы и показатели устойчивого развития территорий

и качества жизни, а также процессы менеджмента территорий. Городские агломерации, как территориальные образования попадают в сферу распространения действия стандартов по устойчивому развитию. Однако, их использование требует дальнейшей теоретической и методологической проработки. Необходимо определить контуры нормативного регулирования, а также место и сущность городской агломерации как элемента в системе менеджмента территории. Исследования разработок ряда авторов [3;4] позволили предложить адаптированную для городской агломерации пространственную модель устойчивого развития территории. Модель может быть основой для выбора нормативных документов, регулирующих деятельность городской агломерации (рисунок 9).

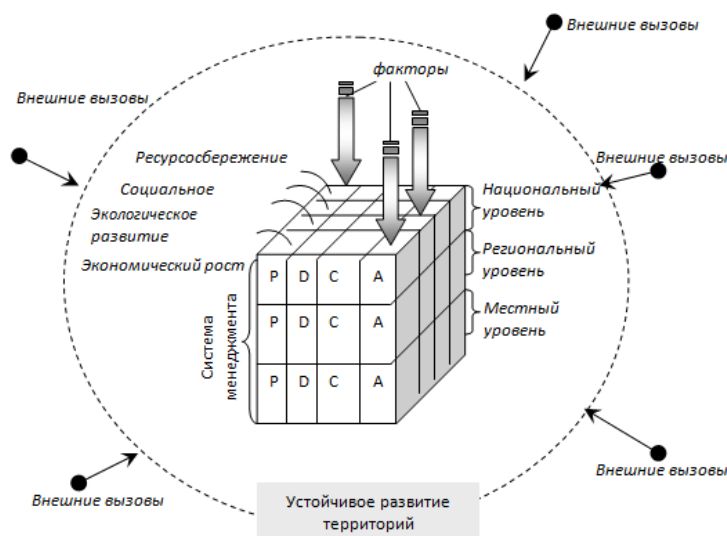

Рисунок 9. Пространственная модель устойчивого развития городской агломерации, как основа для выбора нормативных документов

Figure 9. Spatial Model of Sustainable Urban Agglomeration Development as a Basis for the Selection of Regulatory Documents

Источник: составлено авторами.

Конструктивно представленная на рисунке 9 модель характеризует нормативное регулирование управления городской агломерацией на четырёх стадиях жизненного цикла городской агломерации «Plan-Do-Check-Act» (планирование-действие-проверка-корректировка), по оси ординат указаны уровни управления агломерацией, по оси аппликата составляющие устойчивого развития (экология, экономика, социальная сфера и добавлено наряду с традиционными тремя четвёртый уровень – ресурсосбережение). При этом общая организация работ и менеджмент городской агломерации будут соответствовать ГОСТ Р 56548-2015/ISO/DIS/37101, устанавливающему принципы и требования к СМК. Данная модель предусматривает наличие единой системы менеджмента, соответствующей требованиям международных стандартов на всех уровнях управления и всеми составляющими устойчивого развития городской агломерации. Такая система позволяет осуществлять руководство городской агломерацией по единым принципам и с взаимной увязкой различных аспектов.

Характеристика устойчивого развития и повышения качества жизни населения городской агломерации, базирующаяся на положениях национальных стандартов, является основанием для формирования арсенала её нормативного регулирования.

Нормативно могут быть оформлены: понятийный аппарат, функции для каждого уровня

управления, вопросы экологии, социальной поддержки, ресурсосбережения.

На рисунке 10 приведена модель [3], содержащая нормативные, правовые документы и документы по стандартизации, позволяющие регулировать устойчивое развитие и качество жизни населения городской агломерации на национальном, региональном и местном уровне по этапам жизненного цикла «Plan-Do-Check-Act».

Реализация комплекса документов, представленных на рисунке 10, предполагает наличие организационной структуры управления городской агломерацией, которая должна быть интегрирована во все действующие системы управления на территории.

Учитывая содержание приведённой на рисунке 9 модели, возможно предложить следующее определение для нормативного применения инструментов стратегического планирования и стандартизации как: комплекс документов, регламентирующих требования к устойчивому развитию и качеству жизни населения городской агломерации на национальном, региональном и местном уровне и формирующих направления социального и экологического развития, экономического роста и ресурсосбережения, организационную структуру участников и правила функционирования системы в целом. Макет базового стандарта и его элементов, определяющего на национальном уровне. Основные положения и требования к городским агломерациям.

Документы национального уровня	обязательного применения: Федеральные законы, нормативные правовые акты Президента и Правительства РФ, федеральных министерств и ведомств, концепции, стратегии долгосрочного развития, федеральные программы, административные регламенты добровольного применения: Классификаторы технико-экономической информации, международные и межгосударственные стандарты, национальные стандарты, правила, методики, положения
Документы регионального уровня	обязательного применения: Региональные законы, административные регламенты, акты региональных органов исполнительной власти, региональные стратегии, концепции, программы развития добровольного применения: Правила, методики, положения, добровольные региональные системы сертификации в конкретной отрасли
Документы местного уровня обязательного применения	органов местного самоуправления: Акты органов местного самоуправления, муниципальные программы, стратегии, концепции принятые профессиональными объединениями предпринимателей и саморегулируемыми организациями: Кодексы, правила добровольной сертификации, стандарты организации, технические условия, методики, положения, инструкции принятые хозяйствующими субъектами: Стандарты организации, технические условия, инструкции, положения, методики, образцы-модели, договоры

Рисунок 10. Модель нормативного регулирования и стандартизации устойчивого развития и качества жизни населения городской агломерации на национальном, региональном и местном уровне по этапам жизненного цикла «Plan-Do-Check-Act»
Figure 10. Model of Regulatory Regulation and Standardization of Sustainable Development and Quality of Life of the Urban Agglomeration Population at the National, Regional and Local Levels by Stages of the «Plan-Do-Check-Act» Life Cycle

Источник: составлено авторами.

Основными целями создания городской агломерации является достижение максимальной результативности в управлении городской территорией в направлении обеспечения качества жизни населения. Применяя метод стандартизации, возможно достичь идеальной формулы городской агломерации, обозначив в стандарте понятийный

аппарат, цели задачи, функции, организационную структуру объекта стандартизации и др. Предлагаем макет – идею будущего стандарта на городские агломерации ГОСТ Р «Устойчивое развитие территорий и качество жизни. Городские агломерации. Основные положения и общие требования» (таблица 1).

Макет базового стандарта ГОСТ Р «Устойчивое развитие территорий и качество жизни. Городские агломерации. Основные положения и общие требования»
Table 1

The Layout of the Basic Standard GOST R «Sustainable Development of Territories and Quality of Life. Urban Agglomerations. Basic Provisions and General Requirements»

Раздел стандарта	Цель и краткое содержание раздела
Область применения	Стандарт устанавливает ключевые положения и требования к городским агломерациям и распространяется на юридических лиц, осуществляющих управление их деятельностью. На основании настоящего стандарта могут быть разработаны документы национальной системы стандартизации, регламентирующие выполнение отдельных функций городскими агломерациями
Терминология	Стандарт содержит термины: агломерация, городская агломерация, индикаторы и показатели городских агломераций и др.
Нормативные ссылки	ГОСТ Р ИСО 37120-2020, ГОСТ Р ИСО 37122-2022, ГОСТ Р ИСО 37123-2022, ГОСТ Р 56548-2015/ISO/DIS/3710. и др.
Основные положения,	Раздел содержит характеристику целей, задач и принципов деятельности городских агломераций, их классификацию, объекты и субъекты, расположенные на территории городских агломераций
Общие требования	Раздел содержит ссылки на основополагающие директивные и нормативные документы, документы по стандартизации, требования, определяющие деятельность городских агломераций.

Раздел стандарта	Цель и краткое содержание раздела
Требования к организационной структуре городской агломерации.	Раздел содержит классификацию организационных структур городских агломераций, состав документов, регламентирующих деятельность, их полномочия и выполняемые функции.
Показатели и индикаторы качества жизни населения агломерации и показатели, характеризующие экономическое, экологическое развитие, социальную поддержку и ресурсосбережение.	Раздел содержит комплекс показателей и индикаторов, характеризующих качество жизни населения агломерации и показатели, отражающие экономическое, экологическое развитие, социальную поддержку и ресурсосбережение.
Требования к контролю и мониторингу за деятельностью функционирования городской агломерации.	Раздел содержит требования к составу и процедуре проведения контроля и мониторинга, согласно действующим нормативным требованиям
Требования к организации и проведению публичных мероприятий.	Раздел содержит требования к составу участников и процедуре проведения мероприятий на территории городской агломерации и действующих организационно-распорядительных документов
Система сбора и обработки поступающей информации. Анализ возникающих проблем и учёт претензий и замечаний.	Раздел содержит комплекс положений о сборе информации и применяемых методах обработки информации о качестве жизни населения, а также способах учёта и нивелирования претензий и замечаний.
Требования к формированию программы стратегического развития городской агломерации.	Раздел содержит требования к структуре и содержанию разделов программы стратегического развития, а также сроках её реализации. Кроме того, содержит требования к планам перспективного развития, направленным на повышение качества жизни населения
Требования к содержанию и модернизации системы информационного обеспечения и информационной поддержки деятельности городских агломераций.	Раздел содержит требования к содержанию и модернизации системы информационной поддержки деятельности городских агломераций с учётом применения инновационных технологий и элементов искусственного интеллекта
Требования к кадровому составу работников управления городской агломерации и подтверждению их соответствия.	Раздел содержит требования к квалификации исполнителей, занятых в организации деятельности городской агломерации и формам подтверждения их соответствия установленным критериям.
Библиография	Указываются директивные и нормативные документы. Ссылка на которые приведена в содержании стандарта

Источник: составлено авторами.

Предложения авторов по разработке национального стандарта ГОСТ Р «Устойчивое развитие территорий и качество жизни. Городские агломерации. Основные положения и общие требования» направлены на рассмотрение и возможное включение в перспективную программу национальной стандартизации в рамках технического комитета по стандартизации ТК 115 «Устойчивое развитие».

Заключение

В настоящем исследовании рассмотрены методологические и практические аспекты нормативного регулирования развития городских агломераций в России. Авторы подтверждают гипотезу о том, что стратегическое планирование и связанная с ним стандартизация могут стать эффективным драйвером повышения качества

жизни населения, а также развития и управления городскими агломерациями.

Несмотря на то, что в реальных условиях существования административно-территориальных образований городские агломерации занимают значительное место, до настоящего времени они нормативно не оформлены и, следовательно, управление ими через стратегические документы значительно затруднено. При этом необходимо учитывать, что качество жизни в различных городских агломерациях отличается, о чём свидетельствуют статистические данные по ряду показателей качества жизни.

По мнению авторов возможно придерживаться следующей формулировки городской агломерации, приведённой в проекте закона «О городских агломерациях»: «Агломерации представляют собой особый вид территориального формирова-

ния, сочетающий в себе функции крупных городов и прилегающих к ним сельских территорий».

Методический подход к стратегическому планированию развития этого уникального территориального образования базируется на изучении особенностей и проблем развития городских агломераций и применении к ним традиционных способов стратегического планирования, предусмотренных законом о стратегическом планировании, а также использовании пятилетнего планирования развития городской агломерации.

Целью исследования стал поиск путей для обеспечения качества жизни населения в городских агломерациях на основе потенциала использования инструментов стратегического планирования и стандартизации.

Авторы пришли к заключению, что стандартизация является результативным и эффективным механизмом нормативного регулирования развития городской агломерации и повышения качества жизни, кроме того, даёт ответ на многие важные вызовы времени [25]. Проведённые исследования говорят, о том, что в ряде государственных программ стандартизация отражена на

20%. Стандарты помогают упорядочить многие процессы и обеспечить устойчивое развитие и качество жизни населения.

На основании изучения моделей устойчивого развития территорий, предложенной учёными в области экономики и менеджмента качества, разработана пространственная модель устойчивого развития городской агломерации, которая положена в основу системы его нормативного регулирования, кроме того представлена модель нормативного регулирования развития городской агломерации. Оригинальным можно считать разработанный авторами макет национального стандарта ГОСТ Р «Устойчивое развитие территорий и качество жизни. Городские агломерации. Основные положения и общие требования», в котором имеются все элементы для успешного управления городской агломерацией и повышения качества жизни населения. Авторы предложили также способ реализации макета стандарта путём включения его разработки в Программу национальной стандартизации Росстандарта по техническому комитету ТК 115 «Устойчивое развитие».

Список литературы

1. Коршунов И.В. Устойчивое развитие в стратегиях регионов: выбираемые подходы и решения // Экономика региона. 2023. Том 19. № 1. С. 15–28. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-2> EDN VEVEG
2. Нормативно-правовые проблемы регулирования создания и деятельности агломераций на региональном уровне / Н.К. Савельева, А.А. Созинова, Т.В. Макарова, А.В. Шпенглер, Е.А. Бармина // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Том 13. № 3. С. 733–746. <https://doi.org/10.18334/epp.13.3.117394> EDN DITE
3. Зворыкина Т.И., Белобрагин В.Я., Сотникова Е.В. Модель национальной системы нормирования и стандартизации устойчивого развития административно-территориальных образований // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2019. № 2(48). С. 5–6. EDN GUZHYN
4. Белобрагин В.Я., Зажигалкин А.В., Зворыкина Т.И. Техническое регулирование на рубеже индустрии 4.0: [монография]. М.: Издательство «Научный консультант», 2019. 100 с. ISBN 978-5-907084-65-0
5. Ломоносов М.В., Иванов А.В. Стандартизация в документах стратегического планирования // Стандарты и качество. 2024. № 7. С. 12–17. <https://doi.org/10.35400/0038-9692-2024-7-155-24> EDN DFSGVM
6. Ноздрин Н.Н., Шнейдерман И.М. Качество жизни и жилищные условия населения в крупнейших агломерациях и городах-миллионниках России // Народонаселение. 2022. Том 25. № 1. С. 4–17. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.1> EDN ZVCXTI
7. Ростанец В.Г., Топилин А.В., Кабалинский А.И. Городские агломерации как национальные и региональные центры экономического роста // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2019. № 1. С. 119–123. <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.19.01.P.119> EDN YWMATZ
8. Райсик А.Э. К вопросу об определении границ городских агломераций: мировой опыт и формулировка проблемы // Демографическое обозрение. 2020. Том 7. № 1. С. 27–53. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10819> EDN ROCTCH
9. Азорин М.Ю. Развитие института городской агломерации в рамках взаимодействия с механизмами комплексного развития территорий // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2023. № 3. С. 3–12. <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2023-3-3-12> EDN OWHNG
10. Антонов Е.В. Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Том 13. № 1. С. 180–202. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-1-10> EDN UFLQBN
11. Матвеева М.В., Пешков А.В., Безруких О.А. Городская агломерация: трансформация экономического пространства на основе концепции устойчивого развития территориальной системы земельных ресурсов // Baikal Research Journal. 2022. Том 13. № 1. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13\(1\).14](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(1).14) EDN HGBEXC
12. Нежданов В.А. Проблемы законодательного определения понятия «городская агломерация» // Вестник образовательного консорциума «Среднерусский университет». Серия: Юриспруденция. 2021. № 18. С. 41–43. EDN DHCEUL
13. Стерник С.Г. Комплексное развитие территорий и экономика регионов // Проблемы прогнозирования. 2023. № 2(197). С. 57–75. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-197-57-75> EDN LSMB

14. Changing the urban design of cities for health: The superblock model / N. Mueller, K. Hanee, C. Marta [et al.] // *Environment international*. 2020. Vol. 134. Art. 105132. ISSN 0160-4120 <https://doi.org/10.1016/j.envint.2019.105132>
15. Campbell A., Converse P.E., Rodgers W.L. The quality of American life: Perceptions, evaluations, and satisfactions. New York: Russell Sage Foundation, 1976. 600 p. <https://doi.org/10.1017/S0008423900050976>
16. Parr J.B. Cities and regions: problems and potentials // *Environment and Planning A*. 2008. Vol. 40. No. 12. P. 3009–3026. <https://doi.org/10.1068/a40217>
17. Миронов Д.Е. Факторы формирования направлений развития системы технического регулирования в РФ // *Евразийский юридический журнал*. 2024. № 3(190). С. 508–509. EDN EABLJN
18. Кутырин Д.О. Разработка концептуальных положений системы оценки качества городской среды // *Финансовые рынки и банки*. 2022. № 12. С. 108–111. EDN QBUKKN
19. Государство развития: модель плановой трансформации экономики страны и регионов. Методы и практика реализации в Иркутской области / рук. авт. колл. С.Г. Левченко. М.: «Экономика», 2019. 271 с. ISBN 978-5-282-03526-1
20. Зворыкина Т.И., Тамбовцев А.В., Кутырин Д.О. Благоустройство городской среды как драйвер устойчивого экономического развития территории // *Вестник РАЕН*. 2024. Том 24. № 4. С. 96–104. <https://doi.org/10.52531/1682-1696-2024-24-4-96-104> EDN KTRAXP
21. Бобков В.Н., Савченко П.В., Федорова М.Н. Повышение уровня и качества жизни // *Российская социально-экономическая система: реалии и векторы развития: монография* / отв. ред. Р.С. Гринберг, П.В. Савченко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2021. С. 1–19. ISBN 978-5-16-016215-7 <https://doi.org/10.12737/1087982>
22. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: [монография] / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с. ISBN 978-5-89697-388-1 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022> EDN WOQAYF
23. Van Leuven A.J. The impact of main street revitalization on the economic vitality of small-town business districts // *Economic Development Quarterly*. 2022. Vol. 36. No. 3. P. 193–207. <https://doi.org/10.1177/08912424211038060>
24. Theofilou P. Quality of life: definition and measurement // *Europe's journal of psychology*. 2013. Vol. 9. No. 1. P. 51–74. [https://doi.org/10.1016/0891-4222\(94\)00028-8](https://doi.org/10.1016/0891-4222(94)00028-8)
25. Киселева А.М. Устойчивое развитие региона на основе баланса интересов населения, органов власти и бизнес-сообщества // *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*. 2021. Том 19. № 4. С. 117–129. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2021.19\(4\).117-129](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2021.19(4).117-129) EDN EZRADK

Информация об авторах:

Петр Иосифович Бурак – доктор экономических наук, профессор, директор, Институт региональных экономических исследований; Президент, Российская академия естественных наук (SPIN-код: 3025-1463) (РИНЦ Author ID: 282158)

Татьяна Ивановна Зворыкина – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, руководитель Центра научных исследований и технического регулирования в сфере услуг, Институт региональных экономических исследований (SPIN-код: 4996-2058) (РИНЦ Author ID: 326219)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Татьяна Ивановна Зворыкина.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025; одобрена после рецензирования 08.05.2025; принята к публикации 05.06.2025.

References

1. Korshunov I.V. Sustainable Development in Regional Strategies: Approaches and Solutions. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*. 2023;19(1):15-28. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-2> (In Russ.)
2. Saveleva N.K., Sozinova A.A., Makarova T.V., et al. Normative and Legal Problems of Regulating the Agglomeration Creation and Activity at the Regional Level. *Ekonomika, predprinimatelstvo i parvo=Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2023;13(3):733-746. <https://doi.org/10.18334/epp.13.3.117394> (In Russ.)
3. Zvorykina T.I., Belobragin V.Ia., Sotnikova E.V. Model of the National System of Regulation and Standardization of Sustainable Development of Administrative-Territorial Education. *Informatsionno-ekonomicheskie aspekty standartizatsii i tekhnicheskogo regulirovaniia*. 2019;(2(48)):5-6. (In Russ.)
4. Belobragin V.Ia., Zazhigalkin A.V., Zvorykina T.I. Tekhnicheskoe Regulirovanie na Rubezhe Industrii 4.0. Monograph. Moscow: Publishing house Nauchnyi konsultant; 2019. 100 p. ISBN 978-5-907084-65-0 (In Russ.)
5. Lomonosov M.V., Ivanov A.V. Standardization in Strategic Planning Documents of the Russian Federation. *Standarty i kachestvo=Standards and Quality*. 2024;(7):12-17. <https://doi.org/10.35400/0038-9692-2024-7-155-24> (In Russ.)
6. Nozdrina N. N., Schneiderman I.M. Quality of Life and Housing Conditions of the Population in the Largest Agglomerations and Million-Plus Cities of Russia. *Narodonaselenie=Population*. 2022;25(1):4-17. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.1> (in Russ.)
7. Rostanets V.G., Topilin A.V., Kabalinskii A.I. Urban Agglomerations as National and Regional Centers of Economic Growth. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo=Vestnik of Russian New University. The series: Man and Society*. 2019;(1):119-123. <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.19.01.P.119> (In Russ.)
8. Raisikh A.E. Defining the Boundaries of Urban Agglomerations: Problems, International Experience, Solutions and Results. *Demograficheskoe obozrenie=The Demographic Review*. 2020;7(1):27-53. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10819> (In Russ.)

9. Azorin M.Iu. Development of Urban Agglomeration Institute within the Framework of Interaction with Mechanisms of Integrated Territorial Development. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment=Bulletin of Buryat State University. Economy and Management*. 2023;(3):3-12. <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2023-3-3-12> (In Russ.)
10. Antonov E.V. Urban Agglomerations: Approaches to the Allocation and Delimitation. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo=Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2020;13(1):180-202. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-1-10> (In Russ.)
11. Matveeva M.V., Peshkov A.V., Bezrukikh O.A. Urban Agglomeration: Transforming the Economic Space Based on the Concept of Sustainable Development of the Territorial Land Resource System. *Baikal Research Journal*. 2022;13(1). [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13\(1\).14](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(1).14) (In Russ.)
12. Nezhdanov V.A. Problemy Zakonodatel'nogo Opredeleniia Poniatiia «Gorodskaiia Aglomeratsiia». *Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiiuma «Srednerusskii universitet». Seriya: Iurisprudentsiia*. 2021;(18):41-43. (In Russ.)
13. Sternik S.G. Integrated Urban Development and Regional Economies. *Problemy prognozirovaniia=Studies on Russian Economic Development*. 2023;(2(197)):57-75. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-197-57-75> (In Russ.)
14. Mueller N., Haneen K., Marta C., et al. Changing the Urban Design of Cities for Health: the Superblock Model. *Environment International*. 2020;134,105132. ISSN 0160-4120 <https://doi.org/10.1016/j.envint.2019.105132>
15. Campbell A., Converse P.E., Rodgers W.L. The Quality of American Life: Perceptions, Evaluations, and Satisfaction. New York: Russell Sage Foundation; 1976. 600 p. <https://doi.org/10.1017/S0008423900050976>
16. Parr J.B. Cities and Regions: Problems and Potentials. *Environment and Planning A*. 2008;40(12):3009-3026. <https://doi.org/10.1068/a40217>
17. Mironov D.E. Factors in the Formation of Directions of Development of the System of Technical Regulation in the Russian Federation. *Evrasiiskii iuridicheskii zhurnal=Eurasian Law Journal*. 2024;(3(190)):508-509. (In Russ.)
18. Kutyryn D.O. Development of Conceptual Foundation of the System for Assessing the Quality of the Urban Environment. *Finansovye rynki i banki=Financial Markets and Banks*. 2022;(12):108-111. (In Russ.)
19. Levchenko S.G. (ex. ed.) Gosudarstvo Razvitiia: Model' Planovoi Transformatsii Ekonomiki Strany i Regionov. Metody i Praktika Realizatsii v Irkutskoi Oblasti. Moscow: Publishing house Ekonomika; 2019. 271 p. ISBN 978-5-282-03526-1 (In Russ.)
20. Zvorykina T.I., Tambovtsev A.V., Kutyryn D.O. Quality of the Urban Environment as a Driver for Sustainable Economic Development of the Territory. *Vestnik RAEN=Bulletin of RANS*. 2024;24(4):96-104. <https://doi.org/10.52531/1682-1696-2024-24-4-96-104> (In Russ.)
21. Bobkov V.N., Savchenko P.V., Fedorova M.N. Povyshenie Urovnia i Kachestva Zhizni. In: Grinberg R.S., Savchenko P.V. (ex. eds.) Rossiiskaia Sotsial'no-Ekonomicheskaia Sistema: Realii i Vektory Razvitiia. Monograph. 4th ed., rev. and add. Moscow: Publishing house INFRA-M; 2021. P. 1-19. ISBN 978-5-16-016215-7 <https://doi.org/10.12737/1087982> (In Russ.)
22. Bobkov V.N. (ex. ed.), Loktiukhina N.V., Shamaeva E.F. (eds.), et al. Uroven' i Kachestvo Zhizni Naseleniia Rossii: ot Real'nosti k Poektirovaniu Budushchego. Monograph. FCTAS RAS. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 274 p. ISBN 978-5-89697-388-1 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022> (In Russ.)
23. Van Leuven A.J. The Impact of Main Street Revitalization on the Economic Vitality of Small-Town Business Districts. *Economic Development Quarterly*. 2022;36(3):193-207. <https://doi.org/10.1177/08912424211038060>
24. Theofilou P. Quality of Life: Definition and Measurement. *Europe's Journal of Psychology*. 2013;9(1):51-74. [https://doi.org/10.1016/0891-4222\(94\)00028-8](https://doi.org/10.1016/0891-4222(94)00028-8)
25. Kiseleva A.M. Sustainable Development of the Region Based on the Balance of Interests of the Population, Authorities and the Business Community. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Ekonomika=Herald of Omsk University. Series Economics*. 2021;19(4):117-129. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2021.19\(4\).117-129](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2021.19(4).117-129). (In Russ.)

Information about the authors:

Petr I. Burak – Doctor of Economics, Professor, Director, Institute of Regional Economic Research; President, Russian Academy of Natural Sciences

(SPIN code:3025-1463) (RSCI Author ID: 282158)

Tatiana I. Zvorykina – Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Center for Scientific Research and Technical Regulation in the Field of Services, Institute of Regional Economic Research

(SPIN-code: 4996-2058) (RSCI Author ID: 326219)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare that there is no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Tatiana I. Zvorykina.

The article was submitted 14.02.2025; approved after reviewing 08.05.2025; accepted for publication 05.06.2025.

Оригинальная статья

УДК 316.344

JEL J08

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_8_274_286

EDN SXDPZY

Трансформация идей и смысла труда: от культа труда к культу потребления (опыт историко-социологического анализа). Часть I

Жан Терентьевич Тощенко^{1,2}

¹Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
(zhantosch@mail.ru), (<http://orcid.org/0000-0002-7729-3660>)

²Институт социологии – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

Аннотация

В первой части статьи раскрывается исторический аспект появления понятий «работа», «труд» для понимания их смысла на различных этапах развития человечества. Основное внимание уделено трансформации состояния и общественного признания роли труда в СССР/России в XX веке. Показывается, как формировалось принципиально новое отношение к труду людей, непосредственно вовлеченных в процесс его осуществления как в период создания и формирования нового социалистического общества, так и во время функционирования мобилизационной экономики, а затем в годы испытаний – в период Великой Отечественной войны. Определяется роль государства в изменении отношения к труду, что нашло отражение в его экономической и социальной политике. В статье показываются пути решения стратегически важной задачи – становление и формирование культа труда, который постепенно сложился в Советском Союзе. Описывается и объясняется процесс его формирования, обогащения и превращения в действенную силу по строительству и преобразованию нового типа общественного устройства – социалистического общества. Рассматриваются как позитивные, так и проблемные ситуации в отношении к труду различных социально-классовых групп, а также пути решения возникающих противоречий. Особое внимание уделено анализу новых форм организации труда в соответствии с потребностями каждого этапа в развитии советского общества, раскрываются формы и методы побуждения работников к производительному труду, поиски творческих способностей и их реализации, а также способы преодоления противоречий, возникающих в процессе достижения цели создания индустриальной державы, которая была создана к 1941 г., когда началась Великая Отечественная война и потребовалась перестройка многих аспектов жизни общества, в том числе и в сфере труда.

Во второй части статьи будет проанализировано отношение к труду в Советском Союзе во второй половине XX века и в условиях новой России в XXI веке.

Ключевые слова: СССР, Россия, труд, культура, экономика, занятость, рабочий класс, крестьянство, интеллигенция

Благодарности: работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00093.

Для цитирования: Тощенко Ж.Т. Трансформация идей и смысла труда: от культа труда к культу потребления (опыт историко-социологического анализа). Часть I // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 274–286.

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_8_274_286 EDN SXDPZY

RAR (Research Article Report)

JEL J08

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_8_274_286

Transformation of Ideas and Meaning of Labor: from the Cult of Labor to the Cult of Consumption (an Experience of Historical and Sociological Analysis). Part I

Zhan T. Toshchenko^{1,2}

¹The Russian State University for Humanities, Moscow, Russia
(zhantosch@mail.ru), (<http://orcid.org/0000-0002-7729-3660>)

²Institute of Sociology - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article reveals the historical aspect of the emergence of the concepts of "work", "labor" for understanding their meaning at various stages of human development. The main attention is paid to the transformation of the state and public recognition of the role of labor in the USSR / Russia in the twentieth century. It is shown how a fundamentally new attitude to labor of people directly involved in the process of its implementation was formed both during the period of creation and formation of a new socialist society, and during the functioning of the mobilization economy, and then in the years of trials – during the Great Patriotic War. The role of the state in changing the attitude to labor is determined, which was reflected in its economic and social policy. The article shows the ways of solving a strategically important task – the formation and formation of the cult of labor, which gradually developed in the Soviet Union. The process of its formation, enrichment and transformation into an effective force for the construction and transformation of a new type of social structure – a socialist society is described and explained. Both positive and problematic situations in the attitude to labor of various social and class groups, as well as ways of resolving emerging contradictions are considered. Particular attention is paid to the analysis of new forms of labor organization in

accordance with the needs of each stage in the development of Soviet society, the forms and methods of motivating workers to productive work, the search for creative abilities and their implementation, as well as ways to overcome the contradictions that arise in the process of achieving the goal of creating an industrial power, which was created by 1941, when the Great Patriotic War began and it was necessary to restructure many aspects of the life of society and people, including in the labor sphere.

Keywords: USSR, Russia, labor, culture, economy, employment, working class, peasantry, intelligentsia

Acknowledgements: the work was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00093.

For citation: Toshchenko Z.T. Transformation of Ideas and Meaning of Labor: from the Cult of Labor to the Cult of Consumption (an Experience of Historical and Sociological Analysis). Part I. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):274–286. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_8_274_286 (In Russ.)

Введение

В первой части статьи рассматривается исторический аспект появления понятий «работа», «труд». Труд всегда выступал одной из важнейших характеристик общественного развития, начиная с древнейших времен. До сих пор актуально утверждение Ф. Энгельса (правда эта мысль высказывалась не только им одним), что труд является первым и необходимым условием всей жизни человека и что труд создал человека [1, с. 486]. В соответствии с этой установкой рассматривается процесс его реализации в социально-экономической политике Советского Союза с момента его появления на исторической арене до анализа роли труда в Великой Отечественной войне.

Вместе с тем, процесс осмысления значения и отношения к труду существенно изменялся как на различных этапах истории человечества, так в историческом развитии советской страны. Но тем не менее его сущностью было и остается, что труд – это целесообразная деятельность, направленная на создание материальных и духовных ценностей.

С этой целью теоретической и методологической основой историко-социологического исследования этого феномена стало использование таких индикаторов, как субъект труда, его содержание и характер, условия, средства и способы его воплощения в жизни, учёт влияния государственной политики на трудовую деятельность.

Краткий исторический экскурс

Такое понятие как труд возникло не сразу. Согласно установившемуся признанию на первых этапах развития в первобытном обществе все, что было связано с поддержанием жизни, начиная с собирательства, охоты, скотоводства, а затем земледелия, функции материального обеспечения жизни, стихийно распределялись между всеми членами рода (племени) согласно имеющимся у людей способностям и возможностей.

В появившемся классовом обществе основные трудовые повинности, особенно тяжёлые,

непривлекательные, стали нести рабы, хотя наряду с ними простую и необходимую работу в Древней Греции и Древнем Риме выполняли и свободные люди. И те и другие были включены во все виды производственной деятельности по изготовлению изделий общественного и личного предназначения, по переработке сельскохозяйственного сырья и других работ, обеспечивающих повседневную жизнь. Занятость именовались по той работе, которую выполняли: хлебопеки, мясники, гончары, кузнецы, ткачи, шерстобиты, сапожники, каменщики, земледельцы, торговцы и уборщики.

Во многих источниках подчёркивается низкая оценка этих форм занятости в Древней Греции, хотя и признают их необходимость. По мнению Ксенофонта (430–355 до н.э.), «так называемые ремёсла, связанные с физическим трудом, дискредитированы и, по логике, имеют очень дурную репутацию в наших городах, поскольку они вредят здоровью рабочих и чиновников, вынуждая их сидеть и проводить весь день в тени, а некоторых даже постоянно находиться у огня» [2].

Нечто подобное было и в Древнем Риме. Первоначально в Риме ремеслом занимались плебеи среднего достатка. С ростом рабовладения дешёвый рабский труд постепенно начал вытеснять труд свободного производителя. Рабам обычно поручалась самая тяжёлая работа. Хозяева нередко называли рабов «говорящими орудиями труда» (подробнее см. [3]).

Вместе с тем, отметим, что остальные виды занятости в Древней Греции и Древнем Риме – участие в управлении, воинская служба, художественное творчество именовались по-другому, назывались занятостью и относились к ним с признанием их важности и значимости.

Иначе говоря, принудительному труду подвергались в основном рабы. Отсюда понятно то, что он стал именоваться словом «работа», которая происходит от слова «раб». Работа как примитивный или несложный вид труда включала

в себя самые различные варианты деятельности, выполняемых не всегда по личному выбору или личной склонности, а чаще всего вынужденно, принудительно.

В Древней Руси основные производственные функции были также связаны с самыми необходимыми видами занятости, которые выполняли приписанные к княжескому и/или боярскому, позднее дворянскому владению обеспечивающие их жизнь люди: землепашцы, косари, сапожники (лапотники), кузнецы, бондари, шорники, валяльщики и другие. Широко было распространено самообеспечение, когда человек выполнял все необходимые для повседневной жизни функции, в которых сочетались самые разнообразные способности и умения [4].

Но постепенное развитие производства привело к тому, что труд и его навыки имели устойчивую тенденцию к своему усложнению и обогащению. Со временем выявилась потребность в той группе работников, численность которой увеличивалась в связи с появлением новых ремесел, которые сосредотачивались в городах и городских поселениях. Занятость во всё большей мере усложнялась, что постепенно привело к появлению и распространению слова «ремесленник». Этим термином стали обозначать лиц (мастеров, подмастерьев), которые обладали определёнными профессиональными навыками (ремеслом) и производили на продажу и/или на заказ изделия своей работы – конечные продукты труда, созданные кустарным способом с применением собственных средств производства. Постепенно они стали объединяться в гильдии, цеха – прообразы будущих капиталистических производств [5].

Собственно слово труд (англ. labour; нем. Arbeit) стал обозначать не просто работу, а такую целесообразную деятельность, которая отражала определённый уровень квалификации и подготовки в условиях крупного капиталистического производства, в процессе которого человек при помощи орудий и механизмов с применением специальных знаний воздействовал на природу и использовал её в целях создания предметов и товаров, необходимых для удовлетворения потребностей общества. Для обоснования принципиально иного подхода к трудовой деятельности английский экономист А. Смит (1723–1790) в своем основном труде «Богатство народов» раскритиковал меркантилизм и сформулировал концепцию производительного труда как источника богатства наций. Основным способом повысить производительность труда и, как следствие, увеличить богатство Смит считал разделение труда и специализацию при выпуске продукции, что

вело к дифференциации некогда единой работы и появлению частичного работника, обладающего навыками и умениями по одному или ограниченному видам деятельности (подробнее см. [6; 7]).

Иначе говоря, в условиях растущего капиталистического производства многие бывшие виды работ приобрели новый смысл, который отражал изменение роли и значения работника, объективную потребность признания дифференциации труда в связи со всё усложняющимися его функциями. Т. е., реальная жизнь потребовала специальных знаний, сложность которых по-разному проявлялась в стремительно увеличивающемся росте новых профессий, который приобрел огромные масштабы, начиная с первой промышленной революции (конец XVIII – середина XIX вв.).

Но эти изменения, хотя и кардинальные, не отменяли сути этих новых форм занятости и новых профессий – человек был подневолен, он продавал свою рабочую силу для сохранения и продолжения своей жизни и своей семьи. Этот в известной степени веками устоявшийся традиционный подход к труду как навязанной обязанности, поддерживался и религиозными догмами о труде как наказании божьем вплоть до XX века. Иначе говоря, по своей сущности труд (хотя и дифференцированный, усложнившийся) оставался работой в прежнем звучании как подневольный, вынужденный, хотя с изменившимися функциями.

Именно это состояние труда было использовано в социалистических учениях и прежде всего в марксизме, который исходил из того, что те, кто созидает богатство общества, должны управлять им, а не некие социально-экономические институты, которые находились в руках сравнительно незначительной части населения, но которые диктовали правила и нормы поведения большинству работающих людей. Образно говоря, прежние эксплуататорские группы в виде монархов различного рода и их приближенных и обслуживающих, воинской знати и других причастных к политической и экономической власти были замещены аналогичными структурами и лицами, которые стали именоваться по-другому, но наследовавшие и присвоившие функции жить за счёт работающего населения.

В течение XIX и начале XX века марксистская мысль готовила почву, постоянно обосновывая идею о том, что управление миром, государствами должны осуществлять те, кто непосредственно производит блага, а их деятельность должна стать первостепенной ценностью (подробнее см. [8]). Однако это положение марксизма, что власть должна принадлежать народу, тем, кто непосредственно

твенно работает, стало руководством к действию только после победы Октябрьской революции в России в 1917 г.

Становление культа труда в годы первых пятилеток

После прихода к власти большевики исходили из марксистского определения значения труда. «Труд – вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, напротив, является одинаково общим для всех её общественных форм» [9, с. 188].

Этот поворот в отношении труда миллионов был заложен сразу же в практических действиях с первых дней существования советской власти. Уже в 2 часа ночи 26 октября был принят *«Декрет о земле»*, который привлёк крестьянство на сторону Советской власти, так как она не смогла бы упрочиться без решения одного из коренных вопросов революции – вопроса о земле. При работе над *«Декретом о земле»* был использован эсеровский наказ о «социализации земли», составленный на основании 242 местных крестьянских наказов, и целиком включил его раздел «О земле». Наказ предусматривал осуществление основного требования – национализации (а не социализации как у эсеров) земли, что поручалось осуществить волостным и уездным Советам крестьянских депутатов, т. е. передачей всех властных полномочий тем, кто трудится на земле. Труд крестьянина провозглашался основополагающей ценностью и высшим благом для существования общества [10].

Что касается рабочих, то передача им функций руководства производством была зафиксирована в одном из первых декретов – «Вся власть Советам». Несколько позже в решении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, в Положении «О рабочем контроле» от 14 (27) ноября 1917 года был предложен механизм реализации этого лозунга — он легализовал создание фабричных и заводских комитетов. В нём провозглашалось: «В интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производительных товариществах и пр. предприятиях, имеющих наёмных рабочих или же дающих работу на дом, вводится рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия» [10].

Эти декреты освободили созидательные силы народа. Началась кропотливая, хотя и сопровождающаяся многими ошибками и просчётами от-

ладка механизма управления промышленным и сельскохозяйственным производством, в процессе которой постепенно начало формироваться новое, по сути, социалистическое, отношение к труду, внедрение в сознание людей возможности эффективного сочетания общественных и личных интересов. Эти ростки нового отношения к труду приобрели и объективную основу, так как стал реализовываться принцип «От каждого по его способностям, каждому – по его труду», сущность которого состоит в том, что каждый участник экономических отношений получает материальные блага в соответствии с его вкладом в совокупный общественный продукт. Эта фраза приписывается французскому социалисту Анри Сен-Симону и впервые была опубликована в книге С.-А. Базара «Изложение учения Сен-Симона» (1829-1830). Однако это выражение получило широкое распространение благодаря французскому анархисту и экономисту Пьеру-Жозефу Прудону, который широко использовал её в своих сочинениях. Этот принцип в полной мере стал воплощаться в жизнь после окончания гражданской войны в связи с переходом к мирному строительству, но особенно актуальным он стал после того, когда к 1930 г. была ликвидирована безработица.

С началом осуществления политики индустриализации, первого пятилетнего плана были внесены кардинальные изменения по отношению к труду – он приобрел огромное идейно-нравственное значение, когда *труд был определён как «дело чести, славы, доблести и героизма»*. Этот лозунг прозвучал в политическом отчёте Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 года [11] и стал на долгие годы не только официальным определением, но и мощным идеологическим средством по формированию сознательного и ответственного отношения к труду.

Труд тех, кто создавал общественные ценности для существования страны, становился первоочередным измерением их места и роли в решении экономических, социальных и культурных задач. Власть была нацелена на постепенное внедрение в сознание рабочих и крестьян чувства хозяина, ответственного за состояние дел там, где они работают и живут.

Говоря об этом феномене, особо подчеркнём, что это отношение к труду постепенно становилось ЛИЧНЫМ достоянием сознания и поведения многих работников производства. Он олицетворял, с одной стороны, тот факт, что такая оценка труда базировалась на исторических традициях, корни которых опирались на народное признание важности трудовой деятельности человека и характеристики качества его всей жизни, окон-

чительно хороня прежнее отношение к труду как навязанному извне или как к наказанию божьему.

С другой стороны, эта официальная позиция по отношению к труду находила доброжелательный отклик среди миллионов строителей новых городов, предприятий, которые прибывали из сельской местности, осваивали новые профессии, стремились к более квалифицированной работе, и соответственно, к более высокому уровню жизни, возможности получить образование и приобщиться к культурным ценностям.

Для формирования и воспитания новых качеств трудового поведения использовалось несколько средств. Наряду с требованиями об обязательном выполнении производственных заданий начали активно пропагандироваться и поддерживаться различные *формы самоорганизации* по выполнению и перевыполнению планов и достижению высоких трудовых показателей. Многие работники искренне желали, одобряли и усваивали новые нормы по отношению к труду, что ярко проявилось в таком явлении как *ударничество*, которое олицетворяли работники, демонстрирующие повышенную производительность труда, труд с полным напряжением интеллектуальных и физических сил, ориентированных на превышение установленных норм и сроков, снижением себестоимости продукции, соблюдением высоких (ударных) темпов в труде. Эти трудовые усилия и достижения поощрялись, хотя виды стимулирования труда (если исходить из нынешних мерок) были примитивными, но действенными: в условиях дефицита товаров ударники и передовики награждались ботинками, отрезами на платье и другими нужными в повседневной жизни и домашнем хозяйстве вещами (отметим, что эти способы были более эффективными в тех условиях, чем многие средства поощрения в современной экономике).

Ударничество в годы первых пятилеток стало представлять собой одну из форм социалистического соревнования и приобрело широкое распространение, охватив миллионы работников. Первоначально это достигалось путём интенсификации труда, внедрения простейших элементов научной организации труда. Ударники были застрельщиками коренных изменений в организации труда, что привело к невиданным и неизвестным историей темпам развития народного хозяйства – за все три довоенные пятилетки было введено в строй около 3 тыс. предприятий, т. е. в среднем по одному предприятию в день. Именно в эти годы была создана индустриальная база для выхода СССР на ведущее место в мировом промышленном производстве. Именно в эти годы было освоено массовое производство продукции

и изделий, которые Россия никогда ранее не производила: самолеты, паровозы, автомобили, трактора, комбайны, турбины, дизели, станки и др., не говоря об исходной базе – высококачественных чугунах и сталях, синтетическом каучуке, шарикоподшипниках и пр.

В 1930-е годы в процессе реализации первых пятилеток были построены такие промышленные объекты, как тракторные заводы в Челябинске, Сталинграде и Харькове, автомобильный завод в Москве (ЗИС) и Нижнем Новгороде, «Уралмашзавод», «Уралэлектротяжмаш», ДнепроГЭС, инструментальный и шарикоподшипниковый заводы – в Свердловске; «Уралвагонзавод» и Нижнетагильский металлургический комбинат; Кузнецкий металлургический комбинат, железная дорога Турксиб и др. (подробнее см. [12]).

Вместе с тем политика по изменению отношения к труду и воспитанию качеств сознательного работника не была однозначной и прямолинейной, так как люди, реализующие *производственные* задания, придерживались и исповедовали различные жизненные установки. В этой связи интересны заметки И. Эренбурга о реальных тружениках, которые строили в Заполярье первую в мире электростанцию за полярным кругом Нивскую ГЭС-2 (в 1934 г. 30 июня она дала ток). Он отмечал, что работали люди с самыми разными намерениями, но объединённые одной целью, в которую они верили. «Их называли “ударниками”». Одни из них надрывались, чтобы получить леденцы к чаю или отрез на штаны. Других подгоняло честолюбие: они не хотели остаться позади. Третьи работали так, как обычно играют в железку: это был свой, строительный азарт. Четвёртые мечтали выйти в люди: стать обер-мастером, попасть на курсы в Свердловск, променять кирку или кувалду на портфель красного директора. Пятые боготворили завод. Машины для них были живыми. Они звали домну “Домной Ивановной”. Они звали мартеновскую печь “дядей Мартыном”. Шестые верили, что стоит достроить этот завод, как людям сразу станет легче: будут рельсы, а по рельсам понесутся сахар, чай, сукно и сапоги. Ударников было много – чистых и нечистых. Но все они работали скорее, нежели могли. Они работали скорее, нежели могут работать люди. Так, на кладке огнеупорного кирпича французские специалисты говорили: “Человек может положить в день полтонны”. Каменщик Щеголев выслушал переводчицу и ничего не сказал. Его бригада вышла на работу в шесть утра. Щеголевы работали до ночи. Они не курили, чтобы не потерять ни минуты. Когда они сдали работу, на человека вышло по полторы тонны» [13].

Вместе с тем роман Эренбурга был обнаженно правдив. Отдавая дань официальной концепции ударного труда, он писал: «У людей были воля и отчаянье – они выдержали. Звери отступили. Лошади тяжело дышали, забираясь в прожорливую глину; они потели злым потом и падали. Десятник Скворцов привёз сюда легавого кобеля. Кобель тщетно нюхал землю. По ночам кобель выл от голода и от тоски... Люди не просыпались: они спали сном праведника и камней. Кобель скоро сдох. Крысы попытались пристроиться, но и крысы не выдержали суровой жизни. Только насекомые не изменили человеку. Они шли с ним и в тайгу. Густыми ордами двигались вши, бодро неслись блохи, ползли деловитые клопы. Таракан, догадавшись, что не найти ему здесь иного прокорма, начал кусать человека. В бараке № 28, как и в других бараках, люди выкидывали из тюфяков сено и забирались в полосатые мешки. Начесанные бока горели. Но люди не звери: они умели жить молча. Днём они рыли землю или клали кирпичи. Ночью они спали». И вот вывод писателя: «Несмотря на непомерные трудности, люди массово проявили качества труженика, терпеливого строителя в годы первых пятилеток, когда неимоверными усилиями были построены сотни и тысячи предприятий, ставших основой индустриальной мощи страны и создавших базу для сопротивления немецкому фашизму» [13].

Что касается работников сельского хозяйства, то до начала 1930-х годов в стране существовала огромная, в том числе скрытая, безработица, что явилось основой для осуществления стремительной промышленной революции (индустриализации). По убеждению некоторых исследователей, «перемены в крестьянской жизни начались, как правило, с 1929 г. (у некоторых раньше), которые «стали переломными в динамике сельского населения» [14].

На наш взгляд, формирование принципиально нового отношения к труду, поощряемого официальной политикой, вело к тому, что для большого количества работников, особенно молодежи, включение в трудовой процесс становилось не только стремлением обеспечить приемлемый уровень жизни, но и предметом гордости, осознания значимости своего Я, личностной убежденности в ценности своего труда.

Формирование отношения к труду как делу чести, доблести и героизма продолжилось на новом этапе, который нередко называют *стахановским*. Этому способствовал и поворот в официальной политике: первоначальный ключевой лозунг первых пятилеток «техника решает всё» начал сменяться на «кадры решают всё».

Его суть заключалась в том, что каждая отрасль народного хозяйства должна иметь свои ориентиры по росту производительности труда не только за счёт совершенствования организации труда, изменения технологии и применения новой техники, но и кардинального изменения отношения людей к процессу и результатам своего труда.

Напомню, как возникло это движение. В 1935 г. забойщик шахты «Центральная-Ирмино» (Донбасс) А.Г. Стаханов в ночь с 30 на 31 августа за смену (5 ч. 45 мин.) добыл 102 тонны угля при норме в 7 тонн, а впоследствии, 19 сентября – 227 тонн. Этот почин по значительному превышению норм выработки стал распространяться и пропагандироваться в других отраслях экономики. Люди были впечатлены такими достижениями и многие были настроены на такие же рекорды на своём рабочем месте, искренне желая и стремясь продемонстрировать свои личные профессиональные способности. Именно в эти годы произошло появление высоких достижений в каждой отрасли народного хозяйства. Так, Н.И. Сметанин достиг высоких показателей эффективности труда в обувной промышленности, машинист П.Ф. Кривонос – на железнодорожном транспорте, кузнец А.Х. Бусыгин – в машиностроении, трактористка П.Н. Ангелина – в сельском хозяйстве. В текстильной промышленности отличились ткачихи Е.В. и М.И. Виноградовы, одну из которых – Евдокию – в заграничной прессе и советской пропаганде называли «первой работницей Советской страны» и даже «Miss U.S.S.R.» (подробнее см. [15]).

Основными критериями популярности и включённости в стахановское движение служили не только воля и стремление тружеников производства к новым свершениям, но и изменения в организации труда, новое оборудование, но и политика поощрения. Государство всемерно стимулировало эти достижения. Этот почин был официально одобрен, получил мощную пропагандистскую поддержку. Стахановцы награждались денежными премиями, транспортными средствами, памятными поездками. В целом авторитет стахановцев был высок, хотя на ряде производств рабочие выражали недовольство по отношению к конкретным коллегам, потому что после их достижений шёл пересмотр норм выработки и, соответственно, увеличение интенсивности работы.

Нужно отметить и то, что руководители в своём большинстве на всех уровнях – от высших органов власти до низовой производственной ячейки – были ориентированы на поддержку такого рода инициатив, что служило дополнитель-

ным стимулом для активного участия в преобразовании и совершенствовании тех производственных процессов, в которые работники были вовлечены. *Успех и популярность стахановского движения во многом объясняется тем, что его рождение и распространение опирались на высокий народный авторитет роли и значения труда в жизни человека.*

Для стимулирования успешного и производительного труда осуществлялась политика предоставления *социальных благ* как в виде вознаграждения за трудовые достижения в зависимости от результатов работы, так и через общественные фонды потребления с учётом степени нужды отдельных групп населения. Что касается оплаты труда, то в 1940 г., согласно официальной статистике, «зарплата в доходах рабочих семей в среднем составляла 71,3%, а выплаты и льготы из общественных фондов потребления – 14,5%. Доля последних имела тенденцию к возрастанию»¹. Из этих фондов покрывались расходы на образование, здравоохранение, выплату пенсий, стипендий и пособий, иные социальные цели. Средства на пополнение фондов распределялись централизованно из бюджета государства, в который предприятия отчисляли всю прибыль. В результате большинство населения наглядно убеждалось, что труд и его достижения поддерживались, вознаграждались и всемерно поощрялись, что сопровождалось ростом их авторитета, признательности, официальной и общественной благодарности.

Причём различия в жизненных условиях рабочих, колхозников, интеллигенции, руководителей разного уровня были относительно невелики, хотя для некоторых категорий работников устанавливались привилегии.

В повышении значимости и исключительной ценности трудовых достижений, в росте производительности труда огромную, можно сказать, пионерную роль сыграло использование такой формы поощрения, как государственные награды. Так, Постановлением ЦИК СССР от 25 ноября 1935 г. был учрежден орден «Знак Почета» для награждения за высокие достижения в производстве, научно-исследовательской, государственной, социально-культурной, спортивной и иной общественно полезной деятельности, а также за проявления гражданской доблести. Им массово награждались за ударничество и стахановское новаторство.

Затем последовали и другие государственные поощрения за трудовые успехи: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1938 г.

было учреждено звание «Героя Социалистического Труда». В этом же году была введена медаль «За трудовое отличие», которая присуждалась людям, отличившимся упорным трудом и высокими показателями в работе.

Можно, на наш взгляд, утверждать, что именно в 1930-е годы сложилась иерархия в награждении и поощрении отличившихся в труде. Сначала заслуги передовиков отмечались на уровне коллектива, бригады, завода. Затем после получения благодарностей и грамот на своем производстве эти люди, становясь известными, последовательно отмечались на уровне района, области и республики, а затем награждались на уровне всей страны.

Эта политика поощрений имела большой эффект, хотя она сопровождалась различными поисками и вариациями, не всегда эффективными. Трудовые усилия вознаграждались не только оплатой труда, овладением профессией, поощрением рационализаторских предложений, но и созданием атмосферы величия и общественной значимости личного труда для всего общества (подробнее см. [16]).

Что касается крестьян, оставшихся на земле, то они переживали большие жизненные коллизии. Переход от единоличного хозяйства и простых форм кооперации вроде товарищества по совместной обработке земли к такой форме организации труда, как колхозы, предполагающей коллективную форму собственности на землю, на крупный рогатый скот и лошадей, на инвентарь, вызвал на первых порах неоднозначное отношение. Именно форсированный, командный, а не постепенный, убеждающий стиль привёл в начале коллективизации к обострению вплоть до восстаний. Эта ситуация заставила Сталина написать статью «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения» (газета «Правда» от 2 марта 1930 года), смягчившая политику проведения коллективизации сельского хозяйства при исполнении постановления ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 года, в котором содержалась программа форсированной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. В статье предлагалось устранить «перегибы на местах», которые объявлялись плодом самостоятельности излишне ретивых исполнителей, трактовавших таким образом «генеральную линию партии» на сплошную коллективизацию.

Серьёзным испытанием для крестьянства стал голод 1932–1933 годов, унесший миллионы жизней. Этот голод стал результатом сочетания нескольких факторов, среди которых главными были неурожай и политика хлебозаготовок.

¹ Отечественный опыт управления социальными процессами на уровне организаций // StudFiles: [сайт]. URL: studfile.net/preview/8968786/page:4/ (дата обращения: 05.03.2025).

В целом коллективизация была серьёзным испытанием общественного договора между советской властью и крестьянством, в котором появились значительные трещины – выросло число сомневающихся и даже отвергающих эти преобразования. Перед советской властью остро встал вопрос о поисках согласия в этих чрезвычайных обстоятельствах, тем более что они были усугублены огромными издержками и просчётами в работе с крестьянским населением.

Но несмотря на эти ошибки и искажения, в колхозах и совхозах постепенно налаживались новые формы организации труда, появлялись машины (тракторы, комбайны, сеялки и др.), которые позволили поднять производительность труда, повысить урожайность. Создание условий для культурного развития на селе – массовое строительство школ, библиотек, клубов – коренным образом меняло образ жизни сельских жителей. Можно сказать, что *наиболее успешные хозяйства обращались к опыту артельного ведения хозяйства*, которое показало свою эффективность на предшествующих этапах развития России.

Но главное – рождался новый тип трудовых отношений, который, несмотря ни на какие изъяны, привёл крестьян к убеждению к приемлемости этого вида производственных отношений. Этому в немалой степени способствовало то, что ещё были живы традиции общинности, а также имелся положительный опыт различных форм кооперации, апробированных в 1920-е годы, после получения крестьянами земли в личную собственность. В результате многие колхозы стали олицетворять особую форму артельного труда и жизнеустройства (этот термин – артель – вошёл и в официальную лексику).

Конечно, процесс преобразования деревни сопровождался существенными сдвигами в общественном сознании, в образе жизни. Мировоззрение миллионов крестьян, которые были вовлечены в эти преобразования, перестраивалось под влиянием объективно изменившихся обстоятельств. В силу непритязательности запросов в прежней сельской жизни вновь испеченные работники колхозов и совхозов терпеливо переносили ограничения в обеспечении самыми необходимыми товарами повседневного спроса, хотя в то же время происходил хотя и медленный процесс постепенного улучшения их жизни, включающий отмену продовольственных карточек, развертывание организаций сферы услуг, удовлетворяющих бытовые потребности людей.

Масштабные темпы экономических преобразований, зримые успехи по совершенствованию деятельности многих колхозов и совхозов

при всех скудных гарантиях повседневной жизни вызывали не просто одобрение и поддержку. Небывалый психологический перелом у бывших молодых крестьян, ставших рабочими, вызывала невиданная ранее техника, возможность строительства нового образа жизни, уверенность в достижении своих надежд и понимание перспектив профессионального и социального роста.

Что касается изменения мировоззрения нового поколения бывших крестьян, ставших рабочими, то оно происходило интенсивно и не только в трудовой жизни, но и по отношению к учёбе, профессиональному росту, новым принципам построения быта. Типичной была такая ситуация: бывший крестьянин с сельской глубинки постепенно превращался в городского жителя, приобретал профессию и/или квалификацию, становился специалистом в той или иной отрасли производства. Некоторая часть из них совмещала работу на заводе с заочной/вечерней учёбой в техникуме или вузе. Нередко бывали и такие ситуации, когда сын раскулаченного становился партийным функционером, сын священника после окончания университета – научным работником, преподавателем. Немало выходцев из крестьянских семей шли в военные училища и становились офицерами.

Всё это позволяет сделать вывод, что *в процессе реализации политики индустриализации и коллективизации возник новый вариант согласия между «властью» и «народной массой», ковалась убеждённость в справедливости социалистических идей, готовность положительно оценивать происходящие перемены*. При этом существовала тесная взаимосвязь между обязанностью и даже принудительностью и добровольностью в процессе изменения человека и общества. И это служило основой того, что большинство могло с убеждённостью сказать: я не попутчик, я не представитель эксплуататорских классов, я не бывший единоличник – я советский человек. Всё это послужило основой, чтобы в середине 1930-х годов отказались от такого деления социальной структуры советского общества как существование представителей эксплуататорских классов, ранее пораженных и ограниченных в правах, среди которых было немало представителей научного мира и художественной интеллигенции (см. например, [17]). Их уравнивали в правах со всеми группами советского общества, что нашло законодательное закрепление в Конституции СССР 1936 г.

Таким образом, такая черта, как *признание величия труда*, активно пестовалась государством и поддерживалась самими людьми, которые руко-

водствовались как материальными соображениями, так и альтруистическими и/или идейными целями. Их намерения были нацелены на достижение достойной жизни, что совпадало и с личными, и с общественными интересами.

Конечно, было немало и других мотивов, когда даже не примирившиеся с советской властью всё же подчинялись трудовому ритму и выполняли свои производственные обязанности.

Таким образом, именно в годы первых пятилеток произошли коренные изменения в сознании большинства рабочих и крестьян, хотя в их понимании нередко соседствовали различные противоречивые и даже конфликтные ориентации – от осознанного приятия предлагаемого образа жизни до пассивного, а иногда активного сопротивления. Об этом, в частности, говорит существование малой, но устойчивой группы единомышленников.

Всё это позволяет сделать вывод, что произошло расширение полей жизненного выбора, в котором труд становился первостепенной как общественной, так и личной ценностью.

В целом же *в реальной жизни большинством была признана установка: от каждого по способностям, каждому – по труду*. Именно реализация этой установки обеспечила и гарантировала баланс интересов государства и его двух основных классов – рабочих и крестьян, что привело к основательному укреплению общественного договора и таких его компонентов, как согласие, доверие и поддержка, а также солидарность с официальной политикой советской власти.

Отметим и такой немаловажный факт. Установка и ориентация на ударный труд стали делом не только производственных предприятий. Его влияние стало распространяться и на смежные стороны жизни людей и проявило себя, например, при сооружении архитектурных объектов («Дом со шпилем» в Комсомольске-на-Амуре; здание Дворца культуры профсоюзов в Сталинграде). Он нашел воплощение и в государственных наградах (медали «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие»). Он использовался в массовой пропаганде при оформлении демонстраций, в художественном оформлении производственных и общественных мест, размещался на открытках, спичках, многих домашних изделиях. В изменённом виде лозунг присутствует в тексте «Марша энтузиастов» из кинофильма «Светлый путь» (музыка – И. Дунаевский, стихи – А. Д'Актиль): «Нам ли стоять на месте? / В своих дерзаниях всегда мы правы / Труд наш есть дело чести / Есть дело доблести и подвиг славы».

Отметим ещё одну особенность этого периода с точки зрения отношения к труду – ни одна профессия, ни один из многочисленных видов труда не противопоставлялись другим: все они оценивались как одинаково важные, необходимые и значимые. Они всемерно поддерживались как в материальном отношении, так и с точки зрения возвеличивания самого факта участия в социалистическом строительстве. А имеющиеся преимущества у некоторых видов выполняемой трудовой деятельности воспринимались в обществе с пониманием и не вызвали отторжения, а тем более чувства несправедливости.

Смысл труда в годы Великой Отечественной войны

Сформированное в годы первых пятилеток новое отношение к труду сыграло огромную роль в период Великой Отечественной войны, когда вся страна превратилась в военный лагерь и начала жить по законам военного времени.

Быстрое продвижение фашистских войск и захват экономически развитых западных регионов подрывало способность страны к успешной обороне от агрессии. Гитлеровской Германией было оккупировано 8,7% территории СССР, на которой проживало 44,5% населения Советского Союза и находилось 47% всех посевных площадей ([18, с. 36, 78]). На оккупированной территории располагалась 32000 предприятий (33% промышленного производства Советского Союза). До войны здесь добывалось 60% угля, выплавлялось 60% стали и алюминия [19, с. 55]. Поэтому, на начальном этапе войны необходимо было обеспечить эвакуацию населения и промышленных предприятий. Поэтому, уже 24 июня, через два дня после начала войны был организован Совет по эвакуации при СНК СССР (Государственный комитет обороны был образован 30 июня), который несмотря на неразбериху первых дней войны, достаточно успешно организовал и эвакуировал в восточные регионы страны большое количество предприятий и людей. За июль–ноябрь 1941 г. на восток страны было перебазировано 2593 промышленных предприятия, в том числе 1523 крупных, из них в районы Урала – 667, Поволжья – 226, Западной Сибири – 244, Восточной Сибири – 78, Казахстана и Средней Азии – 308. В трудных условиях проходила эвакуация населения, особенно из крупных городов. Из Москвы было вывезено 2 млн, из Ленинграда – 1,7 млн, из Киева – 350 тыс. жителей. В целом, с июня 1941 г. по февраль 1942 г. эвакуировано около 10,4 млн человек. Вторая волна эвакуации последовала летом

1942 г., в этот период было перевезено 150 крупных предприятий и эвакуировано около 8 млн человек [18, с. 256–257].

Самоотверженный труд, проявленный советскими людьми, привел к тому, что уже в первой половине 1942 г. большинство эвакуированных заводов и фабрик было введено в строй. Так, в 1942 г. валовая продукция всей промышленности на Урале по сравнению с 1940 г. увеличилась в 2,8 раза, а выпуск военной продукции – более чем в 5 раз. Резко возрос военно-экономический потенциал и других восточных районов. Так, в Западной Сибири валовая продукция промышленности возросла в 2,4 раза, военное производство – в 27 раз, в Поволжье – соответственно, в 2,5 раза и в 9 раз. Созданная за Уралом военная промышленность дала возможность обеспечить армию необходимым количеством оружия и военной техники уже с конца 1942 г. [18, с. 261].

Благодаря перестройке промышленности было многократно увеличено производство военной техники. В 1942 г. Советский Союз переиграл Германию по выпуску танков (в СССР их было произведено 24,4 тыс. в Германии – 9 тыс.), самолетов (в СССР – 21,7 тыс. в Германии – 15 тыс.) и такие вооружения как орудия всех видов и калибров, пулеметы различных модификаций [19, с. 56–57].

В результате мобилизации в Красную Армию и оккупации ряда районов страны среднегодовая численность рабочих и служащих в экономике сократилась в 1942 г. по сравнению с 1940 г. на 15,5 млн человек, или на 45,7% [18, с. 157]. Появилась большая нехватка рабочей силы. Для решения этой проблемы уже 30 июня 1941 г. был создан Комитет по распределению рабочей силы целью которого являлось «укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий...» [21, с. 77]. В феврале 1942 г. при областных и городских комитетах депутатов трудящихся были учреждены Бюро по учёту и распределению рабочей силы. В их обязанность входила организация учёта неработающего населения, мобилизация трудоспособных, отраслевое и территориальное перераспределение рабочей силы в пользу оборонного комплекса. Комитет справился с поставленными перед ним задачами за счёт привлечения к труду практически всех слоев населения. Ушедших на фронт мужчин заменили пенсионеры, женщины и подростки. На авиационных заводах в сентябре 1942 г. женщины составили 36% общей численности рабочих, а в декабре – 40,5%, на предприятиях электроэнергетики в конце 1942 г. – 59%. Значительно возросла доля женщин в сельском хозяйстве: так, доля

женщин-трактористок и комбайнеров в 1943 г. по сравнению с 1940 г. возросла с 8% до 54% [18, с. 160].

Подростков привлекали к работе с четырнадцати лет, но использовались дети и более младших возрастов, часть из них проходила подготовку в школах ФЗО. Среди рабочих и служащих промышленности лица моложе 18 лет составляли в 1939 г. 6%, а в 1942 г. уже 15%. На промышленные предприятия мобилизовали колхозников. В 1942 г. сельские жители среди мобилизованных на постоянную работу в город составили 22,9% [18, с. 161]. Вспомнили опыт Гражданской войны – воссоздали трудовые армии, а также ввели трудовую мобилизацию. Практически все слои населения, в моменты близости боевых сражений помимо основной работы копали траншеи, помогали ПВО, строили защитные сооружения. Прибегали к труду заключенных. Власть мобилизовало на работу всех, кто мог работать.

Вся страна превратилась в военный лагерь и начала жить «по законам военного времени». Были приняты указы о военном положении, трудовой мобилизации, об увеличении рабочего дня и отмены отпусков, об усилении контроля за трудовой дисциплиной. С самого начала войны рабочий день был продлён до 10, даже до 12 часов. Такого понятия, как отпуск или выходной, не существовало. И даже несмотря на такие нормы в стране получили развитие *новые формы общественно-трудовой активности*. В их числе: стахановская фронтовая вахта, движение женщин-производительниц за переход на «мужские» профессии. Родились и такие эффективные формы соревнования, как фронтовое комсомольско-молодежное движение, совмещение профессий, овладение новыми профессиями, соревнования кадровых рабочих в обучении новичков. Развернулось движение «двухсотников» и «трёхсотников», выполнявших по 2–3 нормы. Именно сверхнапряжение народа, по признанию английского экономиста М. Харрисона, сотворило в тылу «производственное чудо военного времени» [22].

Особо следует сказать о том, что оккупация европейской части страны, где находилось около половины всех посевных площадей, существенно снизил уровень обеспечения продовольствием армии и тыла. Так, производство зерна к 1942 г. упало более чем в три раза и до конца войны было в два раза меньше довоенного уровня

Вследствие этого рацион питания был существенно ограничен. Была введена карточная система, а также определены нормы выдачи продовольствия в зависимости от, во-первых, потери калорий во время трудовой деятельности, а во-вторых, от

востребованности тех или иных профессий работников для народного хозяйства. Но даже эти минимальные нормы зачастую не соблюдались или одни продукты заменялись на другие. Поэтому государство, чтобы обеспечить питание граждан, разрешило заводить личное подсобное хозяйство и продавать излишки продукции, а также иметь подсобные хозяйства предприятиям (ОРСы – отделы рабочего снабжения). Но все равно, несмотря на эти меры, голод и недостаток питания оставались острыми проблемами советского тыла.

Советские люди вносили свой вклад в победу не только трудом, но и «рублем». В годы ВОВ доходы государства, формируемые за счёт граждан, выросли в 2,5 раза. Наряду с введением военных налогов, использованием государственных займов и денежно-вещевых лотерей в фонд «Фонд Красной Армии и «Фонд восстановления хозяйства в освобожденных от оккупантов районах» вносились личные пожертвования. Они поступали в различных видах – наличными деньгами, драгоценностями, облигациями госзаимов, сельскохозяйственными продуктами, отчислениями от заработной платы и др. В этом патриотическом движении участвовали все слои населения. Всего в виде добровольных взносов поступило за годы войны 94,5 млрд руб., 140,7 кг золота, 13 кг платины, 9,5 кг серебра, а также значительное количество драгоценных изделий, облигаций и иностранной валюты [20, с. 16].

Всё это позволяет сделать вывод, что сформированное в годы первых пятилеток отноше-

ние к труду как общественно и в то же время лично значимому в полной мере проявило себя, когда на первый план вышли задачи победы над таким опасным врагом как германский фашизм. Были использованы и даже приумножены усилия не только взрослого населения, но и молодёжи и подростков. Труженики тыла, в большинстве своем состоящих из людей старшего возраста, женщин и подростков, сумели в кратчайшие сроки, невзирая на голод, болезни, бытовые условия перестроить экономику и своим самоотверженным трудом способствовать победе. Этот подвиг не остался незамеченным. За годы войны звания «Герой социалистического труда» были удостоены 199 труженика тыла, 204 тыс. рабочих, колхозников и интеллигенции были награждены орденами и медалями [19, с. 57]. После войны была учреждена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», которой были награждены 16 млн 96 тыс. 750 человек [18, с. 295]. Этим была признательность государства за те невероятные усилия советских людей, которые они проявили в эти годы.

Во второй части статьи будет проанализировано отношение к труду в Советском Союзе во второй половине XX века и в условиях новой России в XXI веке. Основное внимание будет уделено изменению социальных характеристик труда и постепенной заменой культа труда культом потребления, что стало очевидным при переходе России к рыночной экономике. *(Продолжение следует)*

Список литературы

1. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Том 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 486–499.
2. Ксенофонт. Анабасис / пер. М.И. Максимовой; отв. ред. И.И. Толстой. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 299 с.
3. Муравьева Л.А. Финансово-экономическое развитие Древнего Рима // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 17(263). С. 55–64. EDN PZSQUF
4. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 792 с.
5. Гаврилов Д.Е., Мокроносов А.Г. Развитие ремесленной деятельности как социально-экономического явления. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2014. 139 с. ISBN 978-5-8050-0541-2
6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
7. Аникин А.В. Адам Смит. М.: Молодая гвардия, 1968. 256 с.
8. Чангли И.И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. М.: Наука, 1973. 588 с.
9. Маркс К. Капитал. Том 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 23. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. С. 5–784.
10. Декреты Советской власти. Том 1. М.: Госполитиздат, 1957. 640 с.
11. Сталин И.В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б), 27 июня 1930 г. // И.В. Сталин. Сочинения. Том 12. М.: Госполитиздат, 1949. 304 с.
12. Тощенко Ж.Т. Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография]. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 844 с. ISBN 978-5-00258-037-8 <https://www.doi.org/10.19181/monogr.978-5-00258-037-8.2024> EDN LXNHUK
13. Эренбург И. День второй. М.: Художественная литература, 1964. 511 с.
14. Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991. 132 с.

15. Россия в XX веке: Люди, идеи, власть / отв. ред. А.К. Соколов, В.М. Козьменко. М.: РОССПЭН, 2002. 240 с. ISBN 5-8243-0295-2
16. Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обозрение. 2000. Выпуск 4. С. 39–80. EDN QXCTQO
17. Воробьева И.В. Ученые как субъект «общественного договора» в предвоенный период // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2024. № 3. С. 12–23. <https://www.doi.org/10.28995/2073-6401-2024-3-12-23> EDN AZHPFD
18. Великая Отечественная война, 1941–1945: энциклопедия / гл. ред. М.М. Козлов. М.: Советская энциклопедия, 1985. 832 с.
19. Черненко Е.Ф. Экономическая политика СССР в годы второй мировой войны: внутренние и внешние аспекты // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. 2005. № 1. С. 54–64. EDN MBHOYL
20. Маркова А.Н. Экономические факторы победы // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 7. С. 12–21. EDN NBJCLN
21. Гончаров Г.А. Трудовая политика советского государства в годы Великой Отечественной войны // Вестник ЧелГУ. 2001. № 1(12). С. 77–83. EDN WHQPGX
22. Harrison M. Industry and Economy // The Soviet Union at War, 1941–1945 / ed. D. Stone. England: Pen and Sword Books, 2010. P. 89–112. ISBN 978-1-84884-463-3

Информация об авторе:

Жан Терентьевич Тощенко – член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет; главный научный сотрудник, Институт социологии – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
(spin-код: 7025-0028) (РИНЦ AuthorID: 1382) (Researcher ID: R-4569-2016) (Scopus Author ID: 6507646287)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 22.03.2025; одобрена после рецензирования 06.05.2025; принята к публикации 05.06.2025.

References

1. Engels F. The Role of Labor in the Process of Transforming the Ape into Man. In: Marx K., Engels F. Collected Works. 2nd ed. Vol. 20. Moscow: Gospolitizdat; 1961. P. 486–499. (In Russ.)
2. Xenophon. Anabasis. Trans. by M.I. Maksimova. Ed. by I.I. Tolstoy. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1951. 299 p. (In Russ.)
3. Muravyeva L.A. Finansovo-Ekonomicheskoe Razvitie Drevnego Rima // *Mezhdunarodnyj bukhgalterskij uchet=International Accounting*. 2013;(17(263)):55–64. (In Russ.)
4. Rybakov B.A. Remeslo Drevnei Rusi. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1948. 792 p. (In Russ.)
5. Gavrilov D.E., Mokronosov A.G. Razvitie Remeslennoi Deyatel'nosti kak Sotsial'no-Ekonomicheskogo Yavleniya. Yekaterinburg: Russian State University of Professional Pedagogy; 2014. 139 p. ISBN 978-5-8050-0541-2 (In Russ.)
6. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Moscow: Publishing House Eksmo; 2007. 960 p. (In Russ.)
7. Anikin A.V. *Adam Smith*. Moscow: Publishing House Molodaya Gvardiya; 1968. 256 p. (In Russ.)
8. Changli I.I. Trud. Sotsiologicheskie Aspekty Teorii i Metodologii Issledovaniya. Moscow: Publishing House Nauka; 1973. 588 p. (In Russ.)
9. Marx K. Capital. Vol. 1. In: Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 23. 2nd ed. Moscow: Publishing House Gospolitizdat; 1960. P. 5–784. (In Russ.)
10. Dekrety Sovetskoi Vlasti. Vol. 1. Moscow: Publishing House Gospolitizdat; 1957. 640 p. (In Russ.)
11. Stalin I.V. Politicheskii Otchet Tsentral'nogo Komiteta XVI s'ezdu VKP(b), 27 iyunya 1930 g. In: I.V. Stalin. Collected Works. Vol. 12. Moscow: Publishing House Gospolitizdat; 1949. 304 p. (In Russ.)
12. Toshenko Z.T. Sud'by Obshchestvennogo Dogovora v Rossii: Ehvolutsiya Idei i Uroki Realizatsii. Monograph. Moscow: FC-TAS RAS; 2025. 844 p. ISBN 978-5-00258-037-8 <https://www.doi.org/10.19181/monogr.978-5-00258-037-8.2024> (In Russ.)
13. Erenburg I. *The Second Day*. Moscow: Publishing House Khudozhestvennaya Literatura; 1964. 511 p. (In Russ.)
14. Zayonchkovskaya Z.A. Demograficheskaya Situatsiya i Rasselenie. Moscow: Publishing House Nauka; 1991. 132 p. (In Russ.)
15. Sokolov A.K., Koz'menko V.M. (ex. eds.) Rossiya v XX Veke: Lyudi, Idei, Vlast'. Moscow: Publishing House ROSSPEN; 2002. 240 p. ISBN 5-8243-0295-2 (In Russ.)
16. Sokolov A.K. Sovetskaya Politika v Oblasti Motivatsii i Stimulirovaniya Truda (1917 – mid-1930s). *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie=Economic History. Review*. 2000;4:39–80. (In Russ.)
17. Vorobyova I.V. Scientists as a Subjects of the «Social Contract» in the Pre-War Period // *Vestnik RGGU. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Iskustvovedenie=Bulletin of RGGU. Series: Philosophy. Sociology. Arts Studies*. 2024;(3):12–23. <https://www.doi.org/10.28995/2073-6401-2024-3-12-23>. (In Russ.)
18. Kozlov M.M. (chief ed.) Velikaya Otechestvennaya Voina, 1941–1945. Encyclopedia. Moscow: Publishing House Soviet Encyclopedia; 1985. 832 p. (In Russ.)

19. Tchernenko E.F. Economic Policy of the USSR During the Great Patriotic War Period. Domestic and International Aspects. *Vestnik RUDN. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya=RUDN Bulletin. Series: International Relations*. 2005;(1):54-64. (In Russ.)
20. Markova A.N. Economic Factors of Victory // *Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii=Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010;(7):12-21. (In Russ.)
21. Goncharov G.A. Trudovaya Politika Sovetskogo Gosudarstva v Gody Velikoi Otechestvennoi Voiny. *Vestnik CheLGU=Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2001;(1(12)):77-83. (In Russ.)
22. Harrison M. Industry and Economy. In: Stone D. (ed.) *The Soviet Union at War, 1941–1945*. England: Publishing House Pen and Sword Books; 2010. P. 89-112. ISBN 978-1-84884-463-3

Information about the author:

Zhan T. Toshchenko – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Sociology Department, Russian State Humanitarian University, Chief Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

(spin-code: 7025-0028) (RSCI Author ID: 1382) (ResearcherID: R-4569-2016) (Scopus Author ID: 6507646287)

The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 22.03.2025; approved after reviewing 06.05.2025; accepted for publication 05.06.2025.

Оригинальная статья

УДК 316.4, 331

JEL J00

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_9_287_301

EDN UHXHLI

Негативные трудовые практики как причина дисбаланса «работа – личная, семейная жизнь» у наемных работников

Флюра Булатовна Бурханова¹, Гузель Римовна Баймурзина²

^{1,2} Институт социологии – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

^{1,2} Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

¹ (burhanova.flura@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7342-3974>)

² (guzrim@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-1844-2689>)

Аннотация

В статье анализируется взаимосвязь негативных трудовых практик с оценками баланса «работа – личная, семейная жизнь» у наёмных работников. Теоретическую основу составляют теории социальных практик и концепция баланса работы и личной жизни, выводы о связи занятости и других сфер жизни различных групп работающего населения, имеющиеся в публикациях. Эмпирическая основа – данные опросов 2020 г. и 2024 гг., проведённых в Башкортостане. Объект исследования – наёмные работники в возрасте от 18 лет. Цель – показать динамику распространённости негативных трудовых практик работников и работодателей; установить устойчивость их влияния на восприятие работниками жизни как несбалансированной. Результаты исследования показали широкие масштабы и устойчивость применяемых работниками на рабочем месте негативных практик. Они задерживаются на работе, выходят на неё в свои выходные дни, делают работу дома во вне рабочее время, в больном состоянии, отказываются от посещения врачей, выходят на работу до выздоровления. Снижают качество занятости и негативные практики работодателей, которые, согласно опросам, имеют тенденцию к расширению: задержки заработной платы, неполная её выплата, неоплата сверхурочной работы и др. Продолжают функционировать предприятия, на которых не предоставляются социальные гарантии и меры социальной помощи. Политика работодателей и трудовое поведение работников являются одной из причин, по которой работники не чувствуют, что им удастся достичь гармонии «работа – личная, семейная жизнь». В случаях, если работники нарушали график работы, режим труда и отдыха, не предпринимали из-за работы действий в отношении здоровья, они намного чаще сообщали, что им не удастся совмещать работу и личную жизнь. Вклад в ощущение жизни как несбалансированной вносят и действия работодателей, относящиеся к оплате труда, отпускам, сверхурочным работам.

Ключевые слова: трудовые практики, баланс работы и личной жизни, дисбаланс, работа, личная жизнь, семейная жизнь, наёмные работники, работодатели

Благодарности: Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель – д-р ист. наук, профессор, академик РАН В.А. Тишков).

Для цитирования: Бурханова Ф.Б., Баймурзина Г.Р. Негативные трудовые практики как причина дисбаланса «работа – личная, семейная жизнь» у наемных работников // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 287–301. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_9_287_301 EDN UHXHLI

RAR (Research Article Report)

JEL J00

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_9_287_301

Negative Labor Practices as a Cause of the «Work – Life» Imbalance among Employees

Flyura B. Burkhanova¹, Guzel R. Baimurzina²

^{1,2} Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^{1,2} Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

¹ (burhanova.flura@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7342-3974>)

² (guzrim@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-1844-2689>)

Abstract

The article analyzes the relationship between negative labor practices and assessments of the "work – life" balance among employees. The theoretical basis of this research is formed by theories of social practices and the concept of work-life balance. It also includes conclusions about the relationship between employment and other aspects of life for different groups of the working population, as presented in relevant publications. The empirical basis is data from surveys conducted in Bashkortostan in 2020 and 2024. The object of the study is employees over the age of 18. The aim is to show the dynamics of the prevalence of negative labor practices of employees and employers; to establish the sustainability of their influence on employees' perception of life as unbalanced. The results of the study demonstrate the wide scale and sustainability of negative practices used by employees in the workplace. Employees often spend a considerable amount of time at the office, carrying out their duties over the weekend and during their leisure time at home. They continue working despite illness, without seeking medical assistance, and perform their duties until full recovery. The negative practices of employers, which, according to surveys, tend

to expand, also reduce the quality of employment. These practices include delays in wage payments, incomplete payments, non-payment of overtime, and other issues. Enterprises that do not provide social guarantees and social assistance measures continue to operate. The policies of employers and the work behavior of employees represent one of the factors contributing to the perception that employees cannot achieve a harmonious balance between their work and personal lives. When employees deviated from their scheduled work hours, failed to adhere to work-life balance policies, or neglected their health due to work-related demands, they were more likely to express dissatisfaction with their inability to reconcile work and personal commitments. Employers' practices regarding remuneration, vacation rights, and working hours also create a sense of imbalance between work and personal life.

Keywords: work practices, work-life balance, imbalance, work, personal life, family life, employees, employers

Acknowledgments: The article was carried out as part of a research program related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity in 2023–2025 (headed by Doctor of History, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences V.A. Tishkov).

For citation: Burkhanova F.B., Baimurzina G.R. Negative Labor Practices as a Cause of the «Work – Life» Imbalance among Employees. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):287–301. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_9_287_301 (In Russ.)

Введение

Одна из наиболее распространённых трудовых практик российских работников – сверхурочная работа за пределами официального рабочего дня, недели. Установленную продолжительность рабочего времени не превышает только каждый пятый работник, а остальные вынуждены постоянно перерабатывать [1].

Не только переработки, но и выполнение работы в нерабочее время дома, работа в состоянии нездоровья, болезни – распространённые практики среди разных групп работающего населения.

К широкому распространению негативных практик работодателей привела пандемия. Помимо прямого снижения уровня оплаты труда, работников переводили на неполный рабочий день или, наоборот, увеличивали нагрузку без увеличения заработной платы. И это делалось в отношении работников и с неформальной, и с официальной занятостью [2, с. 39].

Риски расширения некоторых негативных трудовых практик, в числе которых увеличение продолжительности рабочего времени и интенсивности работы (трудовой загрузки), объективно повысились в современной ситуации. Риски обусловлены «актуальными тенденциями настоящего времени (на внешнем, внутреннем «контуре», вследствие СВО): дефицитом кадров, сжатием и изменением структуры предложения труда в результате мобилизации, релокации, перетока рабочей силы между гражданским сектором и ВПК» [3, с. 239].

Актуальность темы негативных трудовых практик подтверждают отчёты Государственной инспекции труда, которые постоянно фиксируют наличие таких нарушений работодателей, как: несоблюдение прав работников на оплату труда (невыводы или задержки заработной платы), неоформление или ненадлежащее оформление

трудовых отношений, нарушения правил безопасности труда и другие¹.

Исследователи всего мира и эксперты международных организаций сходятся во мнении, что одной из наиболее острых и актуальных проблем сферы труда сегодня становится обеспечение баланса между работой и личной жизнью, что обусловливается «взаимной диффузией» этих сфер [4].

Тематика баланса работы и личной жизни, работы и семьи сегодня является развитым направлением российских и зарубежных исследований. Основной фокус внимания авторов наиболее многочисленной группы публикаций² сосредоточен на выявлении того, какие факторы трудовой занятости и как способствуют достижению гармонии в жизни. Аргументом в обоснование такого подхода является то, что «равновесие между двумя важными сферами жизнедеятельности человека может быть достигнуто только при условии высокого качества трудовой жизни» [5]. Указывается на неравный вклад факторов работы и семейной жизни в обеспечение их сбалансированности, на преобладающую роль для российских работников работы [6]. Проблема конфликта приоритетов личной жизни или работы отмечается и в зарубежных исследованиях. Например, китайские исследователи зафиксировали рост «культуры сверхурочной работы» без оплаты, особенно в условиях высокой конкуренции за рабочие места (в период пандемии COVID-19) [7]. Американские исследователи связывают «культуру сверхурочного труда» с образом «идеального работника» (цели и задачи организации для та-

¹ См., например: Отчет о деятельности Государственной инспекции труда в Республике Башкортостан за 2023 год. С. 3. // Государственная инспекция труда в Республике Башкортостан: [сайт]. URL: https://git03.rostrud.gov.ru/osnovnye_pokazateli_deyatelnosti_gosudarstvennoy_inspektzii_truda/doklady_obzory_o_deyatelnosti_git/ (дата обращения: 06.02.2025).

² Авторами приводятся работы, опубликованные за последние шесть лет, в 2019–2025 годах.

кого работника всегда на первом месте, а личная жизнь на втором), которую явно или неявно навязывают работодатели [8; 9].

В рамках этого направления анализируется, как влияют на достижение работниками баланса в жизни различные формы их занятости: неформальная, нестандартная, прекарная [10; 11], удалённая [12; 13], гибридный формат работы с использованием интернет-технологий [14; 15].

Всё больше данных накапливается о балансе в ситуации наёмной занятости [6], у представителей отдельных профессий наёмного труда – педагогов и научных сотрудников [16], инженерных работников [17], работников рабочих профессий [18; 19], полицейских [20].

В некоторых из этих исследований затрагивается тема поведенческих практик на работе, включая и негативные, а также и их связи с балансом «работа – личная, семейная жизнь». Показано, что неблагоприятно сказываются на благополучии работников переработки, им сопутствуют конфликт работы и семьи, стресс, выгорание [21, с. 120]. Имеющие сверхзанятость реже удовлетворены своей работой и заработной платой, чем представители стандартной занятости из тех же профессиональных групп [2, с. 50]. Дистанционная занятость, выступая альтернативой работе в офисе, зачастую не помогает избегать переработок, при ней нет полноценного отключения от работы, члены семьи выступают мешающим фактором [12; 13, с. 362–366]. Лучшие показатели трудовой активности – меньше опозданий и срывов в работе, реже невыполнение планов, имеют работающие женщины с детьми и без них, которые удовлетворительно оценивают возможность сочетать трудовые и семейные обязанности [22]. Среди главных условий, чтобы стать более благополучными родителями, иметь баланс между работой и родительством, работники с детьми назвали сокращение переработок и сверхурочных работ, уменьшение продолжительности рабочего дня [14]. В другом исследовании, достижению баланса, по мнению респондентов, могла бы способствовать «возможность бесконфликтного больничного», а также введение во вне рабочее время ограничений на работу (звонки по телефону, взаимодействие по почте и т.д.) [5, с. 35], то есть устранение, согласно используемой нами терминологии, негативных трудовых практик.

Несмотря на наличие публикаций, в которых ставятся вопросы негативных трудовых практик, пока акцент больше сделан на действиях, связанных с рабочим временем, – переработках, сверхзанятости, но не рассматриваются многие другие практики работников и работодателей, которые

негативно сказываются на гармонии работы и остальной жизни.

Ранее, изучая влияние факторов труда на ощущение наёмными работниками баланса работы и остальной жизни, нами был сделан вывод о том, что негативные трудовые практики повышают дисбаланс, а позитивные – снижают [23]. В настоящем исследовании, вновь обращаясь к теме, на данных двух исследований ставится цель – показать динамику распространённости негативных трудовых практик работников и работодателей; установить устойчивость их влияния на восприятие работниками жизни как несбалансированной. Основная гипотеза: неблагоприятные трудовые практики являются устойчивой причиной, по которой работники испытывают дисбаланс «работа – личная, семейная жизнь». Объект исследования – наёмные работники в возрасте от 18 лет, проживающие на территории Республики Башкортостан. Предмет – влияние неблагоприятных трудовых практик на ощущение ими жизни и работы как сбалансированных/несбалансированных.

Теоретические и методологические положения

Основными терминами, используемыми в статье, являются «трудовые практики» и «баланс работы и личной/семейной жизни». Трудовые практики – вид социальных практик, термин может относиться к работникам и к работодателям (организациям и предприятиям). Определение исходит из классических социологических трактовок широкого термина «социальные практики», охватывающего все сферы жизнедеятельности человека.

Практики работников – это повторяющиеся, привычные действия, совершаемые в ходе повседневной трудовой деятельности, связанные с выполнением их трудовых функций и обязанностей. Негативные (неблагоприятные) практики – такие действия, которые направлены на выполнение трудовых функций и обязанностей, но часто находятся за пределами формальных, правовых договоренностей с работодателем (или устных договоренностей в случае неформальной занятости) и могут наносить ущерб физическому, психологическому состоянию работника, его здоровью. Они могут иметь добровольный или вынужденный характер, когда сами ситуации и неформальные нормы труда, принятые на предприятии, в организации, требуют от работника определённых действий. По сути, это устойчивые модели поведения на рабочем месте, обусловленные как внутренними мотивами работника, так и внешними факторами – неформальными нормами коллек-

тива, неписанными правилами работодателя и др. В неблагоприятные трудовые практики включаются и устойчивые модели поведения, имеющие нравственную составляющую – небезупречные с нравственной точки зрения действия на рабочем месте, например, «делать только то, за что не накажут», «работать “от сих до сих”» и другие [21, с. 121–123], которые не рассматриваются нами в данной работе. За рамками исследования остаются негативные практики другого вида, которые не направлены на выполнение трудовых функций и обязанностей, являются нарушением трудового законодательства и норм трудового поведения: самовольное нарушение режима труда (опоздания, прогулы, досрочный уход с работы и т.п.), недобросовестный труд, осознанное нарушение стандартов качества, техники безопасности и др.

К негативным практикам работников, информация о которых собиралась в исследовании, относятся: задержки на работе за пределами рабочего времени; выходы на работу в свои выходные дни (работа без выходных); выполнение работы дома в нерабочие часы («брать работу на дом»); выходы на работу в больном состоянии; вынужденные отказы от посещения врача и ухода на больничный из-за ситуации на работе, некоторые другие³.

Используя категорию «трудовые практики работодателей», мы ориентируемся на такое её определение: «Трудовые практики организации объединяют в себе все политики и практики, относящиеся к работе, выполняемой в рамках организации, самой организацией или от её имени, включая работу, выполняемую по субподряду»⁴. Они формируются в трёх направлениях – во взаимодействии с работниками, с партнёрами, с внешней средой. Во взаимодействии с работниками складываются практики по вопросам: наём и должностное продвижение; перевод или перемещение на другие рабочие места; прекращение трудовых отношений; обучение и повышение квалификации; охрана труда, безопасность на рабочем месте и гигиена труда; дисциплинарные процедуры и процедуры рассмотрения споров; а также другие политики или практики, влияющие на условия труда, в частности, на рабочее время и оплату труда.

Также трудовые практики работодателя включают в себя признание организаций трудящихся, их представительство и взаимодействие с ними для решения социальных проблем, относящихся к занятости⁵. В терминах трудовых практик могут

рассматриваться социальные гарантии и меры социальной политики, реализуемые на предприятии. Их наличие свидетельствует о позитивных или добросовестных, социально ответственных трудовых практиках, а отсутствие – о негативных.

Негативные практики работодателей во взаимодействии с работниками – это устойчивые, повторяющиеся действия, ухудшающие условия труда, зачастую нарушающие права работников и законодательство о труде. Они являются составляющей некачественной занятости. В исследовании собиралась информация о таких практиках, как: наём работников без оформления по трудовому законодательству (неформальная занятость); наличие серых схем оплаты труда (выплаты зарплаты в «конверте»); задержки заработной платы; неполная её выплата; привлечение к сверхурочным работам без их оплаты; отправка работников в неоплачиваемые отпуска не по их инициативе; не предоставление предприятием/организацией социальных гарантий и мер социальной политики, предусмотренных законодательством.

Характеристика содержательного наполнения понятия «баланс работы и личной/семейной жизни» давалась ранее [23]. Отмечалось, что разные авторы говорят об отсутствии единства мнений относительно содержания термина. В нашем понимании баланс работы и личной жизни индивида – это такое состояние человека при выполнении им социальных ролей, которое сопровождается чувствами равновесия, гармонии, отсутствия конфликта между сферами жизни, ощущением, что в жизни удаётся выполнять трудовые, семейные и иные роли, что работа и личная (в том числе, семейная) жизнь не мешают друг другу. Соответственно, о дисбалансе можно говорить, когда человек ощущает (считает), что работа и личная жизнь плохо совмещаются, мешают друг другу. Возможно преобладание одного из трёх состояний в моменте и в разные периоды жизни, человек чаще чувствует, что: а) работа мешает личной/семейной жизни; б) семья мешает работе; в) работа мешает остальной жизни, личная/семейная жизнь является помехой для работы.

Существуют разные подходы к эмпирической операционализации и измерению феномена баланса работы и остальной жизни [24, с. 327; 25, др.]. Нами использовался общий субъективный подход. Респондентам задавался закрытый вопрос, предлагающий оценить наличие в их жизни баланса (см. формулировки вопроса в таблице 3).

Эмпирические данные и методы

В качестве эмпирической основы используются данные двух опросов населения Башкортоста-

³ См. формулировки вопросов для их измерения в соответствующих таблицах данных.

⁴ Национальный стандарт РФ ГОСТ Р ИСО 26000-2012 «Руководство по социальной ответственности» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29.11.2012 г. № 1611-ст). С. 37.

⁵ Там же.

на, проведенных в 2020 г.⁶ и 2024 г.⁷ Анализируются подвыборки наёмных работников, объём которых составил 898 человек и 737 человек, соответственно. Подвыборки репрезентируют изучаемую группу по характеристикам: пол, возраст, образование, место жительства (г. Уфа, другие города, сельские населенные пункты). Метод сбора данных в 2020 г. – смешанный, часть респондентов прошли стандартизованное интервью face-to-face, а часть заполнили анкеты в онлайн формате. В 2024 г. опрос проведён полностью на онлайн-платформе.

Оба опроса включали набор общих вопросов, которые дают информацию о вышеперечисленных негативных трудовых практиках работников и их работодателей, а также и восприятии жизни как сбалансированной/несбалансированной. В ходе анализа, при сравнении групп, нами используется термин «уровень дисбаланса», под которым понимается доля работников, выбравших ответ «мне трудно совмещать работу и личную

жизнь». Математико-статистическая обработка данных проведена в программе SPSS.

Результаты

Негативные трудовые практики работников и работодателей. Оба опроса показывают, что работники практикуют такие действия на работе, которые могут быть отнесены к негативным практикам. Доля работников, имеющих их, сохраняется, ситуация не изменилась к лучшему (таблица 1). Как раньше, так и сейчас, опрошенные: задерживаются на работе (2020 г. – 56,9%; 2024 г. – 59,2%); выходят на работу в свои выходные дни (47,6% и 47,1%); берут работу на дом, потому что не успели её выполнить в рабочие часы (22,9% и 23,5%); переносят болезнь «на ногах» из-за ситуации на работе (42,1% и 40,4%); выходят на работу до окончательного выздоровления (41,6% и 43,9%); отказываются от посещения врача из-за работы (33,4% и 30,7%).

Таблица 1

Негативные трудовые практики работников, %

Table 1

Negative Labor Practices of Employees, %

Виды негативных трудовых практик работников	2020 г.				2024 г.			
	Имели ли место негативные трудовые практики				Имели ли место негативные трудовые практики			
	Да	Нет	Затр. отв.	Всего	Да	Нет	Затр. отв.	Всего
Задерживались на работе*	56,9	39,7	3,3	100	59,2	37,2	3,5	100
Выходили на работу в свои выходные дни*	47,6	48,9	3,5	100	47,1	49,1	3,8	100
Брали работу на дом, так как не успевали закончить её в свои рабочие часы*	22,9	71,9	5,2	100	23,5	72,4	4,1	100
Переносили болезнь «на ногах из-за ситуации на работе**	42,1	52,7	5,1	100	40,4	52,0	7,6	100
Выходили на работу до окончательного выздоровления**	41,6	53,5	4,9	100	43,9	49,8	6,3	100
Отказывались от посещения врача из-за плотного графика работы**	33,4	60,9	5,7	100	30,7	60,4	8,9	100

Примечание: * Формулировка вопроса: «Приходилось или не приходилось Вам на Вашей основной работе в течение последних 30 дней сталкиваться со следующим...?»; ** Формулировка вопроса: «Приходилось ли Вам за последние 12 месяцев...?»

Источник: опросы наёмных работников в Башкортостане 2020 г., 2024 г.

Мужчины чаще, чем женщины, практикуют задержки на работе, выходы на работу в свои выходные дни (по данным 2024 г., 55,9% мужчин и 44,1% женщин), они же чаще отказываются от

⁶ Проведён в рамках гранта РФФИ на тему «Качество занятости и человеческое развитие». Св-во о регистрации базы данных №2021620175 от 26.01.2021.

⁷ Опрос проведён в рамках реализации Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности, 2023–2025 гг. Руководитель в Башкортостане – Р.М. Валиахметов.

посещения врача из-за работы (54,7% и 45,3%). Те и другие одинаково часто переносят болезнь «на ногах» (49,0% мужчин и 51,0% женщин) и выходят на работу до полного выздоровления (по 50,0% в обеих группах).

Возраст слабо влияет на рассматриваемые практики. Но молодые респонденты (18–24 года), всё же чаще других задерживаются на работе и реже работают в больном состоянии (последнее, видимо из-за того, что в силу своего возраста реже болеют).

Чаще указывают на большинство негативных практик работники, которые работают в офисе или на выезде, по сравнению с теми, кто выполняет работу из дома (дистанционная занятость) или же имеет смешанную занятость (часть работы выполняет в офисе, а часть – дома). То есть занятость офисных работников и тех, кто основную работу выполняет на выезде, более проблематична.

Рассмотрим далее практики работодателей, которые по сообщениям работников имеются в организациях и предприятиях, где они работают. В вопросе, который задавался в 2020 г. («Приходилось ли Вам на Вашей работе в течение последних 12 месяцев сталкиваться со следующим:...»), было два утвердительных ответа: «да, сталкивал-

ся (-лась), это не связано с пандемией коронавируса, так было и до неё» и «да, сталкивался (-лась), это связано с пандемией коронавируса». Поэтому можно видеть эффект, оказанный пандемией на действия работодателей, а также и те предприятия и организации, которые имели негативные практики вне зависимости от временной ситуации, созданной массовой болезнью.

Как видно, пандемия привела к усилению негативных практик работодателей. На каждом четвёртом-пятом предприятии практиковались неоплачиваемые отпуска, задержки заработной платы, сверхурочная работа без оплаты, заработная плата не выплачивалась полностью (таблица 2).

Таблица 2

Негативные трудовые практики работодателей по ответам работников, %

Table 2

Negative Labor Practices of Employers Based on Employee Responses, %

«Приходилось ли Вам на Вашей работе в течение последних 12-и месяцев сталкиваться с»	2020 г.				2024 г.			
	Да*	Нет	Загр. отв.	Всего	Да	Нет	Загр. отв.	Всего
Работников отправляли в неоплачиваемый отпуск	25,5 (6,9)	65,8	8,7	100	10,2	83,5	6,3	100
Работали сверхурочно без оплаты	21,3 (13,8)	69,6	9,1	100	25,0	69,9	5,5	100
Задерживалась заработная плата	19,2 (8,2)	73,0	7,7	100	19,9	75,3	4,8	100
Зарплата выплачивалась не полностью	19,7 (8,3)	71,4	8,9	100	13,8	80,5	5,7	100
Зарплата или её часть выдавалась не через кассу или банк, а наличными в руки	15,8 (11,3)	74,1	10,0	100	12,4	80,8	6,8	100

Примечание: * Для 2020 г. в варианте «да» дана сумма ответов: 1) «да, сталкивался (-лась), это не связано с пандемией коронавируса, так было и до неё», 2) «да, сталкивался (-лась), это связано с пандемией коронавируса». В скобках приведена доля выбравших вариант 1.

Источник: опросы наёмных работников в Башкортостане 2020 г., 2024 г.

Для оценки динамики более показательны ответы респондентов, кто в опросе 2020 г. не связывал негативные явления с пандемией, говорил, что они были и до неё. Если ориентироваться на них, то видно, что некоторые практики усиливаются. Так, задерживалась заработная плата – 6,9% (2020 г.) и 10,2% (2024 г.); работали сверхурочно, без оплаты – 13,8% и 25,0%; зарплата выдавалась не полностью – 8,3% и 13,8%. Не изменилась доля работников, которые сообщили, что «зарплата или её часть выдавалась не через кассу или банк, а наличными в руки»: 11,3% и 12,4%. Не стала лучше ситуация с серой оплатой труда и по данным ответа на другой вопрос «Как Вы думаете, какую часть зарплаты работники Вашей организации/предприятия получают неофициально, «не через кассу», а наличными, на руки?». Каждый пятый

опрошенный (2020 г. – 17,6%; 2024 г. – 20,1%) полагает, что часть зарплаты или полностью всю зарплату работники организации/предприятия получают «в конверте».

Как указывалось выше, о добросовестных, социально ориентированных трудовых практиках работодателей свидетельствует наличие социальных гарантий и мер социальной помощи, предоставляемых работникам. Социальная политика может способствовать созданию более благоприятных условий для сочетания работы и личной/семейной жизни работников.

За рассматриваемый период соотношение групп работников, которым работодатели и профсоюзные организации предоставляют и не предоставляют социальные меры и гарантии, почти не изменилось. Указали, что по месту их работы

реализуются какие-либо социальные меры и гарантии, 92,2% работников (в 2020 г. – 94,2%), что нет никаких мер и гарантий – 7,8% (в 2020 г. – 5,8%)⁸.

Баланс работы и личной, семейной жизни, влияние на него трудовых практик работ-

ников. За прошедшие между исследованиями четыре года соотношение работников, воспринимающих свою жизнь как сбалансированную и несбалансированную, мало изменилось (таблица 3).

Таблица 3

Баланс/дисбаланс работы и личной/семейной жизни, %

Table 3

Balance/Imbalance of Work and Personal/Family Life, %

Ответы на вопрос о балансе работы и остальной жизни*	2020 год	2024 год
Да, сбалансированны и одно не мешает другому	68,0	69,5
Нет, мне трудно совмещать работу и личную/семейную жизнь	22,9	18,9
Затрудняюсь ответить	9,1	11,6
Всего	100	100

Примечание: Формулировки вопросов: 2020 г. – «Можете ли Вы сказать, что Ваша работа и личная жизнь (в том числе жизненные ценности) сбалансированны и одно не мешает другому?», с ответами «да, сбалансированны и одно не мешает другому», «нет, мне трудно совмещать работу и личную жизнь», «затрудняюсь ответить»; 2024 г. – «Можете ли Вы сказать, что Ваша работа и личная/семейная жизнь сбалансированы и одно не мешает другому?» с теми же ответами.

Источник: опросы наёмных работников в Башкортостане 2020 г., 2024 г.

На оценки респондентами своей жизни, как и ранее, влияют, но не сильно, пол, возраст, образование, место жительства. Мужчины немного чаще испытывают дисбаланс (23,5%), чем женщины (18,8%). И это по-прежнему объясняется тем, что мужчины: имеют более продолжительную рабочую неделю (работали свыше 40 часов в неделю 55,3% мужчин и 37,1% женщин); среди них больше распространена вторичная занятость (имели дополнительную работу разного характера 40,0% мужчин и только 23,6% женщин). Они также чаще имели выездную работу за пределами населённого пункта и вахтовую работу. Работали в том же населённом пункте, где они живут, 77,0% мужчин, ежедневно выезжали на работу в другой населённый пункт – 13,6%, выезжали на несколько недель или месяцев на заработки из своего населённого пункта (вахтовая работа) – 9,4%. Среди женщин, соответственно: 95,5%; 2,4% и 2,1%. По сравнению с предыдущим опросом мужчины стали гораздо чаще работать за пределами своего места жительства, у женщин тоже есть изменения, но они не столь заметные.

Реже всего сообщают о дисбалансе работники пенсионного возраста (55 лет и старше – 15,2%), с общим средним или более низким уровнем образования (17,5%). Повышенный уровень дисбаланса отмечается у не состоящих в браке (26,6%) и разведённых (27,3%). Не состоящие в браке – бо-

лее молодая группа (в возрасте до 34 лет включительно – 70,4%), которая, скорее всего, имеет повышенный запрос на личное время и более широкие потребности в проведении досуга, чем другие. Повышенный дисбаланс у разведённых объясняется тем, что в нашей выборке среди них преобладают женщины (63,3%, во всей выборке – 45,2%), имеющие детей (67,6%, среди всех женщин – 59,3%). Рольевые обязанности отсутствующего мужа и отца возлагаются на них, что повышает общую ответственность и трудовую нагрузку как дома, так и на работе (среди разведённых женщин работают свыше 40 часов в неделю 54,3%, а среди всех женщин – 37,1%).

Ранее (2020 г.) жители Уфы отличались повышенным уровнем дисбаланса. Теперь же они перестали лидировать, уровень дисбаланса у работников, проживающих в разных типах населённых пунктов, ещё более сблизился (г. Уфа – 21,8%, другие города – 17,9% и села – 23,8%). Один из факторов, повышающий уровень дисбаланса у сельских жителей, – они чаще других имеют работу за пределами своего населённого пункта.

Можно предположить, что ощущение дисбаланса складывается в первую очередь за счёт работы. Поэтому у работников чаще возникают чувства, что работа мешает вести личную жизнь, выполнять семейные обязанности, отдыхать, заботиться о своем здоровье. Однако опрос 2024 г. показал, что это не совсем так. Выбирая утверждение, отражающее чувства по отношению к работе и личной жизни, респонденты одинаково

⁸ Подсчитано без учёта затруднившихся ответить на вопрос о социальных гарантиях и мерах, реализуемых по месту работы. В опросе 2020 г. их было 5,7% от общего числа опрошенных, в 2024 года – 14,6%.

часто отдавали свой выбор двум ответам: «У меня чаще бывает чувство, что моя работа мешает моей личной жизни, семейным обязанностям» (15,0%) и «Бывают разные чувства, и что работа мешает личной/семейной жизни и что личная/семейная жизнь мешает работе» (15,2%). Реже всего выбиралось суждение «У меня чаще бывает чувство, что личная жизнь, семейные обязанности меша-

ют моей работе» (3,6%). Далее будет описано различие в трудовом поведении первых двух названных групп, которое объясняет различающийся по своему характеру дисбаланс.

Имеется прямая положительная связь между оценкой баланса работы и остальной жизни и рассматриваемыми трудовыми практиками работников (таблица 4).

Таблица 4

**Баланс работы и личной/семейной жизни
в зависимости наличия негативных трудовых практик самих работников, %**

Table 4

**The Balance of Work and Personal / Family Life, Depending on the Presence
of Negative Labor Practices of the Employees Themselves, %**

Негативные трудовые практики работников	2020 г.				2024 г.			
	Работа и личная/семейная жизнь				Работа и личная/семейная жизнь			
	сбаланси- рованы	не сбалан- сированы	затр. отв.	всего	сбаланси- рованы	не сбалан- сированы	затр. отв.	всего
Задерживались на работе								
Да	63,6	28,0	6,4	100	64,3	24,0	11,8	100
Нет	75,6	15,2	9,2	100	82,1	10,6	7,3	100
Выходили на работу в свои выходные дни								
Да	62,7	28,7	8,6	100	63,5	26,1	10,4	100
Нет	75,1	16,3	8,6	100	77,8	12,2	10,0	100
Брали работу на дом, так как не успевали закончить её в свои рабочие часы								
Да	58,7	32,3	9,0	100	55,2	30,2	14,5	100
Нет	72,6	19,0	8,4	100	76,3	15,1	8,7	100
Переносили болезнь «на ногах из-за ситуации на работе»								
Да	61,4	28,9	9,7	100	56,8	29,7	13,5	100
Нет	74,7	17,5	7,8	100	82,2	10,2	7,6	100
Выходили на работу до окончательного выздоровления								
Да	64,4	27,1	8,5	100	59,6	28,6	11,8	100
Нет	71,9	19,4	8,7	100	80,8	11,0	8,2	100
Отказывались от посещения врача из-за плотного графика работы								
Да	58,0	32,4	9,6	100	52,9	34,7	12,4	100
Нет	74,6	17,8	7,7	100	81,0	11,1	7,9	100
Баланс работы и личной/семейной жизни								
По выборке	68,0	22,9	9,1	100	69,5	18,9	11,6	100

Источник: опросы наёмных работников в Башкортостане 2020 г., 2024 г.

Группы работников, которые указали, что имели негативные практики, чаще сообщали о дисбалансе в своей жизни, чем те, кто их не имел. Такое распределение характерно для обоих опросов. Так, уровень дисбаланса составлял среди тех, кто: задерживался на работе, – 28,0% (2020 г.) и 24,4% (2024 г.); выходил на работу в выходные дни, – 28,7% и 26,7%; брал работу на дом, – 32,3% и 30,2%; переносил болезнь «на ногах», – 28,9% и 28,7%; выходил на работу до выздоровления, – 27,1% и 28,6%; отказывался от посещения врача, – 32,4% и 34,7%. В 2020 г. разница в уровне дисбаланса между двумя группами – кто имел негативные практики, и кто не имел, составляла 1,4–1,8 раза, а в 2024 г. – 2,1–3,1 раза. Как видно, более явно стали

различаться между собой по уровню дисбаланса анализируемые две группы работников.

О неблагоприятной, некачественной занятости могут сигнализировать настроения и чувства работников, которые они испытывают на рабочем месте, в отношении своей работы. А это, в свою очередь, служит некоторым показателем характера трудовой атмосферы, которая складывается, в том числе, и за счёт наличия негативных трудовых практик работодателя.

Ранее было показано, что возникающие у работников чувства несправедливости и незащищённости на работе влияют на ощущение баланса. Постоянно испытывающие негативные чувства чаще сообщают о дисбалансе, чем те, кто

такие чувства испытывают иногда и никогда. Новый опрос тоже показывает данную зависимость. Самая высокая доля респондентов с дисбалансом имеется в группе тех работников, кто в течение последних 30 дней постоянно испытывал чувство несправедливости и незащищённости на своей основной работе (2020 г. – 44,1%; 2024 – 37,5%). Если чувство возникало иногда, доля снижается (2020 г. – 31,5%; 2024 г. – 27,4%), а в группе тех, кто таких негативных чувств не испытывал, она самая низкая (2020 г. – 15,9%; 2024 г. – 12,1%)⁹. Отметим, что распределение групп работников, которые испытывают плохие чувства на рабочем месте, в 2024 г. по сравнению с 2020 г. не изменилось: чувствовали несправедливость и незащищённость «постоянно» 7,7% (2020 г.) и 6,5% (2024 г.); «иногда» – 30,4% и 29,3%; «не испытывали» – 58,1% и 57,7% опрошенных.

В таком же направлении работает и убеждение о невозможности защищать свои права на работе. Отвечая на вопрос «Как Вы думаете, сегодня у работников есть возможность защитить свои права, отстоять свои интересы в конфликте с работодателем?», выбрали ответы: «да, есть возможность» 57,4% (2020 г.) и 62,2% (2024 г.); «нет возможности» – 28,1% (2020 г.) и 15,1% (2024 г.); остальные – «затрудняюсь ответить» (14,5% и 22,6%, соответственно). В группе уверенных в возможности защиты своих прав ощущает дисбаланс каждый пятый (2020 г. – 19,2%) или седьмой (2024 г. – 13,8%), а среди уверенных в обратном, в невозможности, – уже каждый третий (2020 г. – 30,8%) или второй (2024 г. – 40,5%). То есть уровень дисбаланса среди убежденных в невозможности отстоять свои интересы перед работодателем повышается в 1,5 (2020 г.) или 3 раза (2024 г.) по сравнению с теми, кто уверен в обратном. При некотором общем улучшении оценок возможностей добиться справедливости для работника во втором опросе по сравнению с первым, различия в уровне дисбаланса между двумя группами к настоящему времени стали более выраженными, чем раньше.

Один из вопросов, который ставился в исследовании – отличаются ли по трудовому поведению работники с разным ощущением дисбаланса. Прежде всего, те, у кого чаще бывает чувство «работа мешает личной/семейной жизни» (условно первая группа) и те, у кого «бывают разные чувства, и работа мешает личной жизни, и личная жизнь мешает работе» (условно – вторая группа)¹⁰. От-

личия обнаруживаются, из них вытекает вывод, что причиной устойчиво возникающего именно за счёт работы чувства дисбаланса является большая приверженность первой группы большинству изучающихся негативных практик трудового поведения. Первая группа чаще второй выходит на работу в выходные дни (64% и 58%), переносит болезнь на ногах (71,7% и 47,0%), выходит на работу до окончательного выздоровления (67,7% и 57,0%), отказывается от посещения врача из-за работы (62,6% и 36,0%). Она также чаще имеет более продолжительную рабочую неделю (в среднем 49,0 часов в неделю, во второй группе – 44,2 часа) и чаще работает без официального оформления трудовых отношений (7,1% и 3,0%).

Влияние на баланс практик и политики работодателей. Анализ связей ответов на вопрос о балансе работы и личной/семейной жизни с наличием на предприятиях/в организациях негативных практик работодателей, указывает на более высокий уровень дисбаланса в группах респондентов, которые сообщили, что по месту основной работы имеются негативные трудовые практики (таблица 5). И это характерно и для первого съёма информации, и для второго. Среди работников, сталкивавшихся с негативными практиками своего работодателя, доля указавших, что их жизнь не сбалансированна, в 2020 г. выше в 1,1–1,9 раза и в 2024 г. 1,5–2,2 раза по сравнению с теми, кто не сталкивался с нарушениями трудового законодательства.

Уровень дисбаланса у работников предприятий и организаций, где имеются негативные трудовые практики, повысился в 2024 году по сравнению с 2020 годом. А на предприятиях и в организациях, где отсутствуют рассматриваемые практики работодателей, уровень дисбаланса снизился. Дисбаланс особенно сильно проявляется в случаях, когда работников отправляли в неоплачиваемый отпуск (2020 г. – 29,9%; 2024 г. – 37,3%); они работали сверхурочно без оплаты труда (35,3% и 31,7%); часть зарплаты выплачивалась неофициально, на руки (27,1% и 29,1%).

Произошедшие за рассматриваемый период изменения можно сформулировать так. Работники стали чувствовать себя лучше на тех рабочих местах, где отсутствуют нарушения трудового законодательства, и их самочувствие ухудшилось там, где такие нарушения имеются. Стали более явно различаться между собой по уровню дисбаланса две группы работников – кто сталкивался на своей работе с нарушениями, и кто не сталкивался.

включена в анализ из-за своей малочисленности (24 человека, 3,6% от общей выборки).

⁹ Примерная значимость = 0,000, коэффициент сопряженности = 0,320 (2024 г.) и = 0,280 (2020 г.) для сопряженности с вопросом «Можете ли Вы сказать, что Ваша работа и личная жизнь / семья сбалансированы, и одно не мешает другому?».

¹⁰ Группа, выбравшая ответ «у меня бывает чаще чувство, что личная/семейная жизнь мешает моей работе», не

Таблица 5

**Баланс работы и личной/семейной жизни
в зависимости от негативных трудовых практик работодателя, %**

Table 5

**The Balance of Work and Personal/Family Life
Depending on the Negative Work Practices of the Employer, %**

«Приходилось ли Вам на Вашей работе в течение последних 12 месяцев сталкиваться со следующим:...»	2020 г.				2024 г.			
	Работа и личная/семейная жизнь				Работа и личная/семейная жизнь			
	сбаланси- рованы	не сбаланси- рованы	затр. отв.	всего	сбаланси- рованы	не сбаланси- рованы	затр. отв.	всего
Работников отправляли в неоплачиваемый отпуск								
Да, сталкивался (-лась)*	61,2	29,9	8,9	100	50,7	37,3	12,0	100
Нет, не сталкивался (-лась)	71,5	20,6	8,0	100	73,2	16,7	10,1	100
Задерживалась заработная плата								
Да, сталкивался (-лась)*	68,0	23,7	8,3	100	56,2	27,4	16,4	100
Нет, не сталкивался (-лась)	69,3	22,5	8,3	100	74,5	16,5	9,1	100
Работали сверхурочно без оплаты								
Да, сталкивался (-лась)*	57,2	35,3	7,5	100	53,6	31,7	14,8	100
Нет, не сталкивался (-лась)	72,8	19,0	8,2	100	76,9	14,3	8,8	100
Зарплата выплачивалась не полностью								
Да, сталкивался (-лась)*	64,7	24,3	11,0	100	52,5	30,7	16,8	100
Нет, не сталкивался (-лась)	70,2	22,2	7,7	100	73,9	16,8	9,3	100
Зарплата или её часть выдавалась не через кассу или банк, а наличными в руки								
Да, сталкивался (-лась)*	66,2	23,0	10,8	100	62,6	26,4	11,0	100
Нет, не сталкивался (-лась)	69,6	22,4	8,0	100	72,6	17,2	10,1	100
Баланс работы и личной/семейной жизни								
По выборке	68,0	22,9	9,1	100	69,5	18,9	11,6	100

Примечание: * в варианте «да, сталкивался (-лась)» объединены ответы: 1) «да, сталкивался (-лась), это не связано с пандемией коронавируса, так было и до неё», 2) «да, сталкивался (-лась), это связано с пандемией коронавируса».

Источник: опросы наёмных работников в Башкортостане 2020 г., 2024 г.

Показателем негативных практик работодателей является несоблюдение ими условий трудовых договоров с работниками. По сведениям работников, договоренности, прописанные в трудовых договорах, работодатели соблюдают «в полной мере» только в каждом втором случае (2020 г. – 49,9%; 2024 г. – 50,5%), «в основном» – в каждом третьем случае (38,9% и 34,9%), «не соблюдают» – в каждом семнадцатом случае (6,2% и 5,7%). Остальные опрошенные либо не работают по трудовому договору, либо затруднились ответить на вопрос. За рассматриваемый период позитивных сдвигов не произош-

ло, но и крайне критической ситуацию назвать нельзя.

В группе работников, работодатели которых соблюдают трудовой договор «в полной мере», ощущают дисбаланс всего 11,3% респондентов; в группе тех, у кого работодатель соблюдает договор в основном – уже 25,4%, а в группе, чей работодатель не соблюдает договор, – 50,0% (таблица 6). И в 2020 г. отмечался такой же рост уровня дисбаланса от группы к группе, то есть зависимость двух переменных («баланс работа – остальная жизнь» и «соблюдение работодателем условий трудового договора») носит устойчивый характер.

Таблица 6

**Баланс работы и личной/семейной жизни среди работников,
работодатель которых соблюдает или не соблюдает условия трудового договора, %**

Table 6

**The Balance of Work and Personal/Family Life Among Employees
Whose Employer Complies or Does Not Comply With the Terms of the Employment Contract, %**

Ответы на вопрос «Как Вы считаете, Ваш работодатель по основному месту работы соблюдает или не соблюдает условия трудового договора?»	2020 г.				2024 г.			
	Работа и личная/семейная жизнь				Работа и личная/семейная жизнь			
	сбаланси- рованы	не сбаланси- рованы	затр. отв.	всего	сбаланси- рованы	не сбаланси- рованы	затр. отв.	всего
Соблюдает в полной мере	74,5	18,5	6,9	100	80,6	11,3	8,1	100

Окончание Таблицы 6

Ответы на вопрос «Как Вы считаете, Ваш работода- тель по основному месту работы соблюдает или не соблюдает условия трудового договора?»	2020 г.				2024 г.			
	Работа и личная/семейная жизнь				Работа и личная/семейная жизнь			
	сбаланси- рованы	не сбалан- сированны	затр. отв.	всего	сбаланси- рованы	не сбалан- сированны	затр. отв.	всего
Соблюдает в основном	63,2	26,7	10,1	100	64,8	25,4	9,8	100
Не соблюдает	55,6	33,3	11,1	100	35,7	50,0	14,3	100

Источник: опросы наёмных работников Башкортостана, 2020 г., 2024 г.

Как отмечалось ранее, позитивные, социально ответственные трудовые практики работодателей включают соблюдение социальных гарантий и предоставление мер социальной помощи. На уровне гипотезы можно предположить, что там, где соблюдаются социальные гарантии и реализуются меры социальной помощи, работники могут чувствовать, что им лучше удаётся совмещать ра-

боту и личную/семейную жизнь. Данное предположение подтверждается результатами исследования (таблица 7). На предприятиях и в организациях, где нет мер и гарантий, ощущает дисбаланс работы и остальной жизни почти каждый третий опрошенный (2020 г. – 29,2%; 2024 г. – 32,7%), а на предприятиях и в организациях, где меры предусмотрены, только каждый пятый (18,2% и 19,9%).

Таблица 7

**Баланс работы и личной/семейной жизни
в зависимости от наличия социальных мер и гарантий по основному месту работы, %**

Table 7

**The Balance of Work and Personal /Family Life,
Depending on the Availability of Social Measures and Guarantees for the Main Place of Work, %**

Предоставляются ли соци- альные меры и гаран- тии по основному месту работы	2020 г.				2024 г.			
	Работа и личная/семейная жизнь				Работа и личная/семейная жизнь			
	сбаланси- рованы	не сбалан- сированны	затр. отв.	всего	сбаланси- рованы	не сбалан- сированны	затр. отв.	всего
Предоставляются	68,1	22,9	9,0	100	74,0	18,4	7,6	100
Не предоставляются	60,4	29,2	10,4	100	57,1	32,7	10,2	100

Источник: опросы наёмных работников Башкортостана, 2020 г., 2024 г.

Если рассматривать конкретные меры социальной политики, реализуемые по месту работы, то необходимо подчеркнуть, что наличие практически всех (каждой из тех, которые были включены в перечень ответов и отмечались респондента-

ми как имеющиеся), способствует в той или иной степени повышению баланса у работников. Но особенно уровень баланса повышается, если по месту работы реализуются меры помощи работникам с семейными обязанностями (таблица 8).

Таблица 8

**Баланс работы и личной/семейной жизни у работников, указавших, что по основному месту
работы предоставляются перечисленные социальные меры, %**

Table 8

**The Balance of Work and Personal/Family Life for Employees, Who Indicated that the Listed Social
Measures are Provided at Their Main Place of Work, %**

Социальные меры и гаран- тии, предоставляемые по основному месту работы	Доля респондентов, указавших наличие данной меры	Работа и личная/семейная жизнь			
		сбаланси- рованы	не сбаланси- рованы	затрудняюсь ответить	всего
Предоставляется удобный график работы для сотрудников с семейными обязанностями					
2020 год	8,3	83,6	12,3	4,1	100
2024 год	10,9	87,5	10,0	2,5	100
Предоставляются кредиты / поручительство перед банком на приобретение жилья					
2020 год	3,3	55,2	27,6	17,2	100
2024 год	4,5	75,8	12,1	12,1	100

Социальные меры и гарантии, предоставляемые по основному месту работы	Доля респондентов, указавших наличие данной меры	Работа и личная/семейная жизнь			
		сбалансированны	не сбалансированны	затрудняюсь ответить	всего
Оказывается помощь в финансировании обучения детей сотрудников					
2020 год	3,1	81,5	11,1	7,4	100
2024 год	3,8	85,7	14,3	0,0	100
Дети сотрудников направляются по льготным путевкам в детские лагеря и дома отдыха					
2020 год	20,0	71,6	19,9	8,5	100
2024 год	12,4	81,3	14,3	4,4	100
Оказывается материальная помощь в случае рождения ребёнка, собственной свадьбы или свадьбы детей					
2020 год	18,3	68,3	24,8	6,8	100
2024 год	16,9	74,2	16,1	9,7	100

Примечание: * доля респондентов, указавших на наличие по основному месту работы перечисленных в таблице и других, не указанных в таблице, мер социальной помощи и социальных гарантий; подсчитано без учёта ответа «затрудняюсь ответить».

Источник: опросы наёмных работников Башкортостана, 2020 г., 2024 г.

Самая эффективная мера, лучше всего повышающая баланс, но мало практикуемая, – это предоставление удобного графика работы для сотрудников с семейными обязанностями. Всего такая мера имеется на работе у 10,9% опрошенных (2020 г. – 8,3%), среди них доля респондентов с балансом составляет 87,5% (2020 г. – 83,6%). Помощь в финансировании обучения детей сотрудников, направление их по льготным путевкам в детские лагеря и дома отдыха тоже повышают баланс, но они тоже нечасто практикуются работодателями.

Выводы

Результаты проведённого исследования показывают широкие масштабы и устойчивый характер негативных практик наёмных работников, которые они применяют на рабочем месте и которые могут неблагоприятно сказываться на их самочувствии, здоровье, личностной эффективности и безопасности. Стремясь выполнять свои трудовые функции и обязанности, работники нарушают временной график, режим труда и отдыха, игнорируют состояние своего здоровья. Они задерживаются на работе, выходят на рабочее место в свои выходные дни, выполняют работу дома за пределами рабочего времени, в больном состоянии, отказываются от посещения врачей, выходят на работу до окончательного выздоровления. Масштаб названных практик отражается в высокой доле опрошенных, указавших в обоих опросах, что они совершали такие действия на рабочем месте (по отдельным действиям – от каждого четвёртого до каждого второго), а устойчивость практик – в отсутствии

положительной динамики, заметного снижения показателей во втором опросе по сравнению с первым.

Ухудшают положение наёмных работников, снижают качество их занятости не только их собственные действия, но и выявленные практики работодателей, которые, по данным второго опроса, имеют тенденцию к расширению. Помимо роста случаев задержек заработной платы, её неполной выплаты, неоплаты сверхурочной работы, отправки в отпуск по инициативе работодателя, на предприятиях и в организациях устойчиво практикуются нелегитимные схемы оплаты труда. Продолжают функционировать предприятия и организации, на которых не предоставляются социальные гарантии и меры социальной помощи. Перечисленное обуславливает формирование устойчивого мнения работников о том, что работодатели только частично или совсем не соблюдают трудовые договоры.

Политика работодателей и трудовое поведение самих работников являются одной из причин, по которой опрошенные не чувствуют, что удаётся достичь гармонии «работа – личная, семейная жизнь». Обнаружена прямая положительная и устойчивая связь оценок баланса работы и остальной жизни с неблагоприятными трудовыми практиками самих работников и их работодателей. В случаях, когда работники нарушали график работы, режим труда и отдыха, не предпринимали из-за работы действий в отношении здоровья, они намного чаще сообщали о дисбалансе в своей жизни. Группа работников, которые чаще всего живут с чувством, что работа мешает остальной жизни, более привержена негативным трудовым

практикам, чем те, у кого бывают разные чувства – и работа мешает личной, семейной жизни, и что они мешают работе.

Вклад в ощущение жизни как несбалансированной вносят и действия работодателей, относящиеся к оплате труда, отпускам, сверхурочным работам. Наиболее заметно повышается показатель несбалансированности жизни (почти каждый третий) у сотрудников, которых отправляли в неоплачиваемые отпуска, работали сверхурочно без оплаты, брали работу на дом и вынужденно не посещали врачей. Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась: неблагоприятные трудовые практики являются устойчивой причиной, по которой работники испытывают дисбаланс «работа – личная, семейная жизнь».

Полученные результаты могут быть полезными для понимания того, чему должно быть уделено внимание в проводимой на рабочих местах политике и что должно быть изменено в трудовом поведении работников, чтобы повысить сбалансированность жизни за счёт устранения негативных трудовых практик. Это, в свою очередь, требует дальнейших исследований проблемы негативных практик, актуальность которой возрастает из-за тенденции роста неустойчивых рабочих мест и дестандартизации занятости. Используемый нами термин «негативные трудовые практики» позволяет фокусировать внимание на социологическом контексте рассматриваемых явлений и разграничить от их правового контекста, в рамках которого эти практики являются нарушением трудовых норм и/или прав работников.

Список литературы

1. Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Динамика продолжительности рабочего времени в постсоветский период // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 27–38. <https://doi.org/10.31857/S0132162524050021> EDN GXQMUM
2. Каравай А.В. Благополучная занятость в современной России: что это такое? // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 39–53. <https://doi.org/10.31857/S0132162524050034> EDN INDEYJ
3. Одинцова Е.В. Риски в сфере занятости для положения домохозяйств с детьми: экспертные оценки в новых условиях развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Том 17. № 4. С. 231–246. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.4.94.13> EDN DHRUZP
4. Popov A., Baimurzina G. Critical Challenges to the Sociology of Work: From a Perspective of Russian Labor Studies // Sociology Compass. 2024. Vol. 18. No. 9. Art. E70005. <https://doi.org/10.1111/soc4.70005> EDN ZWUAKI
5. Разумова Т.О., Алёшина А.Б., Серпухова М.А. Баланс семья-работа в условиях изменений качества трудовой жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Том 16. № 3. С. 24–37. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.3.2> EDN PFGKMO
6. Темницкий А.Л. Роль сбалансированности работы и семьи в достижении жизненного успеха у наемных работников России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3(151). С. 306–323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.17> EDN JCRLZQ
7. Wang Yijun. A Study on the Phenomenon of Overtime Work in Chinese Society: Analysis of factors affecting working hours // Frontiers in Business, Economics and Management. 2024. Vol. 17. No. 3. P. 375–378. <https://doi.org/10.54097/s6ysrc26>
8. Reenvisioning Family-Supportive Organizations Through a Diversity, Equity, and Inclusion Perspective: A Review and Research Agenda / E. Kossek, H. Vaziri, M. Perrigino, B. Lautsch, B. Pratt, E. King // Journal of Management. 2025. <https://doi.org/10.1177/01492063241310149>
9. Reid E. Embracing, Passing, Revealing, and the Ideal Worker Image: How People Navigate Expected and Experienced Professional Identities // Organization Science. 2015. Vol. 26. No. 4. P. 997–1017. <https://doi.org/10.1287/orsc.2015.0975>
10. Тартаковская И.Н. Баланс жизни и труда precarious работников: гендерные аспекты // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3(151). С. 163–178. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.10> EDN DQKKJV
11. Shin K.-Y., Kalleberg A.L., Hewison K. Precarious work: A global perspective // Sociology Compass. 2023. Vol. 17. No. 12. Art. e13136. <https://doi.org/10.1111/soc4.13136>
12. Тонких Н.В., Черных Е.А. Качество трудовой, семейной и личной жизни при удаленной работе: мнения российских женщин // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 4. С. 477–490. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.5> EDN COCEXY
13. Тонких Н.В., Камарова Т.А., Черных Е.А. Влияние удаленной работы на параметры трудовой, семейной и личной жизни российских мужчин // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 3. С. 356–370. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_356_370 EDN SFUVUG
14. Камарова Т.А., Маркова Т.Л., Тонких Н.В. Влияние цифровизации занятости на совмещение профессиональных и семейных обязанностей: субъективные оценки россиян // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Том 16. № 6. С. 252–269. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_356_370 EDN SFUVUG
15. Warren T. Work–life balance and gig work: «Where are we now» and «where to next» with the work–life balance agenda? // Journal of Industrial Relations. 2021. Vol. 63. No. 4. P. 522–545. <https://doi.org/10.1177/00221856211007161>
16. Таракановская К.С. Материнство и университет: стратегии баланса жизни и работы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 382–405. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1935> EDN SQVKAC

17. Подольская А.А. Восприятие баланса жизни и работы женщинами, работающими в STEM-отраслях (на примере ракетно-космической отрасли) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3(151). С. 192–210. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.12> EDN UNDXQO
18. Андреева Ю.В., Лукьянова Е.Л. Между работой, детьми и торговым центром: баланс жизни и труда в семьях молодых российских рабочих // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3(151). С. 122–141. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.08> EDN TGDECE
19. Бочаров В.Ю. Концепция баланса работы и личной жизни как основание для типологии стратегий трудового поведения рабочей молодежи // Социально-трудовые исследования. 2020. № 2(39). С. 113–129. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129> EDN GLNVUE
20. Исупова О.Г. Баланс жизни и работы у женщин-полицейских в Вологодской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3(151). С. 103–121. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.07> EDN UXSZXJ
21. Ценностно-мотивационные основы и реальность трудовой жизни российских работников: проблемы и противоречия / А.Г. Эфендиев, А.С. Гоголева, А.В. Пашкевич, Е.С. Балабанова // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Том 29. № 2. С. 108–133. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-2-108-133> EDN JPRMSY
22. Белехова Г.В., Ивановская А.Л. Удовлетворенность балансом труда и семьи: взгляд работающих женщин (региональный аспект) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Том 15. № 1. С. 209–222. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.11> EDN DOIXRG
23. Бурханова Ф.Б., Баймурзина Г.Р., Туракаев М.С. Воздействие факторов трудовой занятости на восприятие баланса работы и личной жизни у наёмных работников // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 4. С. 168–191. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.4.855> EDN EGICRQ
24. Мареева С.В. Неравенство жизненных шансов россиян в сфере баланса жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3(151). С. 324–344. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.18> EDN PLZFUE
25. Разумова Т.О., Серпухова М.А. Теоретико-методологические основы формирования показателя баланса семья-работа // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 4. С. 466–476. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.4> EDN GAINAG

Информация об авторах:

Флюра Булатовна Бурханова – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России, Институт социологии – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; главный специалист научной лаборатории социальных и демографических исследований, Уфимский университет науки и технологий (SPIN-код: 7593-3582) (РИНЦ Author ID 365515) (ResearcherID: AAV-2747-2020) (Scopus Author ID: 56940800100)

Гузель Римовна Баймурзина – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель лаборатории, лаборатория региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России, Институт социологии – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; главный специалист научной лаборатории социальных и демографических исследований, Уфимский университет науки и технологий (SPIN-код: 3325-3020) (РИНЦ Author ID: 719415) (ResearcherID: G-4824-2017)

Заявленный вклад авторов:

Ф.Б. Бурханова – участие в разработке инструментария опросов, постановка целей, задач статьи, обработка, анализ, описание полученных данных.

Г.Р. Баймурзина – разработка концепции и инструментария опросов, анализ литературы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Флюра Булатовна Бурханова.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025; одобрена после рецензирования 06.05.2025; принята к публикации 05.06.2025.

References

1. Kozyreva P.M., Nizamova A.E., Smirnov A.I. Work Day Duration Dynamics in the Post-Soviet Era. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2024;(5):27–38. <https://doi.org/10.31857/S0132162524050021> (In Russ.)
2. Karavai A.V. Well-Being Employment in Modern Russia: What is That? *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2024;(5):39–53. <https://doi.org/10.31857/S0132162524050034> (In Russ.)
3. Odintsova E.V. Employment Risks for Households with Children: Expert Assessments in the New Conditions of Russia's Development. *Ekonomicheskie i Social'nye Peremny: Fakty, Tendencii, Prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(4):231–246. <https://doi.org/10.15838/Esc.2024.4.94.13> (In Russ.)
4. Popov A., Baimurzina G. Critical Challenges to the Sociology of Work: From a Perspective of Russian Labor Studies. *Sociology Compass*. 2024;18(9):E70005. <https://doi.org/10.1111/Soc4.70005>
5. Razumova T.O., Aleshina A.B., Serpukhova M.A. Work-Life Balance under Conditions of Changes in the Quality of Working Life. *Uroven' Zhizni Naseleniya Regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;16(3):24–37. <https://doi.org/10.19181/Lsprr.2020.16.3.2> (In Russ.)
6. Temnitskiy A.L. Role of Work-Life Balance in Achieving Life Success for the Hired Workers in Russia. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Social'nye Peremny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;(3(151)):306–323. <https://doi.org/10.14515/Monitoring.2019.3.17> (In Russ.)
7. Wang Yijun. A Study on the Phenomenon of Overtime Work in Chinese Society: Analysis of Factors Affecting Working Hours. *Frontiers in Business, Economics and Management*. 2024;17(3):375–378. <https://doi.org/10.54097/S6ysrc26>

8. Kossek E., Vaziri H., Perrigino M., et al. Reenvisioning Family-Supportive Organizations through a Diversity, Equity, and Inclusion Perspective: A Review and Research Agenda. *Journal of Management*. 2025. <https://doi.org/10.1177/01492063241310149>
9. Reid E. Embracing, Passing, Revealing, and the Ideal Worker Image: How People Navigate Expected and Experienced Professional Identities. *Organization Science*. 2015;26(4):997–1017. <https://doi.org/10.1287/Orsc.2015.0975>
10. Tartakovskaya I.N. Precarious Employment and Work-Life Balance: Gender Aspects. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Social'nye Peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;(3(151)):163–178. <https://doi.org/10.14515/Monitoring.2019.3.10> (In Russ.)
11. Shin K.-Y., Kalleberg A.L., Hewison K. Precarious Work: A Global Perspective. *Sociology Compass*. 2023;17(12),e13136. <https://doi.org/10.1111/Soc4.13136>
12. Tonkikh N.V., Chernykh E.A. The Quality of Work, Family and Personal Life during Remote Work: Opinions of Russian Women. *Uroven' Zhizni Naseleniya Regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(4):477–490. <https://doi.org/10.19181/Lspr.2022.18.4.5> (In Russ.)
13. Tonkikh N.V., Kamarova T.A., Chernykh E.A. The Impact of Remote Work on the Parameters of Work, Family and Personal Life of Russian Men. *Uroven' Zhizni Naseleniya Regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):356–370. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_3_356_370 (In Russ.)
14. Kamarova T.A., Markova T.L., Tonkikh N.V. Impact of the Digitalization of Employment on the Work–Family Balance: Russians' Subjective Assessments. *Ekonomicheskie i Social'nye Peremeny: Fakty, Tendencii, Prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2023;16(6):252–269. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_3_356_370 (In Russ.)
15. Warren T. Work–Life Balance and Gig Work: «Where are We Now» and «Where to Next» with the Work–Life Balance Agenda? *Journal of Industrial Relations*. 2021;63(4):522–545. <https://doi.org/10.1177/00221856211007161>
16. Tarakanovskaya K.S. Motherhood and Science: Strategies of Work–Life Balance. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Social'nye Peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021;(3):382–405. <https://doi.org/10.14515/Monitoring.2021.3.1935> (In Russ.)
17. Podolskaya A. A. Perceptions of Work-Life Balance by Women Working in STEM Industries (a Rocket-and-Space Industry Case Study). *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Social'nye Peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;(3(151)):192–210. <https://doi.org/10.14515/Monitoring.2019.3.12> (In Russ.)
18. Andreeva J.V., Lukyanova E.L. Between Work, Children and Shopping Center: Work-Life Balance in the Families of Young Russian Workers. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Social'nye Peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;(3(151)):122–141. <https://doi.org/10.14515/Monitoring.2019.3.08> (In Russ.)
19. Bocharov V.Yu. The Concept of Work-Life Balance as the Basis for the Typology of Strategies for Labor Behavior of Working Youth. *Sotsial'no-Trudovye Issledovaniya=Social and Labour Research*. 2020;(2(39)):113–129. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129> (In Russ.)
20. Isupova O.G. Work-Life Balance among Police Women in Vologda Oblast. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Social'nye Peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;(3(151)):103–121. <https://doi.org/10.14515/Monitoring.2019.3.07> (In Russ.)
21. Efendiev A., Gogoleva A., Pashkevich A., et al. The Values, Motives, and Work Life Reality of Russian Employees: Problems and Contradictions. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya=Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2020;29(2):108–133. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-2-108-133> (In Russ.)
22. Belekova G.V., Ivanovskaya A.L. Satisfaction with the Work-Life Balance: Working Women's View (Regional Aspect). *Ekonomicheskie i Social'nye Peremeny: Fakty, Tendencii, Prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(1):209–222. <https://doi.org/10.15838/ESC.2022.1.79.11> (In Russ.)
23. Burkhanova F.B., Baimurzina G.R., Turakayev M.S. The Impact of Employment Factors on the Perception of Work-Life Balance among Employees. *Vestnik Instituta sotsiologii=Bulletin of the Institute of Sociology*. 2022;13(4):168–191. <https://doi.org/10.19181/Vis.2022.13.4.855> (In Russ.)
24. Mareeva S.V. Inequality of Life Chances in Work-Life Balance of Russians. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Social'nye Peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;(3(151)):324–344. <https://doi.org/10.14515/Monitoring.2019.3.18> (In Russ.)
25. Razumova T.O., Serpukhova M.A. Theoretical and Methodological Foundations for the Formation of the Work-Life Balance Indicator. *Uroven' Zhizni Naseleniya Regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(4):466–476. <https://doi.org/10.19181/Lspr.2022.18.4.4> (In Russ.)

Information about the authors:

Flyura B. Burkhanova – Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Laboratory of Regional Studies of the Quality of Life of the Center for the Study of the Regions of Russia, Institute of Sociology - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Chief Specialist, Scientific Laboratory of Social and Demographical Research, Ufa University of Science and Technology

(SPIN-code: 7593-3582) (RSCI Author ID: 365515) (Researcher ID: AAV-2747-2020) (Scopus Author ID: 56940800100)

Guzel R. Baimurzina – PhD in Economics, Leading Researcher, Head of the Laboratory, Laboratory of Regional Studies of the Quality of Life of the Center for the Study of the Regions of Russia, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Chief Specialist, Scientific Laboratory of Social and Demographical Research, Ufa University of Science and Technology

(SPIN-code: 3325-3020) (RSCI Author ID 719415) (ResearcherID: G-4824-2017)

Authors' declared contribution:

F.B. Burkhanova – participation in the development of survey tools, setting the objectives of the article, processing, analysis, description of the data obtained.

G.R. Baimurzina – development of the concept and tools of surveys, analysis of literature.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Flyura B. Burkhanova

The article was submitted 10.03.2025; approved after reviewing 06.05.2025; accepted for publication 05.06.2025.

Краткое сообщение

УДК 316.3

JEL Z13

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_10_302_309

EDN UZKSJT

Общественный договор в современной России: реальность или иллюзия? Размышления социолога о монографии Ж.Т. Тощенко «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации»

Валентин Геннадьевич Немировский

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия
(valnemirov@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>)

Аннотация

Цель статьи – анализ концепции общественного договора и вытекающих из неё выводов, изложенной в монографии известного российского социолога Ж.Т. Тощенко. Актуальность данной темы определяется её слабой разработанностью в отечественной социологической литературе. Значима и практическая роль концепции общественного договора, которая выступает важным инструментом не только исследования, но и управления процессами государственных и общественных перемен. В статье показана суть предложенной в монографии концепции общественного договора. К числу важных достоинств монографии относятся подробный экскурс в эволюцию интерпретации общественного договора, а также процессов его реализации на различных этапах существования России/СССР. В статье раскрыты перспективы развития вытекающих из этой концепции методологических подходов и их применения к анализу современного российского общества. В частности, обращено внимание на необходимость изучения латентных настроений и ориентаций различных социальных групп населения. Наряду с анализом социологических данных с применением аппарата математической статистики, представляется целесообразным использование методного арсенала психологических наук. Показаны особенности формирования общественного договора с позиций современной России как «общества травмы». В статье особое внимание уделено влиянию нравственного состояния населения страны на процесс формирования общественного договора, последствий ряда негативных процессов в духовной жизни общества. Это привело к утрате многих позитивных смыслов, распространению ориентаций на материальное благосостояние, карьеру, престижную семью, гедонизм, различные формы антисоциального поведения. На основе использования результатов эмпирических исследований отмечено усиление закрытости «комплектования» высшей экономической элиты России. Показано важное значение в формировании идеологии общественного договора таких крупных социальных групп как прекариат и пенсионеры; роль в этом процессе этнических диаспор. В статье обобщена сложность и противоречивость процессов формирования эффективного общественного договора в современных реалиях нашей страны.

Ключевые слова: концепция, общественный договор, общество травмы, пребендиализм, прекариат, диаспоры, идеология

Для цитирования: Немировский В.Г. Общественный договор в современной России: реальность или иллюзия? Размышления социолога о монографии Ж.Т. Тощенко «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 302–309. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_10_302_309 EDN UZKSJT

SCO (Short Communications Article)

JEL Z13

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_10_302_309

Social Contract in Modern Russia: Reality or Illusion? Sociologist's Reflections on J.T. Toshchenko's Monograph «The Fates of the Social Contract in Russia: Evolution of Ideas and Lessons of Implementation»

Valentin G. Nemirovskiy

The Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(valnemirov@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>)

Abstract

The purpose of the article is to analyze the concept of the social contract and the conclusions that follow from it, outlined in the monograph by the famous Russian sociologist J.T. Toshchenko. The relevance of this topic is determined by its weak elaboration in the Russian sociological literature. The practical role of the concept of the social contract is also significant, which is an important tool not only for research, but also for managing the processes of state and social change. The article shows the essence of the concept of the social contract proposed in the monograph. The important advantages of the monograph include a detailed insight into the evolution of the interpretation of the social contract, as well as the processes of its implementation at various stages of the existence of Russia / the USSR. The article reveals the prospects for the development of methodological approaches arising from this concept and their application to the analysis of modern Russian society. Attention is drawn to the need to study the latent moods and orientations of various social groups of the population. Along with the analysis of sociological data using the apparatus of mathematical statistics, it seems advisable to use the methodological arsenal of psychological sciences. The features of the formation of a social contract from the perspective of modern Russia as a "trauma society" are shown. The article pays special attention to the influence of the moral state of the country's population on the process of forming a social contract, the consequences of a number of negative processes in the spiritual life of society. This has led to the loss of many positive mean-

ings, the spread of orientations towards material well-being, career, prestigious family, hedonism, and various forms of antisocial behavior. Based on the use of empirical research results, an increase in the closeness of the "recruitment" of Russia's top economic elite has been noted. The important role of such large social groups as the precariat and pensioners in the formation of the ideology of social contract is shown, the role of ethnic diasporas in this process. The article substantiates the complexity and inconsistency of the processes of forming an effective social contract in the modern realities of our country.

Keywords: concept of social contract, trauma society, prebendalism, precariat, diasporas, ideology

For citation: Nemirovskiy V.G. Social Contract in Modern Russia: Reality or Illusion? Sociologist's Reflections on J.T. Toshchenko's Monograph «The Fates of the Social Contract in Russia: Evolution of Ideas and Lessons of Implementation». *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):302–309. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_10_302_309 (In Russ.)

Введение

Известный российский социолог, доктор филол. наук, профессор, член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко издал фундаментальную монографию, посвящённую судьбам общественного договора в России. Эта работа – плод долголетних исследований автора, нашедших реализацию в его многочисленных научных изданиях. В ней развиваются идеи, высказанные автором в ряде предшествующих публикаций. Целью настоящей статьи выступает анализ концепции общественного договора и вытекающих из неё выводов, изложенной автором монографии.

Актуальность темы общественного договора в России определяется существенными изменениями, произошедшими в российском обществе за последние годы как в его содержании, так и в реализации. Согласно результатам многочисленных исследований значительная часть населения нашей страны стабильно проявляет лояльность к действующей власти. Однако присутствуют факторы, если пренебрегать которыми, может возникнуть серьёзное напряжение в обществе, способное спровоцировать различные социальные конфликты. Тема общественного договора применительно к современной России социологами недостаточно изучена. Вместе с тем, в существующих публикациях поднимается необходимость переоценки существующего социального договора. Е.В. Балацкий и Н.А. Екимова анализируют проблему «кардинального пересмотра общественного договора (ОД) между российским обществом и верховной властью, которая возникла в результате глобальной трансформации геополитической системы в 2022 году. Начавшиеся сдвиги знаменуют кардинальную смену режима управления страной – с зависимого (колониального) на независимый (суверенный)» [1, с. 74]. Во многом подобная необходимость определяется, по мнению О.Э. Бессоновой тем, что «В конце XX в. идеология российского либерализма привела к внедрению рыночных институтов в российскую экономику, но в результате сформировалась

экономика квазирынка, обслуживающая рентоориентированный режим. Такая модель стала на рубеже XIX–XX вв. и в настоящее время причиной экономической стагнации и социальной поляризации» [2, с. 132].

Действительно, за два последних десятилетия в мире произошли глубокие геополитические изменения, в которые непосредственно вовлечена и наша страна. Проведение СВО, активные и противоречивые процессы социокультурной турбулентности внутри России и в государствах Ближнего Зарубежья требуют корректировки существующего общественного договора. Поэтому мы солидаризируемся с мнением, высказанным, как пишут В.А. Ильин и М.В. Морев, многими экспертами, согласно которому сегодня в условиях СВО формируются основания для формирования нового общественного договора в Российской Федерации, а также «новых критериев сосуществования и взаимодействия общества и государства, которые станут актуальными после достижения всех целей специальной военной операции» [3, с. 9].

Общественный договор как научная концепция

Общественный договор лаконично определяется автором рассматриваемой нами монографии как «самостоятельный научный и социальный феномен, который олицетворяет различные формы социального согласия между народом и государством, при учёте, что они носят не только открытый, но и латентный характер, отражая глубинные процессы, происходящие в общественном сознании» [4, с. 39].

Данное произведение Ж.Т. Тощенко настолько глубоко и многоаспектно, что в силу ограниченных рамок данной публикации, мы можем рассмотреть лишь некоторые из ряда наиболее важных выводов, которые вытекают из исследований, представленных её автором.

Нельзя не отметить широкий научный кругозор, глубокое владение реалиями современной российской истории, воистину энциклопедичес-

кий взгляд на описываемую проблему, позволившие автору монографии не только охарактеризовать представления об общественном договоре, впервые изложенные мыслителями эпохи Просвещения и их последователями, но и осуществить исследование эволюции идей общественного договора, высказанных учёными и общественными и политическими деятелями в XX–XXI веке. На наш взгляд, особого внимания исследователей заслуживает изложенная в работе характеристика «эволюции подобных идей не только в теоретических аспектах, но и в реальной практике государственной и общественной жизни как советского государства, так и современной России, определение уроков их реализации» [4, с. 11].

Представляются принципиально значимыми положения работы, которые ориентируют исследователя на важность анализа общественного сознания народа, а также, на наш взгляд, и бессознательного, в котором кроются латентные структуры и процессы, определяющие возможность «заключения» общественного договора. Ведь без учёта его содержания невозможно проводить эффективные социальные преобразования: «События на финише советской власти и в современной России настойчиво и убедительно показывают, что история развивается именно согласно тому, что хочет и к чему стремится народ, хотя многие действия государственных органов и советской, и российской власти далеко не всегда следовали желаниям и устремлениям народа, из-за чего приходилось расплачиваться сомнениями, недоверием и даже отказом сотрудничать с официальной властью» [4, с. 12].

Суть концепции общественного договора – в системном выражении процессов, которые происходят в общественном сознании народа и отражают его взаимодействие с государством и его элементами. Трудно не согласиться с позицией автора, по мнению которого «в центре общественного договора – социальное доверие и социальный контракт между властью и народом во всём их многообразии и многоаспектности» [4, с. 46].

В процессе исследования концепции общественного договора для его описания Ж.Т. Тощенко неоднократно использует такие формулы, как «глубинное сознание народа», «латентные характеристики» и др. Научная и практическая значимость данной концепции состоит в том, что она связывает чаяния народа, его социальные ожидания от власти, с одной стороны, и характеризует степень соответствия действий государства этим требованиям, не всегда чётко выражаемым, но реально существующим и требующим своего решения – с другой. С точки зрения методологии

социологического исследования это требует анализа общественного бессознательного, обращения к методному арсеналу психологических наук.

Общественный договор в обществе травмы

По нашему глубокому убеждению, нельзя рассматривать судьбы общественного договора в современной России вне разработанной автором монографии концепции «общества травмы», которая является важным методологическим инструментом для анализа общественного договора как социального конструкта. В одном из своих выступлений Ж.Т. Тощенко дал исчерпывающее определение подобному феномену: это «длительное состояние неопределённости трансформации общественных отношений, характеризующееся деформацией экономических, социальных, политических и духовно-культурных процессов и имеющих непредвиденные социальные последствия. Обществу травмы присущи отсутствие стратегических целей развития, хаотичность действий, неспособность мобилизовать активные силы для реализации программы действий и преодоления деструктивных изменений. Особую роль приобретает деятельность политических и экономических акторов, ведущая к непрогнозируемым эффектам вследствие несогласованности и противоречивости их действий, олицетворяющих сугубо корпоративные и групповые эгоистические интересы» [5, с. 12–13].

В последние годы происходит усиление травмированности российского общества. Ввиду интенсивных, противоречивых и трудно прогнозируемых геополитических и социально-экономических процессов, отсутствия чёткой государственной идеологии и зачастую реализуемых «лишь на бумаге» программ развития государственных институтов, активной социокультурной турбулентности, в том числе связанной с эпидемией COVID-19 и проведением СВО по демилитаризации и денацификации Украины, формирование эффективного общественного договора современной России встречает серьёзные проблемы. При этом трудно не согласиться с мнением автора, обратившего особое внимание на духовную сферу общества: «На состояние общественного договора достаточно серьёзно повлияли и негативные тенденции в духовной жизни общества. Произошла потеря многих смыслов и/или смысловых ориентиров... Одновременно с этими решениями происходили попытки внедрить ценности, присущие странам капиталистического мира: разогревалась вера, навязываемая неолибералами, что человек может (и должен) решать все жизненные проблемы только собственными силами. Поощрялся

безответственный индивидуализм. Снизились ценности любви, семьи, дружбы, доверительных межличностных связей. Стало приемлемым извлечение от химер совести» [4, с. 609].

Как показывают наши исследования, всё это способствовало распространению среди населения России представителей социального типа личности «человек избегающий», особенности которого формируются под воздействием негативных факторов общества травмы. К ним относятся высокая степень тревожности, неопределенность в отношении желаемого будущего, акцент на материальном благосостоянии, карьере, здоровье, престижной семье и гедонизме, а также предрасположенность к асоциальному поведению [6, с. 201]. Соответственно, произошло уменьшение доли антагонистичного ему по смысловой направленности социального типа личности «человек самореализующийся», что отнюдь не благоприятствует успешному формированию эффективного общественного договора в нашей стране.

Общественный договор в контексте социальной структуры российского общества

Обсуждая общественный договор в современной России, нельзя не задать вопрос: а какое же общество у нас построено? Естественно предположить, что характер общественного договора определяется спецификой самого общества, в котором он сформирован. Как известно, точки зрения на его природу существуют различные. В своей фундаментальной монографии Ж.Т. Тощенко неоднократно поднимает вопрос о политико-экономической природе нашего современного общества. Автор связывает её, в том числе, с рядом пороков, которые возникли в связи с прозападными реформами, проводимыми в российской системе образования: «...Болонский процесс породил пребендиализм как одну из форм квазирыночных отношений, суть которых сводится к тому, что важнейшей, едва ли не основной целью вузов и отчасти школ становится получение прибыли путём наращивания разного рода услуг. Такая установка ведёт к интенсивному поиску средств на их существование с правом руководителя достаточно произвольно распоряжаться полученными ресурсами. Автор напоминает читателю, что «пребенда, возникшая в средневековье, – право должностного лица кормиться за счёт государственной или церковной собственности, земли или иного общественного достояния, позволила М. Веберу определить её пользователей как «пребендариев», а экономико-политические

отношения, основанные на этих правах, как «пребендиализм». Как это не удивительно, но черты пребендиализма, на наш взгляд, воспроизводятся в современной России, в том числе и в тех социальных институтах, которые связаны с образованием» [4, с. 675].

Более того, подобная ситуация распространяется не только на систему образования. В работе совершенно справедливо указано на необоснованно широкие права, которые имеет сегодня чиновничество, «используя в групповых и личных интересах имеющиеся в их распоряжении полномочия, что в значительной мере обеспечило распространение различных форм казнокрадства, взяточничества и хищений» [4, с. 607]. Это следствие того, что в России сложилась рентная экономика, где, образно говоря, «должность чиновника и есть его рентная поляна».

На наш взгляд, здесь возникает логичная параллель с сословиями, «этносословиями», («квази-сословиями» – последнее понятие представляется нам более адекватно описывающим общественные конструкты, которые, наряду с классами и социальными слоями выступают одной из ипостасей многомерной и противоречивой социальной структуры современной России) [7; 8; 9] и др.

В таком обществе процветающего пребендиализма, человек, вступая в должность, одной из функций которой в той или иной форме выступают распределительные отношения, неофициально получает «право на кормление». На юридическом языке это именуется «коррупцией», с которой в настоящее время ведётся активная борьба на самых высоких уровнях.

Прекариат и государственная идеология

Но более «выпуклой», значимой как предмет социологического изучения в контексте формирования общественного договора в нашей стране, безусловно, выступает другая «ипостась» социальной структуры современной России, а именно: социально-классовая. В этой связи к числу достоинств монографии следует отнести обращение автора к анализу состояния нового класса – «прекариата».

В одной из своих предыдущих публикаций Ж.Т. Тощенко абсолютно верно отмечает, что «преобладающее количество трудоспособного населения занято неустойчивым, нестабильным, негарантированным трудом, куда входят практически многие представители всех существующих рабочих мест и профессий» [10, с. 71]. Очевидно, что значительную часть трудоспособного населения нашей страны можно причислить к нетрадиционному для России классу – прекариату,

анализу которого Ж.Т. Тощенко посвятил немало глубоких, новаторских работ [11; 12] и др.

Важнейшая характеристика прекариата, которую приводит автор данной монографии – это «нестабильное, неустойчивое социальное положение, отсутствие юридически оформленного трудового договора, социальных гарантий, низкая и неясная оплата труда» [4, с. 607]. Составляя более половины трудоспособного населения современной России, прекариат во многом определяет отношение народа к экономической и социальной политике, проводимой государственными органами. В условиях ухудшения социально-экономического положения прекариата, согласно справедливой оценке автора, «для большинства людей стало исчезать понимание ряда действий правящего класса» [4, с. 606].

Поэтому безусловно важным для успешной разработки общественного договора нам представляется сформулированный в одной из предыдущих статей вывод автора о том, что принимая во внимание главные черты общественного сознания большинства трудоспособного населения современной России, «имеющего черты прекарного социального положения, то именно они должны в максимальной степени учитываться в государственной политике и её идеологии» [13, с. 40].

Характер общественного договора в современной России будет определяться также формированием новой социальной общности: участников СВО на Украине, консолидации которых и привлечению к управлению государством на различных уровнях власти уделяется сегодня большое внимание. Нельзя не учитывать, что большинство из них несут на себе печать посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), которое, как показывает опыт предшествующих военных конфликтов, зачастую приводит к их социальной дезадаптации и эксклюзии.

Формирование общественного договора на настоящем этапе развития страны осложняется активностью этнических диаспор, которая не всегда происходит в рамках закона. Осуществленный нами анализ ситуации с позиции концепции общества травмы, разработанной Ж.Т. Тощенко, показал, что наиболее многочисленные из существующих в России этнических диаспор «обладают мощным культурно-травмогенным потенциалом: воспроизводство культурных травм, вызванных прошлым жизненным опытом мигрантов, и их продуцирование в стране пребывания относится к важнейшим латентным функциям этнонациональных диаспор в современной России» [14, с. 60]. Тем самым социологические исследования процессов формирования устойчивого обще-

ственного договора в нашей стране должны учитывать и национально-этническое многообразие России.

Российские элиты в свете концепции «общественного договора»

Автор монографии осуществляет детальный анализ и другого «партнёра» общественного договора, а именно: высших слоёв российского общества. По его словам, в 1990-е годы, когда население массово беднело в результате реформ, начала формироваться новая социальная группа, известная как элита, включающая кланы, касты и даже клики. Эта общность объединяла людей, имеющих огромную политическую и экономическую власть, включая теневую. Хотя она была сравнительно небольшой, но обладала значительными возможностями и ресурсами [4, с. 600].

На наш взгляд исключительно важную для понимания состояния общественного договора в нашей стране имеет характеристика, данная Ж.Т. Тощенко взаимоотношениям между представителями богатых и бедных слоёв населения: «...реальность показывает, что всё больше и больше увеличивается социальная пропасть между богатыми и бедными, которая приобретает характер не только недоверия, но и ненависти. Это противостояние имеет объективные корни: разрывы в доходах между первой и десятой стратой составляют 1 к 16 (по официальным данным) и 1–30 и более (по заключению ряда экспертов)» [4, с. 620].

В монографии детально рассматривается ситуация острого социального неравенства, существующая в современной России. Несомненный интерес представляет оценка населением положительных итогов реформ, проводимых в стране в течение последних десятилетий на фоне негативного либо скептического восприятия их других результатов: «Как показал опрос населения, в памяти людей осталось только два основных достижения: возможность свободно выезжать за рубеж и возможность получения информации без всяких ограничений» [4, с. 620].

В контексте анализа концепции общественного договора, предлагаемой Ж.Т. Тощенко, немалое значение имеют различные характеристики правящего класса. Как правило, его представители весьма труднодоступны для социологов. Тем не менее, приведённые ниже исследования подтверждают выводы, сделанные в рецензируемой монографии. Так, С.В. Мареева и Е.Д. Слободенюк провели анализ россиян, входивших в списки богатейших бизнесменов Forbes с 2004 по 2021 г. «Выявлено, что группа в значительной степени воспроизводит свой состав – ежегодно практически

ки на 90%... Группа сверхбогатых сегодня состоит преимущественно из лиц мужского пола, хотя в последние годы в ней появились и женщины. В силу устойчивости состава группы она пока продолжает стареть» [15, с. 30]. Что касается женщин в её структуре, то «примерно в половине случаев... их успеху предшествовало предварительное получение капиталов от близких родственников-мужчин (отца, мужа после развода)» [15, с. 41].

С началом СВО число сверхбогатых людей упало со 123 до 88 человек, но в 2023 году увеличилось до 110 человек. Исследователи характеризуют эту категорию людей как сверхзакрытую касту, изменение состава которой осуществляется в основном за счёт новых жён её представительниц. Причём, по мнению авторов статьи, её обособленность усиливается даже по территориальному признаку.

Этот вывод подтверждается исследованиями политической элиты современной России (n= 885). Идеальные перспективы для карьеры имеют выходцы из Москвы или Московской области, несколько более низкими шансами обладают те, кто родился в Санкт-Петербурге. Жители регионов для построения карьеры вначале должны перебираться в города-хабы, где существенно легче войти в элиту. Сверхконцентрация касается и образовательного пути будущих элитариев: в рейтинге вузов, где они учились, ведущие места занимают МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ и МГИМО [16, с. 25].

Авторы статьи приходят к заключению, согласно которому «Сверхконцентрация восходящих потоков мобильности приводит к ряду негативных последствий: политическая система воспринимается гражданами страны как несправедливая, а элита делегитимируется» [16, с. 25].

Автор монографии делает, по нашему мнению, справедливый вывод, согласно которому «в центре общественного договора – социальное доверие и социальный контракт между властью и народом во всём их многообразии и многоаспектности» [4, с. 46]. Приводя результаты анализа доверия населения главным органам государственной власти: «Президенту, в зависимости от отрасли экономики и культуры, доверяют от 38 до 63% населения (не доверяют от 8,2 до 13%), Правительству – от 16,5, до 41,2% и от 14,5 до 28,8% соответственно, Государственной Думе – от 10,7 до 26,8% и от 30,9 до 49,5%», Ж.Т. Тощенко отмечает, что «резервы для укрепления общественного договора ещё значительны» [4, с. 619].

Опубликованы социологические свидетельства того, что в настоящее время подобные резер-

вы в определённой мере заполняются латентной формой выражения институционального доверия, которое существует в российском обществе. В частности, И. А. Юрасовым и др. на основе эмпирических исследований выявлено, что «при недостатке базового институционального доверия российского населения к государственной и муниципальной власти социальное доверие перетекает в неформальные, полукриминальные и криминальные сферы. Доказано, что коррупция и неформальная занятость как формы социальной практики становятся формами выражения специфического политического доверия, основанного на сильных социальных связях в российских регионах. Они становятся видом неформальной социальной самоорганизации общества, которые снимают разрыв между политическими обещаниями элиты и ожиданиями гражданского общества» [17, с. 734]. Думается, что такая ситуация весьма парадоксальным образом способствует укреплению общественного договора в российском обществе.

Заключение

Нам представляется принципиальным следующий вывод автора: «В настоящее время крайне важно преодолеть отсутствие государственной идеологии как таковой. По сути, любая государственная идеология – это формулировка стратегических целей государства, которые разделяют народные массы, это ценностный ориентир, порождающий не только приятие, но и желание его отстаивать» [4, с. 617].

Нельзя не учитывать активное распространение в нашей стране различных вариантов мусульманской и пантюркистской идеологии (в т. ч. и крайне радикального толка), которое связано с массовым притоком и укоренением как легальных, так и нелегальных мигрантов из мусульманских стран, главным образом, Ближнего Зарубежья. Очевидно, у них имеются свои представления о содержании общественного договора в нашей стране.

Надо сказать, что в современной России складывается парадоксальная ситуация: общественный договор должен быть выстроен между, с одной стороны, населением страны, значительная часть которого представлена всё более беднеющим прекариатом, а также пенсионерами¹, многие из которых поставлены на грань нищеты, и узкой

¹ По состоянию на 1 января 2024 года количество пенсионеров на учёте в Социальном фонде России (СФР) составило 41,075 млн человек, снизившись за год на 699,9 тыс. человек, или 1,7%) // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/02/2024/65cb3d6d9a79473c8cfa87c3> (дата обращения: 10.03.2025).

прослойкой богатых и сверхбогатых элитных групп (самостоятельно или через своих представителей), управляющих государством – с другой. В этих условиях социальные интересы народа и власти по многим параметрам мало сочетаются. Представляется, что помочь здесь может формирование общей идеологии, что, безусловно, представляет немалые трудности. Как показывает исторический опыт, такая идеология с большой вероятностью будет нести радикальные черты. Более того, возникает логичный вопрос: возможен ли устойчивый общественный договор в обществе травмы? Ответ на него предстоит дать не только научным работникам, но и представителям государственного управления. В любом случае необходимы активные практические действия в этом направлении.

Перед социологами стоит задача творческого использования и развития концепции «общественный договор», которая, безусловно «является

важнейшим теоретическим, политическим и социальным конструктом для анализа, объяснения и реализации эволюционного или революционного развития государства и общества» [4, с. 843]. К числу несомненных достоинств монографии, придающих ей глубокую научную обоснованность и убедительность, следует отнести использование результатов социологических исследований и данных государственной статистики. Написанная ясным научным языком, она может быть рекомендована не только исследователям, но и управленцам-практикам, заинтересованным в понимании ситуации, сложившейся в современном российском обществе, её причин и последствий. Это тем более важно, что, согласно одному из выводов, сформулированных Ж.Т. Тощенко «В конечном счёте в процессе реализации общественного договора формируются представления, убеждения и действия по достижению общих целей народа и государства» [18, с. 51].

Список литературы

1. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Общественный договор в России: до и после 2022 года // Журнал институциональных исследований. 2022. Том 14. № 3. С. 74–90. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.3.074-090> EDN FOTHWL
2. Бессонова О.Э. Влияние идеологии на выбор институциональной модели России: ретроспектива и прогноз // Вопросы экономики. 2023. № 1. С. 132–145. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-1-132-145>
3. Ильин В.А., Морев М.В. В стране формируются контуры нового Общественного договора // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Том 15. № 6. С. 9–34. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.1> EDN EDXYU
4. Тощенко Ж.Т. Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 844 с. ISBN 978-5-00258-037-8 <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.1> EDN EDXYU
5. Общество травмы: между эволюцией и революцией (круглый стол) / Т. Макаров, В.Г. Доброхлеб, Л.Н. Доброхотов [и др.] // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 3–14. <https://doi.org/10.31857/S013216250005477-7> EDN ZSVONB
6. Немировский В.Г. «Человек избегающий» как социальный тип личности в российском обществе травмы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Том 17. № 1. С. 201–214. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.11> EDN PBLHTM
7. Немировский В.Г. Проблема социокультурной интеграции регионов через призму концепции сословной структуры российского общества // Регионоведение. 2023. Том 31. № 3. С. 548–563. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.548-563> EDN ARLQKC
8. Вахитов Р.Р. Сословия и раздаток (к уточнению дефиниции сословия) // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 4. С. 121–138. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.4.5532> EDN YLBELU
9. Кордонский С.Г., Дехант Д.К., Моляренко О.А. Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования // Мир России. Социология. Этнология. 2012. Том 21. № 2. С. 62–102. EDN PBNLOZ
10. Тощенко Ж.Т. Эволюция идей социальной структуры российского общества // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 62–73. <https://doi.org/10.31857/S013216250021404-7> EDN RLFJMM
11. Тощенко Ж.Т. Публичный и приватный жизненный мир прекариата: основные черты и ориентиры // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 24–36. <https://doi.org/10.31857/S013216250016200-3> EDN GCWVYR
12. От прекарной занятости к прекаризации жизни. Коллективная монография / под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. 364 с. ISBN 978-5-7777-0886-1 <https://doi.org/10.55604/9785777708861> EDN GPHFDK
13. Тощенко Ж.Т. Кто в России олицетворяет борьбу за сохранение человечества? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Том 15. № 4. С. 32–41. <https://doi.org/10.55604/9785777708861> EDN GPHFDK
14. Немировский В.Г. Этнические диаспоры в современной России как порождение и источник культурной травмы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2024. № 3. С. 60–89. <https://doi.org/10.31249/rsoc/2024.03.04>
15. Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. Сверхбогатые в России: состав и динамика группы // Мир России. Социология. Этнология. 2024. Том 33. № 1. С. 29–55. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-29-55> EDN IFMIPG
16. Крыштановская О.В., Лавров И.А. Вертикальная мобильность в российской политике // Социологические исследования. 2024. № 10. С. 25–39. <https://doi.org/10.31857/S0132162524100039> EDN EXSUWW
17. Парадоксальные формы проявления институционального социального доверия в российских регионах / И.А. Юрасов, В.В. Бондаренко, С.В. Полутин [и др.] // Регионоведение. 2023. Том 31. № 4. С. 733–753. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.733-753> EDN VJCYII

18. Тощенко Ж.Т. Общественный договор: исторические и современные реалии в советском/российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Том 16. № 3. С. 39–53. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.3.87.2> EDN STHYTJ

Информация об авторе:

Валентин Геннадьевич Немировский – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии, Институт научной информации по общественным наукам РАН (SPIN-код: 1831-1806) (РИНЦ Author ID: 394256) (ResearcherID: G-3689-2015) (Scopus Author ID: 46461917700)

Статья поступила в редакцию 01.03.2025; одобрена после рецензирования 01.04.2025; принята к публикации 05.06.2025.

References

1. Balatskii E.V., Ekimova N.A. Social Contract in Russia: before and after 2022. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy=Journal of Institutional Studies*. 2022;14(3):74–90. (In Russ.) <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.3.074-090> (in Russ.)
2. Bessonova O.E. The Influence of Ideology on the Choice of Russia's Institutional Model: Retrospective and Forecast. *Voprosy Ekonomiki*. 2023;(1):132–145. (In Russ.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-1-132-145> (in Russ.)
3. Ilyin V.A., Morev M.V. A Framework for a New Social Contract is Being Formed in Russia. *Ehkonomichek i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecas*. 2022;15(6):9–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.1>
4. Toschenko Zh.T. Sud'by Obshchestvennogo Dogovora v Rossii: Ehvolutsiya Idei i Uroki Realizatsii. Monograph. Moscow: FCTAS RAS; 2025. 844 p. ISBN 978-5-00258-037-8 <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.1> (in Russ.)
5. Makarov T., Dobrokhleb V.G., Dobrokhoto L.N., et al. Society of Trauma: between Evolution and Revolution (a round table discussion). *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Research*. 2019;6:3–14. <https://doi.org/10.31857/S013216250005477-7> (in Russ.)
6. Nemirovsky V.G. The «Voidant Individual» as a Social Personality Type in the Russian Trauma Society. *Ehkonomichek i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(1):201–214. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.11> (in Russ.)
7. Nemirovskiy V.G. The Problem of the Socio-Cultural Integration of Regions through the Prism of the Concept of the Estate Class Structure of Russian Society. *Regionologiya=Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):548–563. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.548-563> (in Russ.)
8. Vakhitov R.R. Estates and Razdatok (Clarifying the Definition of Estates). *Sotsiologicheskii zhurnal=Sociological Journal*. 2017;23(4):121–138. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.4.5532> (in Russ.)
9. Kordonsky S.G., Dehant D.K., Molyarenko O.A. The Estate Components of Russia's Contemporary Social Structure: a Hypothesico-Deductive Analysis and Modeling Attempt. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Ehtnologiya=Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2012;21(2):62–102. (in Russ.)
10. Toshchenko Zh.T. Evolution of Ideas of the Social Structure of Russian Society. *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Studies*. 2022;(10):62–73. <https://doi.org/10.31857/S013216250021404-7> (in Russ.)
11. Toshchenko Zh.T. The Public and Private Life World of the Precariat: Main Features and Landmarks. *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Studies*. 2021;(11):24–36. <https://doi.org/10.31857/S013216250016200-3> (in Russ.)
12. Toshchenko J.T. (ed.), et al. From Precarious Employment to Precarization of Life. Collective Monograph. Moscow: Publishing House Ves' Mir; 2022. 364 p. ISBN 978-5-7777-0886-1 <https://doi.org/10.55604/9785777708861> (in Russ.)
13. Toshchenko Zh.T. Who in Russia Embodies the Struggle for the Preservation of Mankind? *Ehkonomichek i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2022;15(4):32–41. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.2> (in Russ.)
14. Nemirovsky V.G. Ethnic Diasporas in Modern Russia as a Product and Source of Cultural Trauma. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya=Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*. 2024;(3):60–89. <https://doi.org/10.31249/rsoc/2024.03.04> (in Russ.)
15. Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D. The Super-Rich in Russia: Dynamics and Demographics. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Ehtnologiya=Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2024;33(1):29–55. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-29-55> (in Russ.)
16. Kryshantovskaya O.V., Lavrov I.A. Vertical Mobility in Russian Politics. *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Studies*. 2024;(10):25–39. <https://doi.org/10.31857/S0132162524100039> (In Russ.)
17. Yurasov I.A., Bondarenko V.V., Polutin S.V., et al. Paradoxical Manifestations of Institutional Social Trust in Russian Regions: Corruption and Shadow Employment as Types of Social Trust. *Regionologiya=Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(4):733–753. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.733-753> (in Russ.)
18. Toshchenko Zh.T. Social Contract: Historical and Contemporary Realities in Soviet/Russian Society. *Ehkonomichek i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2023;16(3):39–53. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.3.87.2> (In Russ.)

Information about the author:

Valentin G. Nemirovskiy – Doctor of Sociology, Professor, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 1831-1806) (RSCI Author ID: 394256) (ResearcherID: G-3689-2015) (Scopus Author ID: 46461917700)

The article was submitted 01.03.2025; approved after reviewing 01.04.2025; accepted for publication 05.06.2025.

Оригинальная статья

УДК 316, 314, 311

JEL R23, Z13, C46

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_11_310_325

EDN VAUYXD

Детерминанты обращаемости детей на номер детского телефона доверия

Оксана Викторовна Кучмаева¹, Лейсан Анваровна Давлетшина²

¹Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

(Kuchmaeva@yandex.ru, (<https://orcid.org/0000-0003-0386-857X>))

²Государственный университет управления, Москва, Россия,

(LA_Davletshina@guu.ru, (<https://orcid.org/0000-0002-1497-1751>))

Аннотация

Актуальность работы обусловлена значимостью психологической поддержки в системе помощи детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации в условиях роста социальных рисков. Цель статьи – оценка региональной дифференциации доступности услуг детского телефона доверия и определение детерминант обращаемости детей в службу Детского телефона доверия (ДТД), функционирующего под эгидой Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Объектом изучения выступают дети и подростки, находящиеся в трудной жизненной ситуации. Предмет изучения – детерминанты, определяющие уровень обращаемости детей на номер детского телефона доверия. Методологической основой исследования выступили труды, определяющие роль анонимной психологической поддержки в решении проблем детей и их родителей. Информационной базой послужили данные отчетности служб ДТД, официальной статистической отчетности, выборочных обследований Росстата за 2019–2023 гг. Выявлено, что социальные кризисы оказывают влияние на рост обращаемости за психологической поддержкой на ДТД. Среди клиентов ДТД ведущее место занимают дети, основные причины обращаемости – проблемы в отношениях со сверстниками и родителями. Результаты статистического анализа свидетельствуют о региональной дифференциации характеристик деятельности ДТД. За 2020–2022 гг. дифференциация регионов по уровню бедности и доступности Интернет-услуг уменьшилась и в меньшей степени влияет на использование услуг ДТД. Усилилась дифференциация регионов по частоте обращений на ДТД, связанных с жестоким обращением. Значительно сократилась доля неквалифицируемых звонков, что может свидетельствовать о более доверительном отношении к возможностям ДТД. Основными детерминантами, влияющими на уровень обращаемости за помощью на ДТД выступают: уровень рождаемости у несовершеннолетних; уровень занятости лиц в возрасте 15–17 лет; реальные денежные доходы населения; число организаций, подключенных к детскому телефону доверия. Это индикаторы доступности услуг ДТД и распространенности девиаций среди подростков, в том числе вызванных материальным неблагополучием.

Ключевые слова: детский телефон доверия, трудная жизненная ситуация, психологическая поддержка, обращаемость детей, детерминанты обращаемости, работа с депривантным поведением детей и подростков, многомерная классификация, уровень жизни, регионы России

Для цитирования: Кучмаева О.В., Давлетшина Л.А. Детерминанты обращаемости детей на номер детского телефона доверия // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 310–325. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_11_310_325 EDN VAUYXD

RAR (Research Article Report)

JEL R23, Z13, C46

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_11_310_325

Determinants of Children's access to the Children's Helpline Number

Oksana V. Kuchmaeva¹, Leisan A. Davletshina²

¹Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(Kuchmaeva@yandex.ru, (<https://orcid.org/0000-0003-0386-857X>))

²State University of Management, Moscow, Russia

(LA_Davletshina@guu.ru, (<https://orcid.org/0000-0002-1497-1751>))

Abstract

The relevance of the work is due to the importance of psychological support in the system of assistance to children who find themselves in a difficult life situation in conditions of increasing social risks. The purpose of the article is to assess the regional differentiation of the availability of children's helpline services and to determine the determinants of children's referral to the Children's Helpline Service (DTD), operating under the auspices of the Foundation for the Support of Children in Difficult Situations. The object of study is children and adolescents in difficult life situations. The subject of the study is the determinants that determine the level of children's access to the children's helpline number. The methodological basis of the research was the works defining the role of anonymous psychological support in solving the problems of children and their parents. The information base was provided by data from the reporting services of the DTD, official statistical reports, and sample surveys of Rosstat for 2019–2023. It has been revealed that social crises have an impact on the increase in the number of requests for psychological support at DTD. Among DTD's clients, children occupy a leading place, the main reasons for the appeal are problems in relationships with peers and parents. The results of the statistical analysis indicate a regional differentiation of the characteristics of the DTD activities. In 2020–2022, the differentiation of regions in terms of poverty and availability of Internet services has decreased and has a lesser impact on the use of DTD services. The differentiation of regions in terms of the frequency of complaints of DTD related to abuse has increased. The proportion of unqualified calls has significantly decreased, which may indicate a more trusting attitude towards the capabilities of the DTD. The main determinants affecting the level of access to DTD are: the birth rate among minors;

the employment rate of people aged 15–17; the real monetary incomes of the population; the number of organizations connected to the children's helpline. These are indicators of the availability of DTD services and the prevalence of deviations among adolescents, including those caused by material disadvantage.

Keywords: children's helpline, difficult life situation, psychological support, children's appeal, determinants of appeal, work with the deprived behavior of children and adolescents, multidimensional classification; standard of living, regions of Russia

For citation: Kuchmaeva O.V., Davletshina L.D. Determinants of Children's access to the Children's Helpline Number. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):310–325. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_11_310_325 (In Russ.)

Введение

Актуальность работы обусловлена значимостью психологической поддержки детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Психологическое благополучие выступает значимой составляющей качества жизни. Цели в области развития (ЦУР) предусматривают укрепление психического и психологического здоровья и благополучия.¹

Хорошее психологическое состояние является неотъемлемой частью здоровья человека, высокой удовлетворённости жизнью и общего функционирования. Появляется всё больше свидетельств того, что социальные, экономические, экологические и политические факторы влияют на психологические заболевания и благополучие на разных этапах жизни человека [1]. Существует значительная потребность в понимании социальных детерминант, определяющих потребность в психологической поддержке на политическом, общественном, организационном, межличностном и внутриличностном уровнях. Однако большинство опубликованных работ, направленных на решение данной задачи, включая профилактику психологических заболеваний, относится к компетенции медицинских наук [2].

Исследователи отмечают, что наиболее уязвимые группы риска, нуждающиеся в срочной психологической поддержке, зачастую сталкиваются с трудностями в ее получении. Одной из таких уязвимых групп выступают подростки в возрасте до 17 лет. Значительная часть российских подростков сталкиваются с жизненными трудностями, требующими помощи психолога [3], однако лишь треть из них обращалась к специалисту в кризисных ситуациях². Наличие психологических проблем выступает значимым риском разви-

тия личности детей и подростков, что негативно воздействует на их благополучии в настоящем и будущем [4].

Наблюдается недостаток исследований, объясняющих совокупность социальных факторов, определяющих уровень обращаемости за психологической поддержкой несовершеннолетних и их родителей. Усложнение социальных связей современного мира, в котором происходит взросление и социализация детей, появление новых рисков, в том числе за счёт включённости детей в виртуальное пространство, наличие противоречий в воспитательных стратегиях различных социальных институтов и семей способствует востребованности психологической помощи [5].

Исследования отмечают рост психологических проблем среди детей и подростков [6], необходимость формирования комплексной методики для выявления комплекса психологических проблем подростков, осознанности ими этих проблем и понимания необходимости помощи [7].

Подростковый возраст – сложный период жизни человека, который характеризуется переходом от ограниченных и зависимых ролей детства к формированию собственной идентичности, что сопровождается подчас возникновением психологических проблем, для решения которых необходима помощь как близких людей (семья, друзья), так и специализированной психологической поддержки. Интерес и понимание значимости профессиональной психологической помощи для детей и подростков является характерной чертой современности.

Проблематизация их психосоциального благополучия привела к институционализации психологической помощи подросткам в российском обществе. Значимость развития сети психологических служб и, в частности, телефонов доверия, оказывающих помощь детям и родителям, обеспечение доступности их услуг нашло отражение в стратегических документах социальной политики в интересах детей последних лет. В их числе – планы реализации «Десятилетия детства»³, комплекс

¹ Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development // United Nations General Assembly. United Nations [сайт]. URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (дата обращения: 27.03.2025).

² Информированность детей подросткового возраста о возможности получения психологической помощи в кризисной ситуации на территории 8 субъектов Российской Федерации. Аналитический отчёт по результатам исследования. НАФИ, Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. М.: Фонд поддержки детей, 2022. 66 с.

³ Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства».

мер до 2025 г. по совершенствованию системы профилактики суицида среди несовершеннолетних⁴, Стратегии комплексной безопасности детей до 2030 года⁵.

Детский телефон доверия (ДТД) под патронатом Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, функционирующий с 2010 г., в значительной степени расширил возможности в использовании психологической поддержки детей и их родителей. Интерес представляет объективная оценка на основе совокупности данных соответствия развития существующей сети служб экстренной психологической помощи запросам целевых групп, потребностям детей и их родителей, а также результативности её деятельности.

Проведённый в рамках данного исследования анализ результативности экстренной психологической помощи по телефону доверия построен на основе данных учёта деятельности служб детского телефона доверия в российских регионах, аккумулируемых Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также данных официального статистического учёта и выборочных обследований по социально-демографическим проблемам Росстата. Использование комплекса источников информации позволило провести анализ результативности экстренной психологической помощи для детей и родителей по Детскому телефону доверия, региональной дифференциации предоставляемых услуг.

Цель статьи – оценка региональной дифференциации доступности услуг детского телефона доверия и определение детерминант обращаемости детей в службу ДТД.

Гипотеза исследования состоит в том, что уровень обращаемости россиян, детей и родителей, за психологической поддержкой в службу ДТД весьма дифференцирован и определяется целым комплексом факторов, включая экономические, социальные и культурологические. Это позволяет говорить о различных моделях функционирования служб срочной психологической помощи в регионах России.

В соответствии с целью исследования были решены следующие задачи: определены подходы к оценке тенденций и детерминант депривантного поведения детей и подростков, требующего

психологической помощи, проанализированы данные об обращаемости детей и подростков на номер ДТД, дана характеристика регионов России по числу обращений детей в службу ДТД, представлено описание методики расчёта и приведена многомерная классификация субъектов по показателям деятельности служб ДТД. Объектом изучения выступают дети и подростки, находящиеся в трудной жизненной ситуации. Предмет изучения – детерминанты, определяющие уровень обращаемости детей на номер детского телефона доверия в трудной жизненной ситуации.

Теоретические и методологические положения

Состояние депривации, требующее оказания специализированной психологической помощи, согласно проведённым исследованиям, формируется под воздействием различного рода факторов, среди которых необходимо отметить наличие/отсутствие приватного пространства членов семьи [8]; делинквентное поведение и факторы криминализации несовершеннолетних [9]; возраст несовершеннолетних [10]. Исследователи приходят к единому мнению о том, что депривантные состояния, в том числе среди несовершеннолетних, вызывают состояние тревоги и раздражения [11]. Неблагоприятное психосоциальное состояние детей выступает одним из критериев депривации детей⁶.

Люди с низким социальным и экономическим статусом имеют более высокие риски для здоровья и более низкую продолжительность жизни, чем люди с более высоким статусом [12]. Эта зависимость прослеживается на разных этапах человеческой жизни. Бедные и обездоленные слои населения больше всего страдают от психических расстройств, кумулятивный стресс и физическое здоровье служат механизмами, посредством которых воздействие социальных детерминант умножается на протяжении всей жизни [13].

Острота психологических проблем детей и подростков усиливается в период острых социальных кризисов [14]. Исследования демонстрируют, что во всём мире идёт рост распространённости подростковых депрессий, представляющих тяжёлое социальное бремя [15]. Наличие проблемы возникновения и преодоления коммуникативных трудностей детей и подростков предопределяют необходимость адресной психолого-педагогической помощи. Проведённые исследования доказывают наличие коммуникативных трудностей в общении у подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию.

⁶ Local Index of Child Well-being: Summary report. Research Report / J. Bradshaw, K. Bloor, M. Huby [et al.]. London: Department for Communities and Local Government, 2009. 22 p. ISBN 978-1-4098-0905-0

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 26.04.2021 г. № 1058-р «Об утверждении комплекса мер до 2025 г. по совершенствованию системы профилактики суицида среди несовершеннолетних».

⁵ Указ Президента РФ от 17.05.2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года»; Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2023 года № 3233-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года».

Анализ моделей семейного воспитания подростков и их связи с развитием независимой личности показал, что существенный вклад в социализацию личности, формирования ценности свободы и ответственности вносит семья [16; 17].

Среди факторов возникновения психологических проблем отмечается криминализация несовершеннолетних, в том числе из-за сложившегося семейного неблагополучия, нарушения детско-родительских отношений, ранней депривации в семье и т.д. [11]. Подобные проблемы могут стать триггером для детей и подростков, который приведёт к употреблению психоактивных веществ, росту влияния психопатологических факторов в направлении суицидальных настроений [18].

Одной из значимых современных проблем в части формирования личности детей и подростков является информационная среда, в том числе технологии виртуальной реальности [19]. Она может стать источником пропаганды культа насилия, жестокости, экстремизма, суицидального поведения и т.д. [20]. Происходит это отчасти из-за того, что информационная среда, компьютерные игры содержат дидактический потенциал, формирующий когнитивные процессы [21].

В качестве механизма профилактики психологических расстройств, связанных со стрессом, используются технологии оказания экстренной психологической помощи, в частности, детский телефон доверия [22]. Актуальность и своевременность подтверждается его ролью в период вынужденной изоляции в условиях пандемии COVID-19 [23]. Исследования показали, что психологические стрессоры, вызванные возобновлением занятий в школе и мерами социального дистанцирования, а также более длительное время, затрачиваемое на выполнение домашних заданий и компьютерные игры, были связаны с более высоким риском эмоциональных и поведенческих проблем [24]. В это время возросла потребность в медико-психологической помощи за счёт повышения уровня стресса, снижения возможности адекватно справиться с ним.

Преимущества дистанционного оказания услуг экстренной психологической помощи и использования дистанционных технологий проявляется в сфере телефонного консультирования [25]. Особым преимуществом работы телефона доверия является вариативность системы оказания экстренной психологической помощи [26], анонимность, возможность в любой момент прервать процедуру консультирования, быстрое вхождение в стадию доверительных отношений и др. [27].

Анализ научных публикаций, посвящённых анализу оказания психологической помо-

щи детям и подросткам, показывает увеличение депрессивных состояний и роста проблем коммуникативного характера, что в свою очередь требует своевременной психолого-педагогической помощи. Депрессия является одной из ведущих причин серьёзных проблем со здоровьем среди молодёжи, в то время как самоубийства являются четвёртой по значимости причиной смерти среди подростков во всём мире.⁷

Понимание значимости психологической составляющей детского благополучия выступает причиной того, что психологическое благополучие детей выступает одним из индикаторов при формировании интегральных показателей мониторинга положения детей.⁸

Увеличивается потребность в психологической поддержке детей в условиях социальных кризисов [28; 29]. Всё это актуализирует создание условий, поиск механизмов, обеспечивающих доступность психологической помощи и поддержки для несовершеннолетних.

Наиболее привлекательным ресурсом для профилактики психических расстройств и девиантного поведения среди детей и подростков может считаться телефон доверия за счёт определённых преимуществ его использования – анонимность оказания услуг, круглосуточный режим работы, срочность обращений.

В практике психологических и социально-психологических исследований широко и успешно используются методы статистического анализа. Однако это касается методов непараметрической статистики, критериев, используемых для проверки гипотез о наличии различий в распределениях признаков [30; 31].

Однако научных работ, посвящённых комплексной оценке региональной дифференциации доступности услуг детского телефона доверия и определения детерминант обращаемости детей в службу детского телефона доверия, основанных на методике многомерного статистического анализа, в открытом доступе практически нет. Данное обстоятельство, вероятно, обусловлено сложностью формирования информационной базы, достаточной для проведения расчётов и форми-

⁷ WHO Global Health Estimates 2000–2021 // World Health Organization: [сайт]. URL: <https://www.who.int/data/global-health-estimates> (дата обращения 01.03.2025г.).

⁸ The Child and Youth Well-Being Index (CWI) // The Foundation for Child Development: [сайт]. URL: https://www.soc.duke.edu/~cwi/CWI_Report_2010_Final.pdf (дата обращения: 28.02.2025); Overview of the Indicators of Wellbeing // The Commissioner for Children and Young People: [сайт]. URL: <https://www.cccp.wa.gov.au/our-work/indicators-of-wellbeing/> (дата обращения: 28.02.2025); Worlds of Influence: Understanding what shapes child well-being in rich countries // UNICEF: [сайт]. URL: <https://www.unicef.org/innocenti/reports/worlds-of-influence> (дата обращения: 28.02.2025).

рования обоснованных выводов, междисциплинарностью подхода к количественному анализу деятельности служб психологической помощи.

Использованные данные и методы работы с ними

Выводы работы построены на данных отчетности Детского телефона доверия, действующего под патронатом Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Анализ охватывает период 2019–2023 гг., что позволяет выявить влияние на масштаб обращаемости детей и их родителей за психологической поддержкой на ДТД социальных шоков последних лет – пандемии COVID-19 и СВО.

Выводы работы основаны на методах количественного, статистического анализа. В работе представлен анализ динамики и структуры обращений. Для выявления детерминант уровня обращаемости (число обращений детей за помощью на ДТД, на 1000 детей 7–17 лет) была построена регрессионная модель, использован метод множественной линейной регрессии. Модель построена в программе IBM SPSS Statistics 27 по данным за 2022 г. В качестве источника данных при подборе факторов выступали данные официального

статистического учёта (Росстат) а также выборочных обследований Росстата за 2020–2022 гг. (Обследование рабочей силы, Обследование бюджетов домашних хозяйств).⁹

Применение метода многомерной классификации – кластерного анализа – позволило выявить типологические группы регионов России с точки зрения уровня обращаемости за помощью на ДТД и его детерминант. Проведение анализа по данным за 2020 г. и 2022 г. дало возможность выявить произошедшие изменения.

Масштабы обращаемости на номер ДТД в России

Число организаций, подключённых к детскому телефону доверия по России в целом и в разрезе регионов страны за период с 1 кв. 2019 года по 4 кв. 2023 года, оставалось практически неизменным. Всего на территории Российской Федерации действовало в 2019 году – 220 организаций, в 2023 году – 218 организаций, подключённых к детскому телефону доверия.

Динамика структуры звонков, поступивших на номер детского телефона доверия по категориям звонивших, за последние 5 лет по России представлена на рисунке 1.

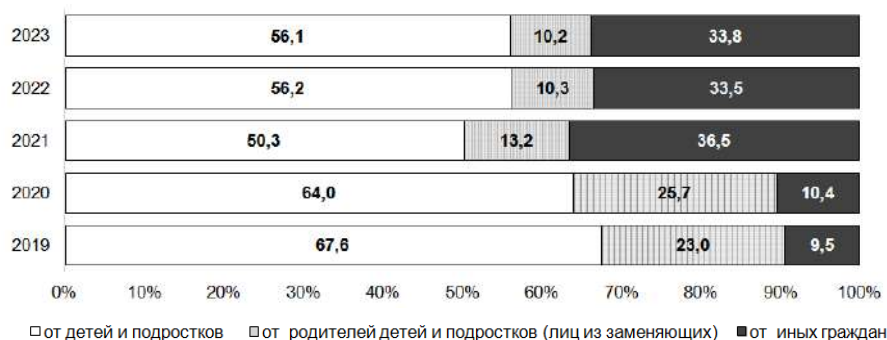

Рисунок 1. Обращения на номер ДТД по России за период 2019–2023 гг., %
Figure 1. Appeals to the DTD Number in Russia for the Period 2019–2023., %

Составлено авторами на основе данных статистики обращаемости на ДТД.¹⁰

На протяжении всего рассматриваемого периода наибольшее число обращений поступало от детей и подростков, далее по количеству обращений – от иных граждан, наименьшее число обращений зафиксировано от родителей детей и лиц их заменяющих. Номер ДТД стал узнаваем для детей, оказавшихся в сложной ситуации. Телефон доверия реализует свою основную функцию – оказание помощи именно детям и подросткам.

⁹ Обследование рабочей силы. Обследование бюджетов домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 27.02.2025).

¹⁰ Телефон доверия: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 27.02.2025).

Их звонки составляют более 50% от общего числа обращений. Обращаются за помощью к специалистам и родители, как показывает дальнейший анализ данных, прежде всего по вопросам взаимоотношений с детьми. Около трети от общего числа звонивших составляют «иные граждане», их количество превышает в 2–3 раза численность звонивших родителей. Доля звонков от «иных граждан» за рассматриваемый период увеличилась. В значительной степени это специалисты сферы образования, социальной защиты, здравоохранения, охраны прав несовершеннолетних, в функциональные обязанности которых входит

контроль за соблюдением прав несовершеннолетних. Прежде всего звонки «иных граждан» связаны со следующими вопросами: детско-родительские отношения, проблема суицида (детского), учебные проблемы детей и проблемы профориентации, отношения ребёнка со сверстниками. Причём доля звонков «других граждан» по учебным проблемам значительно превышает количество звонков по аналогичной проблеме, поступивших

от детей и родителей. Можно предположить, что прежде всех данную группу звонивших составляют педагоги и работники образовательных учреждений. Произошедшие изменения отчасти могут быть объяснены тем фактом, что увеличивается тревожность и вероятность психоэмоционального выгорания учителей и воспитателей, потребность в психологической помощи, реализованная в том числе путём обращения на номер ДТД [32].

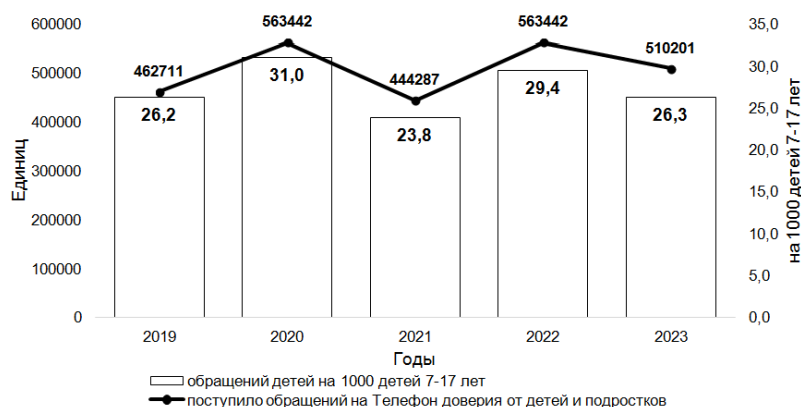

Рисунок 2. Обращения детей и подростков на номера ДТД по России за период 2019–2023 гг.

Figure 2. Appeals of Children and Adolescents to DTD Numbers in Russia for the Period 2019–2023

Составлено авторами на основе расчетов по данным статистики обращаемости на ДТД¹¹, официальным данным Росстата.¹²

Для оценки масштабов обращения за помощью к специалистам телефона доверия и понимания интенсивности работы детского телефона доверия было рассчитано число обращений детей ДТД на 1000 детей в возрасте 7–17 лет (рисунок 2). Уровень обращаемости несовершеннолетних повышался под влиянием социальных шоков, в 2020 г. (пандемия COVID-19), 2022 г. (СВО).

Характеристика структуры поступивших обращений на телефон доверия проводилась в направлении анализа тематики обращений детей и подростков на номера ДТД. Это позволяет выяснить наиболее востребованную помощь (консультации по каким вопросам в большей степени нужны), а также масштабность целевых групп, нуждающихся в консультативной помощи.

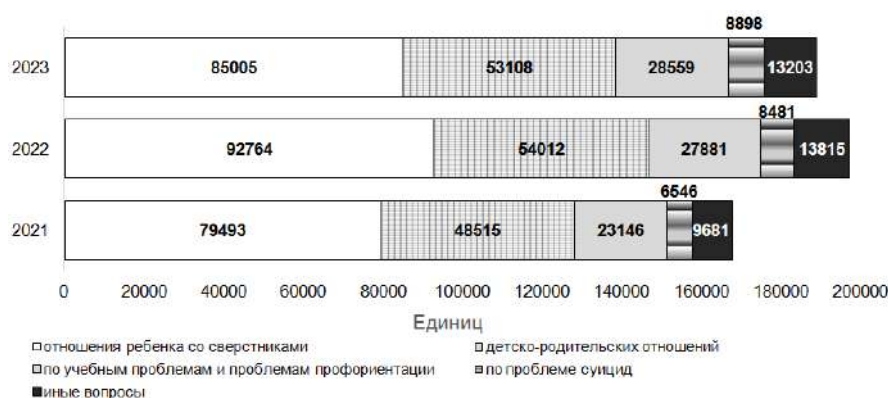

Рисунок 3. Структура обращений детей и подростков на номера ДТД по России за период 2021–2023 гг.

Figure 3. The Structure of Appeals from Children and Adolescents to DTD Numbers in Russia for the Period 2021–2023

Составлено авторами на основе данных статистики обращаемости на ДТД.¹³

¹¹ Телефон доверия: [сайт]. URL: <https://telefon-doveria.ru/teenagers/> (дата обращения: 27.02.2025).

¹² Демография // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 27.02.2025).

¹³ Телефон доверия: [сайт]. URL: <https://telefon-doveria.ru/teenagers/> (дата обращения: 27.02.2025).

В состав данных рисунка 3 включено количество идентифицированных обращений по таким параметрам, как: отношения ребёнка со сверстниками; детско-родительских отношений; по учебным проблемам и проблемам профориентации; по проблеме суицид; систематической травли ребёнка (буллинг); жестокого обращения с ребёнком в семье; жестокого обращения с ребёнком в среде сверстников; жестокого обращения с ребёнком вне семьи; доверия по проблеме сексуального насилия в отношении ребёнка; интернет-угроз (троллинг, разглашение информации компрометирующего характера, вовлечение в деструктивные сообщества и др.); доверия по проблеме экстремизма. Большую часть из поступивших обращений составляют обращения на Телефон доверия по вопросам, не подлежащим учёту (в 2023 г. – 321428 обращений или 64%).

Анализ структуры звонков в разрезе тематики обращений позволяет выявить наиболее распространённые вопросы, с которыми обращаются на ДТД. За последние годы их структура не претерпела серьёзных изменений. Детей и подростков беспокоили и продолжают беспокоить прежде всего отношения со сверстниками, детско-родительские отношения и проблемы, связанные с учёбой и профориентацией. Неблагоприятная картина наблюдается в динамике обращений детей и подростков по проблеме суицида: их число выросло с 6,5 до 8,9 тыс. обращений или на 0,8 п.п. и в 2023 г. составило 4,7% от общего числа обращений.

Оценка региональной дифференциации показателей доступности услуг ДТД построена на показателях, полученных на основе данных отчётов о функционировании телефона доверия, собираемой Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и данных официальной статистики о численности населе-

ния регионов, в том числе численности детей в возрасте 7–17 лет.

Для анализа выбраны показатели, характеризующие основные аспекты масштаба деятельности (число обращений) и доступности услуг (наличие круглосуточной службы оказания помощи, число организаций, подключенных к детскому телефону доверия), а так же наиболее часто встречающиеся причины обращения (проблемы детско-родительских отношений), либо в отношении которых можно говорить о сложности их профилактики и контроля, а так же росте в последние годы (суицид, жестокое обращение с детьми).

Для регионов России характерна значительная дифференциация показателей, характеризующих доступность услуг ДТД, масштабы обращения за получением срочной психологической помощи. Это касается и обращаемости за помощью – детей и родителей, и региональной сети служб, и структуры обращений.

Для межрегиональных сравнений целесообразно использовать относительные показатели. В частности, число обращений детей в расчете на 1000 детей в возрасте 7–17 лет, проживающих в регионе (таблица 1). Использование при расчете численности детей позволяет устранить влияние численности населения на показатель обращаемости и проводить корректные сравнения.

Анализируемый показатель в 2022 году варьирует в диапазоне от 0,1‰ в Ненецком автономном округе до 181,1‰ Оренбургской области.

В наиболее представительной группе регионов (23 субъекта) количество звонков составляет от 10,1 до 20,0 обращений на 1000 детей в возрасте от 7 до 17 лет. Следующей по распространённости (20 субъектов) является группа с числом обращений 30,1–50,0 звонков на 1000 детей. В остальных группах равное число – по 14 субъектов.

Таблица 1

Группировка регионов России по числу обращений детей на 1000 детей в регионе в возрасте 7–17 лет в 2022 году

Table 1

Grouping of Russian Regions by the Number of Child Referrals Per 1,000 Children in the Region Aged 7–17 Years In 2022

№ п/п	Число обращений детей на 1000 детей 7–17 лет	Субъекты Российской Федерации
1	0,1–10,0	Ненецкий автономный округ, Чеченская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Ингушетия, Республика Крым, Ярославская область, Республика Калмыкия, Смоленская область, г. Москва, Республика Мордовия, Чукотский автономный округ, г. Санкт-Петербург, Белгородская область, Тюменская область
2	10,1–20,0	Тульская область, Свердловская область, Сахалинская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Нижегородская область, Ульяновская область, Новосибирская область, Удмуртская Республика, Ленинградская область, Архангельская область, Республика Марий Эл, Краснодарский край, Ростовская область, Республика Адыгея (Адыгея),

№ п/п	Число обращений детей на 1000 детей 7–17 лет	Субъекты Российской Федерации
		Ставропольский край, Магаданская область, Мурманская область, Ивановская область, Кировская область, Забайкальский край, Костромская область, Хабаровский край, Республика Дагестан
3	20,1-30,0	Воронежская область, Тверская область, Псковская область, Томская область, Республика Татарстан, Липецкая область, Омская область, Самарская область, Республика Северная Осетия-Алания, Вологодская область, Московская область, Брянская область, Орловская область, Приморский край
4	30,1-50,0	Калужская область, Астраханская область, Новгородская область, Республика Коми, Республика Бурятия, Калининградская область, Амурская область, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Башкортостан, Волгоградская область, Камчатский край, Пензенская область, Республика Алтай, Пермский край, Курганская область, Курская область, Челябинская область, Владимирская область, Кемеровская область – Кузбасс, Ханты-Мансийский автономный округ
5	Свыше 50,0	г. Севастополь, Рязанская область, Республика Карелия, Иркутская область, Тамбовская область, Саратовская область, Красноярский край, Республика Саха (Якутия), Чувашская Республика, Еврейская автономная область, Алтайский край, Республика Тыва, Республика Хакасия, Оренбургская область

Составлено авторами на основе расчетов по данным статистики обращаемости на ДТД¹⁴, официальным данным Росстата.¹⁵

Для значительной части регионов наблюдается динамика показателя. Под воздействием совокупности факторов уровень обращаемости детей на ДТД меняется. Республика Карелия, Севастополь, Волгоградская область, Карачаево-Черкесская Республика, Астраханская область, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Дагестан, Ставропольский край, Республика Адыгея (Адыгея) и Краснодарский край в 2022 году по сравнению со значениями 2020 года перешли из группы с меньшими показателями обращаемости к группе с более высоким уровнем числа обращений детей в расчёте на 1000 детей 7–17 лет.

Ханты-Мансийский автономный округ, Московская область и Хабаровский край, напротив, за два года изменили свои позиции таким образом, что в 2022 г. включены в группы с более низкими значениями.

Важным фактором, влияющим на возможность обратиться к услугам ДТД, является доступность их услуг. Можно выделить регионы, в которых доступность услуг ДТД составляет менее 100%. Это те субъекты, где ни у одной организации, находящейся на территории региона, нет режима работы номера телефона доверия без перерыва. По состоянию на начало 2023 года таких субъектов шесть: Чеченская Республика, Республика Мордовия, Чукотский автономный округ, Ивановская область, Смоленская область, Магаданская область.

¹⁴ Телефон доверия: [сайт]. URL: <https://telefon-doveria.ru/teenagers/> (дата обращения: 27.02.2025).

¹⁵ Демография // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 27.02.2025).

С целью установления направлений произошедших изменений числа обращений детей на 1000 детей в возрасте 7–17 лет в период с 2019 по 2022 годы в регионах России были рассчитаны темпы прироста анализируемого показателя. В результате определены следующие варианты динамики: снижение числа обращений детей на 1000 детей в возрасте 7–17 лет с 2019 по 2022 год; разнонаправленные изменения показателя (снижение в 2022 году к 2019 году и увеличение к 2021 году, увеличение в 2022 году к 2019 году и снижение к 2021 году), увеличение значений показателя за исследуемый отрезок времени и увеличение в два раза и более.

В большей части регионов произошло увеличение числа обращений детей в службу ДТД (в расчёте на 1000 детей в возрасте 7–17 лет) в 2022 году по сравнению с 2019 и 2021 годами. Такие изменения зафиксированы в 45 субъектах Российской Федерации. Следующий по распространённости вариант – это разнонаправленные изменения в течение 2019–2022 гг. Сокращение числа обращений детей и подростков как в абсолютном, так и в относительном выражении в 2022 году по сравнению с значениями 2019 года, но увеличение по сравнению с предыдущим, 2021 годом. Такая ситуация характерна для 18 регионов.

В 9 субъектах наблюдается снижение числа обращений детей на 1000 детей в возрасте 7–17 лет в 2022 году относительно 2019 и 2021 годов.

Также имеются регионы, в которых за анализируемый период число обращений увеличилось более чем в два раза. Как и говорилось

ранее, наибольший прирост характерен для Республики Калмыкия – с 0,5‰ в 2019 году до 5,4‰ в 2022 году. В Республике наименьшее число обращений зафиксировано в 2020 году и соответствует значению 0,1‰ или 1 обращение от детей и подростков на 10 000 детей в возрасте 7–17 лет, проживающих в регионе. В Приморском крае (-2,6%) и Нижегородской области (-4,9%) число обращений от детей в 2022 году по сравнению с значениями 2020 года сокращалось, в то время как в 2019 и 2021 годах характеризуются увеличением в два раза и более.

Проведённый анализ показывает, что динамика, развитие деятельности служб ДТД в регионах страны характеризуется своей спецификой.

Результаты исследования и их обсуждение

В контексте анализа результативности деятельности служб ДТД безусловный интерес вызывает оценка детерминант, определяющих уровень обращаемости несовершеннолетних за психологической поддержкой. Далеко не все из них могут быть выявлены на основе статистических данных. На формирование потребности анонимной и экстренной психологической поддержки и ее реализацию влияют как особенности культурных и социальных норм, сложившихся в регионе, так и масштабы и риск возникновения трудных жизненных ситуаций в окружении ребёнка, а также доступность услуг ДТД. В качестве основных гипотез при отборе переменных для построения модели использовались следующие: уровень обращаемости детей за помощью на ДТД определяется распространённостью девиаций, с одной стороны, и масштабами сети служб, подключённых к ДТД, с другой.

Выявление возможных детерминант обращаемости детей за помощью на ДТД позволило построить регрессионную модель (1):

$$Y = 275,819 - 0,158x_1 + 2,294x_2 + 3,3022x_3 - 2,691x_4 - 1,341x_5 - 2,673x_6 \quad (1)$$

где $(-3,940) \quad (4,017) \quad (2,760) \quad (-2,758) \quad (-2,126) \quad (-2,264)$

Y – число обращений детей за помощью на ДТД, на 1000 детей 7–17 лет;

x_1 – доля неквалифицируемых звонков, % от общего числа;

x_2 – коэффициент рождаемости женщин в возрасте от 15 до 19 лет, число рождений на 1000 женщин в соответствующей возрастной группе;

x_3 – уровень занятости лиц в возрасте 15–17 лет, %;

x_4 – реальные денежные доходы населения, в % к предыдущему периоду;

x_5 – доля молодёжи (в возрасте от 15 до 24 лет), которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков, %;

x_6 – число организаций, подключённых к детскому телефону доверия в расчёте на 1000 детей 7–17 лет.

Модель построена по данным за 2022 г. Информационную базу составили данные официальной статистической отчётности, данные Обследований рабочей силы и отчётов о деятельности ДТД Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. R^2 составил 0,623, уравнение статистически значимо (значение F-критерия 8,265, $p < 0,001$).

Далеко не все факторы, в отношении которых высказывались гипотезы о возможном влиянии на уровень обращаемости за помощью на ДТД, вошли в итоговую модель. Не оказывает значимого влияния на уровень обращаемости доступность интернета (дифференциация значений данного показателя по регионам России не слишком велика), уровень бедности, распространённость лишения родительских прав, неуспехи детей в обучении). Вероятно, дети не испытывают большого стресса от этих проблем, заставляющего их искать помощь и поддержку, воспринимая такого рода сложные ситуации как обыденное явление.

Определёнными индикаторами детского неблагополучия выступают показатели ранней рождаемости и занятости (вынужденной?) несовершеннолетних в возрасте 15–17 лет. Результаты моделирования свидетельствуют, что уровень обращаемости детей за помощью на ДТД увеличивается в том случае, если в регионах наблюдается более высокий уровень рождаемости несовершеннолетних и занятости (по сравнению с другими регионами).

Уровень обращаемости детей за помощью на телефон доверия снижается, если растут реальные доходы населения, что свидетельствует об экономическом благополучии в регионе.

При увеличении численности детей и молодёжи, не включённых в социальные отношения (не работает и не учится) количество обращаемости на ДТД сокращается. Данный факт может служить следствием того, что обращение за психологической помощью на ДТД требует определённых социальных навыков, осознания значимости психологической поддержки в решении проблем. Несовершеннолетние, находящиеся в состоянии социальной исключённости, не осознают и не считают необходимым обращаться к специалистам для решения психологических проблем.

На совокупность факторов, определяющих более высокий уровень обращаемости детей за помощью к специалистам ДТД следует обратить внимание при разработке стратегии социальной политики в интересах детей в регионах России.

С учётом значительного числа показателей, которые характеризуют деятельность служб ДТД, а также факторов, которые могут повлиять на увеличение обращаемости в службы и их доступность, целесообразным представляется использование метода многомерной классификации – кластерного анализа.

Многомерная группировка проводилась по следующим показателям, представленным в таблице 2. Помимо показателей, характеризующих уровень обращаемости детей и родителей за помощью в службы ДТД, а так же долю обращений детей по таким серьёзным проблемам, как суицид и жестокое обращение с детьми, при кластеризации использовались показатели, характеризующие доступность услуг служб ДТД (число организаций в расчёте на 100 тыс. детей и доля неквалифицируемых звонков). В процессе кластеризации проверялась гипотеза о влиянии на формирова-

ние типологических групп регионов по степени потребности в услугах ДТД таких показателей, характеризующих детско-семейное неблагополучие, как бедность и лишение родительских прав, а также наличия в домохозяйствах доступа к интернету. Кластерный анализ был проведён в программе SPSS Statistics методом Ворда в 2 этапа: анализировались данные за 2020 г. и 2022 г. Это позволило, помимо формирования типологических групп регионов, сходных по детерминантам обращения на ДТД, выявить изменения, произошедшие в динамике.

Результатом кластерного анализа явилось разбиение 85 регионов России на 5 типологических групп, весьма различающихся по наполняемости (числу вошедших в группу регионов) и значению показателей. Достоверность различий значений переменных между кластерами проверялась на основе значения критерия Крускала-Уоллеса ($p \leq 0,001$).

Таблица 2

Средние значения переменных в кластерах, 2022 г.

Table 2

Average Values of Variables in Clusters, 2022

Переменные/кластеры	Кластер 1 36 субъектов	Кластер 2 36 субъектов	Кластер 3 9 субъектов	Кластер 4 3 субъекта	Кластер 5 1 субъект
Число обращений детей на 1000 детей 7–17 лет	25,91	26,12	61,02	47,44	42,14
Число обращений родителей на 1000 населения 20–49 лет	2,22	1,76	1,68	2,79	0,78
Число обращений детей по поводу жест.обр. на 100 000 детей	13,51	61,93	185,45	308,12	790,98
Число обращений детей по проблеме суицида. на 100 000 детей	15,42	38,19	140,89	37,09	38,05
Число организаций, подключённых к детскому телефону доверия на 100 000 детей в возрасте 7–17 лет	2,06	2,41	1,03	2,76	1,36
Доля неквалифицируемых звонков, % от общего числа	31,03	36,30	22,71	20,82	30,43
Доля лиц (домохозяйств), имеющих доступ к сети Интернет (%)	83,33	84,54	85,79	84,63	76,70
Численность детей, родители которых лишены родительских прав (на 10 тыс. детей в возрасте от 0 до 17 лет)	7,53	7,06	6,77	6,15	5,39
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в % от общей численности населения	12,81	11,44	12,61	12,47	11,50

Результаты кластерного анализа по данным статистики обращаемости на ДТД¹⁶, официальным данным Росстата.¹⁷

Кластеры 1 и 2 являются наиболее наполненными (в целом эти два кластера включают 72 региона), ситуация в них отражает характерные черты ситуации с обращаемостью детей в службы ДТД в большинстве регионов страны.¹⁷

¹⁶ Телефон доверия: [сайт]. URL: <https://telefon-doveria.ru/teenagers/> (дата обращения: 27.02.2025).

¹⁷ Демография // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 27.02.2025).

Кластер 1 объединяет значительную часть российских регионов (36 регионов), близких по характеристикам распространённости обращений за помощью к специалистам ДТД и ряду детерминант обращаемости. Это может говорить о единой стратегии, по которой развивается деятельность ДТД в значительной части регионов страны. В данный кластер вошли регионы, для которых характерен наиболее низкий уровень

обращаемости детей в службу ДТД, так же как и низкий уровень обращаемости по вопросам жестокого обращения и суицида. Для этих регионов характерен средний уровень числа служб, подключённых к ДТД (в расчёте на 100 тыс. детей) на фоне других кластеров. Уровень обращаемости родителей более чем в 10 раз ниже обращаемости детей (значительная разница в уровне обращаемости детей и родителей характерна для всех регионов). Третью часть от всех звонков составляют невалидируемые звонки. Для регионов данного кластера характерны наиболее высокие уровни распространения лишения родительских прав и бедности домохозяйств. Однако данный факт не влияет на величину обращаемости в службу ДТД. Формальные характеристики экономического и семейного неблагополучия детей не являются ведущими детерминантами обращаемости за психологической помощью. Данный кластер является одним из 2 наиболее типичных.

Отличительной чертой кластера 2 (36 регионов) является наиболее высокая по совокупности всех регионов доля невалидируемых звонков. На фоне кластера 1 здесь несколько выше уровень обращаемости детей, однако значительно выше обращаемость по вопросам жестокого обращения и суицида. Эти проблемы, вероятно, более остро стоят в регионах кластера 2 перед детьми, на фоне других ситуаций, вызывающих необходимость обратиться за психологической поддержкой. Кроме того, играет роль допустимости в общественном сознании обратиться за помощью в случае жестокого обращения. Данный кластер занимает 2 место по уровню лишения родительских прав за невыполнение обязанностей по воспитанию детей и 1 место по относительному количеству невалидируемых звонков.

В 9 регионах кластера 3 самый высокий уровень обращаемости детей, однако ощущается недостаток организаций, подключённых к детскому

телефону доверия и, соответственно, оказывающих психологическую поддержку. Обращает на себя внимание высокий уровень обращений по поводу жестокого обращения и суицидов, показатели обращаемости по этим двум причинам сопоставимы. Возможно, дело заключается и в специфике классификации звонков в службах этих регионов (доля невалидируемых звонков одна из самых низких, ниже только в 3 регионах кластера 4). Но всё же представляется важным обратить особое внимание на профилактику детских суицидов и жестокого обращения с детьми в этих регионах.

В кластер 4 (3 региона) и 5 (1 регион) выделены отдельные регионы в силу особенностей ситуации. Здесь весьма высокий уровень обращаемости детей, а так же очень высокий уровень обращений детей по поводу жестокого обращения. При этом в кластере 5 (Пензенская область) родители практически игнорируют службу ДТД, здесь самый низкий уровень лишения родительских прав и, судя по показателям других регионов, недостаток служб, подключённых к детскому телефону доверия. Надо сказать, что по данным отчётности ДТД в Пензенской области наблюдается резкий скачок звонков детей в 2022 г. по поводу жестокого обращения (причём, именно в семье).

В трёх регионах кластера 4 (Курганская область, Кемеровская область, г. Севастополь) при наиболее низкой доле невалидированных звонков, благоприятной ситуации с подключением количества организаций к ДТД, наблюдается наиболее значительный уровень обращаемости родителей. Вероятно, родители здесь в большей степени информированы о возможности и допустимости обращения на ДТД. На высоком уровне остаётся распространённость случаев жестокого обращения с детьми.

Представление о территориальных особенностях разбиения на кластеры в 2022 г. даёт таблица 3.

Таблица 3

Состав кластеров по данным 2022 г.

Table 3

The Composition of Clusters According to the Data of 2022

Кластер	Состав кластера
1	Белгородская область, Воронежская область, Костромская область, Липецкая область, Рязанская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тульская область, Ярославская область, Г. Москва, Псковская область, Ненецкий автономный округ, Республика Калмыкия, Республика Крым, Краснодарский край, Астраханская область, Волгоградская область, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Кировская область, Ульяновская область, Свердловская область, Республика Хакасия, Алтайский край, Красноярский край, Омская область, Томская область, Забайкальский край, Республика Саха (Якутия), Амурская область, Магаданская область, Еврейская автономная область
2	Брянская область, Владимирская область, Ивановская область, Калужская область, Курская область, Московская область, Орловская область, Тверская область, Республика Коми, Архангельская область,

Кластер	Состав кластера
	Вологодская область, Калининградская область, Ленинградская область, Мурманская область, Новгородская область, г. Санкт-Петербург, Республика Адыгея, Ростовская область, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия-Алания, Ставропольский край, Республика Татарстан, Нижегородская область, Самарская область, Иркутская область, Тюменская область, Челябинская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Алтай, Республика Тыва, Новосибирская область, Камчатский край, Хабаровский край, Сахалинская область, Чукотский автономный округ
3	Чувашская Республика, Оренбургская область, Саратовская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Бурятия, Приморский край, Пермский край, Республика Башкортостан, Республика Карелия
4	Курганская область, Кемеровская область, г. Севастополь
5	Пензенская область

Результаты кластерного анализа по данным статистики обращаемости на ДТД¹⁸, официальным данным Росстата.¹⁹

Для кластеров характерна значительная территориальная разбросанность, нельзя выделить каких-либо особых географических закономерностей. Для первого кластера, включающего 36 регионов, характерно значительное территориальное разнообразие. Он в первую очередь включает регионы европейской части России (от Ненецкого автономного округа до Республики Крым), республики Поволжья и Северного Кавказа, а также ряд регионов Восточной и Западной Сибири, Дальнего Востока.

Во второй кластер (36 регионов), наряду с территориями европейской части (значительная часть европейского Севера) входят и регионы Кавказа, и весьма отдалённые от центра страны территории – не только Западная, но и Восточная Сибирь и Дальний Восток.

В первый и второй кластеры входит большинство регионов, находящихся на границах России и отличающихся определённой этнокультурной мозаичностью, смешением культур и моделей поведения.

Из 9 регионов третьего кластера 5 – национальные автономии, в основном он представлен регионами с дисперсным расселением и низкой плотностью расселения и социальных контактов.

Четвёртый кластер представлен тремя регионами – г. Севастополь, Курганская область, Кемеровская область. В пятый кластер вошла только Пензенская область.

Сравнивая результаты многомерной классификации за 2022 г. и 2020 г. (таблицы 2 и 4), проведённой по одному набору показателей, можно заметить, что к 2022 г. однородность регионов России по типам обращаемости за услугами специалистов ДТД практически не увеличилась. В краткосрочном периоде сохраняются особенности распределения регионов России по типологическим группам в зависимости от характеристик обращаемости за психологической поддержки на ДТД. Возможно, это обусловлено незначительным временным промежутком для появления более значительных изменений.

Таблица 4

Средние значения переменных в кластерах, 2020 г.

Table 4

Average Values of Variables in Clusters, 2020

Переменные/кластеры	Кластер 1 42 субъекта	Кластер 2 35 субъектов	Кластер 3 3 субъекта	Кластер 4 2 субъекта	Кластер 5 3 субъекта
Число обращений детей на 1000 детей 7–17 лет	31,98	25,68	7,03	47,24	67,78
Число обращений родителей на 1000 населения 20–49 лет	1,67	1,77	2,03	6,76	32,55
Число обращений детей по поводу жест.обр. на 100 000 детей	23,45	24,84	8,46	225,60	20,57
Число обращений детей по проблеме суицида. на 100 000 детей	24,63	47,30	3,66	62,56	21,98
Число организаций, подключенных к детскому телефону доверия на 100 000 детей в возрасте 7–17 лет	1,84	2,60	18,49	2,65	7,68

¹⁸ Телефон доверия: [сайт]. URL: <https://telefon-doveria.ru/teenagers/> (дата обращения: 27.02.2025).

¹⁹ Демография // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 27.02.2025).

Окончание Таблицы 4

Переменные/кластеры	Кластер 1 42 субъекта	Кластер 2 35 субъектов	Кластер 3 3 субъекта	Кластер 4 2 субъекта	Кластер 5 3 субъекта
Доля неквалифицируемых звонков, % от общего числа	20,64	67,65	74,91	21,2	57,1
Доля лиц (домохозяйств), имеющих доступ к сети Интернет (%)	78,16	79,18	95,40	80,15	77,33
Численность детей, родители которых лишены родительских прав (на 10 тыс. детей в возрасте от 0 до 17 лет)	6,28	7,74	9,47	7,81	10,31
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в % от общей численности населения	13,99	13,41	7,47	13,25	27,20

Результаты кластерного анализа по данным статистики обращаемости на ДТД²⁰, официальным данным Росстата.²¹

В 2020 г. так же выделялись 2 крупных кластера, отличающихся по характеристикам, обуславливающим масштабы деятельности ДТД (42 и 35 регионов). В 2022 г. так же можно выделить два основных кластера (по 36 регионов) и три кластера, содержащих гораздо меньше наблюдений, характеризующихся определённой спецификой. Дифференциация регионов по уровню бедности и доступности Интернет-услуг уменьшилась в 2022 г. по сравнению с 2020 г. и в меньшей степени оказывает влияние на специфику распределения регионов по востребованности услуг ДТД.

Значительно вырос уровень и усилилась дифференциация регионов по частоте обращений на ДТД, связанных со случаями жестокого обращения (в 2022 г. показатель колебался от 13,51 обращения на 100 тыс. детей до 790,98; в 2020 г. размах показателя составлял от 8,46 обращения в 3 кластере до 225,6 – в 4 кластере). Значительно сократилась доля неквалифицируемых звонков, что может свидетельствовать о более серьёзном и доверительном отношении к возможностям ДТД.

В регионах сложились разные модели взаимодействия со службой ДТД. Внешние факторы – доступность интернет-услуг, уровень бедности – практически не оказывают влияния на уровень обращаемости к услугам специалистов за экстренной психологической помощью. Во многом уровень общей обращаемости зависит от частоты обращений по поводу жестокого обращения. Однако стоит обратить внимание на тот факт, что в большинстве случаев регионы с наиболее высоким уровнем обеспеченности услугами организаций, подключённых к ДТД, отличаются более низким уровнем обращаемости по вопросам жестокого обращения и суицида. В определённой степени можно говорить о роли такого негативного

фактора, определяющего семейное благополучие и доверительность детско-родительских отношений, как педагогическая несостоятельность родителей (лишение родительских прав).

Выводы

Развитие системы психологической поддержки для детей является важным условием их благополучия. Важным инструментом, обеспечивающим доступность анонимной психологической поддержки для детей и их родителей, выступает ДТД, действующий под патронажем Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Социальные шоки влияют на психологическое самочувствие детей и подростков и приводит к росту обращаемости за помощью на ДТД. На протяжении всего существования ДТД наибольшее число обращений поступает от детей и подростков, далее – от иных граждан и наименьшее число обращений от родителей детей и лиц их заменяющих. Основными причинами, по которым дети и подростки обращались на ДТД, выступают отношения со сверстниками, детско-родительские отношения и проблемы, связанные с учёбой и профориентацией.

Регионы России характеризует весьма значительная вариация показателей, характеризующих обеспеченность услугами организаций, подключённых к ДТД, режим их работы.

Использование методов многомерного анализа показало, что на уровень обращаемости несовершеннолетних на ДТД оказывают влияние такие детерминанты, характеризующие социальную ситуацию в регионах России, как уровень рождаемости несовершеннолетних (как индикатор девиаций в подростковой среде, распространённости сексуальных контактов среди несовершеннолетних), низкий уровень жизни, в том числе провоцирующих занятость несовершеннолетних. Ока-

²⁰ Телефон доверия: [сайт]. URL: <https://telefon-doveria.ru/teenagers/> (дата обращения: 27.02.2025).

²¹ Демография // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 27.02.2025).

зывают влияние и характеристики деятельности сети ДТД – количество организаций, подключённых к телефону доверия, доля неквалифицированных звонков.

Ситуация с обращаемостью на ДТД меняется с течением времени. Сокращается количество неквалифицированных звонков. В целом регионы пока отличает довольно незначительный уровень обращаемости детей в службу ДТД, так же как и низкий уровень обращаемости родителей. Значительна дифференциация регионов по уровню обращаемости детей по вопросам жестокого обращения и суицида. Семейное неблагополучие выступает одним из факторов, определяющих необходимость психологической поддержки. Важным направлением деятельности

выступает информирование детей и подростков, их родителей о доступности услуг анонимного ДТД.

Исследовательская гипотеза подтвердилась частично, результаты исследования продемонстрировали значительную региональную дифференциацию обращаемости за психологической помощью детей и их родителей. Далеко не всегда уровень обращаемости определяется экономическим или социальным неблагополучием семей. Поиск достоверных детерминант обращаемости за помощью на ДТД (детей и их родителей) актуализирует проведение специальных исследований, позволяющих выявить социально-культурные факторы, определяющие допустимость и возможность обращения за психологической поддержкой.

Список литературы

1. Social determinants of mental health: where we are and where we need to go / M. Alegría, A. NeMoyer, I.F. Bague [et al.] // *Current Psychiatry Reports*. 2018. Vol. 20. № 11. P. 1–13. <https://doi.org/10.1007/s11920-018-0969-9>
2. Rethinking research on the social determinants of global mental health / K. Rose-Clarke, D. Gurung, C. Brooke-Sumner [et al.] // *Lancet Psychiatry*. 2020. Vol. 7. No. 8. P. 659–662. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30134-6](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30134-6)
3. Арамачева Л.В., Дубовик Е.Ю. Анализ консультационных запросов современных родителей, воспитывающих подростков 13–15 лет // *Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева*. 2023. № 1(63). С. 110–118. EDN QJBMTC
4. Цирульников Е.А., Луканин Н.С. Современные тенденции проявления социально-психологического неблагополучия у подростков // *Психология и Психотехника*. 2022. № 4. С. 61–72. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2022.4.39430> EDN SIEQXE
5. Вольмистель А.А. Концептуальные основы социологии образа жизни // *Вестник Института социологии*. 2017. Том 8. № 4(23). С. 13–44. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.479> EDN YNLVQH
6. Зорина Н.С., Зорин Д.Н. Психологические особенности развития подростков в условиях семейной депривации // *Административное право и процесс*. 2023. № 1. С. 83–84. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-1-83-84> EDN MLOCDU
7. Психологические проблемы подростков в реальной и виртуальной среде: методика исследования / Л.А. Перуш, Е.В. Алексеева, О.Р. Веретина [и др.] // *Культурно-историческая психология*. 2023. Том 19. № 1. С. 84–96. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190111> EDN ADRJWA
8. Чеснокова Л.В. Право на уединение как условие оформления опыта приватности // *Идеи и идеалы*. 2020. Том 12. № 2-2. С. 434–451. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-434-451> EDN VACCWS
9. Ильянкова Е.И. Аналитический обзор исследований детерминант делинквентного поведения несовершеннолетних // *Прикладная психология и педагогика*. 2020. Том 5. № 4. С. 38–59. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2020-38-59> EDN ZJUSGZ
10. Ганишина И.С., Кряжева А.Ю. Девиантное поведение несовершеннолетних: общая характеристика, механизмы формирования и развития // *Педагогика и психология девиантного поведения: теория и практика: [монография]*. Ульяновск: издательство «Зебра», 2019. 168 с. EDN ZKJOLX
11. Морозова О.В. Оказание экстренной социально-психологической помощи несовершеннолетним в кризисной ситуации по телефону доверия // *Материалы международной научно-практической конференции «Человек и общество в нестабильном мире»*, 03 марта 2020, Омск, Россия / отв. редактор Г.И. Тюменцева. Омск: Частное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический университет», 2020. С. 130–134. EDN NUPVRV
12. Marmot M., Bell R. Social inequalities in health: a proper concern of epidemiology // *Annals of Epidemiology*. 2016. Vol. 26. № 4. P. 238–240. <https://doi.org/10.1016/j.annepidem.2016.02.003>
13. Social determinants of mental health / J. Allen, R. Balfour, R. Bell, M. Marmot // *International Review of Psychiatry*. 2014. Vol. 26. № 4. P. 392–407. <https://doi.org/10.3109/09540261.2014.928270>
14. Mood and emotional reactivity of adolescents during the COVID-19 pandemic: short-term and long-term effects and the impact of social and socioeconomic stressors / K.H. Green, S. van de Groep, S.W. Sweijen [et al.]. *Scientific Report*. 2021. No. 11563. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-90851-x>
15. Мазаева Н.А. Факторы риска увеличения частоты и ранней манифестации депрессий в современной подростковой популяции // *Психиатрия*. 2020. Том 18. № 3. С. 6–13. <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2020-18-3-6-13> EDN TFWWZG
16. Реан А.А. Свобода: ответственность, негативизм, забота // *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. 2021. № 3. С. 83–101. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.03.05> EDN EETUWA
17. Child personality and parental behavior as moderators of problem behavior: variable- and person-centered approaches / K.G. Van Leeuwen, I. Mervielde, C. Braet, G. Bosmans // *Developmental Psychology*. 2004. Vol. 40. № 6. P. 1028–1046. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.40.6.1028>
18. Положий Б.С., Васильев В.В., Каменищikov Ю.Г. Влияние социально-экономических и психопатологических факторов на динамику суицидальной смертности в Удмуртской Республике // *Академический журнал Западной Сибири*. 2021. Том 17. № 1(90). С. 5–13. EDN XAPCIP

19. Nesi J., Telzer E.H., Prinstein M.J. Adolescent development in the digital media context // *Psychological Inquiry*. 2020. Vol. 31. No. 3. P. 229–234. <https://doi.org/10.1080/1047840X.2020.1820219>
20. Карабинова О.А. Риски информационной социализации как проявление кризиса современного детства // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2020. № 3. С. 4–22. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.03.01 EDN JVZXBI>
21. Компьютерные игры: от борьбы с депривацией к алгоритмической культуре и ... цифровому слабоумию / С.В. Меркулов, Т.А. Кононова, О.Л. Поминова [и др.] // *Перспективы науки и образования*. 2022. № 1(55). С. 42–60. <https://doi.org/10.32744/pse.2022.1.3 EDN TXBJSF>
22. Ксенофонтова К.М. Суицидальное поведение как форма подростковой девиации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Том 12. № 8-1. С. 224–231. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.23.73.029 EDN CGUSNI>
23. Крахмалева О.Е., Кузьмина К.Н., Ермолова И.М. Дистантная медико-психологическая помощь в условиях вынужденной изоляции // Омский психиатрический журнал. 2020. № 2-S1(24). С. 11–15. <https://doi.org/10.24411/2412-8805-2020-10202 EDN YXACJD>
24. Editorial: Social determinants of psychological illness and well-being across the life course / J. Wang, N. Zhang, R. Ma, F. Yan // *Frontiers in psychology*. 2023. Vol. 14. Art. 1215136. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1215136>
25. Сучкова О.Ю., Харитонова Н.Е. Дистанционные формы психологической работы // Социальная работа: теория, методы, практика. 2023. № 7. С. 207–215. EDN PSNZFW
26. Гаврилова О.Я., Ульянина О.А. Международный опыт оказания экстренной психологической помощи несовершеннолетним детям // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2021. № 3. С. 108–115. <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2021-0-3-108-115 EDN JCOOZW>
27. Халфина Р.Р., Фаттахова Г.Р. Особенности оказания психологической помощи при телефонном консультировании // Вестник психофизиологии. 2020. № 2. С. 45–49. <https://doi.org/10.34985/q8504-0726-3658-m. EDN LPIQEA>
28. Clinicians' use of and attitudes towards technology to provide and support interventions in child and adolescent mental health services / B. Cliffe, A. Croker, M. Denne, P. Stallard // *Child and Adolescent Mental Health*. 2020. Vol. 25. No. 2. P. 95–101. <https://doi.org/10.1111/camh.12362>
29. Гаязова Л.А., Выхристюк О.В. Особенности запросов на дистанционную психологическую помощь в период самоизоляции (COVID-19) // Вестник практической психологии образования. 2020. Том 17. № S2. С. 118–129. EDN IOLMXU
30. Wasserstein R.L., Lazar N.A. The ASA's statement on p-values: context, process, and purpose // *The American Statistician*. 2016. Vol. 70. No. 2. P. 129–133. <https://doi.org/10.1080/00031305.2016.1154108>
31. Measuring stressors among children and adolescents: a scoping review 1956–2020 / F. Núñez-Regueiro, I. Archambault, P. Bressoux, C. Nurra // *Adolescent Research Review*. 2022. Vol. 7. № 1. P. 141–160. <https://doi.org/10.1007/s40894-021-00168-z>
32. Маклаков А.Г., Панкратова В. Г. Психологическая помощь учителям общеобразовательных организаций в профилактике профессионального выгорания // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2024. № 4. С. 334–348. https://doi.org/10.35231/18186653_2024_4_334 EDN VUGCIG

Информация об авторах:

Оксана Викторовна Кучмаева – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела семьи и семейно-демографической политики, Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

(SPIN-код: 1948-0872) (РИНЦ Author ID: 496666) (ResearcherID: L-9513-2015) (Scopus Author ID: 35183367300)

Лейсан Анваровна Давлетшина – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры статистики, Государственный университет управления

(SPIN-код: 1246-3360) (РИНЦ Author ID: 619141) (ResearcherID: AAF-1194-2021) (Scopus Author ID: 57220962431)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации: сбор данных, анализ методологических и методических подходов, подбор методики исследования, анализ данных, формирование выводов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Лейсан Анваровна Давлетшина.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025; одобрена после рецензирования 18.04.2025; принята к публикации 05.06.2025.

References

1. Alegría M., NeMoyer A., Falgàs Bagué I, et al. Social Determinants of Mental Health: Where We Are and Where We Need to Go. *Current Psychiatry Reports*. 2018;20(11):1-13. <https://doi.org/10.1007/s11920-018-0969-9>
2. Rose-Clarke K., Gurung D., Brooke-Sumner C., et al. Rethinking Research on the Social Determinants of Global Mental Health. *Lancet Psychiatry*. 2020;7(8):659-662. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30134-6](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30134-6)
3. Aramacheva L.V., Dubovik E.Y. Analysis of the Advice Requests of Modern Parents Raising 13-15-years-old Teenagers. *Vestnik KGPU im. V.P. Astaf'eva=Bulletin of the KSPU named after V.P. Astafiev*. 2023;(1(63)):110-118. (In Russ.)
4. Tsirolnikova E. A., Lukanin N. S. Current Trends in the Manifestation of Socio-Psychological Distress in Adolescents. *Psikhologiya i Psikhotehnika=Psychology and Psychotechnics*. 2022;(4):61-72. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2022.4.39430> (In Russ.)
5. Vozmitel A.A. Conceptual Foundations for the Lifestyle of Sociology. *Vestnik Instituta sociologii=Bulletin of the Institute of Sociology*. 2017;8(4(23)):13-44. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.479> (In Russ.)
6. Zorina N.S., Zorin D.N. Psychological Features of Adolescent Development in Conditions of Family Deprivation. *Administrativnoe pravo i process=Administrative Law and Process*. 2023;(1):83-84. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-1-83-84> (In Russ.)
7. Regush L.A., Alekseeva E.V., Veretina O.R. et al. Psychological Problems of Adolescents in Real and Virtual Environments: Questionnaire Standardization. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya=Cultural-Historical Psychology*. 2023;19(1):84-96. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190111> (In Russ.)
8. Chesnokova L.V. The Right to be Let Alone as a Condition for Formalizing Privacy Experience. *Idey i ideal=Ideas and Ideals*. 2020;12(2-2):434-451. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-434-451> (In Russ.)
9. Ilyankova E.I. Analytical Review of Research on the Determinants of Delinquent behavior in Minors. *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika=Applied Psychology and Pedagogy*. 2020;5(4):38-59. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2020-38-59> (In Russ.)

10. Ganishina I.S., Kryazheva A.Yu. Deviantnoe Povedenie Nesovershennoletnikh: Obshchaya Kharakteristika, Mekhanizmy Formirovaniya i Razvitiya. In: *Pedagogika i psikhologiya deviantnogo povedeniya: teoriya i praktika: [monografiya]*. Ul'yanovsk: Publishing House «Zebra»; 2019. 168 p. (In Russ.)
11. Morozova O.V. Okazanie Ehkstrennoi Sotsial'no-Psikhologicheskoi Pomoshchi Nesovershennoletnim v Krizisnoi Situatsii po Telefonu Doveriya. Man and Society in an Unstable World Conference Proceedings; March 03, 2020; Omsk, Russia. Omsk: Siberian Law University. 2020:130-134. (In Russ.)
12. Marmot Michael, Bell Ruth. Social Inequalities in Health: a Proper Concern of Epidemiology. *Annals of Epidemiology*. 2016;26(4):238–240. <https://doi.org/10.1016/j.annepidem.2016.02.003>
13. Allen J., Balfour R., Bell R., et al. Social Determinants of Mental Health. *International Review of Psychiatry*. 2014;26(4):392–407. <https://doi.org/10.3109/09540261.2014.928270>
14. Green K.H., van de Groep S., Sweijen S.W., et al. Mood and Emotional Reactivity of Adolescents During The COVID-19 Pandemic: Short-Term and Long-Term Effects and the Impact of Social and Socioeconomic Stressors. 2021;11563. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-90851-x>
15. Mazaeva N.A. Risk Factors for Increasing the Frequency and Earlier Manifestation of Depression in the Adolescent Population of Today. *Psihiatriya=Psychiatry*. 2020;18(3):6-13. <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2020-18-3-6-13> (In Russ.)
16. Rean A.A. Freedom: Responsibility, Negativism, Care. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya=The Lomonosov Psychology Journal*. 2021;(3):83-101. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.03.05> (In Russ.)
17. Van Leeuwen K., Mervielde I., Braet C., et al. Child Personality and Parental behavior as Moderators of Problem behavior: Variable- and Person-Centered Approaches. *Developmental Psychology*. 2004;40(6):1028-1046. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.40.6.1028>
18. Polozhiy B.S., Vasiliev V.V., Kamenshchikov Yu.G. Impact of Socio-Economic and Psychopathological Factors on the Dynamics of Suicidal Mortality in the Udmurt Republic. *Akademicheskij zhurnal Zapadnoj Sibiri=Academic Journal of Western Siberia*. 2021;17(1(90)):5-13. (In Russ.)
19. Nesi J., Telzer E.H., Prinstein M.J. Adolescent Development in the Digital Media Context. *Psychological Inquiry*. 2020;31(3):229-234. <https://doi.org/10.1080/1047840X.2020.1820219>
20. Karabanova O.A. The Risks of Information Socialization as a Manifestation of the Crisis of Modern Childhood. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya=The Lomonosov Psychology Journal*. 2020;(3):4-22. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.03.01> (In Russ.)
21. Merkulov S.V., Kononova T.A., Pominova O.L. et al. Computer Games: From the Fight Against Deprivation to Algorithmic Culture and Digital Dementia. *Perspektivy nauki i obrazovaniya=Perspectives of Science and Education*. 2022;(1(55)): 42-60. <https://doi.org/10.32744/pse.2022.1.3> (In Russ.)
22. Ksenofontova K.M. Suicidal Behavior as a Form of Adolescent Deviation. *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya=Psychology. Historical and critical reviews and modern research*. 2023;12(8-1):224-231. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.23.73.029> (In Russ.)
23. Krakhmaleva O.E., Kuzmina K.N., Ermolova I.M. Distant Medical and Psychological Assistance. *Omskij psihiatricheskij zhurnal=Omsk Psychiatric Journal*. 2020;(2-S1(24)):11-15. <https://doi.org/10.24411/2412-8805-2020-10202> (In Russ.)
24. Wang J., Zhang N., Ma R., et al. Editorial: Social Determinants of Psychological Illness and Well-Being Across the Life Course. *Frontiers in Psychology*. 2023;14,1215136. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1215136>
25. Suchkova O.Yu., Kharitonova N.E. Distant Forms of Psychological Work. *Social'naya rabota: teoriya, metody, praktika*. 2023;(7):207-215. (In Russ.)
26. Gavrilova O.Ya., Ulyanova O.A. International Experience in Providing Emergency Psychological Assistance to Minors. *Mediko-biologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychajnyh situatsiyah=Medico-Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations*. 2021;(3):108-115. <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2021-0-3-108-115> (In Russ.)
27. Khalfina R.R., Fattakhova G.R. Features of Psychological Assistance When Consulting by Phone. *Vestnik psihofiziologii=Psychophysiology News*. 2020;(2):45-49. <https://doi.org/10.34985/q8504-0726-3658-m> (In Russ.)
28. Cliffe B., Croker A., Denne M., et al. Clinicians' Use of and Attitudes Towards Technology in Child and Adolescent Mental Health Services. *Child and Adolescent Mental Health*. 2020;25(2):95-101. <https://doi.org/10.1111/camh.12362>
29. Gayazova L.A., Vikhristyuk O.V. Peculiarities of Requests for Distance Psychological Assistance During the Period of Self-Isolation (COVID-19). *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya=Bulletin of Practical Psychology of Education*. 2020;17(S2):118-129. (In Russ.)
30. Wasserstein R.L., Lazar N.A. The ASA's Statement on P-Values: Context, Process, and Purpose. *The American Statistician*. 2016;70(2):129-133. <https://doi.org/10.1080/00031305.2016.1154108>
31. Núñez-Regueiro F., Archambault I., Bressoux P., et al. The ASA's Statement on P-Values: Context, Process, and Purpose. *Adolescent Research Review*. 2022;7(1):141-160. <https://doi.org/10.1007/s40894-021-00168-z>
32. Maklakov A.G., Pankratova V.G. Adaptation Mechanisms of Personality and Professional Burnout among Teachers. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina=Pushkin Leningrad State University Journal*. 2024;(4):334-348. https://doi.org/10.35231/18186653_2024_4_334 (In Russ.)

Information about the authors:

Oksana Viktorovna Kuchmaeva – Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher at the Department of Family and Family Demographic Policy, Institute for Demographic Research - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

(SPIN-code: 1948-0872) (RSCI Author ID: 496666) (ResearcherID: L-9513-2015) (Scopus Author ID: 35183367300)

Leisan Anvarovna Davletshina – PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Statistics, State University of Management

(SPIN-code: 1246-3360) (RSCI Author ID: 619141) (ResearcherID: AAF-1194-2021) (Scopus Author ID: 57220962431)

Authors' declared contribution: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Leisan Anvarovna Davletshina.

The article was submitted 14.02.2025; approved after reviewing 18.04.2025; accepted for publication 05.06.2025.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Материалы конференции

УДК 314.15

JEL J11, J18, P51, R23, R58

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_13_326_329

EDN VIXOSM

Какой быть демографической политике России. По итогам дискуссии на Круглом столе «Пути решения демографических проблем Дальнего Востока»

Юрий Алексеевич Авдеев,¹ Федот Семёнович Тумусов²

¹Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения РАН, Владивосток, Россия (avdyural@mail.ru), (<http://orcid.org/0000-0003-0379-9914>)

²Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации, Москва, Россия

Для цитирования: Авдеев Ю.А., Тумусов Ф.С. Какой быть демографической политике России. По итогам дискуссии на Круглом столе «Пути решения демографических проблем Дальнего Востока» // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 326–329. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_12_326_329 EDN VIXOSM

CNF (Conference Proceedings)

JEL J11, J18, P51, R23, R58

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_12_326_329

What should be Russia's Demographic Policy? Based on the Results of the Roundtable Discussion «Ways to Solve the Demographic Problems of the Far East»

Yurii A. Avdeev,¹ Fedot S. Tumusov²

¹Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia (avdyural@mail.ru), (<http://orcid.org/0000-0003-0379-9914>)

²State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia

For citation: Avdeev Yu.A., Tumusov F.S. What should be Russia's Demographic Policy? Based on the Results of the Roundtable Discussion «Ways to Solve the Demographic Problems of the Far East». *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):326–329. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_12_326_329 (In Russ.)

Шестого мая 2025 г. во Владивостоке по инициативе фракции «Справедливая Россия – За правду!» в Государственной Думе Российской Федерации состоялся Круглый стол по проблемам демографического развития Дальнего Востока. Поводом стала опубликованная в первом номере 2025 года в журнале «Уровень жизни населения регионов России» статья номера, в которой поставлен вопрос: «Какая демографическая политика нужна России?»¹ Актуальность такой постановки объясняется, с одной стороны, необходимостью подвести итоги и дать оценку прежней демографической политике, с другой – зафиксированные в документах последнего времени целевые установки и показатели, принятые на высшем уровне, по существу, сохраняющие прежнюю политику ещё на десятилетие, что чревато дальнейшим сокращением численности населения страны.

На призыв руководителя фракции Госдумы «Справедливая Россия – За правду!» С.М. Ми-

ронова принять участие в работе Круглого стола откликнулись Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, Министерство здравоохранения Российской Федерации, Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации (фракция Компартии России) и представители органов власти практически всех субъектов Российской Федерации: от Чукотки до Бурятии и Забайкалья. Участниками стали также представители науки и вузов: Институт экономики РАН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ имени М.В. Ломоносова), Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения РАН, Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ).

Обеспокоенность сложившимися тенденциями присутствует в научной среде, в руководстве государством и на региональном уровне. Все

¹ Авдеев Ю.А. Какая демографическая политика нужна России // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 1. С. 12–27. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_12_27 EDN MCYKXT

чаще можно слышать призывы к проведению «специальной демографической операции», созданию «демографического спецназа» и т.п. Глава государства в декабре 2024 г. потребовал создать Совет при Президенте по реализации демографической и семейной политики, поручил Председателю Совета Федерации сформировать его состав.² Первоначальный замысел структуры был публично озвучен: «хотим сделать Совет не из статусных людей по должностям, а, прежде всего, из реальных специалистов, демографов, которые погружены в проблему, учёных, экспертов», определена задача: «надо понять, что не работает, что нужно не только в материальном плане»³. В феврале 2025 г. Указом Президента утверждены положение о Совете и его состав, сформирован также Экспертный Совет⁴, а в марте распоряжением Правительства утверждена Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики до 2036 года⁵.

Все эти действия направлены на активизацию демографической политики, подкреплены невиданным до сих пор финансированием, можно также вспомнить о тысячах публикаций, множестве конференций, обсуждений на разных уровнях и с разным составом участников. Однако остаются вопросы, на которые пока ответа нет: какая численность населения необходима стране? почему за три с лишним десятилетия не удалось кардинально повлиять на сложившиеся демографические тенденции? что необходимо сделать, чтобы обеспечить расширенное воспроизводство населения если не к 2036 году, то к 2050-му, к 2100-му?

Модератор Круглого стола д.э.н., профессор, первый заместитель Председателя Комитета Госдумы по охране здоровья, фракция «Справедливая Россия» Ф.С. Тумусов задал рамку тех проблем, которые предлагается обсудить: «Когда мы говорим о демографии, мы всегда думаем и говорим о будущем. О будущем страны, региона, о будущем российской цивилизации». «...когда коэффициент рождаемости еле-еле «топчется» около значения 1,4 ... означает, что перспектив роста населения нет. Культурная, этническая и всякая

другая деградация неизбежна. Если, конечно, никаких мер не принимать». Он напомнил участникам, что «ещё 24 сентября 2024 года, выступая с трибуны Государственной Думы Российской Федерации от имени фракции «Справедливая Россия», сказал, что «...Концепция демографической политики Правительства на Дальнем Востоке, да и в целом по стране, провалена. Сегодня Дальний Восток, да и вся страна, мягко говоря находятся на грани демографической катастрофы».

В основном докладе Ю.А. Авдеев, к.э.н., ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДО РАН, продемонстрировал «топтание» демографической политики с начала 90-х прошлого столетия, которую в официальных документах предлагается продлить ещё на десятилетие. К обсуждению была предложена задача: как обеспечить абсолютный рост численности населения, рассматривая её в качестве цели Национальной демографической политики. Для достижения поставленной цели необходимо: а) признать российское Государство главным выгодоприобретателем от роста численности населения; б) признать труд женщины по воспроизводству и доведению до совершеннолетия нового поколения общественно полезным, оплачиваемым, засчитываемым в трудовой стаж, обеспечиваемым пенсией; в) рассматривать жильё в качестве действенного рычага демографического роста; г) обеспечить достижение высокого уровня индустриального развития экономики как источника высоких доходов главы многодетного семейства (отца); д) сформировать альтернативный подход к пространственной организации расселения, ориентируясь на относительно равномерно размещаемые сельско-городские агломерации; е) рассматривать миграционный приток населения не столько в качестве источника трудовых ресурсов, а прежде всего как способ ускоренного прироста численности, способствующего улучшению демографической структуры для воспроизводства населения; ж) начать реализацию данного проекта с репрезентативной территории – Дальнего Востока, отработав на ней набор организационных, управленческих, институциональных, законодательных решений, распространяя положительный опыт на другие территории России.

В дискуссии приняли участие В.Н. Бобков, д.э.н. профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН; Н.В. Новичков, член Комитета ГД по развитию Дальнего Востока и Арктики,

² Указ Президента РФ от 09.12.2024 г. № 1047 «О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации демографической и семейной политике».

³ В. Матвиенко сообщила Президенту РФ о формировании Совета по реализации государственной демографической и семейной политики // Совет Федерации Федерального Собрания РФ: [сайт]. URL: <http://council.gov.ru/events/news/163309/> (дата обращения: 15.10.2025).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2025 г. № 99 «Об утверждении Положения о Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной демографической и семейной политики и его состава».

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.03.2025 г. № 615-р.

член фракции «Справедливая Россия – За правду» в Госдуме; В.Н. Архангельский, к.э.н., заведующий сектором Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; О.С. Чудиновских, к.э.н., заведующая лабораторией экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; С.В. Красицкая, министр труда и социальной политики Приморского края; В.А. Ионцев, д.э.н., заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова; И.Н. Волков, заместитель директора Департамента демографической и семейной политики Минтруда России; И.А. Деев, директор Департамента мониторинга, анализа и стратегического развития здравоохранения Минздрава России; А.Л. Абрамов, профессор Института математики и компьютерных наук, научный руководитель Центра математических методов народнохозяйственного прогнозирования и программирования ДВФУ; Г.В. Смоляк, директор Департамента социального развития Дальнего Востока и Арктики Минвостокразвития России.

В сообщении В.Н. Архангельского и О.С. Чудиновских были приведены основные демографические показатели за 2023 г., оценена миграционная ситуация в субъектах федерации Дальнего Востока. Анализ показал, что сценарием развития демографической ситуации в ДФО в среднесрочной перспективе будет естественная убыль населения и миграционный отток, а компенсация демографических потерь – за счёт временной международной миграции, но «лишь в том случае, если не будут введены избыточно жёсткие «регуляторы».

Министр труда и социальной политики Приморского края С.В. Красицкая показала демографическую ситуацию в регионе, раскрыв потери в численности за 5 лет: 78 тыс. человек, или 4% населения. Перечислен комплекс мер, направленный на снижение числа аборт, увеличение рождаемости, снижение смертности, сокращение оттока, привлечение молодёжи, социальной поддержки семей с детьми. Важно только понять, почему колоссальные усилия Правительства края не приводят к росту численности населения на протяжении уже более 30 лет и как коррелируют между собой цифры убыли населения с созданием 55 тыс. новых рабочих мест.

Республика Бурятия, Чукотский автономный округ внесли свои предложения по совершенствованию государственной демографической и семейной политики, в частности, предусмотреть

в Жилищном кодексе Российской Федерации приоритетное обеспечение жильём признанных нуждающимися в улучшении жилищных условий многодетных семей; рассмотреть вопрос по предоставлению отсрочки платежа по ипотечным жилищным кредитам семьям, в которых родился третий или последующий ребёнок, до достижения ребенком возраста полутора лет с продлением на аналогичный период срока кредитования.

Сахалинская область представила оптимистичные прогнозы: в 2025–2030 гг. ожидается ежегодно достичь положительного сальдо миграции от 0,4 до 1,2 тыс. человек. А к началу 2031 года численность постоянного населения Сахалинской области увеличится до 459,7 тыс. человек. (01.01.2025 – 457 597 чел., т.е. +2,1 тыс.). По инициативе Губернатора Сахалинской области В.И. Лимаренко 2025 г. объявлен Годом счастливого материнства, утверждена программа «Счастливое материнство», включающая 3 стратегических проекта: «Культурная революция», «Проводники счастья», «Институт нянь». Социальный пакет насчитывает порядка 50 мер социальной поддержки, направленный на повышение рождаемости и качества жизни семей с детьми. Из общего числа многодетных семей (8 597) 2 434 (28,3%) – семьи с доходом ниже величины прожиточного минимума.

Как отметил в своём сообщении А.Л. Абрамов, ни в одной администрации краёв, областей, городов и поселков Дальнего Востока нет органов управления домашними хозяйствами, отвечающих за их жизнедеятельность и развитие. А ведь они выполняют важнейшую функцию на каждой территории. Простых решений для преодоления оттока домашних хозяйств из Приморского края нет, но есть научные методы и алгоритмы, которые могут помочь решить проблему. Для этого предлагается организовать мониторинг и исследование экономики на системной основе на Дальнем Востоке, в частности, в Приморском крае, где отсутствует научно-исследовательский центр народнохозяйственного прогнозирования, планирования и программирования.

Правительство Хабаровского края подтвердило актуальность объявленной темы, «поскольку сохраняется тенденция снижения численности населения», но принимаемые меры, все же, преимущественно финансового порядка.

Г.В. Смоляк, подводя итоги дискуссии, констатировал, что на Дальнем Востоке сохраняется естественная убыль населения. За 2018–2023 годы общая убыль населения ДФО составила 274,6 тыс. человек (3,4%), из них естественная убыль – 121,4 тыс. человек (44,2%). Решения, которые в

настоящее время прорабатываются в Минвостокразвития России направлены на повышение эффективности «Демографического пакета», наделяя регионы Дальнего Востока «правом выбора осуществления единовременной выплаты при рождении первого ребенка в денежной форме либо в виде подарочного комплекта детских принадлежностей, а также предусматривают расширение возможностей направления средств регионального материнского (семейного) капитала при рождении второго ребенка». Также «проводится работа по продлению Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., которая будет предусматривать комплекс специальных мер, направленных на поддержку рождаемости, стимулирование миграционного притока, увеличение ожидаемой продолжительности жизни, а также на преодоление накопленного отста-

вания от среднероссийских значений по уровню и качеству жизни».

Из краткого обзора следует одно: демографическая проблема – задача национального масштаба. Она остается актуальной, подходов и предлагаемых решений немало, дискуссия на этом не завершается. Минвостокразвития в июне готовит очередную конференцию по проблемам демографии Дальнего Востока, на которой по итогам данного Круглого стола предлагается вынести на обсуждение проект «Дальневосточный федеральный округ – территория опережающего демографического развития», где найдут воплощение идеи, выходящие за пределы финансового стимулирования, будут системно и последовательно возвеличивать многодетные семьи, чье богатство будет определяться количеством в них детей.

Информация об авторах:

Юрий Алексеевич Авдеев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория социальной и медицинской географии, Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения РАН (SPIN-код: 7481-4302) (РИНЦ Author ID: 718435) (ResearcherID: K-5937-2018)

Федот Семёнович Тумусов – доктор экономических наук, профессор, первый заместитель Председателя Комитета Государственной Думы по охране здоровья, Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации (РИНЦ Author ID: 455356)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Юрий Алексеевич Авдеев.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; принята к публикации 05.06.2025.

Information about the authors:

Yurii A. Avdeev – PhD in Economics, Leading Researcher, Laboratory Social and Medical Geography, Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

(SPIN-code: 7481-4302) (RSCI Author ID: 718435) (ResearcherID: K-5937-2018)

Fedot S. Tumusov – Doctor of Economics, Professor, First Deputy Chairman of the State Duma for Health Protection, State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (RSCI Author ID: 455356)

The authors declare no conflicts of interest.

The author responsible for the correspondence is Yurii A. Avdeev.

The article was submitted 15.05.2025; accepted for publication 05.06.2025.

Материалы конференции

УДК 314.1

JEL J11

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_13_330_338

EDN VJTFHK

Профессия – демограф. Итоги проведения VII Международной зимней демографической школы в МГУ имени М.В. Ломоносова

Тамара Васильевна Лебедева¹, Александра Робертовна Акрамова², Анна Кирилловна Шебанова³

^{1,2,3} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹(shonohova@rambler.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-1817-3685>)

²(akrmv1999@gmail.com), (<https://orcid.org/0009-0002-1434-9425>)

³(serebro_anya@mail.ru), (<https://orcid.org/0009-0000-1258-6027>)

Аннотация

Современная сложная демографическая ситуация в Российской Федерации требует применения нестандартных современных мер по её совершенствованию и корректировке используемых управленческих решений. Учитывая сложность и многоаспектность демографических проблем, междисциплинарный характер демографических исследований, возрастают требования к подготовке исследователей в области демографии. Однако подготовка специалистов-демографов в нашей стране в настоящее время осуществляется только в трёх вузах. Поэтому особенности формирования современного образовательного пространства для подготовки демографов были обсуждены на VII Международной зимней демографической школе, которая была организована и проведена кафедрой демографии МГУ имени М.В. Ломоносова для преподавателей, научных сотрудников и студентов, аспирантов (далее по тексту – Школа). В мероприятии приняли участие ведущие демографы и социологи страны (Т.К. Ростовская, А.И. Антонов, О.Д. Воробьева и др.). В ходе работы Школы слушателям были прочитаны содержательные лекции с использованием презентационных материалов, состоялось обсуждение самых острых проблем организации в Российской Федерации высшего демографического образования, проведён мастер-класс по демографическому прогнозированию. Все слушатели мероприятия получили сертификаты участников. По итогам проведения Школы на сайте кафедры демографии размещены самые «свежие» нормативно-правовые акты и другие материалы, раскрывающие особенности развития кадрового потенциала в области демографии.

Ключевые слова: демографическая школа, демографическое образование, демография, демограф, профессиональный стандарт, образовательный стандарт

Для цитирования: Лебедева Т.В., Акрамова А.Р., Шебанова А.К. Профессия – демограф. Итоги проведения VII Международной зимней демографической школы в МГУ имени М.В. Ломоносова // *Уровень жизни населения регионов России*. 2025. Том 21. № 2. С. 330–338. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_13_330_338 EDN VJTFHK

CNF (Conference proceedings)

JEL J11

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_13_330_338

Profession – Demographer. Results of the VII International Winter Demographic School at Lomonosov Moscow State University

Tamara V. Lebedeva¹, Aleksandra R. Akramova², Anna K. Shebanova³

^{1,2,3} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹(shonohova@rambler.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-1817-3685>)

²(akrmv1999@gmail.com), (<https://orcid.org/0009-0002-1434-9425>)

³(serebro_anya@mail.ru), (<https://orcid.org/0009-0000-1258-6027>)

Abstract

The current complex demographic situation in the Russian Federation requires the use of non-standard modern measures to improve it and adjust the management decisions used. Given the complexity and multifaceted nature of demographic problems, the interdisciplinary nature of demographic research, the requirements for training researchers in the field of demography are increasing. However, training of demographers in our country is currently carried out only in three universities. Therefore, the features of the formation of a modern educational space for training demographers were discussed at the VII International Winter Demographic School, which was organized and held by the Department of Demography of Lomonosov Moscow State University for teachers, researchers and students, postgraduates (hereinafter referred to as the School). The event was attended by leading demographers and sociologists of the country (T.K. Rostovskaya, A.I. Antonov, O.D. Vorobyova, etc.). During the School, listeners were given informative lectures using presentation materials, a discussion of the most pressing problems of organizing higher demographic education in the Russian Federation took place, and a master class on demographic forecasting was held. All participants of the event received certificates of participation. Following the results of the School, the most recent regulatory and legal acts and other materials revealing the features of the development of human resources in the field of demography were posted on the website of the Department of Demography.

Keywords: demographic school, demographic education, demography, demographer, professional standard, educational standard

For citation: Lebedeva T.V., Akramova A.R., Shebanova A.K. Profession – Demographer. Results of the VII International Winter Demographic School at Lomonosov Moscow State University. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):330–338. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_13_330_338 (In Russ.)

В условиях сложной демографической ситуации, сложившейся в Российской Федерации, достаточно остро стоит вопрос подготовки кадров специалистов-демографов, который усугубляется отсутствием системы непрерывного образования и возможностей повышения квалификации кадров в данной области. Учитывая актуальность данной проблемы и важность поиска путей её решения, кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (далее по тексту – ВШССН) с 30 января по 01 февраля 2025 г. проведена VII Международная зимняя демографическая школа для преподавателей, научных сотрудников и студентов, аспирантов. Школа организована также в целях популяризации демографических знаний и профориентации с целью привлечения на обучение на кафедру демографии в ВШССН абитуриентов из российских регионов и зарубежных стран на программы обучения в магистратуре и в аспирантуре факультета. Занятия в Школе проходили на бесплатной основе в смешанном формате – офлайн (аудитория 540 ВШССН) и онлайн на платформе Zoom.

Занятия в Школе 30 января 2025 г. проходили для преподавателей демографических дисциплин и научных сотрудников, совмещающих научную деятельность с преподаванием. С приветственным словом от имени руководства факультета к слушателям обратился **А.А. Гребенюк**, д-р экон. наук, заместитель директора ВШССН по научной работе, который в своём выступлении отметил, что в настоящее время главной проблемой в Российской Федерации является демографическая. Хотя в последнее десятилетие принят целый ряд государственных мер, направленных, в первую очередь, на повышение рождаемости в стране, но они не достигли ожидаемых результатов. Поэтому развитие демографической политики в России должно опираться на разработки компетентных и грамотных специалистов, которых необходимо привлечь в управленческие структуры всех уровней. Сложность демографических исследований состоит в том, что они носят междисциплинарный характер, поэтому необходим также учёт мнений специалистов смежных направлений – социологов, этнографов, медиков, историков, географов и др. Воспитание всесторонне развитых молодых специалистов-демографов является важной задачей современной системы образования.

Зимняя демографическая школа, которая проводится кафедрой демографии уже в седьмой раз, является той площадкой, где можно не только послушать лекции ведущих демографов, но и об-

судить вопросы методики преподавания демографических дисциплин, обменяться мнениями по дальнейшему развитию демографического образования в стране. Год от года Школа набирает популярность в российских регионах и за рубежом, расширяется состав её участников. В заключение выступления **А.А. Гребенюк** пожелал участникам Школы плодотворной работы.

Вступительное слово модератора мероприятия **О.Д. Воробьевой**, д-ра экон. наук, профессора, профессора кафедры демографии ВШССН, было посвящено памяти профессора **Л.Л. Рыбаковского**, известного учёного-демографа и социолога. Он был одним из первых, кто внедрял социологические методы в демографические исследования, внёс заметный вклад в изучение процессов воспроизводства населения. Особенно велик его вклад в исследование миграции населения. Профессор **Л.Л. Рыбаковский** очень серьёзно относился к развитию демографического образования и подготовке научных кадров, его учениками являются свыше 100 кандидатов и докторов наук, которые работают в нашей стране и за рубежом. Леонид Леонидович был непревзойдённым оратором, обладал исключительным чувством юмора. Он был участником двух Зимних демографических школ и выступил на первой Школе (2019 г.) с лекцией на тему: «Разработка стратегических документов демографического развития России», а на четвёртой Воскресной зимней демографической школе (2022 г.) с лекцией: «Стратегия современного демографического развития России». **О.Д. Воробьева** отметила, что памяти **Л.Л. Рыбаковского** посвящена «Демографическая энциклопедия в лицах» в 2-х томах. Презентация первого тома «Дореволюционный период»¹ состоялась в сентябре 2024 года на площадке V Всероссийского демографического форума с международным участием. Также подготовлена монография отзывов и воспоминаний учеников и коллег об этом талантливом учёном и замечательном человеке², презентация которой состоится 21 апреля 2025 г. в рамках 1 Чтений памяти **Л.Л. Рыбаковского**.

Перед участниками Школы выступил **А.А. Субботин**, канд. социол. наук, заместитель начальника управления стратегического анализа Аналитического центра Москвы, доцент кафедры де-

¹ Демографическая энциклопедия в лицах: в 2 томах / под редакцией д-ра социол. наук, проф. Т.К. Ростовской, д-ра социол. наук, доц. Ю.Н. Эбзеевой. Том 1: Дореволюционный период. 2024. 247 с. Москва: РУДН, 2024. ISBN 978-5-209-12029-2 <http://doi.org/10.22363/12028-12029-2024-1-1-247>

² Демографическое развитие России: становление и эволюция научной школы Л. Л. Рыбаковского: монография, посвященная памяти выдающегося ученого в области демографии, д.э.н., профессора Леонида Леонидовича Рыбаковского / Т. К. Ростовская, С. В. Рязанцев [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская. Ярославль: Филигрань, 2025. 208 с. ISBN 978-5-6053283-8-4

мографии ВШССН, с лекцией «Демографическая грамотность: вызовы и перспективы современного образования». В выступлении А.А. Субботина были приведены слова Президента России В.В. Путина о том, что «Демография – вопрос чрезвычайно важный, один из ключевых, и не только в России, но и для очень многих стран мира», которые прозвучали в ходе общения с россиянами в прямом эфире 19.12.2024. Лектор отметил, что демографическая грамотность никогда не была так важна, как сегодня, поскольку учёт демографического фактора необходим во всех социально значимых сферах жизни – от бизнеса и здравоохранения до государственного управления и охраны окружающей среды. Невозможно появление новых национальных проектов, государственных программ по демографии без проведения специальных расчётов и прогнозирования демографической ситуации в стране. Отмечено, что в настоящее время демографические показатели включены в оценку эффективности деятельности руководителей российских регионов.

Демографическая грамотность, подчеркнул А.А. Субботин, – это не только умение применять концепции, анализировать статистические данные, но и способность интерпретировать полученные результаты, предлагать грамотные решения демографических проблем. Этому необходимо обучать в российских высших учебных заведениях, однако, в настоящее время дисциплина «демография» отсутствует даже в учебных планах подготовки специалистов гуманитарного профиля. Зачастую имеется дефицит преподавательского состава для преподавания демографических дисциплин, владеющего не только методологией науки, но и развитым инструментарием проведения демографических исследований. Поэтому лектор подробно остановился на педагогических инновациях, которые необходимо применять в демографическом образовании, в числе которых были названы: обучение статистическому программному обеспечению и программированию вместе с демографией (например, таким продуктам, как RStudio, Python); использование математического моделирования; проведение тематических исследований; образование коллабораций с представителями других направлений подготовки, и др. В целях подготовки квалифицированных демографов для студентов должны быть организованы действенные стажировки, практики, наставничество.

Т.К. Ростовская, д-р социол. наук, профессор, заместитель директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Рос-

сийской академии наук (далее по тексту – ИДИ ФНИСЦ РАН) по научной работе, выступила с лекцией на тему: «Формирование образовательного пространства для подготовки демографов: актуальные меры и опыт развития». Профессор Т.К. Ростовская напомнила слушателям о том, что приказом Минтруда России от 8 июня 2022 г. № 346н утверждён профессиональный стандарт «Демограф» (далее по тексту – Стандарт), который вступил в силу 1.03.2023 г. и будет действовать до 1.03.2029 г. В Стандарте приведено описание трудовых функций, входящих в профессиональный стандарт (функциональная карта профессиональной деятельности), даны характеристики обобщённых трудовых функций с наименованиями «Мониторинг демографических процессов в обществе», «Прогнозирование демографических процессов в обществе», «Демографическая экспертиза и консультирование».

Приказом Национального агентства развития квалификаций от 14.11.2022 № 129/22-ПР утверждены наименования квалификаций и требования к квалификациям «Специалист в области демографии (демограф)» и «Аналитик в демографической сфере».

В лекции отмечалось, что по инициативе ИДИ ФНИСЦ РАН, при поддержке Д.А. Медведева, заместителя председателя Совета Безопасности Российской Федерации и А.Ю. Кузнецовой, заместителя председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в феврале 2023 г. был создан Координационный центр развития кадрового потенциала в области демографии (далее по тексту – Координационный центр). Уже в 2023 г. Координационным центром разработана программа образовательного модуля «Основы демографии», которая Минобрнауки России разослана во все образовательные организации страны для учёта при разработке и реализации образовательных программ высшего образования и дополнительного образования.

В 2024 г. Координационным центром подготовлена, согласована и принята Концепция развития кадрового потенциала в области демографии (далее по тексту – Концепция), в которой обозначены цели и задачи профессиональной деятельности демографа, сферы его профессиональной деятельности, а также цель, задачи и принципы развития кадрового потенциала в области демографии. В документе раскрыты основные направления реализации Концепции – в сфере применения методологических подходов, в сфере организационной работы, в сфере образования и подготовки кадров, в сфере профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров.

Координационным центром также разработан Перечень профессиональных компетенций и индикаторов их достижения в области демографии. Данный перечень был также Минобрнауки России направлен во все образовательные организации страны для применения в разработке (актуализации) и реализации образовательных программ высшего образования по следующим специальностям и направлениям, входящим в укрупнённые группы специальностей и направлений: 05.00.00 Науки о Земле, 09.00.00 Информатика и вычислительная техника, 32.00.00 Науки о здоровье и профилактическая медицина, 38.00.00 Экономика и управление, 39.00.00 Социология и социальная работа, 46.00.00 История и археология, по направлениям подготовки 01.03.05/01.04.05 Статистика и соответствующих программ дополнительного профессионального образования.

На базе ИДИ ФНИСЦ РАН создан и начал работу учебно-методический совет «Демография» федерального учебно-методического объединения по укрупнённой группе специальностей и направлений 39.00.00 «Социология и социальная работа».

В настоящее время Координационный центр проводит деятельность по формированию и развитию системы подготовки специалистов-демографов в российских образовательных организациях высшего образования, повышения квалификации и профессиональной переподготовки государственных и муниципальных служащих, руководителей и специалистов органов и организаций, действующих во всех сферах социально-демографического развития страны. Для этих целей организовано и создано четыре региональных центра развития кадрового потенциала в области демографии в гг. Екатеринбург, Вологда, Иркутск, Новочеркасск, которые координируют эту работу в российских регионах. В 2025 году планируется открытие как минимум ещё двух таких центров в Республике Башкортостан и Красноярском крае. В качестве примера успешной деятельности Координационного центра совместно с Минобрнауки России Ростовской Т.К. приведён пример открытия магистратуры по демографии в Томском государственном университете, который включён в пилотный проект по обновлению уровней высшего образования. Лектором предложено создание кафедры демографии во всех ведущих вузах каждого субъекта Российской Федерации. В заключение выступления Т.К. Ростовская выразила надежду, что принимаемые меры приведут к расширению подготовки высокопрофессиональных специалистов-демографов в нашей стране.

Выступление перед слушателями Школы **А.И. Антонова**, д-ра филос. наук, профессора, заведующего кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, состоялось на тему: «Методологические проблемы социологической демографии». Лектор подчеркнул, что социологическая демография представляет собой важный раздел, основной задачей которого является исследование влияния социальных факторов на демографические процессы и воздействие изменений в демографической структуре населения на общество. В отличие от традиционной демографии, которая сосредоточена на фиксации фактов (рождаемости, смертности, браков, разводов и продолжительности жизни), социологическая демография стремится объяснить эти явления через призму социологических теорий, анализируя нормы, ценности, установки и мотивы, лежащие в основе демографического поведения. Именно поэтому социологическую демографию часто называют поведенческой демографией.

Социологическая (поведенческая) демография рассматривает демографические изменения как результат трансформации поведения людей, будь то в сфере рождаемости, смертности, брачности или продолжительности жизни. Традиционная демография ограничивается описанием фактов, интерпретируя их через призму обыденного сознания, без углублённого анализа социальных мотивов и установок. Социологическая (поведенческая) демография, изучая мотивационные аспекты поведения, позволяет глубже понять исторические тенденции воспроизводства населения и то, как изменения демографической структуры влияют на социальные характеристики общества. Только на основе данных социологической (поведенческой) демографии можно научно обосновывать цели и направления демографической политики, обеспечивая её эффективность и соответствие современным социальным реалиям.

Поскольку базовой ячейкой общества, где происходит социализация личности, является семья, профессор А.И. Антонов обратил внимание слушателей Школы на состояние семейной политики в нашей стране, где 2/3 всех семей являются однодетными. При этом детей, которые захотят в будущем иметь в своих семьях 3-х и более детей, надо воспитывать в многодетных семьях. Государство должно помогать таким семьям, чтобы они с появлением в семье детей не относились к числу бедных. В числе мер поддержки многодетных семей лектором были названы: достойная заработная плата родителей, чтобы они смогли

прокормить 3-х и более детей; взимание налогов с семьи, а не НДФЛ с работающих членов семейства; оплата труда тем, кто официально не трудоустроен, но воспитывает детей дома – домохозяйки, ухаживающие за детьми-инвалидами, родители, обучающие своих детей дома (домашнее обучение). Для многодетных семей должна существовать особая система приобретения жилья, оплаты жилищно-коммунальных услуг и др.

Немалый вред молодёжной среде, в которой формируются семьи и рождаются дети, наносит пропаганда отказа от создания семей и деторождения (антинаталисты, чайлдфри и др.). Поэтому необходима пропаганда семейных ценностей посредством СМИ, через разработку игр для детей с семейной тематикой, создание клубов и консультационных пунктов для многодетных семей и др.

Лекция для слушателей Школы на тему: «Методы машинного обучения и искусственный интеллект в демографических исследованиях» прочитана **Д.М. Эдиевым**, д-ром физ.-мат. наук, профессором кафедры математики Северо-Кавказской государственной академии, профессором кафедры демографии ВШССН МГУ имени М.В. Ломоносова. Выступающий отметил, что факторами успеха систем машинного обучения и искусственного интеллекта (далее по тексту – МО и ИИ) явились, помимо современных вычислительных возможностей, большие данные и нелинейные модели. И то, и другое в полной мере относится к демографии, что предопределяет актуальность разработки методов МО и ИИ в этой области. В лекции были кратко охарактеризованы функции наиболее часто используемых больших языковых моделей, которые при активном использовании могут стать помощниками в проведении научных исследований и в учёбе студентов.

В своём выступлении профессор Д.М. Эдиев проиллюстрировал с помощью презентационных материалов возможности методов МО в демографии на примерах задач из области анализа смертности, рождаемости и половозрастной структуры населения. Особое внимание в лекции было уделено методам обработки больших данных и нелинейных зависимостей с использованием систем МО и ИИ. Лекция завершилась обсуждением существующих проблем и перспектив развития МО и ИИ в связи с необходимостью обеспечения защиты персональных и групповых данных.

Обзор наиболее значимых новых публикаций по демографическим исследованиям слушателям Школы представила **О.Д. Воробьева**, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры демографии ВШССН. С использованием презентационных материалов слушателям представлен и проком-

ментирован ряд публикаций по демографической тематике, например: «Демографическая энциклопедия в лицах» в 2-х т., том 1. Дореволюционный период; «Демографическое развитие постсоветских стран. Аналитический доклад 2022» под ред. чл.-корр. РАН С.В. Рязанцева; «Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2023», 2024 г., отв. ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова; «Великая победа советского народа. Социально-политические и демографические аспекты» 2020 г.; монография А.А. Субботина «Международная интеллектуальная миграция в России: вызовы и перспективы», 2024 г.; учебное пособие Д.М. Эдиева для студентов и аспирантов «Основы демографического анализа с элементами математической демографии», 2024 г., и некоторых других научных изданий.

Тематика первого дня работы Школы вызвала множество вопросов и суждений у слушателей, поэтому состоялась оживлённая дискуссия участников по самым актуальным демографическим вопросам.

31 января и 1 февраля 2025 г. занятия в Школе под девизом «Профессия – демограф» состоялись для студентов и аспирантов. С приветственным словом к слушателям обратилась **Ю.А. Узкая**, канд. экон. наук, заместитель директора ВШССН по учебной работе, доцент кафедры демографии. От имени руководства факультета она поприветствовала студентов и аспирантов, проявивших интерес к демографической тематике. Ю.А. Узкая подчеркнула, что востребованность в специалистах-демографах в нашей стране растёт, поэтому в ВШССН осуществляется подготовка демографов, в том числе и на бюджетной основе, на магистерских программах и программе подготовки в аспирантуре. В заключение приветствия заместитель директора по учебной работе посоветовала слушателям подробно ознакомиться на сайте ВШССН с образовательными программами подготовки демографов и пригласила поступать обучаться на факультет.

С лекцией на тему: «Профессия "демограф": роль и перспективы» перед слушателями Школы выступил **А.А. Субботин**, канд. социол. наук, доцент кафедры демографии ВШССН, заместитель начальника управления стратегического анализа Аналитического центра Москвы. Выступающий отметил, что на собственном опыте может оценить значимость профессии «демограф», профессионально занимаясь анализом демографических процессов в г. Москве. Демография – это не просто про цифры, это ключ к пониманию прошлого, настоящего и будущего, отметил А.А. Субботин. Использование демографических методов иссле-

дования позволяет найти ответы по целому ряду вопросов социально-экономического развития города. В их числе, например: сколько школ и больниц нужно будет построить в городе через 10 лет, чтобы удовлетворить потребности растущего населения? что будет с экономикой, когда пенсионеров станет больше, чем работающих? как демографические данные помогают компаниям зарабатывать миллионы? почему одни города растут, а другие вымирают?

Лектор подчеркнул, что демограф – это специалист, изучающий закономерности воспроизводства населения, поэтому ключевыми ролями такого специалиста являются: исследователь (анализ данных), прогнозист (моделирование будущего), стратег (рекомендации для государства и бизнеса), инноватор (использование big data и AI). Демографы активно участвуют и в исследовании глобальных вызовов, например, старения населения в развитых государствах, демографического взрыва в развивающихся странах, анализируют миграционные кризисы, урбанизацию. Они обслуживают государственные интересы, участвуя в пространственном развитии территории, в разработке национальных проектов, в выработке миграционной политики, а также обеспечивают данными бизнес и экономическую сферу (изучение поведения потребителей, прогнозирование спроса на товары и услуги, и др.). Велика их роль в проведении демографических исследований с использованием больших данных и искусственного интеллекта.

Особое внимание в лекции А.А. Субботин уделил новым методам и данным, применяемым специалистами-демографами, где подробно остановился на особенностях использования больших данных в демографических исследованиях. В качестве примера он привёл изучение особенностей международной академической миграции в России на основе использования базы библиометрических данных Scopus.

А.Г. Магомедова, канд. экон. наук, доцент кафедры народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, выступила с лекцией на тему: «Поведение и здоровье в век цифровых технологий». Она отметила, что в теории эпидемиологического перехода поведение человека играет ключевую роль в изменении структуры заболеваемости и смертности. Были охарактеризованы факторы, влияющие на здоровье человека. С помощью презентационных материалов лектором продемонстрированы статистические показатели, характеризующие заболеваемость и смертность населения России по возрастным группам в разные годы.

В качестве яркого примера значимости поведения в политике здоровьесбережения лектором был приведён проект «Северная Карелия», где благодаря изменению образа жизни населения удалось значительно снизить уровень сердечно-сосудистых заболеваний. В цифровую эпоху спектр аспектов поведения, влияющих на здоровье, расширяется, включая как физическую активность и питание, так и использование технологий. Сегодня практически любая сфера человеческой жизни, начиная от благополучия в семье и заканчивая владением навыками тайм-менеджмента человеком, оказывает влияние на здоровье. Для эффективного поддержания здорового образа жизни и проведения политики здоровьесбережения необходим междисциплинарный подход, объединяющий медицину, социологию, психологию и инновационные технологии. В этом вопросе требуется тесное взаимодействие государственных органов с религиозными, неправительственными организациями и широкой общественностью.

Лекция, завершившая первый день работы Школы для студентов и аспирантов, была прочитана **Д.М. Эдиевым**, д-ром физ.-мат. наук, профессором кафедры математики Северо-Кавказской государственной академии, профессором кафедры демографии ВШССН МГУ имени М.В. Ломоносова. Она была посвящена изучению вероятностных демографических прогнозов, которые играют ключевую роль в понимании будущих изменений численности и структуры населения с учётом неопределённости демографического развития, что позволяет более объективно подходить к прогнозированию и принимать обоснованные решения в области социальной, экономической и демографической политики.

В ходе лекции рассмотрены основные области применения вероятностных прогнозов, включая их использование для разработки стратегий развития, целеполагания и оценки мер демографической политики. Слушатели познакомились с ключевыми подходами, методами и моделями, применяемыми в этой области, такими, как модели временных рядов, методы Монте-Карло, экспертный метод. Лекция помогла слушателям понять, как вероятностные прогнозы позволяют учитывать неопределённость будущего и использовать эти знания для принятия более гибких и адаптивных решений в условиях меняющихся демографических реалий.

В завершении лекции профессором Д.М. Эдиевым был проведён мастер-класс по демографическому прогнозированию, который вызвал большой интерес у слушателей Школы.

Заключительный день работы Школы 1 февраля 2025 г., начался с лекции на тему: «Особенности демографической политики в странах мира» **О.Д. Воробьевой**, д-ра экон. наук, профессора, профессора кафедры демографии ВШССН. В презентационных материалах профессор Воробьева представила определение понятия «демографическая политика», под которой понимается целенаправленная деятельность государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования воспроизводства населения и миграции, а также продемонстрировала и прокомментировала основные показатели экономического и демографического развития отдельных групп стран мира. В лекции были охарактеризованы меры демографической политики прямого и косвенного воздействия на демографическое поведение населения (административно-правовые, экономические, воспитательные и пропагандистские), применяемые в разных странах мира в зависимости от сложившейся демографической ситуации.

В качестве примера успешного проведения государственной демографической политики лектором была приведена Финляндия, где в 30-е годы прошлого века отмечались быстрые темпы старения населения и низкий уровень рождаемости. Для увеличения численности населения страны необходимо было увеличение рождаемости, увеличение продолжительности жизни и привлечение иммигрантов, для чего было сформулировано 10 целей демографической политики Финляндии. Особую роль в проведении грамотной демографической политики сыграла Федерация семьи Финляндии, которая была создана в 1941 г. для решения количественных и качественных проблем финской нации и объединила 20 национальных и профессиональных организаций страны.

Профессором О.Д. Воробьевой были также охарактеризованы периоды активного проведения демографической политики в Республике Корея: в 1961–1981 гг., когда политика страны была направлена на сокращение рождаемости и стабилизации численности населения, и в 2005–2020 гг., когда принимались меры, стимулирующие увеличение рождаемости и рост численности населения. В дополнение к иллюстрации проведения государствами разного вида демографической политики в разные периоды истории страны лектором отмечены особенности демографической ситуации и принимаемых мер по её изменению в Австралии и в Китае.

В заключение лекции профессор О.Д. Воробьева отметила, что в Российской Федерации наблюдается неодинаковая демографическая ситуа-

ция в отдельных субъектах, в городах и сельской местности, в разных возрастно-половых группах. Корректное отражение сложившейся демографической ситуации и предложение грамотных мер по её улучшению – это задачи компетентных образованных специалистов-демографов, которые в своей деятельности должны учитывать и зарубежный опыт проведения демографической политики.

Выступление **Ю.А. Узкой**, канд. экон. наук, доцента кафедры демографии, заместителя директора ВШССН по учебной работе, было посвящено подготовке специалистов-демографов в ВШССН МГУ имени М.В. Ломоносова. В начале выступления несколько слов было сказано об истории развития демографии как науки и кратко обобщён вклад ведущих учёных-демографов как зарубежных (Д. Граунта, А. Ландри, А. Сови), так и отечественных (М.В. Ломоносова, Д.И. Менделеева, М.И. Туган-Барановского) в возникновение и развитие демографии как науки.

Ю.А. Узкая напомнила слушателям Школы, что в 1919 г. в г. Киеве был создан Институт демографии – первое в мире специализированное учреждение в области демографии. Она кратко охарактеризовала особенности развития демографии в СССР и в России, особо обратив внимание на вклад Б.Ц. Урланиса, который ещё с 1940-х годов ставил вопрос о необходимости преподавания курса «Демография» для отдельных специальностей и об утверждении отечественной демографии как науки. В 1963 г. был образован Сектор демографии и трудовых ресурсов в НИИ Центрального статистического управления СССР (сейчас это ФГБУ «Научно-исследовательский институт проблем социально-экономической статистики Федеральной службы государственной статистики»). В 1992 г. начал функционировать Центр социальной демографии и экономической социологии РАН. В 2007 г. основан Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». В 2020 г. в результате реорганизации Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН на базе Центра социальной демографии и экономической социологии РАН был образован Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

В МГУ имени М.В. Ломоносова, отметила Ю.А. Узкая, в 1965 г. по инициативе Д.И. Валентя была создана Проблемная лаборатория по вопросам изучения народонаселения, а в 1967 г. на экономическом факультете Московского университета создана первая в СССР кафедра народонаселения. В 1968 г. в результате объединения лаборатории и кафедры был сформирован Центр

по изучению проблем народонаселения, руководителем которого был Д.И. Валентей. Также по инициативе Д.И. Валентея в 1988 г. в системе Академии наук СССР был образован Институт социально-экономических проблем народонаселения. В 1991 г. на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова создана кафедра социологии семьи и демографии под руководством д-ра филос. наук, профессора А.И. Антонова. Рекомендации коллектива кафедры учитывались при подготовке правительством докладов по демографическим проблемам в России и при разработке государственных документов и концепций по совершенствованию демографической политики в Российской Федерации.

Кафедра демографии ВШССН МГУ имени М.В. Ломоносова, отмечено в выступлении, создана приказом ректора МГУ имени М.В. Ломоносова от 01.12.2015 г. Бессменным её руководителем является В.А. Ионцев, д-р экон. наук, профессор, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова. Кафедра является «наследницей» традиций демографической школы Московского университета и продолжает развивать демографическое образование. По инициативе кафедры впервые в России разработана и реализуется в ВШССН самостоятельная магистерская программа «Социальная демография» на отделении «Социология». С 2019 г. объявлен приём ещё на одну программу обучения в магистратуре – «Управление демографическими процессами» на отделении «Менеджмент», также разработанную кафедрой демографии ВШССН. На факультете осуществляется и обучение в аспирантуре по научной специальности 5.4.3. Демография. Все желающие обучаться по названным программам и получить востребованную профессию «демограф» могут подробно ознакомиться с учебными планами и программами обучения на официальном сайте ВШССН. Ю.А. Узкая пригласила участников Школы на обучение в ВШССН, где ежегодно проводятся не только Международная зимняя демографическая школа, но и мероприятия в рамках Фестиваля «НАУКА 0+», факультетская секция «Социальные исследования и современность» Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» МГУ и другие мероприятия.

Завершающим мероприятием в работе Школы стали выступления почётных гостей:

– **Д.М. Эдиева**, д-ра физ.-мат. наук, профессора кафедры математики Северо-Кавказской государственной академии, профессора кафедры демографии ВШССН МГУ имени М.В. Ломоносова, обратившего внимание на то, что часть совре-

менных демографов глубоко знают теоретические основы демографии, но не владеют математическим аппаратом, необходимым для проведения демографических исследований. При этом в демографию пришли математики, которые увидели возможности применения математических методов, но не знающие демографических основ. Поэтому перед демографическим образованием стоит важная задача подготовки всесторонне развитых специалистов, глубоко знающих основы демографии и умеющих сочетать и использовать не только математические методы, но и методы, используемые в смежных науках;

– **О.Ю. Кривохижина**, заместителя исполнительного директора, руководителя проектного офиса по рейтинговой деятельности Института демографической политики имени Д.И. Менделеева (далее по тексту – Институт), который поделился опытом обобщения практик проведения корпоративной демографической политики. Такая политика представляет собой комплекс мероприятий, ориентированных на поддержку сотрудников компании, занимающихся помимо своих профессиональных обязанностей семейными вопросами – воспитанием детей, уходом за пожилыми родственниками, детьми-инвалидами и др. Интерес бизнеса к внедрению социально ответственной политики, способствующей решению демографических задач страны, обусловлен потенциальными преимуществами для имиджа и репутации компании, что, в свою очередь, способствуют повышению инвестиционной привлекательности организации. В настоящее время Институтом обобщено около 1,5 тыс. передовых социально ответственных технологий проведения предприятиями успешной корпоративной демографической политики.

В заключение работы VII Международной зимней демографической школы модератором мероприятия профессором О.Д. Воробьёвой были подведены общие итоги. Цель проведения Школы вполне достигнута, поскольку все обсуждаемые проблемы вызвали живой интерес слушателей. Было задано много вопросов лекторам, вызвавших дискуссию, в том числе в чате, на большинство из которых даны исчерпывающие ответы.

Все материалы Школы (видеозаписи каждого дня, презентации лекторов, фото- и видеоматериалы, полезные ссылки) размещены на сайте кафедры демографии ВШССН (<https://demography-vshssn-msu.ru/mzdsh>), а слушатели получили сертификаты участника мероприятия за подписью директора ВШССН МГУ имени М.В. Ломоносова, академика РАН Г.В. Осипова.

В мероприятии приняли участие: 197 человек в день проведения Школы для преподавателей (30.01.2025) и 299 человек в студенческие дни (суммарно за 31.01–01.02.2025). Участниками Школы были представители 14 стран мира: Армении, Беларуси, Вьетнама, Казахстана, Кении, Китая, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины и Южной Осетии. В Школе участвовали сотрудники вузов и научных организаций 63-х субъектов Российской Федерации – от Калининграда до

Владивостока. Интерес к тематике Школы проявили доктора и кандидаты наук, преподаватели, научные сотрудники, аспиранты и соискатели, а также студенты, обучающиеся по самым разным направлениям и программам подготовки бакалавриата и магистратуры.

По итогам Школы в адрес организаторов поступило множество писем с благодарностью за возможность участия в интересном и полезном мероприятии.

Информация об авторах:

Тамара Васильевна Лебедева – кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова (SPIN-код: 4537-1531) (РИНЦ Author ID: 731576) (Scopus Author ID: 57190430527)

Александра Робертовна Акрамова – преподаватель кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова (SPIN-код: 8191-3240) (РИНЦ Author ID: 1190489)

Анна Кирилловна Шебанова – лаборант кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Тамара Васильевна Лебедева.

Статья поступила в редакцию 08.04.2025; принята к публикации 05.06.2025.

Information about the authors:

Tamara V. Lebedeva – PhD in Geography, Associate Professor, Researcher, Department for Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty), Lomonosov Moscow State University (SPIN-code: 4537-1531) (RSCI Author ID: 731576) (Scopus Author ID: 57190430527)

Aleksandra R. Akramova – Lecturer of the Department of Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty), Lomonosov State University (SPIN-code: 8191-3240) (RSCI Author ID: 1190489)

Anna K. Shebanova – Laboratory Assistant, Department of Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty), Lomonosov State University

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interest.

The author responsible for the correspondence is Tamara V. Lebedeva.

The article was submitted 08.04.2025; accepted for publication 05.06.2025.

Материалы конференции

УДК 316

JEL J00

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_14_339_343

EDN VYLTOK

Обзор по итогам XIX Международной научной конференции «Сорокинские чтения»

Ольга Александровна Дубровина¹, Татьяна Павловна Жидяева²

^{1,2} Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова – Алатырский филиал, Алатырь, Россия

¹ (dsoa2009@rambler.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-3467-142X>)

² (tanya21_84@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8238-193X>)

Аннотация

Данный обзор посвящён прошедшей 17 февраля 2025 г. в стенах социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова XIX Международной научной конференции «Сорокинские чтения». Темой данной конференции стала: «Современная российская молодёжь: её социальная ответственность и потенциал в развитии страны (к 270-летию Московского университета)». В рамках пленарных и секционных площадок смогли выступить со своими докладами докладчики из вузов и научно-исследовательских институтов России (Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН), Институт социологии – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИС ФНИСЦ РАН), Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ имени М.В. Ломоносова), Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Южный федеральный университет (ЮФУ) и др.) и зарубежья. Тематики представленных докладов были обширными, но в то же время глубокими.

Ключевые слова: брачно-семейные отношения, молодёжь, потенциал, современное российское студенчество, ценностные ориентации

Для цитирования: Дубровина О.А., Жидяева Т.П. Обзор по итогам XIX Международной научной конференции «Сорокинские чтения» // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 339–343. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_14_339_343 EDN VYLTOK

CNF (Conference proceedings)

JEL J00

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_14_339_343

Review of the Results of the XIX International Scientific Conference «Sorokin Readings»

Olga A. Dubrovina¹, Tat'yana P. Zhidyayeva²

^{1,2} Chuvash State University – Alaty Branch, Alaty, Russia

¹ (dsoa2009@rambler.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-3467-142X>)

² (tanya21_84@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8238-193X>)

Abstract

This review is devoted to the XIX International Scientific Conference "Sorokin Readings", which took place on February 17, 2025 at the Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University. The topic of this conference was: "Modern Russian youth: their social responsibility and potential for the development of the country (on the 270th anniversary of Moscow University)". Speakers from universities and research institutes in Russia (Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IS FCTAS RAS), Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), Lomonosov Moscow State University (MSU), Russian State University for the Humanities (RSUH), Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Southern Federal University (SFedU), etc.) and abroad were able to make presentations at the plenary and sectional venues. The topics of the presented reports were extensive, but at the same time profound.

Keywords: marriage and family relations, youth, potential, modern Russian students, value orientations

For citation: Dubrovina O.A., Zhidyayeva T.P. Review of the Results of the XIX International Scientific Conference «Sorokin Readings». *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):339–343. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_14_339_343 (In Russ.)

17 февраля 2025 г. в стенах социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ имени М.В. Ломоносова) состоялась XIX Международная научная конференция «Сорокинские чтения». Тема конференции: «Современная российская

молодёжь: её социальная ответственность и потенциал в развитии страны (к 270-летию Московского университета)».

Конференция 2025 г. вызвала значительный интерес научной общественности. Всего было подано рекордное количество заявок — 1010, из

более чем 10 стран мира, 41 субъекта Российской Федерации, свыше 100 вузов и научно-исследовательских институтов страны и зарубежья. Формат мероприятия предусматривал очное и заочное участие.

В рамках чтений работали следующие секции:

1. «Место и роль современной молодёжи в развитии российского общества»
2. «Коммуникативная культура современной молодёжи»
3. «Межпоколенческие взаимодействия в современном менеджменте»
4. «Семейно-демографическое поведение российской молодёжи»
5. «Роль социального государства в формировании человеческого потенциала молодёжи»
6. «Социальные технологии работы с молодёжью в цифровую эпоху»
7. «Образовательные вызовы профессиональному становлению российской молодёжи»

Также состоялся круглый стол на тему «Духовно-нравственное обновление российского студенчества».

• В рамках торжественного открытия конференции с приветственным словом выступил президент Российского общества социологов, почётный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, д-р философ. наук, профессор В.А. Мансуров. В своём выступлении он затронул вопросы, касающиеся роли молодёжи в современном обществе. После этого В.А. Мансуров торжественно вручил ряду сотрудников социологического факультета золотые медали имени М.М. Ковалевского Российского общества социологов. Этой награды удостоились: декан социологического факультета, д-р социол. наук, профессор Н.Г. Осипова; декан-основатель социологического факультета, заведующий кафедрой истории и теории социологии, д-р философ. наук, профессор В.И. Добренёв; заведующий кафедрой социологии семьи и демографии, д-р философ. наук, профессор А.И. Антонов;

• заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента, д-р социол. наук, профессор С.А. Барков; учёный секретарь Учёного совета факультета, д-р социол. наук, профессор С.О. Елишев;

• заместитель декана по научной работе, доцент кафедры современной социологии социологического факультета, канд. политич. наук, П.С. Каневский.

Первый доклад «Актуальные проблемы формирования ценностных ориентаций современного российского студенчества» представила Н.Г. Осипова, д-р социол. наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,

заведующая кафедрой современной социологии МГУ имени М.В. Ломоносова. В выступлении она обозначила ключевую проблему – отсутствие учёта факторов, определяющих процесс формирования установок, ценностных ориентаций и жизненных ориентиров молодёжи. Н.Г. Осипова отметила, что для превращения молодёжи в конструктивного актора развития необходимо формировать её мировоззрение на основе общечеловеческих ценностей, духовно-нравственных принципов и патриотических идеалов. Профессор подчеркнула особую актуальность этого вопроса в условиях глобальных перемен и технологического развития. По её мнению, будущие лидеры должны обладать не только профессиональными компетенциями, но и чёткой системой ценностей, обеспечивающей успешную адаптацию к современным вызовам и созидательное участие в развитии общества.

1. Н.Г. Осипова отметила, что процесс формирования ценностей сталкивается с серьёзными проблемами: размытость и противоречивость ценностных ориентиров в условиях турбулентного общества. Под влиянием массовой культуры и социальных сетей традиционные ценности (патриотизм, здоровье [1, с. 7], семья, образование) подвергаются переосмыслению.

2. Дефицит духовно-нравственного воспитания в образовательных учреждениях, где преобладает ориентация на профессиональные навыки над моральными принципами.

3. Социально-экономическая нестабильность и неравенство [2; 3], способствующие распространению цинизма и апатии среди части студенчества.

Доклад «Жизненные цели и нравственный идеал молодёжи перед ценностными вызовами нашего времени» представил С.В. Львов, канд. социол. наук, доцент, директор по стратегическому развитию Всероссийского центра изучения общественного мнения. Докладчик сообщил, что перенастройка воспитательной работы с молодёжью начинает давать позитивные плоды: молодёжь в большей степени ориентируется на традиционные ценности, происходит частичный отказ от западоцентричных ценностей. В эпоху стремительных перемен и глобальных вызовов, когда информационные потоки захлёстывают сознание, а традиционные ценности подвергаются переосмыслению, жизненные цели и нравственный идеал молодёжи становятся особенно актуальными, молодое поколение, воспитанное в эпоху технологического прогресса и мультикультурализма, сталкивается с необходимостью определения своего места в мире, выбора жиз-

ненного пути и формирования собственной системы ценностей. С.В. Львов отметил, что, с одной стороны, молодёжь обладает огромным потенциалом и возможностями для самореализации, в то же время в российском обществе нередки случаи, когда молодёжи всячески препятствуют представители старших поколений (особенно это проявляется в политической или общественной сфере) [4]. Докладчик признал, что сегодня интернет и социальные сети открывают доступ к знаниям и опыту со всего мира, дают возможность общаться и сотрудничать с людьми разных культур и профессий. С другой стороны, молодые люди подвержены влиянию негативных факторов, таких как пропаганда насилия, экстремизма, потребительской культуры и гедонизма. Эти факторы могут исказить их представление о смысле жизни, подрывать нравственные устои и приводить к разочарованию и апатии. С.В. Львов подчеркнул, что в этих условиях особенно важно формирование у молодёжи чётких жизненных целей, основанных прежде всего на нравственных принципах и общечеловеческих ценностях. Конечно, эти цели должны быть направлены не только на достижение личного успеха и благополучия, но и на служение обществу, защиту окружающей среды, развитие культуры и науки. Нравственный же идеал молодёжи обязательно должен включать такие качества, как честность, справедливость, милосердие, ответственность, уважение к другим людям и готовность к самопожертвованию.

Доклад «Манипуляция студенческой молодёжью в имперский период российского государства и современность» представил С.О. Елишев, д-р социол. наук, профессор кафедры современной социологии МГУ имени М.В. Ломоносова. В своём выступлении профессор провёл многочисленные параллели между российской историей и современностью, отметив, что молодёжь становилась жертвой пропаганды и объектом манипулятивного воздействия со стороны как внешних, так и внутренних антисистемных сил. Студенческая молодёжь во все времена являлась объектом особого интереса со стороны политических сил. Её восприимчивость к новым (а зачастую нестандартным) идеям, стремление к переменам делали её мощным инструментом в руках тех, кто стремился к власти или к сохранению существующего порядка. В имперский период истории России манипулирование студенчеством было направлено на укрепление самодержавия и подавление любых проявлений инакомыслия. Одним из главных методов являлась идеологическая обработка через систему образования. Учебные программы, профессора, назначаемые правительством, и строгая цензура

должны были формировать у студентов лояльность к режиму и консервативные взгляды. Параллельно с этим создавались проправительственные студенческие организации, целью которых было противодействие революционным настроениям и пропаганда официальной идеологии.

Докладчик обратил внимание, что в современности методы манипуляции стали ещё более изощрёнными. Так, вместо прямой идеологической обработки используются более тонкие инструменты, как формирование общественного мнения через СМИ и интернет, использование социальных сетей для распространения дезинформации, создание псевдопатриотических движений. Особое внимание было уделено практике предложения студентам привлекательных проектов и грантов и возможностей для карьерного роста в обмен на лояльность и поддержку действующей власти.

Доклад «Паттерны современной молодёжи в вопросах брачно-семейных отношений и количества детей в семье», представила Е.И. Медведева, д-р. экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории исследования поведенческой экономики Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН). Е.И. Медведева привела краткий экскурс в историю данного вопроса. Она сообщила, что современная молодёжь, вступающая в эпоху осознанного выбора жизненных приоритетов, демонстрирует заметные изменения в отношении к институту брака и планированию семьи (эти данные фиксирует, в частности, Институт социологии ФНИСЦ РАН) [5, с. 136–137]. Традиционные представления, некогда незыблемые, сегодня подвергаются переосмыслению под влиянием множества факторов: социально-экономических, культурных и технологических. Брак как социальный институт стремительно теряет свою абсолютную привлекательность для многих молодых людей. Растёт число тех, кто предпочитает сожительство официальному оформлению отношений. Это объясняется, прежде всего, стремлением к большей свободе, нежеланием связывать себя обязательствами, а также финансовыми соображениями. Вместе с тем брак, хоть и в меньшей степени, остаётся желаемой целью для части молодёжи, но теперь он рассматривается как союз, основанный на любви, взаимопонимании и равноправии, а не на социальных предписаниях.

С докладом «Отношение студентов медицинских ВУЗов и врачей к присутствию новых

специалистов в организациях здравоохранения» выступил С.В. Крошили́н, канд. техн. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Рима́шевской – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН). По мнению докладчика, вопрос интеграции молодых специалистов в систему здравоохранения является критически важным для обеспечения её устойчивого развития и повышения качества оказываемой медицинской помощи. Отношение к появлению новых кадров со стороны студентов медицинских ВУЗов и опытных врачей формирует основу для успешной адаптации и профессионального роста начинающих специалистов. С этой проблемой отечественная система здравоохранения столкнулась в самый разгар (период) COVID-19, когда остро сказалась кадровая нехватка специалистов. Студенты медицинских ВУЗов, как правило, проявляют энтузиазм и оптимизм в отношении перспектив работы в здравоохранении. Они видят в новых коллегах потенциальных наставников и партнёров, способных поделить опытом и знаниями. Однако существует и определённая доля беспокойства, связанная с конкуренцией на рынке труда и сложностями адаптации к реалиям клинической практики.

С.В. Крошили́н отметил, что опытные врачи, напротив, демонстрируют более сложную и многогранную позицию. С одной стороны, они осознают необходимость притока свежих сил и новых идей в систему здравоохранения. С другой стороны, они могут испытывать опасения относительно квалификации и компетентности молодых специалистов, а также их готовности к высоким нагрузкам и стрессовым ситуациям.

В докладе «Молодые учёные и исследователи в российском социуме: проблемы и меры государственной поддержки» О.В. Епархиной, канд. полит. наук, доцента Центра анализа и прогноза развития научно-технологического комплекса Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической

сфере (РИЭПП) проанализированы трудности подготовки молодых научных кадров, результаты грантовой и стипендиальной поддержки молодых учёных в 2015–2023 гг., отмечены важные направления работы с молодыми научными кадрами в рамках документов стратегического планирования Российской Федерации и Десятилетия науки и технологий.

Доклад «Социальная профилактика девиантных форм поведения молодёжи» В.А. Никонова, канд. социол. наук, старшего научного сотрудника Центра анализа и прогноза развития научно-технологического комплекса Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП) посвящён проблеме девиантного поведения молодёжи в современном обществе. Эта проблема выступает одной из наиболее острых и требующих комплексного подхода [6, с. 64]. Девиантное поведение, отклоняющееся от общепринятых социальных норм и правил, может проявляться в различных формах – от мелких правонарушений и асоциального поведения до серьёзных преступлений. Эффективная социальная профилактика девиантных форм поведения молодёжи является необходимым условием для создания здорового и благополучного общества.

В заключение данной конференции её непосредственными участниками были сформулированы важные предложения, направленные на решение или сокращение имеющихся проблем. В частности, признано важным активизировать творческий потенциал молодого поколения в разнообразных областях общественной деятельности, расширить спектр мер социальной помощи детям и юношеству, пересмотреть систему ценностей в российском образовании и привести её в соответствие с традиционными для страны моральными устоями.

По завершении XIX Международной научной конференции «Сорокинские чтения» планируется выход электронного сборника материалов данной конференции, который в дальнейшем будет постатейно проиндексирован в национальной информационно-аналитической системе РИНЦ.

Список литературы

- Осипова Н.Г. Социальное конструирование здоровья современной российской молодежи: основные векторы отечественного дискурса // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Том 29. № 4. С. 7–32. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-4-7-32> EDN FDRHMS
- Аликперова Н.В. Анализ индикаторов финансового поведения молодёжи Москвы в современных реалиях // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 1. С. 92–106. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.8> EDN TARXJL

3. Бинева Н.К., Магранов А.С. Восприятие студенческой молодёжью Юга России социально-экономической и политической ситуации в стране (на материалах региональных исследований) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Том 11. № 3. С. 87–115. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.5> EDN GDJLRQ
4. Петухов Р.В. Особенности формирования доверия к муниципальной власти среди молодых россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Том 11. № 4. С. 134–155. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.6> EDN GTYSBY
5. Сушко П.Е. Социальное благополучие и социальная успешность российской молодежи // Наука. Культура. Общество. 2023. Том 29. № 3. С. 136–149. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.8> EDN ZNOMBC
6. Сорокин О.В. Социокультурные девиации в регуляции социальных взаимодействий молодежи // Наука. Культура. Общество. 2024. Том 30. № 3. С. 61–77. <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.4> EDN TUKMXR

Информация об авторах:

Ольга Александровна Дубровина – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой высшей математики и информационных технологий, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова – Алатырский филиал (РИНЦ SPIN-код: 6059-2501) (РИНЦ Author ID: 512656) (ResearcherID: HTT-1647-2023) (Scopus Author ID: 57210968696)

Татьяна Павловна Жидяева – старший преподаватель, кафедра гуманитарных и экономических дисциплин, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова – Алатырский филиал

(РИНЦ SPIN-код: 5020-0021) (РИНЦ AuthorID: 623229) (ResearcherID: GVT-2580-2022) (Scopus Author ID: 58681336300)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Татьяна Павловна Жидяева.

Статья поступила в редакцию 22.04.2025; принята к публикации 05.06.2025.

References

1. Osipova N.G. Social Construction of the Health of Modern Russian Youth: Main Vectors of Domestic Discourse. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya=Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. 2023;29(4):7–32. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-4-7-7-32> (In Russ.)
2. Alikperova N.V. Analysis of Indicators of Financial Behavior of Moscow Youth in Modern Realities. *Uroven' Zhizni Nasele-niya Regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(1):92–106. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.8> (In Russ.)
3. Bineeva N.K., Magranov A.S. Student Youth's Perception of the Socio-Economic and Political Situation in the South of Russia: Insights from Regional Research. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika=Sociological Science and Social Practice*. 2023;11(3):87–115. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.5> (In Russ.)
4. Petukhov R.V. Features of the Formation of Trust in Municipal Government among Young Russians. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika=Sociological Science and Social Practice*. 2023;11(4):134–155. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.6> (In Russ.)
5. Sushko P.E. Social Well-Being and Social Success of Russian Youth. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo=Science. Culture. Society*. 2023;29(3):136–149. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.8> (In Russ.)
6. Sorokin O.V. Sociocultural Deviations in the Regulation of Social Interactions of Youth. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo=Science. Culture. Society*. 2024;30(3):61–77. <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.4> (In Russ.)

Information about the authors:

Olga A. Dubrovina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, head of the department of higher mathematics and information technology, Chuvash State University – Alaty Branch

(SPIN-code: 6059-2501) (RSCI Author ID: 512656) (ResearcherID: HTT-1647-2023) (Scopus Author ID: 57210968696)

Tat'yana P. Zhidyayeva – Senior Lecturer, Department of Humanities and Economics, Chuvash State University – Alaty Branch

(SPIN-code: 5020-0021) (RSCI Author ID: 623229) (ResearcherID: GVT-2580-2022) (Scopus Author ID: 58681336300)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Tat'yana P. Zhidyayeva.

The article was submitted 22.04.2025; accepted for publication 05.06.2025.